

РИЧАРД III

Вадили
Устинов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Несмотря на недолговечность своего двухлетнего правления, Ричард III (1452-1485) стал одним из самых известных британских монархов. Шекспир и Томас Мор изображали его физическим и нравственным уродом, жестоким тираном, убившим ради власти множество людей, включая своих малолетних племянников. Современные ученые внесли в этот образ серьезные коррективы: по их мнению, большинство обвинений в адрес монарха придумано его противниками, а сам Ричард был незаурядным политиком, которому Англия во многом обязана переходом от Средневековья к Новому времени. Эти выводы поддерживает историк Вадим Устинов, создавший первое на русском языке жизнеописание Ричарда III в контексте английской и европейской истории XV столетия.

- [Вадим Устинов](#)
  -
  - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
  - [Часть первая.](#)
    - [Глава первая.](#)
    - [Глава вторая.](#)
    - [Глава третья.](#)
  - [Часть вторая.](#)
    - [Глава первая.](#)
    - [Глава вторая.](#)
    - [Глава третья.](#)
    - [Глава четвертая.](#)
    - [Глава пятая.](#)
    - [Глава шестая.](#)
  - [Часть третья.](#)
    - [Глава первая.](#)
    - [Глава вторая.](#)
    - [Глава третья.](#)
    - [Глава четвертая.](#)

- [Глава пятая.](#)
- [Глава шестая.](#)
- [Глава седьмая.](#)
- [Глава восьмая.](#)
- [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ РИЧАРДА III](#)
- [КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ](#)
- [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)
  - [27](#)
  - [28](#)
  - [29](#)
  - [30](#)
  - [31](#)

- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)

- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)

- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)

- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)

- [188](#)
- [comments](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)
  - [27](#)
  - [28](#)
  - [29](#)
  - [30](#)
  - [31](#)
  - [32](#)
  - [33](#)
  - [34](#)
  - [35](#)
  - [36](#)
  - [37](#)

- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)

- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)

- [116](#)
  - [117](#)
  - [118](#)
  - [119](#)
  - [120](#)
  - [121](#)
  - [122](#)
  - [123](#)
  - [124](#)
  - [125](#)
  - [126](#)
  - [127](#)
  - [128](#)
  - [129](#)
  - [130](#)
  - [131](#)
  - [132](#)
  - [133](#)
  - [134](#)
  - [135](#)
-

Вадим Устинов
РИЧАРД III

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1558

(1758)

*Тот, кто действует, всегда бессовестен, совесть имеет
лишь созерцающий.*

И. В. Гёте. Максимы и рефлексии

ПРЕДИСЛОВИЕ

Последний король Анжуйской династии, которую мы привыкли именовать Плантагенетами, Ричард III стал одним из главных героев многовековой исторической саги и, бесспорно, одним из известнейших английских монархов. Но вот большой вопрос — что бы он решил, представься ему фантастическая возможность самому выбирать между подобной славой и полным забвением? Согласился бы он с той трактовкой его роли, которая была буквально навязана потомкам? Ибо в их памяти Ричард III вот уже более пяти веков остается моральным и физическим уродом, тираном и убийцей. Да, память потомков капризна, нелогична и избирательна, поэтому далеко не каждому после смерти воздается по делам его — уж как повезет. И Ричарду не повезло фатально: его личность попала в фокус сразу нескольких тенденций.

Все началось достаточно тривиально: узурпатору Генри VII Тюдору^[1] за неимением правовых аргументов для оправдания насильственного захвата трона необходимы были аргументы моральные. Хронисты, работавшие в период его правления — кто за страх, а кто и за совесть, — стали изображать свергнутого монарха исчадием ада. Ричарда обвинили в причастности ко всем смертям, которые сейчас мы бы назвали резонансными: он якобы убил принца Эдуарда Вестминстерского и его отца короля Генри VI, своего брата герцога Кларенсского, племянников Эдуарда и Ричарда, даже собственную жену Энн. На беду Ричарда III, его царствование оказалось весьма кратким, и он не успел обзавестись летописцами, хорошо разобравшимися в его характере и проникнувшимися его целями в государственном строительстве. В результате никакого противовеса тюдоровским мифам английские хроники не получили.

Другой удар по репутации короля был нанесен адептами классического гуманизма, в первую очередь Томасом Мором. Морализируя на тему природы человека, он избрал Ричарда в качестве отрицательного примера, благо стараниями предшественников в иллюстративном материале у него недостатка не было. Мор считал историю всего лишь вспомогательным инструментом для популяризации своих идей и представил короля зримым воплощением абсолютного зла, нисколько не заботясь ни об исторической истине в ее нынешнем понимании, ни об элементарной справедливости по отношению к покойному — благая цель оправдывала в его глазах столь незначительные издержки.

Свою лепту в дело дискредитации короля внес и великий Шекспир, которого не мог оставить равнодушным яркий и колоритный образ умного злодея. Мощный талант драматурга более всего способствовал тому, что зыбкие построения тюдоровских историков превратились в общепризнанные факты, подвергать сомнению истинность которых, хотя бы и по мелочам, по сей день считается чуть ли не кощунством. Люди с готовностью верили даже в совершенно нереальные детали в описаниях, посвященных Ричарду III. Так, Джон Раус, бывший современником короля, утверждал в своей «Истории королевства Англия»: «Тиран король Ричард родился в Фотерингее в графстве Нортхемптон, проведя два года в утробе матери, и появился на свет с зубами и волосами до плеч»^[1]. Монах-августинец, поэт-лауреат^[2] при дворе Генри VII и воспитатель наследника престола Бернар Андре описывал поведение Ричарда перед битвой на Босуортском поле следующими словами: «Тиран, в исступлении безумия подобный змее, вскормленной ядовитыми травами, как гирканский тигр или смертельно раненный вепрь Марса вдруг разразился криком ярости»^[2]. Отличился на фантазийной ниве и Томас Мор, поведавший нам, что Ричард был «мал ростом, дурно сложен, с горбом на спине, левое плечо намного выше правого, неприятный лицом — весь таков, что иные вельможи обзывали его хищником, а прочие и того хуже. Он был злобен, гневлив, завистлив с самого своего рождения и даже раньше. Сообщают как заведомую истину, что герцогиня, его мать, так мучилась им в родах, что не смогла разрешиться без помощи ножа, и он вышел на свет ногами вперед <...> и даже будто бы с зубами во рту»^[3]. В дополнение к прочим уродствам Мор наделил короля сухой рукой. Шекспир устами своих персонажей неоднократно называл Ричарда «гнуснейшей жабой».

Под тройственным напором истории, философии и литературы не устояла бы репутация даже святого. Ричард III же святым не был — как не был и адским порождением, что бы ни говорил об этом родоначальник утопизма. Просто он жил в жестокие времена, в жестоком окружении и среди жестоких нравов. Тем не менее начиная с середины XVII века начали раздаваться редкие голоса в защиту Ричарда III. Сэр Джордж Бак в начале XVII века, спустя столетие Хорэс Уолпол, граф Оксфордский, вслед за ними Кэролайн Холстид, сэр Клементс Р. Маркэм и уже в конце прошлого века Пол М. Кендалл приложили много усилий, чтобы обелить память короля, за что получили презрительное прозвище «ревизионистов». Пытаясь бороться с многовековой традицией, обросшей массой кровавых подробностей, они часто и вполне объяснимо впадали в излишнюю

горячность и эмоциональность. Поэтому побочным результатом их деятельности стало появление достаточно обширной аудитории, в сознании которой Ричард предстает не исчадием ада, а не менее ходульным и недостоверным ангелом во плоти.

Вопрос о том, кем все-таки был Ричард III, далек от окончательного разрешения, научная дискуссия продолжается. Большинство ученых, как в Великобритании, так и по всему миру, придерживаются традиционного взгляда. Даже недавние раскопки, во время которых был обнаружен скелет короля, отчасти подтвердившие теоретические изыскания ревизионистов, не поколебали непререкаемого авторитета Томаса Мора и Уильяма Шекспира. Но в нашу задачу не входит участие в схватке, которая порой становится слишком жаркой. Мы не будем пытаться разглядеть сквозь мглу веков и пыль архивов черты злодея или героя, но отнесемся к Ричарду III как к человеку, собственными заслугами вознесенному к вершинам власти. Он прожил нелегкую жизнь; на всем ее протяжении судьба бросала ему вызовы, требовавшие немедленного ответа, и он никогда от них не уклонялся.

Часть первая.

МЛАДШИЙ ОТПРЫСК

Глава первая.

ТУЧИ НАД АНГЛИЕЙ

По зеленеющим равнинам, через заболоченные низины и перелески графства Нортхемптон нескончаемой лентой вилась тихая речка Нин. Она неспешно несла свои воды к заливу Уош, глубоко врезавшемуся в восточное побережье Англии. В среднем ее течении, на северном берегу одной из излучин с самого начала XII века стоял замок Фотерингей. Погожими летними днями светлые струи реки отражали мощную деревянную башню на вершине холма, обнесенного частоколом^[3]. Нормандец Симон де Сен-Лис, первый граф Нортхемптонский^[4], возвел грозное укрепление не только для защиты одной из немногих переправ через Нин, но и для того, чтобы держать в повиновении местное саксонское население, враждебно настроенное по отношению к нормандским рыцарям-завоевателям и значительно превышавшее их по численности.

Река помнила, как менялся замок. К середине XIV века благодаря заботам короля Эдуарда III он оделся в камень, обзавелся просторным парадным залом, двумя часовнями и подъемным мостом. Но шло время, без рачительного хозяина замок ветшал и постепенно приходил в запустение, пока не был, наконец, пожалован Эдмунду Лэнгли, пятому (точнее, четвертому из переживших младенчество) сыну Эдуарда III и основателю царственного дома Йорков. Эдмунд занялся замком всерьез, превратив его из утилитарного военного сооружения в роскошную резиденцию, великолепно приспособленную для повседневной жизни. При этом он не пренебрегал и оборонительной составляющей: внутренний двор окружили мощные стены, укрепленные башнями. Вокруг них шел ров глубиной четыре метра и шириной 20 метров. Въездные ворота защищала надвратная башня с подъемным мостом, через который обитатели замка попадали во внешний двор, также защищенный собственными стенами и рвом. Во внешнем дворе располагались замковые фермы, амбар и фруктовый сад.

Ныне, в 31-й год правления короля Генри VI, как и тремя веками ранее, река Нин по-прежнему безмятежно струила свои воды к заливу Уош, одинаково равнодушная как к кипучей людской деятельности на своих берегах, так и к грозным тучам, неумолимо затягивавшим политический небосвод над благословенной английской землей.

Сюда, в Фотерингей, приехала в 1452 году рожать очередного ребенка

Сесили, жена герцога Ричарда Йоркского — Рэбийская Роза или Гордая Сие, как называли ее современники. Она любила этот замок за удобные апартаменты, за роскошную внутреннюю отделку, за удаленность от крупных городов, за тишину и умиротворенность окружающей сельской природы. По меньшей мере четверо из ее двенадцати детей появились на свет именно тут. Однако на сей раз герцогиня прибыла в Фотерингей не только по зову сердца, но и по твердому настоянию мужа, имевшего все основания тревожиться за ее здоровье и даже жизнь. Политические амбиции герцога все быстрее увлекали его в опасную стремнину, грозившую нешуточными опасностями и ему самому, и его семье, и всему окружению — друзьям, свите, вассалам, арендаторам, даже домашним слугам.

В отличие от простолюдинов высокородные магнаты обладали богатством и властью. Но привилегированное положение накладывало на них тяжелые обязанности. С одной стороны, им следовало заботиться о своих людях, а с другой — всемерно поддерживать честь рода. Права и притязания, завоеванные поколениями предков, требовали постоянной защиты, и это не было пустой прихотью или проявлением вельможного чванства. В противном случае даже самое блестящее семейство постепенно теряло привилегии и сходило с политической арены. Ричард, третий герцог Йоркский, четвертый граф Кембриджский, шестой граф Марчский, восьмой граф Ольстерский и восьмой барон Мортимер Уигморский, могущественнейший и влиятельнейший лорд королевства, принадлежал к самой высшей знати, поэтому его ответственность перед семьей и слугами была особенно велика. По совести говоря, он имел не меньше прав на скипетр, чем Генри VI Ланкастерский, на тот момент державший в своих слабых руках символ верховной власти^[4]. Ведь династия Ланкастеров укрепилась на троне Англии всего за полвека до описываемых событий путем совсем не бесспорным — через свержение, а затем и тайное убийство законного монарха.

На рубеже XIV–XV столетий королевская семья была весьма многочисленной. Несмотря на то что два старших сына короля Эдуарда III Виндзорского — легендарный воин Эдуард Черный Принц и Лайонел, первый герцог Кларенсский, — умерли раньше отца, они оставили после себя детей: Эдуард — сына Ричарда, Лайонел — дочь Филиппу. Третий, четвертый и пятый сыновья короля — Джон Гонт, первый герцог Ланкастерский, Эдмунд Лэнгли, первый герцог Йоркский, и Томас Вудсток, первый герцог Глостерский — пережили отца и также имели законных наследников.

Для пресечения на корню возможных раздоров Эдуард III еще при жизни избрал своим преемником старшего внука Ричарда, и самые могущественные английские лорды по королевскому приказу принесли клятву верности наследнику, который впоследствии и вступил на трон под именем Ричарда II Бордоского. Поскольку детей у Ричарда не было, то в полном соответствии с английской традицией, не исключавшей наследования через женщину, он также заранее позаботился о судьбе престола, назначив условным наследником^[5] Роджера де Мортимера, четвертого графа Марчского — прямого потомка своей двоюродной сестры Филиппы, дочери Лайонела Антверпенского. После смерти графа Роджера в 1398 году король подтвердил приверженность установленному порядку и объявил условным наследником следующего Мортимера — Эдмунда, пятого графа Марчского. Парламент утвердил и это назначение.

Ричард II так и не успел обзавестись потомством. В 1399 году он был свергнут с трона собственным кузеном Генри Болингброком, герцогом Херефордским, сыном Джона Гонта. Первый король династии Ланкастеров воцарился под именем Генри IV. После его смерти в 1413 году трон перешел к старшему сыну — Генри V Монмутскому. Этот талантливый полководец своими победами во Франции вынудил короля Карла VI Безумного признать его наследником французской короны, чем значительно укрепил свою власть и легитимность. После ранней смерти короля-воителя трон перешел к его единственному сыну, малолетнему Генри VI. Однако и в третьем поколении владыки этой династии не имели стопроцентных гарантий против возможных попыток оспорить правомочность их власти. Многие лорды помнили, что согласно недвусмысленному распоряжению свергнутого Ричарда II трон должен был перейти к потомкам Филиппы, дочери Лайонела Антверпенского — другими словами, к Мортимерам, графам Марчским, происходившим от второго сына Эдуарда III, в то время как Генри IV числил свою родословную от третьего сына.

Эдмунд Мортимер, пятый граф Марчский, умер в 1425 году бездетным. Из его родственников в живых оставалась только сестра Энн, вышедшая замуж за представителя дома Йорков — Ричарда Конисборо, третьего графа Кембриджского. Через нее права Мортимеров на корону Англии вместе со всеми титулами и владениями перешли к сыну Ричарду, ставшему третьим герцогом Йоркским. Он оказался единственным наследником одновременно второго и четвертого сыновей Эдуарда III — Лайонела Антверпенского и Эдмунда Лэнгли, и его положение условного наследника было *de facto* подтверждено королем Генри VI.

Герцог Йоркский был человеком справедливым и по тем временам не

слишком кровожадным. Несмотря на это (а может быть, наоборот, благодаря этому), он не мог смириться со своим положением. Самый знатный из лордов королевства, Ричард постоянно подвергался притеснениям и унижениям со стороны королевских фаворитов. Ему чинили препятствия во всех его начинаниях, не допускали до участия в государственных делах, отстраняли от почетных и влиятельных должностей. В качестве ближайшего родственника короля и наследника трона он имел неотъемлемое право заседать в королевском совете, но либо вовсе не получал приглашений на заседания, либо вынужден был довольствоваться ролью статиста.

Ричард честно пытался заслужить уважение и признание своими делами, а не только громким титулом. Он прекрасно проявил себя на службе короне во Франции. Да и в Англии герцог искренне стремился исправить те недостатки в государственном управлении, которые бросались в глаза всякому — бездарное руководство страной, торжество беззакония, повсеместные разбои и грабежи, неумеренное обогащение королевских фаворитов. Однако заслуги Йорка не помогли ему занять то место, на которое он мог с полным правом рассчитывать. Напротив, герцога под благовидным предлогом отослали подальше от столицы — наместником в дикую Ирландию.

Отчаявшись добиться справедливости от тех, кто составлял узкий круг советников монарха, в первую очередь от королевского фаворита Эдмунда Бофорта, герцога Сомерсетского^[6], сосредоточившего в руках всю реальную власть, Йорк обратился за поддержкой к более широким слоям английского общества — рыцарству, торговым людям, горожанам — и получил ее. Парламент без колебаний выступил на стороне Ричарда. Однако в личном общении герцог был человеком суровым и надменным, найти друзей среди лордов ему так и не удалось. После роспуска парламента его снова отодвинули на задний план, не дав никаких властных полномочий. Причин тому было достаточно: и ненависть королевы Маргариты^[7], и опасение короля за судьбу престола, и боязнь королевских советников потерять свои огромные богатства.

Йорк не призывал к свержению короля, хотя нельзя однозначно отвергать предположение, что такие мысли уже зрели в его голове: он не испытывал никаких добрых чувств к правящей династии, поскольку не мог и не хотел простить Ланкастерам казни его отца Ричарда Конисборо, графа Кембриджского, который в 1415 году возглавил неудавшийся заговор с целью возвести на трон Эдмунда Мортимера, графа Марчского. Герцога

Йоркского останавливало то, что сильных сторонников при дворе у него было немного. Каким бы противоправным ни было воцарение Ланкастеров, сам Генри VI получил трон от отца и деда на законных основаниях, и было крайне тяжело поднять лордов на открытый мятеж, заставить их преступить феодальную клятву верности.

Первоочередным делом Йорка, таким образом, оставался поиск возможности возвратиться ко двору и зарекомендовать себя в глазах лордов и народа сильным и способным государственным деятелем. Что касается трона, то своих детей у короля пока не было, а слабое здоровье суверена давало основания считать, что их и не будет. Йорк мог позволить себе подождать, пока власть сама упадет ему в руки. Однако мирный путь, которым герцог шел к своей цели, лишь осложнил его положение: из-за той поддержки, которую он получил у парламента, королевская партия стала опасаться его еще больше.

Находясь в своих имениях на границе с Уэльсом, Ричард Йоркский каждую минуту ожидал обвинения в государственной измене. Он знал, что король им недоволен, что при дворе о нем распространялась самая гнусная клевета. 9 января 1452 года герцог направил Генри VI письмо, где называл себя верным вассалом, а короля — своим высокородным господином. Йорк также передал через Реджинальда Булгера, епископа Херефордского, и Джона Толбота, графа Шрусберийского^[8], что готов принести священную клятву верности. Но король никак не отреагировал на послания Ричарда. Вместо ответа в Ладдоу прибыл простой придворный клерк, передавший герцогу приказ прибыть в Ковентри и предстать перед королевским советом.

Ничего хорошего от такого развития ситуации Йорк для себя не ждал и 3 февраля обратился к жителям расположенного на границе с Уэльсом города Шрусбери. Он напомнил им об унижении Англии во французской войне, о военных и политических провалах герцога Сомерсетского, об опасности, которой подвергается его жизнь из-за происков королевских фаворитов. Герцог Йоркский превратил Шрусбери в свою базу, где пытался собрать приверженцев — баронов и рыцарей, арендаторов и слуг со всех концов Англии.

Именно эти тревожные события привели к тому, что герцог счел за благо отправить свою беременную жену вместе с младшими детьми Джорджем и Маргарет подальше от себя — в замок Фотерингей. За два с лишним десятилетия совместной жизни супруги еще не оказывались в таком опасном положении, как ныне, когда Йорк решился на открытый бунт против короны. Отослав Сесили, герцог с войском выступил в поход

на Лондон и 1 марта встретился у Блэкхита с королевской армией. До боя дело на этот раз не дошло — противоборствующим сторонам удалось договориться миром. Но если Йорк выполнил взятые на себя обещания, честно сложил оружие и распустил солдат, то Генри VI просто-напросто обманул герцога: король отказался разбираться в серьезных обвинениях, выдвигавшихся против его любимца Эдмунда Бофорта, хотя по условиям договора должен был это сделать. Ричард вновь удалился в свои владения, в замок Ладлоу на границе с Уэльсом, что фактически означало продолжение опалы.

В результате столь мрачного развития дел Сесили оказалась надолго разлученной с герцогом Йоркским, все это время находившимся в опасной близости от плахи. Переживания за судьбу любимого мужа не могли не сказаться на здоровье ребенка, которого она вынашивала. 2 октября 1452 года в замке Фотерингей у Сесили родился сын, названный в честь отца Ричардом. Мальчик был ее одиннадцатым ребенком и седьмым из выживших. Он родился слабеньким, хворым. Придворный стихотворец герцога некоторое время спустя сочинил неуклюжие стихи о семье своего покровителя, в которых довольно откровенно намекал на болезненность младшего сына:

Сэр, о бесплодии долгом она
Горько печалилась в сердце своем,
Милость Господня была явлена —
Энн родилась, осчастливив их дом;
Гарри и Эдвард, и Эдмонд потом
Каждый в черед свой; две дочери вслед —
Элизабет и за ней Маргарет.
Уильяма с Джоном печальный удел
Ждал, ибо краткою жизнь их была.
Следом был Джордж; повзрослеть не успел
Томас — покрыла его очи мгла,
Райская жизнь его душу ждала.
Жив еще Ричард, однако сестра
Урсула вечный покой обрела^[5].

Придя в себя после родов и удостоверившись, что жизни сына, несмотря на слабое здоровье ребенка, непосредственная опасность не угрожает, Сесили покинула замок и отправилась к опальному мужу, чтобы

поддерживать его в нелегкие времена. Ричард рос в Фотерингее на попечении кормилиц и нянек, приставленных к нему матерью. Нечасто ему выпадало счастье видеть своих родителей — их жизнь по-прежнему была полна треволнений. Герцог в сопровождении жены метался между Сандалом, Уигмором и Ладлоу, лишь изредка заглядывая в Фотерингей. В такие дни тихий сонный замок преображался. Блестящая кавалькада, сопровождавшая герцога и герцогиню, проезжала по мосту, опущенному через ров. Кони в пышной сбруе ржали, роскошные одежды свиты были покрыты густым слоем пыли, но гербы и эмблемы дома Йорков на плащах оруженосцев и табардах^[9] герольдов упорно сияли сквозь дорожную грязь. Следом за всадниками через ворота замка во внешний двор неспешно втягивался обоз. Пока прибывшие отдыхали и приводили себя в порядок после долгого пути, главный зал декорировался шпалерами и гобеленами. Слуги сбивались с ног, срочно пополняя запасы провизии и вин, а гонцы спешно рассылались по окрестным манорам^[10], доставляя их владельцам личные приглашения от герцога прибыть в замок.

Наутро герцог слушал мессу в местной церкви, куда валом валил народ, жаждущий воочию увидеть своего высокородного господина. Затем с трона, установленного посреди главного зала, он торжественно принимал приветствия от самых важных вассалов из местной знати, лично разбирал жалобы купцов, ремесленников и крестьян. После этого он отправлялся с избранными дворянами на охоту, а вечером устраивал для них роскошный пир. За всеми этими церемониями у герцога Йоркского оставалось не так много времени на общение с сыном. А через день-другой начинались сборы в дорогу, и кавалькада в сопровождении обоза покидала замок, который вновь погружался в дремотное состояние.

Между тем события разворачивались стремительно. В черный день 17 июля 1453 года лучший полководец Англии Джон Толбот, граф Шрусберийский, потерпел тяжелейшее поражение от французов в битве при Кастийоне, которое повлекло за собой окончательный проигрыш англичанами Столетней войны. Из обширных владений во Франции под контролем Англии осталась лишь небольшая область с крепостью Кале. И без того обремененный тяжелой наследственностью^[11], король Генри VI был сражен этим известием наповал, его охватило безумие. Потухшими глазами он смотрел сквозь окружающих, ничего не видя и никого не узнавая. Герцог Йоркский попытался обернуть в свою пользу внезапную болезнь короля, но прежде чем он успел предпринять какие-либо шаги в этом направлении, королева Маргарита родила сына. Таким образом Йорк

больше не являлся ближайшим наследником престола. Однако он не опустил рук, добиваясь признания недееспособности короля и назначения правителя королевства. Несмотря на упорное сопротивление властной и энергичной королевы, за которой стояла мощная партия, возглавляемая герцогом Сомерсетским, Йорк сумел заручиться поддержкой двоих членов могущественной семьи Невиллов — родного брата своей жены Ричарда, графа Солсберийского *uxoris*^[12], и его сына Ричарда, графа Уорикского *jure uxoris*. В марте 1454 года парламент назначил герцога Йоркского лорд-протектором Англии^[13] при безумном короле.

К Рождеству король вновь обрел разум так же неожиданно, как его лишился. Ричард тут же был отстранен от протектората, а сторонники дома Йорков потеряли должности при дворе. Герцог Сомерсетский обрел свое прежнее влияние и был назначен капитаном Кале — крепости, имевшей колоссальное внешнее и внутреннее значение, поскольку там базировался единственный в Англии постоянный сильный гарнизон. Герцог Йоркский вернулся в свой замок Сандал и начал готовиться к вооруженному сопротивлению. Объединив усилия с Невиллами и дружественными лордами, 22 мая 1455 года он разбил королевские войска в первой битве при Сент-Олбенсе. Хотя Йорк не воспользовался своей победой для свержения короля, его влияние при дворе усилилось многократно.

Одновременно судьба улыбнулась и двухлетнему Ричарду в конце весны в Фотерингей приехала его мать Сесили для того, чтобы в спокойной и умиротворяющей обстановке родить свою самую младшую дочь Урсулу. Герцогиня оставалась в замке до середины лета, большую часть времени посвящая общению с детьми. Она лично отобрала наставников, которые должны были заниматься воспитанием Ричарда. Герцогиня была весьма набожной женщиной и потребовала, чтобы основное внимание они уделяли вопросам веры. Ричард привык каждый день видеть свою мать, и ему казалось, что она теперь все время будет рядом. Однако прошло всего несколько месяцев, и Сесили опять покинула Фотерингей, отправившись к мужу.

Товарищами Ричарда по детским играм были Джордж и Маргарет — брат старше на три года, а сестра на шесть. Худенький, с белокурыми вьющимися волосами и голубыми глазами, малыш был любимцем Маргарет, которая трогательно заботилась о нем, пытаясь в меру сил заменить ему мать. Ричард платил Маргарет такой же искренней любовью. Других своих братьев и сестер он не знал: Энн, ставшая, по словам придворного рифмоплета, свидетельством «милости Господней» для

герцогини Сесили, которой в течение многих лет никак не удавалось забеременеть, вышла замуж за Генри Холланда, герцога Эксетерского^[14], и жила в доме мужа. Гарри, упомянутый в стихотворении, к тому времени умер, Эдуард и Эдмунд росли в замке Ладлоу, на самой границе с Уэльсом. Малыш скучал и по отцу, и по матери; воспитателям и сестре было непросто объяснять ребенку, почему родители так редко его навещают и почему так скоротечны их визиты в Фотерингей: перипетии большой политики были еще непонятны Ричарду.

Зато их прекрасно понимала вся английская знать. Внутренние усобицы не утихали — какое-то время фракции Йорка и королевы напоказ демонстрировали якобы царившее между ними согласие, но под этим прикрытием обе стороны продолжали враждовать. Маргарита, защищая права малолетнего сына, ожесточенно сопротивлялась росту влияния Йорка, а тот, в свою очередь, пытался расставить на ключевые должности своих людей, причем подчас довольно успешно. Так, ему удалось добиться назначения Ричарда Невилла, графа Уорикского, на пост капитана Кале. К 1459 году конфликт обострился настолько, что готов был перерасти в открытое столкновение между партиями. Предчувствуя бурю, герцог Йоркский счел за благо собрать всю свою семью в Ладлоу, поскольку не мог расплыть силы на защиту одновременно двух замков, в которых жили его близкие.

Глава вторая.

СЫН МЯТЕЖНИКА

Через несколько месяцев Ричарду должно было исполниться семь лет. Его здоровье окрепло, хотя он по-прежнему оставался худеньким и для своего возраста невысоким. Вьющиеся белокурые волосы, делавшие мальчика похожим на ангелочка, стали каштановыми, а голубые глаза начали темнеть.

Конечно, ему не рассказывали о тех опасностях, с которыми приходилось иметь дело отцу, но атмосфера в замке была напряженной, и он это чувствовал. Тревога сквозила в разговорах взрослых, в озабоченных лицах солдат гарнизона. Поэтому, когда замок неожиданно охватила лихорадочная суэта, мальчик перепугался и бросился расспрашивать воспитателей о ее причине. К своему облегчению, Ричард узнал, что ничего страшного не произошло, а суматоха вызвана приказом герцога доставить детей в замок Ладлоу.

Первоначальный испуг сменился радостью — теперь ему не придется жить в долгом ожидании редких приездов родителей, ибо он сам отправлялся к ним. Мальчик еле сдерживал волнение: его знание мира до сих пор ограничивалось окрестностями Фотерингея и близлежащими манорами, у лордов которых он иногда бывал с визитами, сопровождая отца. Теперь Ричарду предстояло надолго покинуть родные места и отправиться в далекое путешествие — Фотерингей и Ладлоу разделяли 180 километров.

Закончился сезон дождей, когда путешествовать по стране можно было лишь по главным дорогам, проложенным еще во времена римского владычества, да и то с трудом. Теперь же для передвижения большого отряда, обремененного телегами обоза, подходили пути поуже и поплоче. По правде говоря, английские дороги того времени были далеко не такими отвратительными, как это часто представляют — по сырым берегам рек и заболоченным местам пролегали мощные участки, каменные мосты возводились на основных переправах даже через небольшие речушки.

Долгожданным утром под охраной сильного эскорта Ричард, Джордж и Маргарет выехали из ворот Фотерингея. Всадники сразу же взяли направление на запад. Позади осталась болотистая пойма Нина, а вскоре исчезли за горизонтом и замковые башни. Отряд миновал необозримый Рокингемский лес. В Маркет-Харборо путешественники сделали краткую

остановку, чтобы немного перекусить и дать отдых лошадям. Этот небольшой городишко показался Ричарду по сравнению с деревушкой Фотерингей большим густонаселенным городом, полным жизни. После Маркет-Харборо отряду пришлось покинуть широкий тракт и свернуть на боковые дороги, чтобы обогнуть стороной Ковентри. Командир эскорта знал, что в этом городе королева Маргарита собирает верных ей лордов с вооруженными отрядами. Осторожно обойдя опасный район, всадники вернулись на прежний путь и без приключений добрались до Кидерминстера, за которым расстилались леса и речные долины Шропшира. Еще один переход — и вдали, наконец, показался мощный замок Ладлоу, возвышавшийся на холме, омываемом с тыла рекой Тим.

Стены и башни этой фортификации уже в те времена несли на себе печать без малого четырехвековой истории. Они были воздвигнуты нормандцем Готье де Ласи, ближайшим сподвижником Гийома Бастарда, ставшего в 1066 году королем Англии под именем Уильяма Завоевателя. Получив во владение земли Южного Шропшира, де Ласи возвел для защиты валлийской границы один из первых в стране каменных замков — на стратегически выгодной позиции в месте слияния Тима и его притока Корва.

Проехав под решеткой главных ворот во внутренний двор, Ричард сразу увидел отца, рядом с которым стояли двое юношей. По их одежде, осанке, а также и по почтению, выказываемому со стороны окружающих, мальчик сразу догадался, что это его братья, которых он до сих пор ни разу не видел. Эдуарду, графу Марчскому, в то время уже исполнилось семнадцать, а Эдмунду, графу Ратлендскому, — шестнадцать. Но Ричарду они показались совершенно взрослыми мужчинами, да к тому же отважными воинами. С детских лет примером для подражания ему на правах старшего служил Джордж. Впрочем, к семи годам мальчик уже немного разобрался в характере брата — тот рос избалованным, капризным и своенравным. Теперь, когда перед Ричардом возникли сразу два образца подлинной, как ему казалось, рыцарской доблести, авторитет Джорджа окончательно померк, хотя узы совместного воспитания и общих детских воспоминаний оставались по-прежнему очень тесными, и эмоционально Джордж был ему гораздо ближе, чем двое старших братьев.

Ричард попал в самый водоворот событий — каждый день этой новой, еще непривычной жизни оставлял все более яркие впечатления. В замок со всех сторон стекались войска йоркистов^[15]: один за другим прибыли с отрядами лорды Клинтон и Грей Поуисский, подошел сэр Уолтер Девре^[16]

со своими людьми. В сентябре в город вошла целая армия под командованием Ричарда Невилла, графа Солсберийского. Развевались пенноны, баннеры и штандарты, в воздухе разносились резкие сигналы труб, звучали отрывистые команды. Мальчик с восторгом наблюдал, как в улицы отряд за отрядом вливаются утомленные йоркширцы. Потом потянулись раненые — те, кто мог держаться на ногах, шли сами, опираясь на свои алебарды, тяжелораненых везли на телегах обоза.

Вечером Ричард с неподдельным интересом слушал рассказ своего дяди графа Солсберийского о том, что войска пришли напрямик с Блор-Хита^[17], где разгромили превосходящую по численности королевскую армию под командованием Джеймса Туше, лорда Одли^[18], которая пыталась заблокировать им путь до подхода основных сил королевы Маргариты. В бою ланкастриане были рассеяны, а сам лорд Одли убит. Затем, совершив рискованный маневр, йоркисты уклонились от смертельно опасной встречи с двумя сильными и свежими вражескими армиями и добрались до Ладлоу. Ричард вместе со взрослыми весело смеялся, когда дядя поведал о своей хитрой выдумке: чтобы скрыть отступление, он оставил в лагере монаха-августинца, который периодически стрелял из пушки. Враги были уверены, что граф по-прежнему находится на месте, и только утром обнаружили, что лагерь пуст. Ланкастриане схватили монаха, но тот невозмутимо заявил, что просто решил заночевать на обустроенном месте, поскольку боялся разгуливать ночью по незнакомой местности.

Вскоре пришел из Кале граф Уорикский, сын Ричарда Солсберийского, с 200 копейщиками и 400 лучниками. На сем сбор войск был закончен — других подкреплений вожди мятежа не ожидали. Затем в Ладлоу прибыл посланец от короля Генри VI. Им оказался Ричард Бошан, епископ Солсберийский^[19]. Миротворительный король, в распоряжении которого находилось сильное войско, не хотел продолжения гражданской войны и предлагал йоркистам мир и прощение за мятеж. Три Ричарда — Йоркский, Солсберийский и Уорикский — прекрасно понимали цену таким предложениям. Они несколько не сомневались в искренности короля, но знали, что результаты мирных договоренностей затем будут сведены к нулю королевой и советниками короля. Мятежные лорды с сожалением отвергли этот жест примирения.

В принципе, солдаты понимали мотивы своих командиров. Маленький Ричард постоянно слышал разговоры, что добрым намерениям ланкастриан верить нельзя. Из уст в уста передавался рассказ о том, как графу Уорикскому в Лондоне чудом удалось спастись от гибели. Когда он вышел

из своего дворца и направился к лодке, чтобы плыть в Вестминстер на баронскую ассамблею, завязалась якобы случайная ссора между одним из его сопровождающих и каким-то придворным. Ссора переросла в настоящее сражение между свитами Уорика и короля, граф и его люди с большим трудом пробившись к спасительной лодке. Все были уверены, что эта провокация была затеяна с целью убить графа. Но в то же время воины знали, что положение их не внушает оптимизма. Маленький Ричард видел вокруг угрюмые лица и начинал понимать, что всех их, собравшихся в Ладлоу, ожидают неприятности.

На берегу реки Тим кипела работа. Герцог Йоркский приказал возвести укрепленный лагерь в местечке Ладфорд, окружить его рвом, который наполнялся водой из реки, укрепить рядами повозок и кольев. За укреплениями он расположил артиллерию, готовую отразить атаку.

Сильная королевская армия приближалась к городу. Герцог Йоркский через герольдмейстера ордена Подвязки передал Генри VI ответное послание, где заявил о своей безусловной преданности суверену и о нежелании подвергать жизнь монарха опасностям сражения. Он выражал надежду на то, что дело все-таки можно кончить миром, но при этом требовал гарантий. Герцог и его друзья не могли считать себя в безопасности и распустить армию до тех пор, пока король оказывает безграничное доверие их личным недругам — герцогу Сомерсетскому, графу Уилтширскому^[20] и герцогу Эксетерскому. Эксетер, хотя и был зятем Йорка, принял сторону его врагов.

Естественно, Генри VI отверг ультиматум мятежных лордов, пусть и облеченный в верноподданническую форму. 12 октября 1459 года королевские войска, намного превосходившие йоркистов численностью, подошли к укрепленному лагерю в Ладфорде. Но сражение в тот день не состоялось: король решил воздействовать на чувства простых солдат, раз у него ничего не вышло с лордами. Он объявил, что дарует помилование всем, кто придет к нему с мольбой о прощении. Новость быстро распространилась по лагерю йоркистов. Ночью герцогу Йоркскому доложили, что Эндрю Троллоп, один из командиров, пришедших с Уориком из Кале, переметнулся к неприятелю с большей частью своего отряда. Руководители мятежа приняли решение спасаться бегством. Под покровом темноты герцог Йоркский со своим сыном Эдмундом, графом Ратлендским, отправился в Ирландию. Его старший сын Эдуард Марчский, графы Солсберийский и Уорикский бежали в Кале. В городе осталась лишь герцогиня с младшими детьми.

Утром в незащищенный Ладлоу ворвались королевские солдаты. Они

схватили Сесили, Ричарда, Джорджа и Маргарет и отвели в свой лагерь. Хотя там с ними обращались не очень-то вежливо, но зато Ричард был избавлен от страшного зрелища разграбления города, с жителями которого победители не церемонились, как будто это были их извечные враги французы. На собственном опыте мальчик узнал, как тяжела доля солдат, брошенных своими предводителями на произвол судьбы. Пленников первоначально поместили в Уигморский замок, однако вскоре родная сестра герцогини Йоркской Энн Невилл, вышедшая замуж за ярого сторонника Ланкастеров Хамфри Стаффорда, герцога Бакингемского^[21], упростила короля, чтобы он отдал семью Йорка под ее надзор.

В Ковентри собрался парламент, прозванный «Парламентом дьяволов». Лорды и общины признали герцога Йоркского, графов Солсберийского и Уорикского, Джона и Томаса, младших сыновей Генри Буршье, графа д'Э^[22], Джона, лорда Клинтона, и Ричарда, лорда Грея Поуисского, виновными в государственной измене и постановили конфисковать все их владения. Впрочем, король воспользовался своим правом помилования и отказался утвердить для них смертные приговоры.

Все это время Ричард жил в одном из поместий герцога Бакингемского. Пусть условия его содержания там отличались разительно в лучшую сторону от краткосрочного пребывания в замке Уигмор, но заключение оставалось заключением. К счастью, продолжалось оно недолго: уже весной 1460 года детей взял к себе Томас Буршье, архиепископ Кентерберийский^[23], дядя осужденных йоркистов Джона и Томаса. Прелат занялся образованием Ричарда — он считал своим долгом отвлечь его от грустных размышлений о судьбе отца, а кроме того, ему нравился смысленный и любознательный мальчик.

Томас познакомил подопечного со своей обширной библиотекой. Уроки и беседы с архиепископом попали на подготовленную почву, поскольку Сесили Невилл через назначенных ею наставников и лично во время нечастых приездов в Фотерингей смогла воспитать сына в духе религиозности и благочестия. Вполне возможно, что мать вообще планировала для Ричарда стезю прелата, поскольку сомневалась, что хрупкое здоровье мальчика позволит ему стать воином.

Тем временем гражданская война продолжалась. В июле 1460 года отряды графов Марчского, Солсберийского и Уорикского, а также лорда Фоконбера^[24] высадились в Англии и в битве при Нортхемптоне разбили войска короля. В сражении погиб командующий королевскими солдатами Хамфри, герцог Бакингемский, одно время исполнявший роль тюремщика

юного Ричарда. Сам король Генри VI попал в плен и был доставлен в Лондон. В сентябре в Ланкашире высадился прибывший из Ирландии герцог Йоркский, и Сесили поспешила навстречу мужу, оставив детей на попечение семьи Пастонов в их лондонском доме.

Ричард любил гулять в сопровождении домочадцев Пастона по столице. Если Париж в то время был самым густонаселенным городом Европы, а Рим — самым большим, то Лондон, несомненно, самым богатым. Он напоминал грязный, переполненный, шумный человеческий улей. Его узкие улочки постоянно пребывали в полумраке из-за выступающих верхних этажей домов, которые практически смыкались над головами прохожих. В городе проживало от 50 до 70 тысяч жителей, то есть раза в четыре больше, чем в городах, пытавшихся соперничать со столицей — в Йорке или Бристоле. Лондон растянулся вдоль берега Темзы на два километра. Параллельно берегу проходили три главные мощные улицы, очень оживленные. Ближе всех к реке, вдоль причалов и складов, мимо гильдии рыботорговцев Фишмангерз-холл и конторы немецких ганзейских купцов «Стальной Двор» пробиралась Темз-стрит. Она соединяла Лондонский Тауэр, стоявший у восточной оконечности города, и Блэкфрайерз — западный район, прилегавший к приорству доминиканского ордена («черных братьев»). На Темз-стрит велась бойкая торговля углем, железом, вином, медом, смолой, воском, льном, веревками, зерном и рыбой. Вторая улица шла выше по прибрежному склону, изгибаясь от Тауэра на северо-запад к собору Святого Павла, и на ней не продавалось ничего, кроме тканей. На третьей торговали шелками, коврами, гобеленами и другими экзотическими товарами. Она начиналась у ворот Олдгейт, что располагались в полукилометре к северу от Тауэра, и вела в центр Лондона, к Чипсайду, где превращалась в самую великолепную дорогу в городе. Горожане привыкли называть ее просто «Улица». Здесь продавались самые дорогие товары, в том числе ювелирные изделия. В Лондоне работали две сотни мастеров золотых дел, а один итальянский путешественник не поленился насчитать в одном только Чипсайде 52 ювелирных лавки, где можно было приобрести любые золотые и серебряные сосуды, большие и малые — от солонок до тазов для умывания.

Выходя из городских ворот, дороги вели в близлежащие деревни — Ислингтон, Клерккенуэлл и Хокстон на левом берегу, Кеннингтон и Саутуорк на правом. Обширные, застроенные домами и мастерскими пригороды быстро сливались с городом.

Лондон был местом обитания зажиточных купцов, которые обосновались тут прочно, возведя солидные дома из камня и дерева. В

Блэкуэлл-холл располагался рынок тканей, в Лиденхолл-маркет — мясной и птичий рынок, ратуша, гильдия портных Мерчант-Тейлорз-холл, а также другие гильдии — бакалейщиков, ювелиров, скорняков, галантерейщиков, виноделов. Но Лондон был также и городом прелатов: 97 приходских церквей устремляли к облакам свои кресты, не говоря уже о стоявшем на вершине Ладгейтского холма величественном соборе Святого Павла, чьи стрельчатые арки были видны из любой точки города, а игла шпиля вонзалась в небо на высоте почти в 150 метров. Пусть в меньшей степени, но Лондон был еще и городом высокородных лордов, которые постоянно толпились в залах королевских резиденций. Неподалеку от столицы располагались отели великих магнатов и Вестминстерский дворец. Шотландец Уильям Данбар^[25] пел, не в силах сдержать свое восхищение увиденным:

Крепкими стенами ты обнесен;
Люди мудры, что в тебе обитают;
Праздничен колоколов перезвон;
Свежестью воды речные блистают;
Качеством славны товары купцов;
Скромностью милы, пригожи девицы,
Жены, глядящие из-под чепцов.
Лондон — нет в мире прекрасней столицы!^[6]

В середине октября в Лондон наконец прибыл сам герцог Йоркский и немедленно заявился в палату лордов. Пережив изгнание и аттинктуру^[26], он более не желал бороться только с фаворитами, избегая при этом прямых выпадов против короля. Наоборот, герцог вручил лорду-канцлеру^[27] письменную претензию на короны Англии и Франции, а также на верховную власть над Ирландией. Его требования основывались на генеалогических исследованиях и других доказательствах того, что линия Мортимеров-Йорков имеет гораздо больше прав на трон, чем дом Ланкастеров. Герцог заявил, что поскольку парламент в свое время узаконил официальным актом захват власти Генри IV Болингброком и исключил Мортимеров из порядка наследования, то парламенту же надлежит провести реституцию и с согласия ныне правящего короля вернуть трон династии Йорков.

Лорды королевства, значительную часть которых составляли

Йоркисты, обсудили проблему и составили итоговый меморандум, в полной мере отразивший всю сложность и щекотливость ситуации. Ведь с одной стороны, правомочность претензий герцога Йоркского трудно было оспорить. С другой стороны, Генри VI получил корону от отца абсолютно законным путем, и каждый из лордов принес ему клятву верности. После долгих дебатов компромиссное решение все-таки было найдено и оглашено 25 октября. Клятва верности королю Генри VI не отменялась и оставалась в силе, поэтому он сохранял за собой корону пожизненно. А вот его сын Эдуард Вестминстерский наследства лишился. Парламентским актом права дома Ланкастеров на престол отменялись, и единственным законным наследником ныне царствующего короля объявлялся герцог Йоркский. Дословно парламент постановил следующее:

«*Item*, установлено, решено и согласовано, что упомянутый Ричард герцог Йоркский должен титуловаться, именоваться и признаваться отныне истинным и законным наследником корон, королевского положения, достоинства и власти. И после смерти упомянутого короля Генри, или же случае, если тот предпочтет отказаться от указанных корон, положения, достоинства и власти, упомянутый герцог и его наследники немедленно должны унаследовать указанные короны, королевское положение, достоинство и власть... *Item*, если какое-либо лицо или лица замыслили или составят заговор с целью убийства упомянутого герцога, или будут обоснованно обвинены в открытом выступлении против него людьми, равными им по положению, то это будет считаться и подпадать под понятие государственной измены»^[7].

31 октября 1460 года Генри VI официально согласился с решением парламента.

Юридически изменение линии наследования было оформлено безупречно. Конечно, можно возразить, что король находился в полной власти герцога Йоркского и на него оказывалось давление. Но первый Ланкастер сам получил трон, неприкрыто угрожая законному королю Ричарду II и требуя его немедленного отречения. Очень вероятно, что на совести Генри Болингброка лежало и убийство свергнутого монарха. Герцог Йоркский, напротив, остался верен своей обычной умеренности и справедливости. Он не требовал немедленного отречения Генри VI, чтобы расчистить себе дорогу к трону, и был готов ждать его естественной смерти. Как выяснилось совсем скоро, эта умеренность стала роковой для него самого.

Укрепившись во власти, герцог счел возможным перевезти жену и младших детей в лондонскую резиденцию — замок Бейнардс. Это был,

конечно, не замок в прямом смысле слова, а роскошный городской дворец. Он стоял на берегу Темзы на западной окраине столицы, недалеко от собора Святого Павла и приорства Блэкфрайерз. Бейнардс представлял собой огромное здание, украшенное мощными декоративными башнями и небольшими башенками. На стороне, обращенной к Темзе, находились речные ворота, от которых к самой воде вели широкие ступени. Маленький Ричард, наконец, снова оказался в домашней обстановке, проведя перед тем целый год то под стражей, то под надзором недругов, то в гостях у приверженцев партии его отца. И пусть лондонский замок был для него чужим и незнакомым, все-таки это была семейная резиденция, где свободу мальчика ограничивали только требования родителей и где ему не угрожала никакая опасность. По крайней мере, так казалось самому Ричарду, хотя на деле все обстояло иначе.

Очередной период торжества Йорка вновь продлился недолго. Королева с сыном Эдуардом бежала на север, где собрала сильную армию из отрядов верных ей дворян. Войска йоркистов обманом были завлечены в ловушку и 30 декабря 1460 года разбиты в битве при Уэйкфилде. Многие лорды пали в бою, и среди них оказался сам герцог Йоркский. Эдмунд Ратленд, брат Ричарда, пытался бежать, но на Уэйкфилдском мосту его узнал лорд Клиффорд^[28] и заколол кинжалом со словами: «Твой отец убил моего отца, а я, клянусь кровью Господа, поступлю так же с тобой и всеми твоими родными!»^[8] Ричарду, графу Солсберийскому, поначалу удалось скрыться от ярости победителей, но вскоре его схватили и казнили.

Головы йоркистских лидеров были отправлены в Йорк и выставлены на всеобщее обозрение — их насадили на колья, установленные на южных городских воротах, носивших имя Миклгейт. Герцог Йоркский подвергся еще более тяжелому оскорблению — его окровавленную голову увенчали короной из бумаги и соломы. С этого момента в войнах Роз наступил психологический перелом. Казни или убийства лордов противной партии после сражений стали обычным делом, что порождало все новые поводы для кровной мести с обеих сторон. Спираль жестокости раскручивалась с каждым новым столкновением. Снисхождение к побежденным после гибели герцога Йоркского вышло из моды.

Отныне главой рода Йорков стал девятнадцатилетний Эдуард, граф Марчский. В битве при Мортимерс-Кросс 2 февраля 1461 года молодой талантливый полководец наголову разгромил одну из армий ланкастриан, которой командовали Джаспер Тюдор, граф Пемброкский, и Джеймс Батлер, граф Уилтширский. Среди прочих в плен попал и Оуэн ап

Маредидд ап Теудур, основатель рода Тюдоров. Его обезглавили на торговой площади Херефорда, а затем предали смерти остальных пленников. Однако основная армия королевы Маргариты нанесла 17 февраля во Второй битве при Сент-Олбенсе поражение графам Уорикскому и Норфолкскому^[29] и после казни захваченных в плен двинулась на Лондон, разоряя все на своем пути.

Напуганная грозными известиями, герцогиня Сесили решила отослать младших детей подальше от опасности. Ричард и Джордж в сопровождении матери спустились по ступеням замка Бейнардс, ведущим к Темзе. На пристани они попрощались — герцогиня с дочерью Маргарет оставалась в Лондоне, где собиралась ждать Эдуарда Марчского, двигавшегося со своими войсками к столице. Сопровождать мальчиков Сесили приказала доверенному человеку — эсквайру Джону Скелтону. Беглецы взошли на корабль и немедленно отплыли в Голландию, надеясь на покровительство Филиппа Доброго, герцога Бургундского^[30], благосклонно относившегося к делу йоркистов.

Эдуард подоспел к столице раньше королевы Маргариты. На поле Сент-Джон, примыкавшем к лондонской крепостной стене, собрался народ. Именитые горожане вместе с лордами королевства выступили за низложение Генри VI. Толпа поддержала их предложение короновать Эдуарда и на вопрос, должен ли Генри VI оставаться королем, ответила громкими криками: «Нет! Нет!» Никакой ненависти к королю у англичан не было, а настроение простонародья определялось неприязнью, которую люди испытывали к королеве. Для них она прежде всего была француженкой, то есть принадлежала к нации, исконно враждебной Англии. К тому же они опасались ее твердого нрава и неукротимой жестокости, которая в полной мере проявилась во время марша ланкастрианской армии к Лондону: солдаты повсюду чинили разорение и утеснение простому народу. Не склоняло сердца на сторону Маргариты и ее безразличное отношение к достоянию королевства — она легко пообещала отдать шотландцам за оказанную ей поддержку приграничную крепость Берик (Бервик).

Отложив официальный обряд коронации до окончательной победы, вновь провозглашенный король выступил с войсками на север. Он разгромил 29 марта армию королевы сначала в стычке при Феррибридже, а на следующий день при Таутоне в одной из самых кровавых битв, когда-либо происходивших на английской земле. В ней погибли многие представители английской знати, в том числе лорд Клиффорд — тот самый,

что собственноручно заколол Эдмунда Ратленда. Пал в бою и предатель Эндрю Троллоп, переметнувшийся в стан ланкастриан перед битвой при Ладфорд-Бридже. Несмотря на приказ никому не давать пощады, более 40 неприятельских рыцарей все-таки попали в плен. Всех их Эдуард приказал казнить. Помилования удостоился лишь Ричард Вудвилл, барон Риверс^[31], получивший от короля полное прощение. Генри VI и его жена Маргарита Анжуйская сумели бежать.

Пока разворачивались описанные выше события, Ричард с братом Джорджем пережидали превратности гражданских распрей в Бургундии. Во владениях герцога Филиппа мальчиков приняли очень тепло. Некоторое время они жили в Утрехте, а затем отправились в Слейс, где их уже поджидали посланцы герцога, которым было приказано сопровождать английских принцев ко двору в Брюгге. Почетный эскорт включал самого папского легата. Миланский посол во Франции Просперо ди Камульо писал 18 апреля из Брюгге своему господину Франческо Сфорца герцогу Миланскому: «Говорят, что завтра два младших брата [графа] Марча, сына герцога Йоркского, прибывают сюда, и герцог Бургундский объявил, что им будут оказаны великие почести». Позднее в тот же день он дополнил свой доклад: «Как я уже писал сегодня, к нам прибыли два брата короля Эдуарда — одиннадцати и двенадцати лет^[32]. Герцог, человек любезнейший во всем, посетил их кров и оказал им великий почет»^[9].

Герцогство Бургундское тогда по праву считалось богатейшим и великолепнейшим государством Европы. Хотя Филипп мнил себя последним крестоносцем, на самом деле ему больше подходила роль истинного князя эпохи Возрождения. Бургундский двор был небывало расточительным и модным, и его нравы имели огромное влияние на английский двор при Йорках. Ричард оказался в средоточии просвещенности, в атмосфере высокого искусства. Он увидел знаменитую, лучшую в Европе герцогскую библиотеку с богато иллюстрированными манускриптами в отделанных жемчугом обложках. Но большой тяги к книгам мальчик не выказал, и светская литература заинтересовала его гораздо меньше, чем собрание богословских книг архиепископа Кентерберийского: вкусы Ричарда сформировались под влиянием его набожной матери.

Впрочем, даже при большом желании у него бы все равно не хватило времени подробнее познакомиться с библиотекой пребывания братьев в Бургундии оказалось непродолжительным. После победы Эдуарда IV над войсками королевы Маргариты при Таутоне они получили возможность

вернуться на родину. Более того, им было приказано не мешкать, поскольку их присутствие являлось неотъемлемой частью церемонии коронации.

В начале июня 1461 года Ричард начал собираться домой в Англию, в Кале его уже ждал корабль. Власти города Брюгге устроили в честь принцев прощальный пир, а герцог Филипп осыпал мальчиков подарками и дал им в сопровождение почетный эскорт. До Лондона Ричард добрался без приключений и сразу же окунулся в общую суету подготовки к коронации. За два дня до официальной церемонии он узнал, что будет посвящен в рыцари ордена Бани в числе 28 отпрысков знатных родов. Это звание задолго до формального основания королем Джорджем I в 1725 году Почтеннейшего ордена Бани носили рыцари, прошедшие через особую процедуру посвящения, приуроченную к важнейшим для королевского дома событиям — коронации, инвеституре принца Уэльского и герцогов королевской крови, или королевской свадьбе. Она представляла собой гораздо более торжественную и сложную акколаду^[33], чем при обычном посвящении в рыцари.

И вот 26 июня три рыцаря в сопровождении танцующих и поющих оруженосцев вошли в покои Ричарда. Его препроводили в заранее подготовленную роскошную купальню, где старший рыцарь окропил водой плечи юного принца, поведал о священных рыцарских идеалах и подробно рассказал о деталях предстоящего ритуала. Затем Ричарда вытерли, одели и отвели в часовню, где ему предстояло провести целую ночь в бдении вместе с наставниками и священником. С рассветом он исповедовался и отстоял мессу, после чего его торжественно уложили в постель, чтобы он мог насладиться кратким сном и набраться сил для дальнейшего обряда.

Немного отдохнув, Ричард вновь оделся и вслед за юношей, который нес меч и шпоры, проследовал через двор Тауэра к королевским апартаментам, где предстал перед королем и лордами. По знаку Эдуарда IV два рыцаря пристегнули к ногам Ричарда шпоры. Сам король опоясал брата мечом, поцеловал его и произнес торжественную формулу: «Будь добрым рыцарем». Перед главным алтарем часовни Ричард дал клятву, в которой обещал всегда отстаивать права церкви. Тут же в часовне был освящен его меч. Затем юный рыцарь присутствовал на обеде, но ни есть, ни пить, ни сплевывать, ни оглядываться вокруг ему не дозволялось — совсем как новобрачной. Он мог только смотреть, как едят другие. Когда совершенно обессиленный Ричард вернулся, наконец, в свои покои, там он нашел алуую мантию с белым капюшоном и нашитым на плече орденским знаком из белого шелка.

На следующий день Ричард в новой орденской одежде ехал рядом с

королем во главе торжественной процессии, направлявшейся в Вестминстер. За ними следовали мэр и олдермены^[34] в алом, а также четыре сотни самых уважаемых лондонцев, одетых в зеленое. Мальчик был счастлив. Могли он тогда знать, что эта роскошная процессия послужит своеобразным водоразделом его жизни, что он осознает в себе новые устремления и обретет новые мечты?

Глава третья.

СЕМЕЙНЫЕ РАЗДОРЫ

Минувший год стал для Ричарда годом испытаний и трагедий, вызванных действиями врагов семьи. Теперь же ему пришлось разочароваться в отношениях с самыми близкими людьми.

В день коронации 28 июня его брат Джордж получил титул герцога Кларенсского, а самому Ричарду король не дал никакого титула. Ему пришлось ждать пять месяцев до 1 ноября 1461 года, когда на День Всех Святых он стал герцогом Глостерским. К этому моменту Ричард достаточно повзрослел, чтобы правильно оценить происходящее: конечно же, как второму по старшинству брату и условному наследнику трона Джорджу титул должен быть пожалован в первую очередь. Впрочем, Ричард повзрослел недостаточно, чтобы государственные соображения превозмогли детскую обиду: его задевало, что Эдуард оказывал Джорджу явное предпочтение, ибо этот случай был далеко не единственным.

Вскоре после коронации герцог Кларенсский был посвящен в рыцари ордена Подвязки, как и подобало члену королевской семьи. Герцог Глостерский подобной чести удостоился только в 1465 году. Да, он знал, что строгие правила ордена не допускают, чтобы число его членов, исключая короля и принца Уэльского, превышало 24 человека. Однако ведь за эти четыре года орден пополнился 12 рыцарями взамен умерших, и среди них оказались не только английские рыцари и лорды, но также иностранные монархи и даже француз на английской службе — Гайяр IV де Дюрфор, сеньор Дюра. Более того, гасконец Жан де Фуа, виконт де Шатийон и капталь де Бюш, чье место в конце концов занял Ричард, вышел из ордена в 1462 году, и три года король не считал нужным заполнить вакансию.

Мальчик прекрасно понимал причину такого пренебрежения к собственной персоне. Эдуарду IV, только-только захватившему трон, нужны были соратники и помощники. Самоуверенный, пышущий здоровьем Джордж через несколько лет мог стать превосходным бойцом, а болезненный Ричард с его хрупким телосложением смотрелся на фоне брата весьма невыгодно. Еще больше он проигрывал в сравнении с самим королем, который уже в 19 лет проявил мастерство полководца в битвах при Мортимере-Кроссе и Таутоне. Обаятельный, жизнелюбивый, страстный поклонник женщин, Эдуард считался самым красивым принцем

Европы.

Впрочем, нельзя сказать, что король совсем забыл про младшего брата, несмотря на столь явное к нему невнимание. Ричард вместе с Джорджем был назначен уполномоченным по набору войск в северном графстве Камберленд. Там собиралась армия, чтобы противостоять набегам шотландцев и купировать возможные угрозы со стороны свергнутого короля Генри VI и его жены Маргариты д'Анжу. Братья также получили важные государственные должности: Кларенс стал наместником Ирландии, а Глостер — лордом — верховным адмиралом. Но по сути все эти назначения являлись чисто номинальными, ибо всерьез исполнять свои новые обязанности мальчишки, конечно же, не могли.

Более ощутимый дар Ричарду был сделан королем 12 августа 1462 года: «Пожалованы королевскому брату Ричарду герцогу Глостерскому, адмиралу моря, а также его наследникам... титул и лордство Ричмондское, которое Эдмунд, покойный граф Ричмондский, держал по пожалованию Генри VI»^[10]. Кроме того, Ричард получил графство Пемброкское в западном Уэльсе, земли в Эссексе, Саффолке и Кембридже, конфискованные у де Веров, графов Оксфордских, а также некоторое число маноров и должностей, включая посты констебля замков Глостер и Корф. Джорджу Кларенсскому отошли владения в Северной Англии, реквизируемые у рода Перси, конфискованные у графов Уилтширских поместья к югу от Хамбера, а также маноры на западе и в центре страны — Сент-Бревелз и Динский лес. В руках Кларенса оказалось графство Честер, обычно составлявшее часть апанажа^[35] принца Уэльского как наследника престола.

На первый взгляд может показаться, что Эдуард IV беспристрастно одарил обоих своих братьев. Однако на деле все оказалось не так просто. Не прошло и месяца, как завистливый Кларенс устроил королю форменную истерику, требуя себе графство Ричмондское. Он добился своего, и 20 сентября владение было передано ему вопреки условиям предыдущего пожалования. В качестве компенсации Эдуард IV в сентябре 1463 года отдал Ричарду лордство Чирк в Восточном Уэльсе, а также земли, конфискованные у Роберта, лорда Хангерфорда и Молинза — в основном в Беркшире и Уилтшире. Однако и это пожалование полгода спустя было отменено устным распоряжением короля. В обмен Ричарду в декабре 1463 года достались конфискованные владения Генри Бофорта герцога Сомерсетского, но, несмотря на громкий титул их прежнего владельца, они были отнюдь не велики. В 1464 году Ричард потерял все владения де Веров,

вернувшиеся к восстановленному в правах Джону, тринадцатому графу Оксфордскому. Забегая далеко вперед скажем, что в 1468 году он вновь получил владения Хангерфорда, но был вынужден расстаться с графством Пемброкским, которое сначала попало под жесткий контроль лорда Уильяма Херберта^[36], а затем полностью перешло в его руки вместе с формальным титулом.

Вся эта чехарда с пожалованиями выглядела, во-первых, неприглядно, а во-вторых, не слишком законно с правовой точки зрения. Затеяна она была исключительно потому, что король потакал вульгарной жадности Джорджа. В результате годовой доход со всех владений герцога Глостерского составлял чуть более $\frac{1}{10}$ дохода герцога Кларенсского, приближавшегося к весьма солидной сумме в четыре тысячи фунтов — о какой справедливости тут можно было говорить? И если Ричард не был в состоянии по малолетству разобраться в финансовых тонкостях и в юридических уловках, то общий настрой он прекрасно чувствовал, и обида на короля, а в еще большей степени на Джорджа, у него только нарастала.

Чтобы не нагнетать между братьями атмосферу взаимной неприязни, Эдуард обдумывал возможность определить Ричарда на воспитание ко двору своего могущественного кузена графа Уорикского, что выглядело бы весьма естественно, ибо подобный этап в жизни считался важным для каждого юного рыцаря. Хотя, конечно, стремление отослать мальчика подальше от Лондона было вызвано не только желанием соблюсти рыцарские традиции или развести двух братьев подальше друг от друга. Захватив трон, Эдуард с радостью переложил текущие государственные заботы на плечи Ричарда Невилла, который в свои 35 лет был гораздо мудрее царственного кузена. Сам же король всю демонстрировал окружающим свое жизнелюбие, предаваясь всем доступным развлечениям. И хотя он считал подобное поведение совершенно нормальным и несколько его не стыдился, ему не хотелось, чтобы младший брат прислушивался к кулуарным пересудам и злословию придворных.

Немедленно воплотить в жизнь этот замысел королю мешала политическая обстановка. После небольшой передышки, которую получила Англия в результате решительной победы йоркистов при Таутоне, ситуация вновь ухудшилась. Флот Эдуарда IV не смог перехватить маленькую эскадру королевы Маргариты, которая высадилась с войсками в октябре 1462 года в Нортумберленде неподалеку от замка Бамборо. Это неудивительно, ибо для парусных судов того времени с их мореходными качествами и ограниченным запасом провизии эффективное

патрулирование в принципе было трудновыполнимой задачей.

Вопреки надеждам ланкастриан с их прибытием страна не восстала. Только мощные северные твердыни лояльных Ланкастерам лордов — Бамборо, Анник, Данстенборо — открыли перед ними ворота. Там ланкастриане держались против королевских войск до конца июля следующего года, пока не истощились их скудные ресурсы. Затем Маргарита и Генри VI с остатками своих сторонников разделились — Маргарита отплыла во Фландрию, а Генри бежал в Шотландию.

Пока на севере шла затяжная осада нортумберлендских замков, по несколько раз переходивших из рук в руки, король не мог послать ребенка в охваченные войной области. Поэтому до конца 1463 года герцог Глостерский оставался в Лондоне^[37]. Но как только обстановка нормализовалась, Эдуард тут же привел в исполнение свой давний замысел.

*

Герцог Глостерский без особых сожалений распрощался с придворной жизнью, которая претила его благочестивому воспитанию, а также с братом Джорджем, в достоинствах которого он окончательно разочаровался. Его влекли к себе новые впечатления — мальчику к тому времени исполнилось всего 11 лет, и новые земли манили его своей неизведанностью.

Впервые в жизни Ричард оказался за рекой Трент, служившей своеобразным рубежом, за которым начинался таинственный Север. Издалека он углядел замок Миддлхэм — одну из мощнейших крепостей Англии. Это была любимая резиденция Ричарда, графа Солсберийского, а затем и его сына графа Уорикского. Именно ее Невиллы выбрали для размещения своего двора, соперничавшего по роскоши с королевским. Массивные башни Миддлхэма и его угрюмые каменные стены, толщина которых местами достигала трех с половиной метров, тяжко вздымались над пологими холмами Уэнзлидейла, над долиной реки Юр, сбегавшей с Пеннинских гор и несшей свои вскипающие на порогах воды через Северный Йоркшир.

Ричард проехал сквозь толпу, заполнявшую деревенский рынок, и миновал едва сохранившиеся развалины нормандского замка, построенного на месте саксонской или римской, а может, даже древней кельтской крепости. На востоке, у самого горизонта — там, где сливались реки Юр и Кавер — виднелись стены аббатства Жерву. Во главе эскорта он обогнул

замок с востока и через укрепленные ворота попал в просторный внешний двор, по периметру которого располагались конюшни, кузница и скотобойня. Подъемный мост через ров был опущен. Ричард направил коня под каменные своды сторожевой башни и въехал на внутренний двор. Главная башня, или *кип*^[38], стояла на небольшом холме, господствуя над остальными башнями, соединенными с нею замковыми стенами. С левой стороны к ней была пристроена часовня. В глубине двора виднелись помещения для слуг, мельница, пекарня. К крытой лестничной площадке на уровне второго этажа вели каменные ступени. В сопровождении констебля замка Ричард взобрал по ним. Слуги показали ему главный зал в восточной части башни, указали на двери в личные покои графа Уорикского и провели в отведенные для него апартаменты. Здесь мальчику предстояло прожить три с лишним года.

Уэнзлидейл показался Ричарду куда более диким и необжитым, чем те местности, в которых он успел побывать раньше. Люди здесь жили вспыльчивые, импульсивные, всегда готовые схватиться за меч из-за пустячной ссоры. Но они были преданы своим друзьям и тверды в убеждениях. Ричарду во всем чудился истинный дух старой доброй Англии — дух, в котором в равных пропорциях смешивались воинственность, верность долгу и приверженность справедливости.

Миддлхэм и Шериф-Хаттон — замки графа Уорикского — были центрами власти, политической и социальной жизни целой провинции. В 16 километрах к западу от Миддлхэма в деревушке Эйсгарт располагался Наппа-холл, владелец которого Джеймс Меткаф Уэнзлидейлский и Наппский служил капитаном при Азенкуре^[39]. Ричард с восторгом слушал рассказы соседа о боевых подвигах короля Генри V во Франции и, вероятно, именно благодаря старому воину стал воспринимать французов не иначе как исконных и смертельных врагов англичан. Он подружился с сыновьями ветерана, один из которых, Майлз, стал впоследствии его советником, а остальные — верными сторонниками.

Чуть севернее Эйсгарта стоял замок Болтон, принадлежавший еще одному неустрашимому бойцу — лорду Скрупу^[40]. Ричарду были представлены и другие северные лорды — Скрупы Месемские, Фиц-Хью, Грейстоки и Дакры, которые занимали важное место при дворе Уорика в первые годы правления Эдуарда IV. Гораздо важнее простого знакомства с ними для герцога Глостерского стало то, что ему посчастливилось быть принятым в этот тесный круг, отвергавший всех чужаков. Северяне отличались независимым нравом и не признавали жесткого внешнего

контроля, пусть даже со стороны королевской власти. Дружеские связи с северными лордами оказались весьма важны и полезны Ричарду в будущем, когда он стал наследником своего опекуна в качестве лорда Севера.

В Миддлхэмском замке Ричард жил в окружении слуг, конюших, оруженосцев, капелланов и фрейлин семьи графа Уорикского. Здесь же он нашел себе товарищей, которые пронесли эту юношескую дружбу до самой смерти — Роберт Перси Скоттонский и Фрэнсис Ловелл^[41] также воспитывались при дворе Ричарда Невилла. В залах Миддлхэма Ричард впервые увидел и свою будущую супругу Энн Невилл, дочь хозяина замка. Впрочем, тогда они были еще подростками и, конечно же, не могли испытывать глубоких чувств друг к другу, разве что прониклись взаимной приязнью.

Наконец-то мальчик получил возможность вернуться к регулярным занятиям, прерванным после отъезда из Фотерингея. Его день был крайне насыщенным, времени для праздности практически не оставалось. Он поднимался ранним утром, отстаивал мессу, после чего отправлялся к наставникам и приступал к изучению всего того, что обязан был знать хорошо образованный высокородный лорд. Его учили латыни и французскому языку, математике и богословию. Он постигал законы и обычаи страны. Ему давали уроки музыки и благородных манер. Ричард читал трактаты о рыцарстве и войне, об истории и геральдике. Окончив занятия, около десяти часов он обедал в главном зале с семьей Невиллов и своими друзьями-воспитанниками. Затем мальчик надевал доспехи и занимался фехтованием, обучаясь владению мечом, кинжалом и боевым топором. Отложив в сторону оружие, Ричард седлал коня, ибо любой принц был обязан держаться в седле уверенно и величественно. Иногда он отправлялся на соколиную охоту, участвовал в травле оленя или кабана. В четыре часа пополудни зимой и в пять часов летом Ричард садился за ужин. День завершался беседами в тесном кругу обитателей замка, пением, музыкой и танцами. Перед сном всем подавались для скромной трапезы хлеб и пиво.

Именно здесь, в Миддлхэме, юный Ричард сделал для себя окончательный выбор, отказавшись от пути, на который его подспудно, самой направленностью воспитания, толкала мать. Он понял, что не желает духовной карьеры, а жаждет быть воином. Перед его глазами неотступно стоял образ старшего брата, короля Эдуарда — красавца под два метра ростом, любимца женщин, но при этом отважного бойца и удачливого полководца. Единожды решив, Ричард отбрасывал в сторону все колебания,

ибо уже с детства обладал характером твердым и волевым. Он начал суровую борьбу со своими физическими слабостями. Мало того что уже с рождения мальчик был болезненным, но некоторое время назад появилась другая угроза, гораздо более страшная — у него начал развиваться сколиоз. Поначалу болезнь не доставляла больших неудобств, но, конечно, не способствовала улучшению здоровья. Ричарду пришлось мобилизовать все свое упорство в стремлении стать сильным, ловким и выносливым. Он укреплял мышцы тела так, чтобы они образовали своего рода корсет, помогающий искривленному позвоночнику удерживать торс вертикально. Порой усталость все-таки заставляла его сутулиться, что и породило впоследствии образ уродливого горбуна, весьма далекий от истины.

*

Эдуард IV постепенно начинал тяготиться влиянием графа Уорикского, их разрыв казался все более вероятным. Поводом для серьезной размолвки между старыми соратниками стало женолобие короля, толкавшее его порой на откровенно неумные поступки. Весной 1464 года он тайно женился на Элизабет Вудвилл, вдове сэра Джона Грея Гробийского^[42], сражавшегося на стороне Ланкастеров и погибшего во Второй битве при Сент-Олбенсе. Более неподходящий и неравный союз трудно себе представить, и вот почему. Родители Элизабет также вступили в тайный и неравный брак, за что им пришлось выплатить штраф, когда все раскрылось. Ее отец Ричард Вудвилл был простым сквайром, сыном камергера в доме герцога Бедфордского. После смерти хозяина он женился на его вдове Жакетте Люксембургской^[43], затем получил от короля Генри VI титул лорда и барона Риверса, а также был посвящен в рыцари ордена Подвязки.

Этой женитьбой Эдуард IV намеренно нанес открытый, хотя и мальчишеский удар не только по хорошо продуманным планам своего ближайшего сподвижника, но и по дружбе с ним. Ибо граф Уорикский, как и подобает государственному мужу, напряженно работал в то время над организацией брака Эдуарда с представительницей французской королевской династии, желая тем самым убить сразу двух зайцев — Англия получила бы мощного союзника в лице Франции, а Маргарита д'Анжу потеряла бы возможность манипулировать своими родственными связями во вред династии Йорков. Несмотря на вполне понятную обиду, Уорик был

старше и мудрее, а поэтому предпочел на этот раз смириться со свершившимся фактом и не ставить под угрозу свои отношения с Эдуардом IV. Скрепя сердце признали Элизабет королевой и все остальные лорды, крайне скандализированные не только тем, что королевским тестем стал парвеню, человек безродный, но и тем, что родственники новоявленной королевы тут же проявили недюжинные способности к обогащению. Чего стоил только один брак, заключенный при посредстве короля между его двадцатилетним шурином Джоном Вудвиллом и Кэтрин Невилл, 68-летней вдовствующей герцогиней Норфолкской, к тому времени трижды побывавшей замужем! «Дьявольский брак» — так не без оснований отзывались о нем современники, вспоминая старую английскую поговорку: «Браку молодой женщины с молодым мужчиной покровительствует Бог — как Адаму с Евой; браку старого мужчины с молодой женщиной — Богоматерь, как Марии и Иосифу; но браку старой женщины и молодого мужчины покровительствует дух зла».

В начале мая 1465 года Ричард Глостерский был вызван королем из Миддлхэма в Лондон, чтобы присутствовать на коронации Элизабет Вудвилл. 26 мая 1465 года Томас Буршье, архиепископ Кентерберийский, провел торжественную церемонию, которая не давала, конечно, новоявленной королеве никаких прав на трон, но по крайней мере драпировала королевской мантией ее сомнительное происхождение. После коронации Ричард был, наконец, посвящен в рыцари ордена Подвязки. Вскоре он вновь получил приказ собираться в дорогу и возвратиться в Миддлхэм, а графу Уорикскому из казны была выделена тысяча фунтов на покрытие расходов по содержанию воспитанника. Герцог Глостерский не замедлил исполнить приказ и вернулся к своим ежедневным упражнениям.

*

В 1466 году королева разрешилась от бремени дочерью, которую назвали Элизабет. Граф Уорикский стал ее крестным отцом. Несмотря на этот знак уважения, Ричард Невилл уже не был самым могущественным лордом королевства, и не в его руках оказались бразды правления государством. Эдуард IV всеми силами укреплял семью своей жены, причем в первую очередь за счет представителей старой знати. Он устроил великолепные браки для трех ее сестер: одна вышла замуж за Уильяма Буршье, сына и наследника Генри, первого графа Эссекского, вторая — за Уильяма Херберта, наследника Уильяма, первого графа Пемброкского,

третья — за Генри Стаффорда, второго герцога Бакингерского. Четвертая же сестра еще в октябре 1464 года стала невестой Томаса Фиц-Алана, наследника Уильяма, шестнадцатого графа Эранделского. Но утолить аппетиты Вудвиллов было нелегко. В марте 1466 года отец королевы лорд Риверс был назначен лордом — верховным казначеем Англии вместо Уолтера Блаунта, первого лорда Маунтджоя. На Пасху король преподнес тестю подарок, возведя его в графское достоинство, а в следующем году новоявленный граф Риверс получил пост лорда — верховного констебля Англии. В октябре 1466 года Томас Грей^[44], сын королевы Элизабет от первого брака, женился на Энн Холланд, единственной дочери Генри, третьего герцога Эксетерского. Граф Уорикский, пожалуй, воспринял как самый тяжелый удар именно это, поскольку хотел выдать за наследницу Холландов своего племянника.

Таким образом, семья королевы сосредоточила в своих руках восемь отдельных пэрств: отца, пяти сестер, сына от первого брака и брата Энтони, женатого на наследнице баронии Скейлз. Лукино Даллагексия, миланский посол в Лондоне, в очередном донесении своему герцогу^[45] писал: «Как Ваша светлость, вероятно, знает, король здесь взял в жены вдову очень низкого происхождения. После коронации она непрерывно прилагает все возможные усилия для возвеличивания своих родственников, а именно отца, матери, братьев и сестер. У нее пять братьев и столько же сестер, и она повернула дело таким образом, что они забрали в свои руки управление этим королевством до такой степени, что из остальных лордов во власти остался лишь граф Уорикский, который всегда был могущественным, чего он несомненно заслуживает»^[11].

Наступление на Невиллов продолжалось. 3 июня 1467 года собрался парламент. В это время лорд — верховный канцлер Джордж Невилл архиепископ Йоркский, брат графа Уорикского, тяжело заболел и временно не мог исполнять своих обязанностей. Король Эдуард IV не замедлил воспользоваться удачно подвернувшемся предлогом и бесцеремонно отстранил архиепископа от должности. Лорд-канцлером он назначил Роберта Стиллингтона, епископа Батского и Уэллзского.

Джордж, герцог Кларенский, получил приглашение на сессию, поскольку достиг совершеннолетия и сам управлял своими владениями. Ричард Глостерский не участвовал в работе парламента вместе с другими лордами — ему не исполнилось еще 17 лет. Король уже понемногу начал привлекать его к участию в государственных делах под руководством опытных придворных, но пока не поручал важных миссий. Например, в

феврале 1467 года Ричард возглавил комиссию, задачей которой было расследование волнений в Йорке: «Комиссия *о́е и термине*^[46] королевскому брату Ричарду, герцогу Глостерскому, королевскому родственнику Ричарду, графу Уорикскому и Солсберийскому, Джону, графу Нортумберлендскому^[47], Генри Фиц-Хью из Фиц-Хью, рыцарю, Ральфу Грейстоку, Грейстокскому, рыцарю, Томасу Ламли, рыцарю... в пределах графства и города Йорк»^{12}.

Тем не менее герцог Глостерский был вызван в Лондон, но вместо участия в работе парламента ему пришлось посетить рыцарский турнир. В четверг 11 июня 1467 года весь Лондон собрался в Смитфилде, чтобы насладиться великолепным зрелищем. По сторонам огороженного ристалища, протянувшегося на 80 метров в длину и на 75 метров в ширину, были возведены две трибуны — одна для придворных, другая для мэра и городских советников. Бургундский хронист Оливье де ла Марш, присутствовавший там, писал, что король Эдуард был «одет в пурпур, с лентой ордена Подвязки на бедре и жезлом в руке. Он выглядел человеком, действительно достойным королевского сана, поскольку был прекрасным и великим принцем... Вокруг него расположились двадцать или двадцать пять советников, все с седыми волосами — они напоминали сенаторов, собравшихся на совет к своему господину»^{13}. Нижние ряды занимали рыцари, оруженосцы и королевские лучники.

Первым на поле выехал лорд Скейлз, перед которым Джордж Кларенсский и граф Эранделский^[48] несли два шлема. Отвесив поклон королю, он направился к своей палатке, чтобы вооружиться. После того как Антуан, бастард Бургундский^[49], исполнил тот же ритуал, двое бойцов схватились на копьях, но ни один из них не смог нанести сопернику удара. Тогда, отбросив большую часть своих доспехов и взяв мечи, они вновь обрушились друг на друга. Конь Антуана врезался головой в седло Скейлза, встал на дыбы и пал замертво, придавив бургундца к земле... Король Эдуард спросил у Антуана, не хочет ли он еще раз оседлать коня, но тот отвечал: «Сейчас неподходящее время». Затем бургундец удалился в свои покои, мрачно бросив по пути Оливье де ла Маршу: «Вне сомнений, он [лорд Скейлз] сражался сегодня со зверем, но завтра ему придется драться с мужчиной»».

На следующий день они должны были сражаться пешими — сначала на копьях, затем на топорах, но «король считал, что метание копья по-настоящему опасно и очень рискованно, и заявил, что турнир — всего лишь приятное времяпрепровождение, а посему он не может допустить, чтобы на

его глазах использовалось такое смертоносное оружие». Скейлз и бургундец бились топорами, Вудвилл наносил удары обухом, его противник — лезвием. Они рубили друг друга отчаянно, топоры лязгали о доспехи. Бой шел столь яростный, что «король... швырнул свой жезл на ристалище и громким голосом закричал: “Хоу!”». Напоследок бойцы успели нанести друг другу еще два или три сильных удара, но затем по повелению короля взялись за руки и поклялись «любить друг друга, как братья по оружию»^[14].

Ричард без особого одобрения наблюдал за поединком и даже не думал принять участие в турнире, хотя мог выступить в высшей степени достойно. Он, затративший столько сил на изучение боевых искусств, титаническими усилиями поборовший свою врожденную физическую слабость, считал, что истинный аристократ не должен демонстрировать военное мастерство на потеху публики для удовлетворения своего тщеславия, а использовать его для защиты королевства от врагов.

*

Будучи в Лондоне, Ричард наблюдал, как быстро расширяется пропасть между старшим братом и воспитателем. Если граф Уорикский здраво полагал, что в интересах короны надо сблизиться со старинным недругом — Францией, также желавшей этого союза, то Эдуард IV, наущаемый Вудвиллами, выступил за возобновление традиционного альянса с Фландрией, то есть с герцогом Бургундским, в чьи владения она входила. Антуан, бастард Бургундский, приехал 10 мая 1467 года в Лондон по личному приглашению короля и оставался в Англии до лета, хотя в это же время Уорик вел в Руане непростые переговоры с королем Людовиком XI^[50] о мире, закончившиеся 18 июня. Миланские послы Эммануэль де Джакопо и Джованни Пьетро Паникаролла доносили своему герцогу: «Король [Франции] ведет секретные переговоры с королем Англии Эдуардом при посредстве графа Уорикского... Они уже в целом договорились... что король Эдуард и король Франции отныне и навсегда будут братьями по оружию; между королевствами Англия и Франция будет заключен вечный мир; король Эдуард откажется от всех и титулов, прав и претензий на королевство Франция. Французский король отдаст вторую дочь за второго брата короля Эдуарда^[51] (старший брат^[52] женится на дочери упомянутого графа) и в качестве приданого получит часть земель

герцога Бургундского и графа Шароле, с которыми они договорились вести войну до победного конца... король Эдуард получит для вышеуказанного брата Голландию, Зеландию и Брабант»^[15]. Таким образом, Ричард Глостерский в планах обеих сторон играл не последнюю роль.

Французское посольство прибыло в Англию, чтобы официально оформить выработанное соглашение, и провело в Лондоне целый месяц, ожидая ответа от Эдуарда IV. Однако король так и не принял послов, которые вернулись домой ни с чем. Эдуард воспользовался возможностью еще раз унижить Уорика, а также продемонстрировать Людовику, как мало его заботили отношения с Францией. Он спешно готовил альянс с бургундцами, предлагая наследнику герцогства Шарлю де Шароле^[53] в жены свою сестру Маргарет. Эдуард также наложил королевский запрет на брак герцога Кларенсского и Изабел Невилл. Однако Джордж Кларенс был человеком своевольным, ненадежным и крайне амбициозным. Он подбил Ричарда, который, естественно, гораздо лучше знал графа, помочь ему в переговорах, и два брата тайком покинули Лондон, чтобы встретиться с Уориком в Кембридже и обсудить возможность все-таки заключить запрещенный Эдуардом IV брак. Узнав об этом, король приказал братьям немедленно предстать перед ним. Он сурово их выбранил и отправил под арест, приставив к ним для охраны четверых рыцарей.

Продолжая свою континентальную политику, в мае 1468 года Эдуард IV объявил о намерении на следующий год лично возглавить экспедицию против Франции. Перед лицом свершившегося брака сестры английского короля и Шарля Смелого, ставшего к тому времени герцогом Бургундским, а также серьезных приготовлений Англии к военному вторжению, Людовик XI счел целесообразным подкинуть дров в затухающий огонь гражданской войны. При его поддержке Маргарита д'Анжу оживила дело ланкастриан. В Лондон стали поступать тревожные сигналы. В Уэльсе был схвачен гонец изгнанной королевы, который вез письма гарнизону Харлеха, до сих пор не сложившему оружия. Когда курьера доставили в столицу, он обвинил графа Уорикского в заигрывании с ланкастрианской партией. Король впал в гнев. Уорику на этот раз удалось достаточно легко оправдаться, но официальное примирение между Ричардом Невиллом и Эдуардом IV состоялось только после Рождества и стоило архиепископу Йоркскому Джорджу Невиллу колоссальных усилий. Да и вряд ли это примирение было действительно искренним.

В начале июня в Куинборо задержали еще одного тайного посланника королевы, Джона Корнелиуса, при котором нашли важные письма ее приверженцам в Англии. Этот курьер, простой сапожник, был заточен в Тауэр, где под пыткой рассказал все, что знал о заговоре ланкастриан. Мятежниками оказались по большей части люди незнатные, в основном зажиточные лондонцы вроде купца Томаса Кука. Но среди участников заговора Корнелиус назвал бывшего казначея Кале сэра Джарвиса Клифтона и Джона Хокинса, слугу лорда Джона Уэнлока, всегда считавшегося верным йоркистом. Судьи, в числе которых были лорд — верховный судья Англии Джон Маркэм, Джордж Кларенсский и Ричард, граф Уорикский, признали Хокинса виновным в государственной измене. Казнь состоялась так быстро, что он не успел ничего рассказать об участии в заговоре своего хозяина.

В конце июня 1468 года Джаспер Тюдор (граф Пемброкский, как его называли ланкастриане, несмотря на то, что титул был давно отобран) прибыл в Северный Уэльс на трех французских судах с отрядом в полсотни воинов и небольшой суммой денег. Он высадился около Харлеха. Этот мощный замок, осажденный войсками лорда Херберта, испытывал нужду буквально во всем. Тюдор не мог снять осаду, но попытался отвлечь внимание осаждавших — при поддержке мятежных валлийцев он разграбил и сжег королевский город Денби. Лорд Херберт с частью своей армии перехватил мятежников, рассеял валлийские отряды и обратил их в бегство. Потеряв последнюю надежду на помощь извне, командир гарнизона Давид ап Йеван ап Эйнион 24 августа сдал Харлех. В плен попали все, кто защищал замок. Среди них находился и никому тогда не известный двенадцатилетний племянник Джаспера Тюдора по имени Генри.

Дядю и племянника, убежденных сторонников Ланкастеров, доставили в Лондон вместе с другими бунтовщиками, но обошлись с ними на удивление мягко: к смерти были приговорены только двое из пятидесяти. Как покажет история, это было роковым решением, поскольку оба Тюдора стали самыми опасными и деятельными врагами династии Йорков, а младший из них в конце концов занял трон под именем Генри VII. Уильям Херберт за взятие последнего оплота ланкастриан получил титул первого графа Пемброкского. Даже здесь король умудрился наступить на больную мозоль графу Уорикскому, который сам претендовал на этот титул. Кроме того, Эдуард IV опять показал, пусть и неумышленно, свое пренебрежение к брату Ричарду, который до этого момента носил титул графа Пемброкского.

Король был хорошо осведомлен через своих шпионов о заговорах сторонников свергнутой династии, но главная угроза его трону таилась совсем в другой стороне. Весной 1469 года граф Уорикский отправился в Кале, чтобы взять в свои руки управление английской территорией на континенте. Там он начал разрабатывать планы по возвращению себе всей полноты власти. При этом Уорик по-прежнему делал вид, что действует в рамках политики, определенной королем. Он встречался с герцогом Бургундским и вроде бы прилагал все усилия для укрепления дружеских отношений между двумя странами. Но граф не смог провести такого опытного политика, как миланский посол, который написал своему господину: «Он [граф Уорикский] составил план, который должен превратить его в главного человека в правительстве; понимая положение дел, он выдал двух своих дочерей замуж за двух братьев короля, и в минувший день Св. Иоанна герцог Кларенский женился в Кале, переплыв пролив»^[16].

Действительно, в начале июля в Кале прибыли Джордж Невилл, архиепископ Йоркский, и шурин Уорика ярый ланкастрианин Джон де Вер, граф Оксфордский^[54] — они были приглашены на свадьбу Джорджа Кларенского и Изабел Невилл, старшей дочери Уорика. Несмотря на королевский запрет жениться, 11 июля состоялась церемония бракосочетания. На следующий день Уорик и Кларенс огласили петицию, содержащую перечень жалоб на правительство Эдуарда IV. Ричарду Невиллу пришелся очень кстати такой сторонник, поскольку король все еще не имел сына, а Кларенс как-никак являлся условным наследником трона. У Джорджа были собственные поводы для недовольства: он ненавидел королеву и весь клан Вудвиллов, совершенно необоснованно, по его мнению, захвативших богатые владения и должности. Вероятно, Кларенс даже верил в то, что Уорик сделает его королем вместо брата.

Несомненно, Ричард Невилл также надеялся на поддержку своего воспитанника герцога Глостерского. Хотя посол несколько опередил события, но из его донесения видно, что планы относительно брака Ричарда и дочери графа Уорикского существовали уже как минимум в августе 1469 года. Однако Глостер, поначалу помогавший Джорджу в организации брака, в Кале не поехал: у него было время серьезно подумать и разобраться в ситуации. Детские игры закончились, и перед Ричардом впервые в жизни встала необходимость сделать тяжелый выбор: сохранить вассальную верность королю и старшему брату, притом что тот вел себя не слишком разумно, или же платить благодарностью и привязанностью

своему воспитателю, поступавшему как настоящий государственный муж. Дилемма была тем более непростой, что кузен как раз заботился о нем в течение последних нескольких лет, дал ему надлежащее воспитание, ввел в общество северных лордов, хотел выдать за него свою дочь. Герцогу Глостерскому было спокойно и уютно в Миддлхэме, там он нашел надежных друзей. В общем, ничего, кроме добра, от кузена он не видел. В то же время Эдуард IV, хоть и был его родным братом, не проявлял к нему никакого интереса. При дворе, полном насмешек, сплетен и интриг, господствовали Вудвиллы, и Ричард чувствовал там себя не в своей тарелке. Он не желал принять компанию этих парвеню — их высокомерие раздражало его так же сильно, как и чванливость, в основе которой лежало недавно приобретенное состояние. Не могли склонить весы на ту или другую сторону и предпочтения герцога Кларенсского, когда-то пользовавшегося у Ричарда непререкаемым авторитетом. Джордж изрядно надоел младшему брату своими капризами и алчностью. Общего у них осталось немного — детские воспоминания и нелюбовь к Вудвиллам.

*

Бремя нелегких раздумий герцогу Глостерскому облегчил сам Уорик, решившийся открыто выступить против Эдуарда IV. Ричард понял, что лояльность трону для него важнее личных чувств и привязанностей, и решил прочно связать свою судьбу с королем. Как обычно, сделав раз выбор, он уже от него не отказывался. К тому времени худенький болезненный мальчик превратился в крепкого, сухощавого, невысокого юношу с сильными руками и гордой осанкой. Если он не надевал доспех или специально пошитую одежду, то было заметно, что правое плечо у него выше, чем левое — единственное проявление сколиоза. Однако болезнь не мешала ему проявлять и на охоте, и на тренировках чудеса ловкости и выносливости. Он превосходно владел мечом и особенно боевым топором.

Эдуард IV по достоинству оценил изменения, произошедшие с братом, и в свою очередь начал искать сближения с ним. Ричард быстро превратился в одного из самых близких и самых преданных его сторонников. В феврале 1469 года он был с королем в Солсбери во время суда над предателями Генри Кортнеем и Томасом Хангерфордом^[55], уличенными в сношениях с Ланкастерами и приговоренными к казни. Ни граф Уорикский, ни герцог Кларенсский в расследовании участия не принимали. Глостер присутствовал на важной церемонии в Виндзоре 13

мая, когда Шарль Смелый, унаследовавший по смерти отца герцогство Бургундское, был посвящен в рыцари ордена Подвязки.

В конце мая в Йоркшире вспыхнул мятеж некоего Робина из Ридсдейла, под личиной которого скрывался, как многие полагают, сэр Джон Коньерс Хорнбийский — доверенный слуга Уорика, женатый на его кузине. Повстанцы первоначально выступали против взыскания монастырем Святого Леонарда налога с фермеров в 25 снопов хлеба. Постепенно их претензии выросли до обвинений правительства в жестокости и бездействии, как это часто случалось в смутные времена Генри VI. Главное недовольство у них вызывали приверженность короля Эдуарда IV фаворитам из числа семьи Вудвиллов, отсутствие в королевстве правопорядка и судебной справедливости, а также чрезмерно тяжелое налогообложение. В рядах последователей Робина из Ридсдейла были не только крестьяне, но и дворяне ланкастрианской ориентации, а также последователи графа Уорикского — например Ричард де Уэллз^[56].

Одновременно в Восточном райдинге^[57] Йоркшира вспыхнуло другое восстание под руководством Робина из Холдернесса. Он требовал от Невиллов возвращения роду Перси всех владений, в том числе и титула графа Нортумберлендского. Ясно, что носивший тогда этот титул Джон Невилл не испытывал никаких симпатий к мятежникам. С небольшим войском он встретил повстанцев у ворот Йорка, обратил их в бегство, схватил Робина из Холдернесса и обезглавил его. Но Невилл палец о палец не ударил для подавления срежиссированного старшим братом мятежа Робина из Ридсдейла, который со всеми своими силами двинулся на юг.

Поначалу Эдуард IV не придавал большого значения этим волнениям, полагая, что северные лорды сами наведут порядок. Он преспокойно отправился в паломничество по святым местам в Бери-Сент-Эдмундс и Уолсингем в компании графа Риверса, лорда Скейлза и прочих Вудвиллов, планируя посетить места поклонения Святому Эдмунду Мученику и Деве Марии. Перед самым отъездом король неожиданно приказал Ричарду Глостерскому присоединиться к своей свите. Ричард повиновался, взяв с собой друга детства Роберта Перси и оруженосца Джона Парра.

Во время путешествия король получил сообщение, что Уорик и Кларенс открыто восстали против его власти. Маршрут следования пришлось изменить: кавалькада сначала двинулась в Норидж, а оттуда в Линн, стоявший на побережье залива Уош. Проезжая мимо Нориджа, король оказался в эпицентре борьбы между герцогами Норфолкским^[58] и Саффолкским из-за наследства героя Столетней войны покойного сэра

Джона Фастолфа. Норфолк претендовал на замок Кейстер, Саффолк — на манор Хеллсдон. И то и другое владение недавно перешли в руки Джона Пастона^[59], главного душеприказчика Фастолфа. Глава семьи Пастон сэра Джон пытался пробиться к королю с просьбой о правосудии, но неудачно. Поскольку маршрут королевского похода как раз пролегал через Хеллсдон, то Ричард Глостерский мог своими глазами убедиться в беззакониях и насилиях, к которым прибегал Саффолк, разрушивший в 1465 году процветавшее до этого поместье.

Один из королевских придворных, Томас Уингфилд, обещал брату Джона Пастона, что отыщет вместе с милордом Глостерским способ показать королю разрушенный дом и рассказать о разорении манора. Ричард и Томас действительно привлекли внимание короля к руинам, но Эдуард IV заявил, что не собирается оказывать какое-либо особое предпочтение Пастонам или кому бы то ни было другому: если этот ущерб действительно причинен герцогом Саффолкским, то Пастонам следует обратиться в комиссию *о́йе и термине*, которая в скором времени должна была начать работу в Норидже. Таким образом, заступничество Ричарда оказалось безуспешным, но его усилия не пропали даром: сэра Джон был признателен ему за поддержку, и вскоре на службу к герцогу Глостерскому поступили четыре молодых дворянина из окружения Пастона — Барнард, Брум и Калторп.

*

В замке Райзинг, где кавалькада 24 июня остановилась на ночлег, король сообщил Ричарду, что цель путешествия изменена, и теперь они, прервав паломничество, отправляются на подавление восстания Ридсдейла. Герцог Глостерский не был готов к такому повороту событий. Он срочно отправил письмо помощнику королевского казначея сэру Джону Сею:

«Верный и возлюбленный, мы горячо Вас приветствуем. Поелику Его королевская светлость назначил мне сопровождать Его высочество в северные земли нашего королевства, это будет стоить мне больших затрат и расходов. Я был призван туда весьма внезапно и не запасся деньгами в той степени, в которой меня обязывает мой ранг, и я прошу Вас, ибо имею к Вам особое доверие, одолжить мне сто фунтов до будущей Пасхи. Не беспокойтесь, к этому сроку я обещаю Вам вернуть все деньги. Предъявитель сего, которому Вы можете доверять, доставит Вам мое письмо. Прошу Вас явить мне Вашу дружбу, каковую и я охотно буду готов

явить Вам в будущем. Писано в Райзинге в 24-й день июня.

Р. Глостер.

Р. С. Сэр Дж. Сей, я прошу Вас не отказать мне сейчас, в момент большой нужды, а я окажу Вам мое покровительство за то, что Вы потрудитесь на мое благо»^[17].

Дойдя до Линна, король и его свита сели в городском порту на судно и по Нину добрались до Фотерингея, где в течение недели собирали отряды местных землевладельцев. 5 июля маленькая армия выступила на Стамфорд и 7 июля вошла в Ньюарк. Тут король принял решение повернуть назад, поскольку получил донесение о том, что силы мятежников значительно превосходят его собственные. Кроме того, с каждым днем становилось яснее, что за восставшими стоят граф Уорикский и герцог Кларенский. Королевское войско переместилось в замок Ноттингем. Там Эдуард и Ричард ожидали прибытия армии, которую должны были собрать на западе страны и в Уэльсе Хамфри Стаффорд, граф Девонский^[60], и Уильям Херберт, граф Пемброкский. Однако подкрепление к ним так и не подошло, поскольку на марше оно встретилось с повстанцами. 26 июля 1469 года мятежники одержали победу в упорной битве при Эджкот-Муре, неподалеку от Банбери. Пемброк и его брат сэр Ричард Херберт Колбрукский были взяты в плен и казнены в Нортхемптоне — то ли по приказу графа Уорикского, то ли еще до его прибытия. Графа Девонского ожидала та же участь в Бриджуотере, а графа Риверса и Джона, одного из его младших сыновей, казнили в замке Кенилуорт — всех без какого-либо подобия суда и следствия.

Оценив, насколько неравными были силы, король распустил армию и приказал своим немногочисленным приверженцам скрыться. Сам он сдался Ричарду Невиллу и в качестве заключенного был переправлен сначала в замок Уорик, а затем в Миддлхэм. Герцог Глостерский предпочел бы встретить врагов с мечом в руке и уговаривал брата принять бой. Однако категорический приказ короля ему пришлось исполнить. Он утешал себя тем соображением, что врагам в руки не должны попасть сразу оба члена королевской династии. Кроме того, он надеялся, что в неволе Эдуард пробудет недолго. Ричард скрывался неподалеку, возможно, в Западном райдинге Йоркшира^[61], ожидая известий от брата.

Граф Уорикский, заполучивший сразу двух королей — свергнутый Генри VI Ланкастерский также находился в его руках, — обосновался в Миддлхэме и пытался оттуда управлять страной от имени пленного Эдуарда IV. Он общался с королевским советом, заседавшим в Лондоне,

посредством писем и приказов, одобренных Эдуардом. Но в начале сентября Уорик обнаружил, что его режиму не хватает полномочий — в частности, он не мог эффективно поддерживать порядок в королевстве. Мятеж Робина из Ридсдейла продолжался, поскольку помимо последователей дома Невиллов среди бунтовщиков было много ланкастриан, которые взялись за оружие вовсе не для того, чтобы преподнести графу власть на блюдечке.

Параллельно вспыхнуло восстание, вдохновленное дальним родственником Уорика и его политическим противником сэром Хамфри Невиллом. Лондон недовольно бурлил, а Джон Невилл, граф Нортумберлендский, не сделал ни единого движения, чтобы помочь старшему брату. Герцог Норфолкский воспользовался смутой, чтобы осадить замок Кейстер и вынудил его сдаться. В общем, страна выходила из-под контроля. Уорику пришлось освободить короля в обмен на право набора войска. Собрав силы, граф разгромил восставших, захватил в плен сэра Хамфри Невилла и казнил его.

Оказавшись на свободе, Эдуард IV поспешил в Йорк, куда прибыл 10 сентября. Там к нему присоединился Ричард Глостерский. Не мешкая, братья отправились в замок Понтефракт (или Помфрет, как называли его северяне), куда были вызваны верные королю лорды с отрядами — и в первую очередь его друг лорд Хейстингс^[62]. Теперь, когда Эдуард располагал войском, Уорику было затруднительно чинить ему помехи. Король решил немедленно идти в Лондон, чтобы восстановить в полном объеме свою власть.

Часть вторая.

ВЕРНАЯ ОПОРА ТРОНА

Глава первая.

НАМЕСТНИК УЭЛЬСА

В середине октября 1469 года Эдуард IV вступил в столицу. Вудвиллы моментально вернули себе доминирующую роль при дворе, однако король уже не смотрел на них, как на прочную опору своей власти. Поддержка, которую они могли ему обеспечить, была несоразмерна угрозе, исходившей от двух самых могущественных его подданных — графа Уорикского и герцога Кларенсского, опиравшихся к тому же на авторитет одного из высших иерархов английской церкви, архиепископа Йоркского. Хрупкий мир между Эдуардом IV и Ричардом Невиллом, хотя и скрепленный взаимными заверениями в любви и дружбе, с большим трудом сдерживал их взаимную враждебность, и ситуация оставалась взрывоопасной.

Король обратил свое внимание на младшего брата Ричарда. Пусть тот и не разделял его пристрастий к веселой и разгульной жизни, но оставался верным и мужественным соратником на протяжении последних месяцев. Семнадцатилетний герцог 17 октября 1469 года был сделан лордом верховным констеблем Англии вместо погибшего графа Риверса. Одновременно с этой должностью ему были пожалованы Клитеро и Холтон в Ланкашире и Чешире. Ричард также вступил во владение замком и лордством Судли в Глостершире. 7 ноября он стал верховным судьей Северного Уэльса, десять дней спустя — верховным стюардом некоторых лордств Южного Уэльса, а 30 ноября получил аналогичные должности во всем княжестве Уэльс и в графстве Марч.

Справиться с новыми обязанностями у Ричарда, конечно, не хватило бы опыта, но молодой герцог не остался без консультаций и помощи. На ответственные посты в Уэльсе были назначены грамотные администраторы: бывший слуга Ричарда, третьего герцога Йоркского, Уолтер Девре, лорд Феррес Чартлейский, родственник и сторонник графа Пемброкского сэр Роджер Вон из Третауэр-Корт, а также Джон Данн, на которого возложили особые обязанности в Западном Уэльсе.

Но несмотря на искушенность в государственных делах своих помощников, Ричард решил сам отправиться в Уэльс, причем немедленно: большая часть княжества, особенно его западные области, полностью вышла из-под королевского контроля. В последние дни октября герцог Глостерский покинул Лондон и отправился в Марч^[63], вооруженный

королевской грамотой, наделявшей его самыми широкими правами: «Королевскому брату Ричарду герцогу Глостерскому предоставлена полная власть и полномочия захватить и привести в подчинение королевские замки Кармартена и Кардигана в Южном Уэльсе, в которых засели люди Моргана ап Томаса ап Гриффита, люди Генри ап Томаса ап Гриффита и прочие мятежники, и откуда они совершают набеги на соседние земли; взять замки под надежную защиту и правление; обещать помилование тем мятежникам, кто пожелает подчиниться и принести клятву верности»^{18}.

В течение нескольких недель Ричард был по горло занят делами, наводя порядок в Уэльсе, пытаясь восстановить королевскую власть в этой мятежной части страны, традиционно лояльной Ланкастерам и весьма чувствительной к проявлениям слабости со стороны короны. Брат не оставлял его без финансовой поддержки: Ричарду постоянно поступали средства на покрытие личных расходов и прочих трат, которые он должен был нести в соответствии с королевским повелением, а также на содержание свиты. 19 октября герцог Глостерский получил 100 фунтов, 6 ноября — 500 марок, 10 ноября — еще 100 фунтов. Для Ричарда это был первый опыт самостоятельного администрирования, и он успешно справился с ним. Замки у повстанцев удалось отобрать, страна успокоилась, барды перестали распевать по деревням воинственные баллады, возбуждающие дух мятежа, а вооруженные отряды бунтовщиков больше не прятались по горам. В качестве признания заслуг Ричарда 20 ноября ему были дарованы в наследственное владение поместья Олвертон и Тайворнейл-Тиз в Корнуолле, манор Уилмингтон, а также земли Хакинг и Долли в Кенте.

На Рождество герцог Глостерский вернулся в Лондон и тут же явился к брату с отчетом. Король благосклонно выслушал его доклад и попросил присутствовать 5 января на церемонии возведения Джорджа Невилла, сына графа Нортумберлендского, в достоинство герцога Бедфордского. Подробно ознакомившись с действиями, предпринятыми Ричардом в Уэльсе, Эдуард IV полностью их одобрил. 6 января 1470 года герцог Глостерский был назначен главой комиссии *о́е и термине* по Южному и Северному Уэльсу, а месяц спустя, 7 февраля, получил должности, принадлежавшие раньше графу Уорикскому — он стал верховным судьей и камергером Южного Уэльса. Это окончательно испортило и без того натянутые отношения бывшего воспитателя с его воспитанником. Кроме того, Ричард временно занял пост стюарда графств Кинкардин и Кармартен — до достижения совершеннолетия Уильямом Хербертом, вторым графом Пемброкским, который был немногим младше его самого.

Став полновластным представителем короля в Уэльсе и Уэльской марке, Ричард посчитал своим долгом вновь отбыть к месту службы. По причине загруженности местными проблемами он не сыграл заметной роли в последовавшем кризисе. В феврале 1470 года в Линкольншире вспыхнул мятеж Роберта Уэллза^[64], сына того самого лорда Уэллза, который сражался за мятежника Робина из Ридсдейла. Эдуард IV выступил с армией на север, послав Уорику и Кларенсу приказ явиться с отрядами, который они, впрочем, проигнорировали. Ричарду также было отправлено королевское распоряжение собрать войско на подконтрольных ему землях и двинуться на соединение с основными силами. Распоряжение прибыло с запозданием, но это неожиданно сыграло на руку королю.

Разгромив 12 марта при Эмпингеме повстанцев в одиночку, Эдуард получил неопровержимые доказательства причастности к мятежу Ричарда Невилла, графа Уорикского, намеревавшегося в случае успеха посадить на трон своего сообщника — герцога Кларенского. Граф и герцог, поняв, что их планы раскрыты, бежали в Манчестер, надеясь получить там помощь от Томаса Стэнли^[65], самого могущественного магната Ланкашира. Хотя Стэнли являлся ярко выраженным приспособленцем — изворотливым, корыстолюбивым и ненадежным — Ричард Невилл тем не менее был уверен в его поддержке. Мало того что Томас был женат на его сестре, он имел веские причины недолюбливать как Эдуарда IV, так и Ричарда Глостерского — ведь первый пожаловал второму маноры Холтон и Клитеро, располагавшиеся во владениях Стэнли. Вот тут-то и сыграла свою роль небольшая армия герцога Глостерского, с запозданием двигавшаяся к северу по приграничным графствам Херефордшир и Чешир. Она создала ощутимую угрозу для Стэнли и помешала тому поддержать бунтовщиков. Главарям мятежников пришлось бежать во Францию, где они были тепло приняты королем Людовиком XI.

Герцог Глостерский вскоре получил новое предписание — провести рекрутский набор в Глостершире и Херефордшире, чтобы преследовать рассеянные группы восставших. Затем 17 апреля он встретился с братом в Эссексе. Король приказал ему набрать войско в прибрежных графствах Корнуолле и Девоне и организовать защиту побережья от возможной высадки мятежников, ибо герцог Бургундский настойчиво предупреждал Эдуарда о том, что Уорик готовит вторжение. Затем герцог Глостерский вернулся в Уэльс, где 18 июня 1470 года председательствовал на большой судебной сессии в Кармартене.

Вскоре после этого король счел, что Ричард полностью выполнил

порученное ему дело. Однако если западная провинция действительно была усмирена весьма эффективно, то со сворачиванием охраны корнуоллского побережья Эдуард поторопился. Так или иначе, но король решил послать брата в вечно бунтующий Йоркшир, где уровень доверия к династии Йорков был, пожалуй, еще ниже, чем в Уэльсе. Уже в июле Ричард сопровождал брата на север в походе, предпринятом для подавления йоркширского восстания, во главе которого стоял зять Уорика — лорд Фиц-Хью Рейвенсуортский^[66]. И хотя к тому времени, когда войска дошли до Йорка, восстание уже захлебнулось, в целом ситуация в северных землях оставалась беспокойной. 26 августа герцог Глостерский был назначен хранителем Западной шотландской марки^[67]. Судьба вновь привела Ричарда на север, с которым он отныне был тесно связан до конца своих дней.

Пока братья умиротворяли королевство, во французском изгнании граф Уорикский не терял времени даром. Он заключил союз с бывшим смертельным врагом — королевой Маргаритой д'Анжу, которая также нашла убежище во Франции. Скрепить альянс между старыми противниками был призван брак, в который вступили наследник короля Генри, семнадцатилетний Эдуард принц Уэльский, и младшая дочь Уорика, четырнадцатилетняя Энн Невилл. Людовик XI согласился поддержать вторжение изгнанников в Англию. В качестве платы он потребовал, чтобы по возвращении трона Ланкастеры выступили на стороне Франции против Шарля Бургундского.

В начале сентября Уорик и Кларенс в компании Джона де Вера, графа Оксфордского, и Джаспера Тюдора, ланкастрианского графа Пемброкского, отплыли из нормандского порта Ла-Хог. 13 сентября они благополучно высадились в Дартмуте и Плимуте, что в графстве Девоншир, откуда двинулись на север. Вскоре к ним присоединились граф Шрусберийский и лорд Стэнли с сильными отрядами, и в Ковентри вошли уже объединенные силы мятежников.

Эдуард IV, все еще находившийся в Йоркшире, неожиданно оказался отрезанным от южной части страны и от столицы — главным образом из-за измены доселе лояльного Джона Невилла, у которого были веские причины для перехода на сторону мятежников. Во-первых, Уорик был его родным братом. Во-вторых, ему не очень понравилась недавняя выходка короля: а именно, в 1464 году он получил титул графа Нортумберлендского, конфискованный у ланкастрианина Генри Перси. Однако наслаждаться графским достоинством ему пришлось недолго: сын опального феодала,

также носивший имя Генри Перси^[68], был восстановлен в своих наследственных правах, включая титул, и Невиллу пришлось удовольствоваться непривычным для Англии титулом маркиза Монтегю. Дезертирство Джона Невилла оказалось роковым для Эдуарда IV большая часть недавно набранных на севере войск входила в отряд изменника, значительно превосходивший по численности остальное войско короля. Ричард и Эдуард ночевали в Донкастере, когда были среди разбужены криком менестреля: «Враг приближается!» Этим врагом оказался как раз Джон Невилл, убедивший своих солдат перейти на сторону Уорика.

Сторонники короля в панике разбежались, с Эдуардом IV остались только Ричард Глостерский, брат королевы Энтони Вудвилл и Уильям Хейстингс. Ни один из них не рискнул положиться на милосердие графа Уорикского, чья жестокость по отношению к пленным врагам была так убедительно продемонстрирована в 1469 году. Лучшим проявлением доблести король счел немедленный побег. Вскочив на коней, Эдуард, Ричард, Энтони и Уильям поскакали в ночь, направляясь на восток. Добравшись до побережья залива Уош, они не смогли найти никаких судов, за исключением небольших лодок. Беглецы смело отдались на волю волн и чуть не утонули, когда налетевшая буря принялась трепать их утлые суденышки. В конце концов удача им улыбнулась, и в воскресенье 30 сентября они достигли Кингс-Линна. В портовой гавани стояло несколько рыболовецких судов. Взяв с собой столько солдат, сколько смог вместить крошечный флот, 2 октября 1470 года изгнанники отплыли в Голландию. По пути их заметили с кораблей Ганзы, немедленно пустившихся в погоню.

От ганзейцев они ускользнули, но при этом потеряли друг друга. Эдуард IV высадился на острове Тексел, а Глостер и Риверс, плывшие на другом судне, пристали к берегу гораздо южнее, в Зеландии. Побег из Англии был столь поспешным, что они оказались совсем без средств. Чтобы хоть как-то свести концы с концами, Ричарду пришлось занять три фунта, два шиллинга и два пенса у бальи города Веере. К счастью, изгнанникам вскоре удалось найти приют у Луи де Брюгге^[69], губернатора Голландии. До того, как бургундский герцог Шарль Смелый поставил его управлять этой провинцией, де Брюгге был послом в Англии и поэтому лично знал короля.

Изгнанники провели всю осень в Гааге, в доме губернатора, где хранилось великолепное собрание манускриптов. Знакомство с этой коллекцией оказало сильное влияние на вкусы короля Эдуарда, который впоследствии постарался собрать в своей библиотеке такие же книги по истории и рыцарские романы, отдавая явное предпочтение манускриптам, созданным в Брюгге. Не отстал от своего хозяина и лорд Хейстингс, также оставивший после себя неплохую коллекцию. Однако Ричарда книжное собрание губернатора Голландии оставило равнодушным — судя по тому, что его личная библиотека была довольно скудной. Герцог Глостерский был искренне благочестивым и религиозным человеком, поэтому среди немногих принадлежавших ему книг почетное место занимали копия первой английской версии Нового Завета Джона Уиклифа, на которой Ричард поставил свою личную подпись, Ветхий Завет также на английском языке, «Видения Святой Матильды» и, наконец, Часослов. Из светских книг он владел английским переводом трактата Вегедия «О военном деле», французской хроникой и сборником рассказов, включавшим, между прочим, два произведения Чосера.

Тем временем граф Уорикский освободил из Тауэра свергнутого короля Генри VI и восстановил его на престоле, за что получил от потомков прозвище *Kingmaker*, или Делатель королей. Все важные государственные должности вновь заняли ланкастриане, а Ричард Невилл в очередной раз стал фактическим правителем страны. Он призывал королеву Маргариту вернуться в Англию и привезти с собой сына Эдуарда, однако та колебалась, не зная, насколько прочным окажется положение ее мужа. Йоркисты, оставшиеся в Англии, прятались по убежищам. В святынице Вестминстерского аббатства скрывалась Элизабет Вудвилл; именно там она 2 ноября родила своего первого сына, которого назвали Эдуардом.

Если гостеприимство Луи де Брюгге было теплым и щедрым, то в остальных отношениях перспективы изгнанников выглядели не радужно. Герцог Бургундский поначалу вообще отказывался официально признавать присутствие короля Англии в своих владениях. Однако когда Людовик XI ясно продемонстрировал враждебные намерения по отношению к Бургундии и оказал давление на Англию с целью заручиться ее поддержкой, герцог Шарль соизволил, наконец, заметить беглецов и дал им официальный прием спустя неделю после Рождества. Бургундец оказал изгнанникам небольшую материальную поддержку в размере 50 тысяч гульденов, чтобы они могли нанять бургундские и ганзейские корабли, а также фламандских пушкарей.

Для беглецов настала беспокойная пора. Ричард разрывался между

Флиссингенским портом, где снаряжались суда для экспедиции, и домом Луи де Брюгге. Всего несколько дней в феврале ему удалось выкроить для того, чтобы провести их со своей любимой сестрой Маргарет, два года назад ставшей герцогиней Бургундской. Они вспоминали детство, проведенное в Фотерингее, обсуждали измену Кларенса и способы привлечь его на свою сторону. Брат и сестра, прекрасно изучившие характер Джорджа, дали Эдуарду совет использовать все имевшиеся в его распоряжении рычаги, играя на болезненной подозрительности и завистливости герцога Кларенсского. С середины февраля эти встречи Ричарда и Маргарет, к их обоюдному сожалению, прекратились: герцогу Глостерскому пришлось поселиться в порту, поскольку подготовка к отплытию вошла в финальную стадию. Вместе с Хейстингсом и Риверсом он наблюдал за погрузкой на суда продовольствия и за оснащением их маленькой армии.

*

Английские изгнанники были готовы отплыть 2 марта, но погода держала их в порту еще девять дней. Только 11 марта они с 1200 солдатами, треть из которых составляли фламандцы, отплыли из Флиссингена. Следующим утром эскадра подошла к английскому берегу близ деревушки Кромер в графстве Норфолк, надеясь встретить сочувствие в Восточной Англии — в первую очередь у людей герцога Норфолкского, а также у арендаторов и сторонников графа Риверса. Но в той части графства, где они пристали, население было явно настроено против них, и эскадре пришлось идти дальше на север, к побережью Йоркшира. Там она попала в бурю, разметавшую суда. Хронист Эдуарда IV подробно описал плавание:

«В эту ночь до самого утра среды, и в четверг 14 марта на море бушевали сильные шторма, ветры и бури, и 14-го числа с большим трудом он [Эдуард] достиг Хамберхеда, потеряв другие суда, которые рассеялись по пути. Их прибило к земле, и они причалили в разных местах далеко друг от друга. Один корабль, на котором находился король, камергер двора ^[70] лорд Хейстингс и еще 500 человек, пристал у Хамбера, со стороны Холдернесса, в местечке под названием Рейвенспер. Именно здесь когда-то сошел на берег по возвращении из изгнания узурпатор Генри Дербийский, позднее именованный королем Генри IV...

Ричарда герцога Глостерского с отрядом в 300 человек отнесло от этого места на четыре мили. Граф Риверс и его товарищи числом 200

человек высадились в местечке под названием Полл в четырнадцати милях от места, где причалил король, да и остальные войска добрались до берега где попало. Этой ночью Эдуард с несколькими сопровождающими остановился на ночлег в бедной деревушке, в двух милях от того места, где он сошел со своего корабля. Утром следующего дня, после того как гнев бури несколько поутих, остальные его спутники покинули корабль и присоединились к нему. И наутро 15 марта из разных мест к королю подошли все его товарищи, прибывшие на других кораблях»^{19}.

Недружественный берег, воющий над серым морем ветер, измученные люди, чудом избегнувшие смерти в волнах, и никаких признаков остальной армии — все эти превратности легли тяжким грузом на плечи молодого герцога Глостерского. Однако Ричард все-таки сумел найти короля и его отряд. Во главе своих продрогших и вымокших солдат он тронулся за воинами Эдуарда IV к ближайшему городу Кингстон-апон-Халл. Но жители Кингстона отказались открыть ворота королевской армии. Тогда войско отправилось в Йорк, который находился в 60 километрах к северо-западу. У городских ворот Эдуард объявил, что его цель — всего лишь отстоять законные права на герцогство Йоркское, а на корону он не претендует. Точно так же три четверти столетия назад Генри Дербийский клялся здесь, что хочет только вернуть свое герцогство Ланкастерское.

Но и йоркцы ворот не открыли. Только самому Эдуарду со свитой в 15 человек, включая Ричарда, было позволено войти в город. Жители Йорка встретили их громкими криками «Да здравствует король Генри!», изредка перемежавшимися, правда, возгласами «Да здравствует благородный герцог Йоркский!». В то время никакого пиетета перед Йорками население их родового города не испытывало. После недолгих переговоров войти внутрь крепостных стен смогли и остальные солдаты.

Наутро войско оставило негостеприимный город и двинулось по дороге на Тадкастер, а затем к Уэйкфилду в обход принадлежавшего маркизу Монтегю замка Понтефракт. Эдуарду IV сильно помогла незатухающая вражда Невиллов и Перси: граф Уорикский вынужден был доверить охрану севера двум злейшим врагам — Джону Невиллу и Генри Перси, оспаривавшим друг у друга титул графа Нортгумберлендского. И вышло так, что Перси намеренно не препятствовал продвижению йоркистов, а у Невилла не было достаточно сил, чтобы противостоять им в одиночку.

Не встречая открытого сопротивления, армия Эдуарда шла на юг. Постепенно к ней небольшими отрядами начали присоединяться сторонники. В Ноттингеме к королю прибыло первое серьезное подкрепление. Там же йоркисты получили сведения, которые помогли им оценить обстановку. Под Ковентри, в 80 километрах к югу, стоял граф Уорикский со значительными силами; герцог Кларенсский собирал войска на юго-западе страны. Внушительный флот бастарда Фоконберского бороздил воды Ла-Манша. С востока угрожающе надвигалась армия графа Оксфордского, герцога Эксетерского и виконта Бомонта^[71]. С севера неохотно приближались преследовавшие Эдуарда отряды маркиза Монтегю.

Быстро оценив ситуацию, король приказал резко свернуть на восток. Этот маневр отпугнул графа Оксфордского, войска которого уступали королевским в численности и который решил поэтому отступить. Затем Эдуард бросил армию на юг в Лестер, где к ней присоединились около 2500 солдат, а затем вышел к Ковентри, где укрылся граф Уорикский. 29 марта Эдуард IV, разбивший лагерь около города, вновь провозгласил себя королем и предложил Уорикку выбор между помилованием и превратностями битвы. Ричард Невилл тянул время, ожидая подхода Монтегю, Оксфорда и Кларенса, и не выходил из-за зубчатых стен Ковентри.

В этот момент многое зависело от намерений герцога Кларенсского, который сумел собрать существенные силы. Ричард Глостерский выступил в роли посредника. Три брата, каждый в сопровождении немногочисленной охраны, тайно встретились неподалеку от города Уорик, в 16 километрах к югу от Ковентри. Джордж мало получал и много терял в результате воцарения на троне Генри VI. Самой вероятной перспективой для него было снижение собственного влияния и престижа, а также потеря многих маноров, в основном отобранных у ланкастриан. Эдуард IV обещал вернуть ему свое расположение и гарантировал прощение за последнее предательство, что выглядело для Кларенса весьма соблазнительным. Основная роль в переговорах выпала на долю герцога Глостерского. Он искусно сглаживал и разрешал все разногласия, возникавшие между братьями. Сначала Ричард долго совещался с Джорджем, а затем не меньше времени потратил, чтобы убедить короля принять покорность герцога. В конце концов Кларенс твердо пообещал перейти на сторону йоркистов.

Заручившись поддержкой герцога Кларенсского, Эдуард IV рискнул оставить Уорика в тылу, бросив его в Ковентри. Он выступил маршем прямо на Лондон и прибыл туда 11 апреля 1471 года. Первым делом король

поспешил к королеве в святилище Вестминстерского аббатства, чтобы увидеть своего новорожденного сына. Ричард же наслаждался заслуженным отдыхом.

Утром следующего дня, в Страстную пятницу, герцог Глостерский принимал участие в военном совете, затем осматривал вооружение и экипировку своих солдат. В Великую субботу Ричард вместе с другими капитанами представил войска на королевский смотр. Армия выступала в поход на графа Уорикского, который следовал за йоркистами по пятам. Командование арьергардом было поручено лорду Хейстингсу, король и Кларенс вели центральную баталию, а самое опасное назначение получил герцог Глостерский, место которого было в авангарде — весьма непростое испытание для восемнадцатилетнего командира, не участвовавшего еще ни в одном крупном сражении.

Передовой отряд армии графа Уорикского занял город Барнет, расположенный всего в 16 километрах от столицы. Вечером 13 апреля авангард йоркистов под командованием Ричарда выбил ланкастриан из Барнета, но останавливаться на ночлег в городе, узкие улочки которого представляли собой настоящую мышеловку, Эдуард IV не стал. Он приказал пройти через Барнет насквозь и разбить лагерь за его пределами. Пушки ланкастриан всю ночь обстреливали позиции противника. Правда, в темноте артиллеристы взяли неправильный прицел и били с перелетом, поскольку йоркисты подошли ближе, чем рассчитали ланкастриане.

На следующее утро 14 апреля, между пятью и шестью часами утра Ричард выстроил свои отряды в боевом порядке. На землю опустился сильный туман. Обе армии встали тремя баталиями, расположенными по фронту. Но в условиях плохой видимости противники заняли места не точно друг напротив друга. Правый, восточный фланг йоркистов, образованный авангардом Ричарда, выступал за левый фланг ланкастриан, а правое крыло ланкастриан нависало над левым крылом йоркистов.

Когда армии сошлись врукопашную в пешем строю, правое крыло армии Уорика под командованием графа Оксфордского обошло левое крыло йоркистов. Атакованные с фланга войска дрогнули, часть солдат обратилась в бегство — они ринулись в Лондон, разнося весть о поражении. В это же время герцог Глостерский со своей баталией зеркальным образом обошел и опрокинул левое крыло ланкастриан. На этом участке завязался самый упорный бой: Ричард был легко ранен, но продолжал без устали работать своим боевым топором. О накале битвы и личной отваге командира красноречиво свидетельствует тот факт, что многие из ближайшего окружения Глостера пали, в том числе его

оруженосец.

Эдуард IV твердо удерживал центр против средней баталии врага, которой командовал сам граф Уорикский. В результате всех этих маневров линия фронта развернулась на 90° к ее первоначальному положению. Когда 800 воинов из баталии графа Оксфордского, преследовавшие беглецов, вернулись из рейда, они наткнулись на своих там, где не ожидали. Точно так же сумятицу в рядах правого фланга ланкастриан вызвал подход неопознанного отряда. Они приняли значки Оксфорда с изображением звезд за «сияющие солнца»^[72] Эдуарда IV и открыли огонь. Отряд был разбит, солдаты разбежались с поля боя, сея панику криками: «Измена! Измена!»

Упорная четырехчасовая битва закончилась полным разгромом ланкастриан. Видя неминуемое поражение, граф Уорикский пытался спастись. Но пока ему нашли коня, пока он выбрался из свалки, время было упущено. Йоркисты настигли графа и убили его в лесу неподалеку от поля боя. В сражении погиб и его брат Джон, маркиз Монтегю. Генри Холланд, герцог Эксетерский, был так изранен, что немногим отличался от мертвого. Граф Оксфордский бежал сначала в Шотландию, а затем во Францию. Число убитых с обеих сторон составило более тысячи человек.

Ричард искренне сожалел о гибели своего воспитателя, а Эдуард IV — самого ценного из всех соратников. Останки графа Уорикского и маркиза Монтегю не подверглись поношению. В течение двух дней они выставлялись в соборе Святого Павла, чтобы все жители Лондона могли убедиться в том, что оба Невилла действительно мертвы. Затем их предали земле, похоронив в родовой усыпальнице графов Солсберийских — в Бишемском аббатстве, расположенном на берегу Темзы близ города Марлоу, что в 50 километрах к западу от Лондона.

*

По злой иронии точно в день битвы при Барнете армия Маргариты д'Анжу высадилась на дорсетском побережье у города Уэймут. Несколько недель до этого королева активно собирала на континенте силы, надеясь вовремя привести графу Уорикскому помощь. 24 марта ее войско собралось в Арфлере, готовое к отплытию. Но, как и йоркистам тремя неделями раньше, выйти в море ей мешала штормовая погода, удерживавшая до 13 апреля корабли в порту. Ричард узнал о высадке Маргариты на английском побережье 16 апреля 1471 года, когда победоносная королевская армия

вернулась в Лондон. Немедленно выступить на перехват солдаты не могли — они были слишком измотаны. Войскам дали несколько дней на отдых, пополнили ряды свежими отрядами. Отпраздновав 23 апреля День святого Георгия, небесного покровителя Англии, братья отправились на поиски ланкастриан.

До Маргариты дошли слухи о разгроме армии Уорика, поэтому ее военачальники не повели солдат прямо на Лондон, а решили сделать большой крюк к западу и собрать приверженцев династии Ланкастеров в Девоне и Корнуолле. Когда в столице узнали о вторжении, армия уже покинула Эксетер и направлялась к Гластонбери. Оттуда она двинулась на Бат и далее на Бристоль, где к Маргарите подошли сильные подкрепления и артиллерия. Ланкастриане планировали переправиться через реку Северн и соединиться с валлийскими войсками Джаспера Тюдора. Королю Эдуарду необходимо было перехватить их до этого момента, дав бой у Глостера. Он понимал, что неприятель его опережает, и послал одного из своих офицеров с отрядом латников занять город и удерживать его любой ценой до подхода основных сил. Когда в десять часов утра 3 мая ланкастриане форсированным маршем подошли к Глостеру, они обнаружили, что опоздали. Продолжив движение вдоль Северна в поисках другой переправы, они к пяти часам прибыли к Тьюксбери, где также не нашли моста через реку. Но солдаты смертельно устали и не могли двигаться дальше.

Эдуард IV шел параллельно ланкастрианам. В Челтенхеме он получил известие, что противник стоит у Тьюксбери. Йоркисты находились всего в восьми километрах от врага, когда ночь заставила их расположиться на ночлег. Силы были примерно равны. Отдых нужен был обеим сторонам, особенно измотанным ланкастрианам. Хронист писал: «К тому времени они прошли 36 миль по грязи, по узким тропинкам и каменистым дорогам, петлявшим меж деревьев, без глотка освежающего воздуха... На всем своем пути люди не могли найти ни конины, ни другого пригодного для еды мяса, а тем более воды для своих коней, за исключением единственного маленького ручья, у которого они сделали небольшой привал, и то он вскоре был замутнен обозом, который его пересек»^[20].

На рассвете субботы 4 мая Эдуард IV под звуки труб начал наступление. Командующий армией королевы Эдмунд, герцог Сомерсетский^[73], занял превосходную позицию в полутора километрах от города Тьюксбери на возвышенности между ручьем Суиллгейт и рекой Эйвон, оставив аббатство и город в тылу. С фронта позиции прикрывались

изгородами, кустами и канавами. Герцог Сомерсетский командовал правым флангом, граф Девонский — левым, а лорд Уэнлок^[74] и принц Эдуард — центром. Йоркисты также выстроились в три баталии: Эдуард IV — в центре, Хейстингс — на правом фланге. Герцогу Глостерскому вновь доверили авангард, стоявший на левом крыле. Король мог положиться на своего брата: Ричард, несмотря на молодость, доказал, что способен справиться с самой сложной задачей. За левым флангом йоркисты расположили небольшой резерв.

Бой начался со смертоносной перестрелки из луков и пушек. Если бы ланкастриане оставались на месте, йоркистам было бы очень тяжело приблизиться к ним. Ричард Глостерский повел своих людей в атаку, но продвижение замедляли грязь и многочисленные изгороди, преграждавшие путь. Неожиданно герцог Сомерсетский также бросил своих рыцарей и латников в контратаку на наступающего противника и обрушился на левый фланг йоркистов. Ричард вовремя заметил опасность и стойко выдержал первый удар. Ему удалось пресечь панику в рядах своих солдат, хотя пришлось немного отойти, чтобы перестроить ряды. В этот критический момент с тыла на Сомерсета напал резервный отряд из 200 копейщиков. Рыцари и латники не выдержали и отступили, позволив солдатам короля ворваться в укрепления ланкастриан. Увидев, что благодаря отваге брата правый фланг врага разбит, Эдуард IV двинул своих людей против центра, где отчаянно защищалась баталия принца Эдуарда.

Исход сражения уже не вызывал сомнений. Центр вскоре также обратился в бегство. Потери ланкастриан были тяжелыми: их позиция, хоть и выгодная для обороны, не позволяла быстро отступить. Герцог Сомерсетский скрылся в святилище Тьюксберийского аббатства, раскроив перед этим топором голову лорду Уэнлоку. Он счел его изменником, предавшимся йоркистам, поскольку отряды центра не поддержали атаку и остались на своих позициях. Однако лорд Уэнлок был невиновен — просто он понимал преимущества защищенной позиции, в то время как наступление Сомерсета оказалось бессмысленной авантюрой, ставшей в результате причиной поражения всей армии.

Джон Кортней, граф Девонский, и Джон Бофорт, маркиз Дорсетский^[75], пали в сражении. Семнадцатилетний принц Эдуард Вестминстерский, единственный сын свергнутого Генри VI, был убит, когда пытался скрыться с поля боя.

Эдмунда Бофорта, герцога Сомерсетского, рыцарей сэра Томаса Трешема и сэра Джарвиса Клифтона, а также других ланкастриан,

искавших убежища в аббатстве Тьюксбери, по приказу короля вытащили оттуда силой. Ричард Глостерский, будучи лорд-констеблем Англии, заседал в суде, разбиравшем их дело. Всех мятежников приговорили к смерти и обезглавили на рыночной площади города 6 мая, на второй день после битвы. Никто в Англии не считал такое решение особенно жестоким. Казненные были непримиримыми противниками йоркистов, а многие из них злоупотребили амнистией, объявленной для них Эдуардом IV в предыдущие годы.

Остальных участников похода королевы Маргариты по королевскому приказу помиловали. Тела всех погибших и казненных лордов предали земле в Тьюксберийском аббатстве. Сама королева была схвачена в монастыре недалеко от места сражения, взята под стражу и доставлена в Лондон. Власть Эдуарда IV теперь некому было оспаривать, хотя некоторые области страны какое-то время продолжали бурлить. Джаспер Тюдор оказывал вооруженное сопротивление в Южном Уэльсе. Вновь вспыхнуло восстание в Йоркшире. Лондону угрожал бастард Фоконберский, который пересек Ла-Манш с солдатами из гарнизона Кале и высадился в Сандвиче. Но эти проблемы были устранены одна за другой.

*

21 мая Ричард вернулся в Лондон. Он ехал во главе триумфальной процессии, за ним следовал лорд Хейстингс, следом — король с герцогом Кларенским. Вечером того же дня герцог Глостерский впервые присутствовал на королевском совете в качестве полноправного члена. И надо сказать, что вопрос, который поставил перед советом Эдуард IV, был не из приятных. Король требовал, чтобы совет вынес решение о казни короля Генри VI, томившегося в плену в Тауэре. После гибели при Тьюксбери принца Эдуарда не было никакого смысла оставлять в живых Генри VI, ибо тот являл собой последнюю досадную помеху безоблачному правлению Эдуарда IV. Лорды не посмели отказать королю, и решение совета было передано констеблю Тауэра лорду Дадли делегацией членов совета, в составе которой был и Ричард Глостерский. Ему не слишком нравилось подобное поручение, однако он понимал, какую опасность представляет для правящей династии оставленный в неприкосновенности зародыш бунта. Весь его небольшой жизненный опыт подтверждал правильность решения, принятого братом.

Хронист Эдуарда с изрядной долей лицемерия записал тогда: «Партия

Генри... исчезла и была подавлена навсегда, и не было никакой надежды на то, что в нее снова вдохнут жизнь... Когда об этом узнал помянутый Генри, называвшийся недавно королем и находившийся в Лондонском Тауэре, то он, не имевший до той поры представления обо всех подробностях случившихся событий, воспринял это с такой злобой, гневом и негодованием, что скончался в 24-й день месяца мая от раздражения и скорби»^{21}.

Миланский посол при французском дворе Сфорца ди Беттини Флорентийский 17 июня отправил своему герцогу более достоверное сообщение, хотя тоже не без вымышленных деталей, вроде слухов о гибели королевы Маргариты:

«Король Эдуард не склонен был долее держать короля Генриха в заточении, хотя тот и был в некотором смысле слабоумным, и не было великого страха по поводу его поступков. Его сын принц и граф Уорикский были мертвы, как и все те, кто стоял за него и обладал какой-либо силой. Таким образом он [Эдуард] приказал тайно убить короля Генри в Лондонском Тауэре, где тот находился в заточении. Говорят, то же самое он сделал с королевой, женой короля Генри. Короче говоря, он решил уничтожить все семя. Похоже, что из-за такой жестокости люди Англии предприняли несколько попыток восстать против короля Эдуарда, но поскольку они сами пребывали в смятении, мятежи вскоре были подавлены. И так король Эдуард с тех пор мирно правит своим королевством Англия, не встречая больше ни малейших препон»^{22}.

Династия Ланкастеров окончательно пресеклась. Вечером 25 мая тело Генри поместили в собор Святого Павла, где оно лежало на похоронных носилках. Лицо покойного короля было открыто для обозрения. Приходившие проститься с бывшим владыкой Англии не видели на нем никаких ран, свидетельствовавших о насильственной смерти, поскольку, по словам лондонского хрониста, «вокруг похоронных носилок было больше копий и жезлов, чем факелов»^{23}. На следующее утро тело короля погрузили на лодку и по Темзе перевезли в город Чертси, где захоронили в Бенедиктинском аббатстве.

После похорон Генри VI пришло время разобраться с локальными очагами недовольства. Волнения в Йоркшире подавил от имени короля Генри Перси, восстановленный в титуле графа Нортумберлендского. Против Томаса, бастарда Фоконбергского, Эдуард IV отправил герцога Глостерского. Бастард попытался скрыться, выйдя в море, но вскоре был задержан у побережья графства Эссекс. В качестве назидания и наглядного

урока прочим бунтовщикам Ричард провез пленных Томаса Невилла и его подручных через несколько портовых городов, а затем приказал казнить в Миддлхэме. Головы мятежников, обращенные в сторону Кента, украсили Лондонский мост.

Глава вторая.

ВЕЛИКИЙ ЛОРД СЕВЕРА

Эдуард IV позаботился о вознаграждении тех, кто помогал ему все это время, полное опасностей и измен. В первую очередь награды заслуживал его младший брат. Ричард унаследовал должности, власть и поместья на севере Англии, принадлежавшие ранее графу Уорикскому. После вторичного воцарения на троне Эдуард IV вновь утвердил его в должностях лорда — верховного констебля и адмирала Англии, а также хранителя Западной шотландской марки. Кроме того, 18 мая 1471 года герцог Глостерский был назначен лордом — великим камергером Англии — этот пост стал вакантным после гибели Уорика. 4 июля король сделал Ричарда верховным стюардом северных территорий герцогства Ланкастерского (еще одна должность Уорика), а чуть позже — верховным стюардом палатината Ланкашир вместо лорда Стэнли, который таким образом расплатился за поддержку мятежников. 14 июля во владение Глостеру перешли все заповедные маноры^[76] Ричарда Невилла к северу от реки Трент, в том числе лордства Пенрит в Камберленде и Миддлхэм с Шериф-Хаттоном в Йоркшире. В декабре Ричард получил все маноры, конфискованные у непокорного Джона де Вера, графа Оксфордского, и лидеров Линкольнширского восстания 1470 года. По большей части они находились в восточных графствах Англии, преимущественно в Эссексе, их число в общей сложности достигало восьмидесяти, а совокупный годовой доход с них превышал тысячу фунтов. Герцог Глостерский также стал с 18 мая 1472 года хранителем всех королевских лесов к северу от Трента — ранее эту должность отправлял Генри Перси, граф Нортумберлендский.

Одновременно король освободил брата от обязанностей в Уэльсе, разделив их между Уильямом Хербертом, графом Пемброкским, и Джоном Толботом, графом Шрусберийским. Пожалования 1471–1472 годов составили основу власти Глостера на севере, став той базой, на которой впоследствии покоилось его влияние.

В конце сентября 1471 года герцог Глостерский вернулся из Миддлхэма в Лондон. В родовом гнезде Невиллов, ставшем теперь его домом, он встретился со старшей дочерью Уорика, возобновив детское знакомство. Ричард не забыл попыток графа Уорикского женить его на Энн. Сентиментальные чувства, которые он испытывал к девушке, не мешали

ему трезво оценить тот факт, что она была наследницей половины состояния ее матери Энн Бошан, графини Уорикской *suo jure*. Ричард отчетливо понимал, что первый же шаг к устройению брака вызовет резкое противодействие завистливого Кларенса, который уже был женат на Изабелли, старшей дочери Энн Бошан и надеялся заполучить наследство Уориков целиком.

Кстати сказать, у Джорджа были все возможности испортить жизнь Ричарду: он снова оказался в фаворе, несмотря на свое недавнее предательство. Король вел себя по отношению к среднему брату более чем щедро. В 1471 году Джордж был восстановлен во всех своих бывших владениях, за исключением тех, которые получил Перси в результате реституции титула графа Нортумберлендского. Но и тут в качестве компенсации Кларенсу были дарованы земли, ранее принадлежавшие роду Кортнеев в Девоне и Корнуолле, а также обещаны владения рода Бошанов-Деспенсеров, которыми граф Уорикский при жизни распоряжался от имени своей жены. Незаконность этого обещания была очевидной даже для людей, не слишком разбиравшихся в наследственном праве: Уорик не был официально подвергнут аттинктуре решением парламента, его обвинили в государственной измене по общему праву. Да и при аттинктуре конфискация собственности распространялась бы только на владения самого Ричарда Невилла, унаследованные им от Невиллов на севере и от Монтегю в графстве Солсбери. Собственность его жены Энн под конфискацию никоим образом не подпадала, и распоряжаться ею король не мог.

Жадность и вздорность Джорджа порядком надоели Ричарду, и на этот раз он был готов пойти на обострение отношений, продемонстрировав открытое недовольство эгоистическими поступками брата. В немалой степени в пику Джорджу герцог Глостерский воскресил матримониальные планы своего покойного воспитателя, благо с точки зрения знатности и богатства Энн Невилл явно была подходящей парой принцу. Будущая невеста также не могла не видеть всех выгод этого союза. Один только Глостер во всей Англии обладал достаточным политическим влиянием, чтобы вырвать ее часть наследства из лап Кларенса. Кроме того, Энн хотела обзавестись семьей и испытать настоящую любовь. Будучи целый год замужем за Эдуардом, принцем Уэльским, она не вкусила радостей замужества — к моменту его гибели ей не исполнилось еще и пятнадцати лет, да и муж ее был озабочен совсем другими проблемами. Люди, близко знавшие наследника ланкастерского престола, не без оснований считали его личностью малопривлекательной. Например, миланский посол во Франции

Джованни Пьетро Паникаролла так отзывался об Эдуарде Вестминстерском в письме своим герцогу и герцогине от 14 февраля 1467 года:

«Этот мальчик, будучи всего тринадцати лет от роду, уже не говорил ни о чем, кроме отрубания голов и войны, как будто все было в его власти, или он был богом сражений, или признанным всеми обладателем трона этого королевства»^[24].

Очередная ссора между братьями стала тяжелым внутренним потрясением для Англии, ибо Ричард теперь был в силах дать надлежащий отпор покушению на свои права. Она вызывала всеобщее сожаление. Вот как писал об этом хронист:

«Сюда я хотел бы также вставить рассказ о распри, которая возникла во время празднования дня святого Михаила^[77] между двумя братьями короля... и которую с трудом удалось уладить. После того как в битве при Тьюксбери был убит сын короля Генри, женатый на леди Энн, младшей дочери графа Уорикского, Ричард, герцог Глостерский, решил жениться на упомянутой Энн. Эти планы, однако, не совпадали с намерениями его брата герцога Кларенсского, который уже был женат на старшей дочери того самого графа. Дело обстояло так, что он заставил девицу скрыться, чтобы его брат не смог узнать, где она. Он боялся разделения собственности графа, которой желал завладеть единолично по праву своей жены, и не быть обязанным делить ее с кем-либо еще. Однако хитрость герцога Глостерского возобладала, и он нашел молодую леди в городе Лондон, переодетую в одежду кухарки, после чего увез ее в святилище церкви Святого Мартина. Из-за этого между братьями возникли ожесточенные распри. С каждой стороны с большой резкостью выдвигалось множество весомых аргументов в присутствии самого короля, слушавшего это дело в зале городской ратуши. Все присутствовавшие при сем, включая даже законовевов, были весьма поражены тому, как эти принцы смогли найти такое множество аргументов в поддержку своих позиций. В самом деле, трое братьев — король и оба герцога — обладали столькими удивительными талантами, что, если бы они могли жить без ссор, такой тройной канат никому не удалось бы разорвать без крайнего напряжения сил»^[25].

Хотя леди Энн по доброй воле согласилась на «похищение», организованное Ричардом, перед ним встала серьезная проблема. Дело в том, что взять ее под свою защиту он не мог, ибо в таком случае его действия трактовались бы как принуждение к браку или даже насилие. Энн

могла свободно выйти за него замуж, только оказавшись вне его контроля, но тогда она становилась беззащитной перед Кларенсом, фактически исполнявшим роль ее опекуна. Ричард принял соломоново решение и временно поместил ее в святилище лондонской церкви Святого Мартина-в-полях. Но даже здесь Энн, не имевшая собственных средств к существованию, зависела от того содержания, которое ей обеспечил Ричард. Эта двусмысленность ее положения и стала одним из главных аргументов, которые Кларенс выдвинул против герцога Глостерского.

Король, которому пришлось лично улаживать спор, встал на сторону младшего брата и 17 февраля 1472 года разрешил ему вступить в брак. По закону на него требовалось папское разрешение, так как Ричард и Энн находились в близкой степени родства. У папы немедленно запросили диспенсацию^[78] на брак между женихом и невестой, состоящими в третьей и четвертой степени родства. Папа дал свое согласие:

«Рим, (собор Святого Петра), 10-й день майских календ. Рикардус герцог Глостер, мирянин Линкольнской епархии, и Анна Невилл, женщина из Йоркской епархии, хотят вступить в брак, но так как они состоят в третьей и четвертой степени родства, то просят о сем диспенсации. *Item*, декларативное письмо о третьей и четвертой»^[26].

Почему Ричарда нимало не заботил тот факт, что он был братом мужа Изабел, приходящейся родной сестрой Энн Невилл? Этот вопрос волнует многих новейших исследователей, ибо, по их мнению, такое родство делает брак недействительным с точки зрения канонического права. Однако современники герцога Глостерского не выказывали никаких сомнений: каноническое право нигде прямо не препятствовало заключению союза между двумя братьями и двумя сестрами, хотя запрещенные варианты супружества рассматривались законниками весьма подробно. Отцы Церкви в свою очередь говорили прямо противоположное. Еще святой Беда Достопочтенный недвусмысленно указывал: «Таков основной принцип канонического права — свойство не порождает свойство. А посему совершенно ясно, что женитьба одного брата не может быть препятствием для женитьбы другого брата на любом члене той же семьи»^[27].

Потерпев поражение в своих претензиях быть единоличным опекуном и охранителем Энн, Джордж отступил на шаг и стал настаивать уже на том, что Глостер волен получить даму, но не ее земли. Однако под сильным королевским давлением ему в конце концов пришлось согласиться на раздел имущества. 25 марта 1472 года он получил владения графа и графини Уорикских, за исключением земель, отданных герцогу

Глостерскому, и стал носить титулы графа Уорикского и Солсберийского.

Предмет для ссоры вроде бы был исчерпан, но Кларенс продолжал вести себя крайне враждебно по отношению к Глостеру. Его влияние на короля Эдуарда было еще достаточным, чтобы отобрать у Ричарда должность лорда — великого камергера Англии — Джордж выпросил этот титул 20 мая 1472 года. Герцог Глостерский, победив в главном, удовлетворился более скромным постом хранителя королевских лесов к северу от Трента.

*

В середине весны Ричард с Энн переехали в Уэнзлидейл подальше от происков Кларенса и интриг Вудвиллов. Ближе к лету Ричард обосновался в Миддлхэме, который получил в числе прочих владений, принадлежавших когда-то Уорику. Он любил этот замок, будивший в нем воспоминания юношеских лет, и предпочитал его прочим резиденциям. В качестве стюарда герцогства Ланкастерского он должен был находиться в Понтефракте, но постоянно пренебрегал этим. Его жена также с удовольствием вернулась в места, где она выросла.

Однако герцог Глостерский отправился на север совсем не ради спокойной жизни и приятных воспоминаний. Помимо королевского поручения навести порядок в беспокойных приграничных областях и повысить уровень лояльности к династии Йорков, он ставил перед собой задачу личного свойства завоевать сердца суровых и прямодушных дворян-северян. Земли и должности графа Уорикского, а также женитьба на представительнице рода Невиллов открыли Ричарду доступ в гордое, независимое и строго клановое общество северных графств. Хотя территории к северу от Трента, за исключением Йоркшира, не отличались ни густонаселенностью, ни богатством, они были крайне важны для королевства, поскольку представляли собой естественный источник опытных и стойких воинов, закаленных в постоянных стычках с шотландцами. Однако северяне не были расположены дарить свою верность пришлым правителям.

Знать и дворянство этих земель были тесно спаяны кровными и брачными узами, иногда просто близким соседством. Ричард, лорд Фиц-Хью^[79], чье основное имение находилось в Рейвенсуорте всего в нескольких милях от замка Миддлхэм, приходился кузеном герцогу Глостерскому: мать лорда Фиц-Хью Элис Невилл была дочерью Ричарда

Невилла, графа Солсберийского, который, в свою очередь, был старшим братом матери Глостера. Далее, лорд Фиц-Хью женился на дочери главного королевского конюшего сэра Томаса Боро Гейнсбороского^[80] в Линкольншире, также ставшего одним из доверенных слуг герцога Глостерского. Всего в нескольких километрах от Миддлхэма жил Джон, лорд Скруп Болтонский. Его первая жена была урожденной Фиц-Хью, вторая — вдовой Уильяма, лорда Зуша Харингуортского в Нортхемптоншире, а их сын Джон^[81] был убежденным сторонником Ричарда Глостера. И Скруп, и Зуш были хорошо знакомы с восходящей звездой правоведения — молодым нортхемптонширским юристом Уильямом Кэтсби^[82]. Более того, этот последний женился на Маргарет, сестре Джона Ла Зуша. Через браки лорды Фиц-Хью были связаны с лордами Грейстоками, владевшими землями в Йоркшире и Камберленде, а также с камберлендскими лордами Дакрами Гилслендскими. Грейстоки и Дакры в свою очередь через браки породнились друг с другом и с баронской семьей Скрупов Месемских, чьи владения также располагались недалеко от Миддлхэма.

Связи с джентри — помещиками, не имевшими титулов были не менее важны для Ричарда, чем дружба и родство с лордами, особенно в Йоркшире. Из среды беститульных дворян вышли многие его самые доверенные слуги и лейтенанты. В подавляющем большинстве своем они составляли раньше свиту графа Уорикского, многие происходили из семей, чьи земли находились рядом с Миддлхэмом. Так, сэр Джон Коньерс из соседнего замка Хорнби служил управляющим Ричмонда и получал от графа Уорикского жалованье в размере 13 фунтов шести шиллингов и восьми пенсов. Ричард оставил ему эту должность, повысил выплаты до 20 фунтов и ввел в свой герцогский совет наряду с Джоном, лордом Скрупом Болтонским и Ральфом Грейстоком^[83], которые состояли в нем еще с 1475 года. В Камберленде и Уэстморленде многие члены ведущих семей попали в орбиту влияния Невиллов, а затем продолжили служить Ричарду — Парры, Хаддлстоуны, Масгрейвы. Кстати, именно сэр Джон Хаддлстоун Милломский заботился об миддлхэмских владениях герцога.

Однако в близкое окружение Ричарда попадали не только бывшие слуги Невиллов, но и люди, связанные крепкими узами с его собственным родом. Сэр Джон Сэвилл происходил из Западного райдинга Йоркшира и владел землями в Торнхилле недалеко от замка Сандал, а его предки служили Йоркам более полувека. Роберт Харингтон, пользовавшийся доверием Ричарда, приходился родным братом сэру Джеймсу Харингтону

Хорнбийскому в Ланкашире, занимавшему важные должности при Эдуарде IV. Несколько человек перешли к герцогу Глостерскому от графа Нортумберлендского — например сэр Хью Хейстингс Фенвикский в Восточном райдинге Йоркшира.

Сердца многих северян Ричард Глостерский завоевал сам, без помощи семейных связей. Так, на его службе сделали себе состояние Меткафы из Наппы, что в пяти милях от Миддлхэма. Джеймс Меткаф служил Глостеру с 1471 года и получал жалованье шесть фунтов 13 шиллингов и четыре пенса. Его дядя Майлз входил в герцогский совет. Приближенными Ричарда были Томас Гауэр, чьи владения лежали недалеко от Шериф-Хаттона и Ститтенхема, Молевереры, исполнявшие обязанности шерифов Девона и уполномоченных по выморочному имуществу в Кенте и Миддлсексе, йоркширцы сэр Томас Маркенфилд Маркенфилдский и знаменитый воин сэр Томас Эверингем. Ричард Рэтклифф^[84] был всего-навсего младшим сыном в захудалой дворянской семье из-под Дервентуотера в Озерном краю, ни один из членов которой не выбился даже в мировые судьи. Однако это не помешало Рэтклиффу сделать головокружительную карьеру под покровительством герцога Глостерского. Впрочем, Рэтклифф приходился шурином Джону, лорду Скрупу Болтонскому.

*

В конце сентября Ричард оставил свои дела и отправился в Лондон на сессию парламента. К жене он вернулся на Рождество, а когда празднования закончились, поспешил обратно в Лондон — в феврале начиналась вторая парламентская сессия. Этот парламент запомнился тем, что стал одним из самых долгих в истории Англии. Его сессии растянулись на два с половиной года, в общей сложности лорды и общины заседали 44 недели, за это время умерли шесть депутатов общин и сменились три лорд-канцлера.

В перерывах между заседаниями герцог Глостерский продолжал методично наводить порядок на севере и укреплять там свое влияние. Он понимал, что ключевым моментом в решении обоих вопросов для него является вовлечение в структуру власти графа Нортумберлендского. На встрече с королем в Ноттингеме Ричард сумел убедить брата, что северная граница будет гораздо крепче, если добиться лояльности влиятельного лорда. 12 мая герцог Глостерский привел графа на королевский совет, где

перед лицом Эдуарда IV был заключен договор между двумя северными магнатами: Нортумберленд признал над собой власть герцога Глостерского, а тот обязался уважать все права и привилегии Генри Перси и обещал быть ему добрым и милостивым господином. Ричард мог торжествовать победу — если он и не сделал опасного соперника своим другом, то по крайней мере надежно нейтрализовал его враждебность.

Другой план Глостера состоял в том, чтобы упрочить свою популярность, продемонстрировав северянам заботу о глубоко почитаемой ими семье Невиллов. Когда граф Уорикский бросил вызов королю, Ричард яростно с ним боролся, но теперь Невиллы были разбиты и обессилены. Глостер явно симпатизировал родным своей жены и своего воспитателя, чего особенно и не скрывал. Сейчас, считал он, пришло время подать им руку дружбы и помощи.

В начале июня Ричард добился разрешения перевести свою тещу графиню Уорикскую^[85] в Миддлхэм из святилища в Болье, где та скрывалась. Она прибыла в Англию в 1471 году вместе с войском королевы Маргариты, а после разгрома при Тьюксбери нашла убежище в монастыре. Ричард был искренне тронут трагичным положением тещи и в меру своих сил пытался облегчить ее участь. Его доверенный слуга сэр Джеймс Тирелл^[86] доставил Энн Бошан в Миддлхэм, где на попечении герцога ей жилось намного лучше, чем в монастырском святилище.

Ричард также озаботился судьбой Джорджа Невилла, архиепископа Йоркского. Тот был тесно связан с ланкастрианским изгнанником Джоном де Вером, графом Оксфордским, который с весны 1473 года занялся пиратством и захватывал все попадавшиеся ему бургундские и английские корабли. Затем граф высадился на горе Святого Михаила — так называли скалу, торчавшую из моря у побережья Корнуолла — и закрепился на ней со своими сторонниками. Когда связи архиепископа с мятежником вскрылись, по приказу короля он был арестован, признан виновным и приговорен к заключению в замке Ам под надзором капитана Кале.

Ричарду нимало не нравился изворотливый заговорщик, но тем не менее он, собирая войска в Йоркшире против графа Оксфордского, настойчиво просил короля освободить архиепископа. Норфолкский дворянин Джон Пастон писал своему брату: «Я надеюсь, что стараниями герцога Глостерского милорд архиепископ вернется домой»^[28]. И действительно, год спустя Джордж Невилл был освобожден из-под стражи.

В то время как Ричард умело сочетал личные устремления с пользой для королевства, герцог Кларенсский действовал крайне деструктивно. Он вновь активизировался сверх всякой меры, открыто претендуя на все наследство Невиллов и скрыто — на корону. Кларенс резко выступал против освобождения вдовствующей графини Бошан и передачи ее под опеку Ричарда, однако Эдуард IV резко осадил смутьяна и намекнул, что готов полностью восстановить графиню в правах, а после ее смерти передать все владения и имущество Ричарду Глостерскому. Тот же Джон Пастон, неплохо осведомленный о придворных интригах, в другом письме брату писал:

«Почтенный и возлюбленный брат, шлю тебе свои наилучшие пожелания и хочу передать слухи, которые дошли до меня. Многие люди из окружения короля послали за своими доспехами и утверждают почти наверняка, что герцог Кларенсский стремится добиться всего возможного могущества, чтобы справиться с герцогом Глостерским. Однако король намерен во избежание любого беспокойства быть столь же могущественным, как они оба вместе взятые, и стать умиротворителем между ними. А некоторые полагают, что за всем этим стоит нечто большее, что замышляется измена. На нас надвигается что-то, о чем я не могу сказать»^{29}.

Даже осторожный Пастон осмелился весьма прозрачно намекнуть, что герцог Кларенсский примеряется к короне, одновременно продолжая свою тяжбу с братом. Но если король до поры до времени смотрел сквозь пальцы на возмутительное поведение Джорджа, то Ричард вовсе не был склонен изображать из себя мальчика для битья. Разгорелся очередной нешуточный конфликт. Миланский посол при французском дворе доносил в начале февраля: «Герцог Ланкастерский^[87], взявший силой в жены дочь покойного графа Уорикского, бывшую ранее женой принца Уэльского, в настоящее время готовится к войне с герцогом Кларенским. Последний, поскольку его брат король Эдуард обещал ему графство Уорикское, не желает, чтобы первый получил его по праву женитьбы на второй дочери графа»^{30}. Несмотря на то что посол явно пользовался недостоверными слухами и кое-что напутал, суть его сообщения подтверждала, что отношения между братьями были близки к окончательному разрыву. Неудивительно и негативное отношение к браку герцога Глостерского и к нему самому лично — при французском дворе знали, что Ричард являлся последовательным противником Франции, чему способствовало не только его воспитание в среде воинов — участников Столетней войны, но и

понимание того, что старый недруг на континенте всегда будет цепляться за малейшую возможность дестабилизировать внутреннюю обстановку в Англии.

Герцог Кларенский возлагал большие надежды на мятежного графа Оксфордского, который продолжал оказывать сопротивление королевским войскам, засев на горе Святого Михаила. Однако события разворачивались не в пользу Джорджа. Ни корнуоллцы, ни французский король не откликнулись на отчаянные призывы Оксфорда о помощи, и 15 февраля 1474 года ему не осталось ничего другого, как сдаться. Граф был заключен в тот же самый замок Ам, где еще томился архиепископ Йоркский. Потеряв последнюю надежду на вооруженную поддержку, Кларенс понял, что ему придется склониться перед властью Эдуарда и примириться с Ричардом — по крайней мере на какое-то время. Теперь ему нужно было получить из собственности Невиллов хотя бы что-то. Герцог Глостерский в очередной раз терпеливо согласился на пересмотр раздела владений. Все говорило о том, что этот передел должен стать окончательным — Эдуард IV решил урегулировать отношения между братьями максимально прочно и закрепить итоги парламентским актом:

«Король, по совету и с согласия лордов духовных и светских и общин, собравшихся в настоящем парламенте, и их властью, приняв во внимание различные серьезные и важные причины и соображения, определил, постановил и принял, что Джордж, герцог Кларенский, и его жена Изабел, Ричард, герцог Глостерский, и его жена Энн — дочери и наследницы Ричарда Невилла, покойного графа Уорикского, а также дочери и безусловные наследницы Энн, графини Уорикской, вдовы упомянутого графа, — отныне имеют, владеют, наследуют и пользуются по праву упомянутых жен всеми титулами, лордствами, замками, городами, манорами, землями, владениями, привилегиями, льготами, имуществом и недвижимостью, принадлежавшими либо принадлежащими упомянутой Энн, графине Уорикской... как если бы упомянутая графиня к настоящему моменту естественным образом умерла»^[31].

Кларенса удалось временно успокоить обширными поместьями, включавшими манор Клейверинг в Эссексе, а также лондонским домом графа Уорикского «Ле-Эрбер». Дарованные Ричарду земли были скромнее, но он сохранил за собой Миддлхэм, Шериф-Хаттон и другие владения Уорика в Йоркшире. Кроме того, герцог Глостерский получил пожизненно должность шерифа Камберленда. Понятно, что все это делалось за счет вдовствующей графини, права которой были аннулированы и которую парламент объявил юридически мертвой. К этому моменту герцог

Глостерский уже понял, что его сила сосредоточена на севере, и постепенно начал концентрировать свои владения именно там. В сентябре 1474 года он обменял у короля земли, унаследованные его женой в графствах Дербишир и Хартфордшир, на исключительно богатое поместье Коттингэм недалеко от Халла и на лордство Скарборо, расположенное на побережье Йоркшира.

*

Однако высокородные лорды, прелаты, рыцари и горожане собрались в парламенте не только для того, чтобы разбираться в склоках, раздиравших королевскую семью. Перед ними стояла и другая, гораздо более значимая проблема. Король планировал войну: при полном согласии своих подданных, которые не забыли еще славы Азенкура, и с одобрения королевского совета он готовился выступить в защиту претензий своего предшественника Генри V на французский трон. Как минимум Эдуард IV надеялся отвоевать часть провинций, из которых англичане были изгнаны четверть века назад. Он заключил перемирие с Шотландией, мир с Ганзейским союзом, с герцогством Бретонским и королевством Кастилия. Герцог Бургундский был его активным союзником. Король убедил парламент предоставить ему крупную сумму денег и одобрить новый налог, который тяжелым грузом лег на джентри. Он также принудил многих богатых подданных внести существенные денежные суммы под видом так называемых «беневоленций»^[88], или добровольных пожертвований.

Крупные магнаты королевства подписали контракты, по которым обязались нанять определенное число солдат. Два крупнейших контракта заключили герцоги Глостерский и Кларенсский. Ричард должен был представить на королевский смотр 120 латников и 1000 лучников, Кларенс — 120 латников и 1200 лучников. Герцог Глостерский немедленно разослал гонцов во все концы своих владений. Его уполномоченные мчались через северные долины и болота, собирая воинов в поход. Лорды и рыцари осматривали оружие, снаряжали своих арендаторов. Герольд Ричарда, носивший имя Глостер, а также персевант^[89] Белый Вепрь присматривали за изготовлением штандартов, баннеров и эмблем: каждый воин отряда Ричарда должен был носить значок, изображающий белого кабана — *Blanc Sanglier*.

Чем руководствовался герцог, выбирая себе такую эмблему, точно

неизвестно. Знающие люди говорили, что вепрь символизировал как принадлежность Глостера к правящей династии, олицетворением которой являлся Виндзорский замок, так и преемственность по отношению к графу Уорикскому. Сложная ассоциация была вызвана легендой, согласно которой знаменитый охотник Гай Уорик как-то похвастался: «Но прежде, недалеко от Виндзора, я убил вепря огромной мощи и силы...»^{32} Однако многие считали, что такое объяснение слишком туманно и неочевидно, а посему предлагали другое толкование. Белый цвет в геральдике не употреблялся, вместо него использовалось серебро — благородный металл. Вепрь же символизировал стойкость, ибо этот зверь сражается ожесточенно и скорее падет мертвым, чем сдастся или спасется бегством.

Каким бы ни было происхождение эмблемы, она точно отражала характер Ричарда, уже с юности зарекомендовавшего себя отважным и умелым бойцом, не терпевшим отступлений. Воины охотно становились под его знамена. В мае он привел отряд в Барэм-Даун — городок недалеко от Кентербери, где было назначено место сбора армии. Численность отряда герцога Глостерского как минимум на 300 человек превышала оговоренную контрактом. Король Эдуард IV был крайне доволен братом и пожаловал ему лордство и замок Скиптон в Крейвене, расположенные в Западном Йоркшире — главное имение ланкастрианской семьи Клиффордов. Помимо этого он предоставил Ричарду дополнительные полномочия и привилегии к должности шерифа Камберленда.

*

В июне войско начало переправляться через Ла-Манш в Кале из всех портов Кента. Хронист Филипп Коммин писал: «Король Английский привел самую мощную, самую дисциплинированную, наилучшим образом экипированную армию из тех, что вторгались во Францию. В ней были все лорды Англии. Она насчитывала 1500 латников, хорошо снаряженных, в доспехах и богатых одеждах по нашей моде, каждого сопровождало несколько конников. Также в нее входили 14 тысяч конных лучников (с луками и стрелами, все верхом), множество пехотинцев и достаточное число слуг для установки тентов и палаток (которые у них были в большом количестве), а также для обслуживания артиллерии и обустройства лагеря. На всю армию не было ни одного пажла. И еще одна армия из 3000 человек должна была отправиться в Бретань»^{33}.

Ричард со своими людьми высадился в Кале 4 июля. Пожелать ему удачи два дня спустя в расположение армии приехала герцогиня Бургундская — его сестра Маргарет. Английские войска не двигались с места, ожидая прибытия ее сумасбродного мужа: вместо того чтобы готовить своих солдат для совместного генерального наступления на французов, герцог Шарль, следуя спонтанному порыву, ринулся на восток и осадил малозначимый город Нойс по соседству с Дюссельдорфом. В английском лагере герцог Бургундский появился лишь 14 июля. Ричард с удивлением отметил, что вместо обещанной армии его сопровождал только небольшой отряд телохранителей. Еще большее изумление у него вызвали неловкие оправдания Шарля, щедро сдобренные лестью. Герцог Бургундский заявил, что у армии Эдуарда IV достаточно сил не только для того, чтобы промаршировать через всю Францию, но и дойти до ворот самого Рима. Он заверял, что англичанам нужно всего лишь добраться до Шампани, где их будут ждать бургундские войска. А бургундские войска в это время бросили осаду Нойса и отправились грабить Лотарингию.

На следующий день Ричард явился на военный совет, созванный Эдуардом IV. Король сообщил, что коннетабль Франции граф де Сен-Поль^[90] пообещал сдать англичанам без боя Сен-Кантен. После долгих дискуссий капитаны решили, что кампанию лучше начать с обустройства базы в этом городе. Английские войска двинулись на Дуллан и Перонн, а Шарль поскакал в Сент-Омер. Эдуард IV вел армию медленно, буквально на ощупь. Две ночи англичане для поднятия боевого духа провели на том самом поле, где в 1415 году состоялась знаменитая битва при Азенкуре.

11 августа английские войска подошли к стенам Сен-Кантена. Не успели передовые отряды приблизиться к городу, как крепостные орудия открыли огонь, убив нескольких солдат: коннетабль де Сен-Поль вторично запятнал свое имя изменой, переметнувшись теперь на сторону французов. Одновременно разведчики донесли, что король Людовик XI выступил из Бове на Компьен во главе сильной армии.

К этому моменту Эдуард IV полностью потерял доверие к герцогу Бургундскому. Больше того, он заподозрил своего союзника в ведении двойной игры с намерением заманить англичан вглубь страны и втянуть их в германскую авантюру. Король не без оснований считал, что бургундская армия понесла в битве при Нойсе серьезные потери, подорвавшие ее способность вести боевые действия наравне с английской. Эдуард не сомневался, что может одержать победу в одиночку — и возможно, великую победу. Однако без помощи Бургундии воспользоваться ее результатами он не имел никаких шансов, поскольку у него закончились

деньги. Поэтому, когда французский король прислал герольда с предложением вступить в переговоры, Эдуард охотно согласился на встречу и немедленно созвал военный совет.

Герцоги Глостерский, Кларенский, Норфолкский и Саффолкский, маркиз Дорсетский, графы Нортумберлендский, Пембрукский, Риверс, лорды Хейстингс, Стэнли и Хауэрд собрались у короля, чтобы обсудить варианты дальнейших действий. Большинство лордов высказались за мир. Резко против выступил только герцог Глостерский. Он не питал никаких иллюзий по поводу возможности покорения Франции исключительно собственными силами. Но Ричард считал, что подписывать договор сейчас нецелесообразно по нескольким причинам. Во-первых, у англичан нельзя было отнимать даже призрачной надежды на реванш после поражения в Столетней войне, которое ими тяжело переживалось. Во-вторых, народ не понял бы, зачем его заставили платить недавно введенный военный налог, тяжким бременем легший на каждое хозяйство. В-третьих, Ричарду откровенно претила мысль о сепаратном сговоре за спиной Шарля Смелого, который при всей своей вздорности и ненадежности оставался союзником Англии. И в-четвертых, победа в предстоящей битве не вызывала сомнений ни у кого, а победитель может позволить себе вести переговоры с гораздо более выгодной позиции. Поэтому, заключил герцог Глостерский, английской армии просто необходимо хотя бы единожды помериться силами в сражении с французами.

Однако Эдуард IV не внял аргументам брата и решил по-своему. Утром 15 августа послы двух королей встретились в деревушке недалеко от Амьена и договорились об условиях мира. В обмен на немедленный вывод английской армии из Франции, семилетнее перемирие и восстановление в полном объеме торговли Луи XI согласился выплатить королю Эдуарду 75 тысяч крон единовременно и затем по 50 тысяч ежегодно. Он одобрил идею брака дофина и Элизабет, старшей дочери Эдуарда, а также пообещал подписать отдельный договор, в котором каждый из королей брал на себя обязательство оказывать другому всемерную помощь в борьбе против мятежных подданных. Фактически из всех этих пунктов выполнен был только первый, касавшийся вывода войск, перемирия и компенсационных выплат.

Три дня спустя Шарль Смелый прибыл в английский лагерь. Услышав о заключении договора, он впал в ярость и обвинил Эдуарда IV в вероломстве. Герцог Бургундский стыдил его победами, одержанными другими английскими королями во Франции. Ричард вновь выступил в поддержку союзника, надеясь, что Эдуард переменит свое отношение к

договору. Но его усилия пропали даром, а Шарль уехал, заявив на прощание, что никогда не подпишет мира на таких позорных условиях.

Король Луи проявил величайшую щедрость и гостеприимство. Он распахнул перед английскими войсками ворота Амьена. У городских стен были расставлены столы, ломившиеся от пирогов с олениной и кувшинов с лучшими винами. Пока солдаты топили боевой пыл во французском вине, их командиры отправились к деревне Пикиньи. Здесь, на середине моста через реку Сомма, 29 августа 1475 года состоялась встреча королей, явившихся с небольшими свитами. Эдуарда IV сопровождали герцог Кларенсский, граф Нортумберлендский, лорд Хейстингс и другие лорды. Там же на мосту был подписан текст основного договора.

Однако в стане англичан единодушия не наблюдалось. Многие отказались быть свидетелями позорного, по их мнению, акта. Как сообщает очевидец, «на встрече не присутствовали герцог Глостерский, брат короля, и некоторые другие, поскольку питали отвращение к этому миру, но они подошли позднее. И пришел вышеуказанный герцог Глостерский к королю [Людовику] в Амьен, и король преподнес ему превосходные подарки, а среди них столовую посуду и коня в прекрасной сбруе»^[34].

Это вовсе не значило, что Людовик XI каким-то образом выделил герцога Глостерского из числа прочих. Он просто стремился завоевать как можно больше друзей при английском дворе. С согласия Эдуарда IV его главные советники приняли от французского короля пенсии, которые предпочитали уклончиво называть данью — в общей сложности на сумму в 16 тысяч крон ежегодно. В числе прочих пенсий получил хранитель архивов Джон Мортон^[91], в будущем — заклятый враг Ричарда Глостерского. Самое большое содержание в две тысячи крон ежегодно было выделено для близкого друга короля Уильяма, лорда Хейстингса. Причем Людовик XI знал — предлагая деньги Хейстингсу, он ставит того в крайне неловкое положение, ибо камергер двора еще с 1471 года получал пенсию в размере 1200 флоринов от герцога Бургундского. Поэтому французский король предложил в два раза больше. Он дал строгий наказ своему камергеру Пьеру Кларе обязательно взять с каждого расписку. Луи считал это неплохим козырем — иметь документальное подтверждение, что камергер двора, лорд — верховный канцлер, лорд — верховный адмирал, главный конюший и несколько других высших сановников Англии получали деньги от короля Франции.

Хейстингсу можно отказать в порядочности, но не в пронциательности. Он не стал давать расписку, хотя Кларе пояснил: его

королю нужно подтверждение, что деньги не были им присвоены. Хейстингс ответил так: «То, что Вы хотите, разумно, однако этот дар делается по великодушию Вашего господина короля, а не по моей просьбе. Если Вам угодно, чтобы я получил его, Вы можете положить его в мой рукав, но никакого письма от меня не ожидайте, ибо никогда не будет сказано обо мне, что камергер Англии получал пенсион от короля Франции, и также моей расписки никогда не будет обнаружено в его счетной палате»^{35}. Король разгневался на своего слугу, но не на Хейстингса, которого с тех пор уважал больше других слуг короля Англии, платил ему пенсион в срок и никогда не требовал расписок.

Особенно активно Людовик стремился подкупить тех, кто смотрел на мирный договор с неодобрением. Так, гасконец на английской службе Луи де Бретей дерзко заметил об Эдуарде IV: «Хотя мой король одержал девять побед, нынешнее поражение стало позором, который перевешивает их все»^{36}. Луи пригласил де Бретея на роскошный ужин и предложил поступить на службу Франции. Когда гасконец отказался, французский король подарил ему тысячу крон.

В начале сентября Ричард пересек Ла-Манш и привел свой отряд обратно в Йоркшир, где распустил солдат по домам. Он был возмущен поступком брата, ибо не понимал, как можно использовать военную кампанию для дипломатических и финансовых махинаций, а не во славу английского оружия. Но не только и не столько романтизмом герцога Глостерского объяснялось его неприятие договора. Он не верил, что французский король, не получив жестокого урока, будет честно соблюдать взятые на себя обязательства и перестанет вредить тайно или явно его стране.

Глава третья.

НАУКА УПРАВЛЯТЬ

Следующие полтора года герцог Глостерский провел на севере, вдалеке от придворной суеты. Он целиком посвятил себя семье, управлению своими имениями, охране шотландской границы. Неожиданно для себя самого Ричард обнаружил, что стал весьма популярной личностью. Многие в Англии затаили недовольство королем из-за бесславного похода на континент. В их числе были и представители знати, которых принудили к беневоленциям, и простолюдины, заплатившие неизвестно на что потраченный налог, и солдаты, вернувшиеся домой без добычи. Люди подозревали, что король Эдуард затеял это мероприятие лишь для того, чтобы собрать побольше денег. Как следствие общего недовольства авторитет Ричарда сильно вырос, ибо все знали, что он демонстративно отказался присутствовать при подписании мирного договора.

Герцог Глостерский с головой окунулся в проблемы северных земель, он старался досконально разобраться в малейших тонкостях местных конфликтов и разрешить их ко всеобщему благу. Надо сказать, что это ему удавалось, и все больше северян признавало в герцоге своего судью, защитника и покровителя — благодаря не только его должностям, но и личным качествам. Особенное внимание Ричард уделял Йорку. Так, когда городские олдермены решили уволить своего секретаря Томаса Йоттена за растрату, они столкнулись с серьезными трудностями: Йоттен успел обратиться за защитой к графу Нортумберлендскому, и тот взял его под свое покровительство. Тогда горожане пришли к Ричарду и умоляли его добиться королевского согласия на отстранение секретаря от должности. Герцог Глостерский немедленно отписал Хейстингсу и Стэнли, подробно изложил суть спора и просил их как о личном одолжении, чтобы лорды повлияли на короля. Королевские юристы расследовали дело, и Эдуард IV утвердил отставку Йоттена, повелев йоркцам выбрать того секретаря, которого они сочтут нужным.

Ричард проявил себя настоящим другом горожан и во время опасного кризиса, который мог кончиться большой кровью. Вскоре после возвращения армии из Франции Йоркшир охватили волнения, инспирированные недовольными солдатами. Король Эдуард потребовал принять суровые меры для наведения порядка. В марте 1476 года герцог

Глостерский и граф Нортумберлендский привели в Йорк сильное войско, чтобы подавить беспорядки и вершить суд. Если граф был настроен на жесткие действия, то Ричард не хотел сразу применять военную силу. Он призвал горожан к спокойствию и заступился за них перед королем, убедив своего брата не отменять дарованные городу привилегии. За это преисполненный благодарности городской совет постановил преподнести герцогу Глостерскому на Рождество в дар шесть лебедей и шесть щук.

Город Йорк никогда не питал особой приязни к сторонникам династии, носившей его имя, ностальгировал по Невиллам и привычно подчинялся роду Перси. Теперь же он демонстрировал трогательную любовь к Ричарду Глостерскому, который в ответ платил столице Севера такой же любовью. И Йорк этого, несомненно, заслуживал. Уступая по значимости и численности населения лишь Лондону, город находился тогда в самом зените своего средневекового величия. Стоя на берегу реки Уз, он гордился своей древней историей, ибо был возведен на развалинах римского Эборакума. Тринадцать тысяч человек жили под защитой его белокаменных стен, за которые можно было попасть через укрепленные башнями и барбаканами ворота — Бутэмские, Монкские, Уолмгеймские и Миклгейтские. В черте города располагались три церкви, за пределами стен — еще девять. Над ними царил грандиозный Минстер — кафедральный собор, постройка которого была завершена совсем недавно — в 1472 году. Он с успехом оспаривал у Кёльнского собора славу самого большого храма в Северной Европе. Всего 800 метров отделяло Минстер от замка, увенчанного могучей цитаделью и все еще грозного, хотя и начинавшего постепенно приходить в упадок. Город по праву гордился своими величественными строениями, среди которых особо выделялись аббатство Святой Марии, приорство Троицы, монастыри четырех орденов, больница Святого Леонарда и ратуша. Основанная почти сто лет назад торговая гильдия вела дела со всем континентом, отправляя свои товары вниз по Узу в Кингстон-апон-Халл, где их перегружали на морские суда.

Если позволяли дела, Ричард и его супруга с удовольствием приезжали в Йорк на Рождество или Пасху. Герцогская чета останавливалась в августинском монастыре и принимала дары мэра и олдерменов, которые обычно состояли из линия, щуки, галлона вина и белого хлеба из самой лучшей муки. Однако многочисленные обязанности позволяли совершать такие путешествия нечасто, а иногда отзывали Ричарда далеко на юг.

В начале лета 1476 года герцог Глостерский ненадолго покинул ставший ему родным край, чтобы сопровождать останки отца и брата Эдмунда, которые переносили из Понтефракта в Фотерингей. Пышная

церемония перезахоронения в соборной церкви длилась два дня. А зимой 1477 года Ричард был срочно вызван королем в Лондон на заседание совета, и подобная спешка имела под собой серьезные основания, ибо 5 января под стенами Нанси был убит герцог Шарль Смелый, осаждавший этот город. Он оставил после себя дочь Марию, ставшую самой богатой наследницей Европы. Людовик XI был просто счастлив и тут же поспешил объявить, что герцогство Бургундское переходит под власть французской короны. Он начал собирать армию для захвата не только самого герцогства, но и богатых фламандских городов к северу от Соммы. Для короля Эдуарда IV, напротив, эта новость была крайне неприятной. Города Фландрии и Нидерландов представляли собой краеугольный камень английской торговли. Бургундия, традиционный союзник Англии, связывала руки Франции и служила гарантией того, что Людовик не сможет создать англичанам серьезных проблем.

На совете Ричард Глостерский, верный своим антифранцузским убеждениям, выступил за активное противодействие планам Луи по расчленению Бургундии. Однако большинство советников заняли выжидательную позицию. Они решили, что нужно оказать всю возможную поддержку наследнице герцога, но не вступать в открытое противостояние с королем Франции. Сестре Эдуарда, вдовствующей герцогине Маргарет, было срочно отправлено сообщение о решении совета. Посланники также прибыли к Луи XI, но их полномочия распространялись только на продление семилетнего перемирия, действие которого предлагалось расширить до конца жизни обоих монархов.

Герцог Кларенский имел собственный взгляд на открывающиеся перспективы. После окончания французской экспедиции он вел себя тихо, но это продолжалось лишь до поры до времени — а именно до смерти жены, которая скончалась 22 декабря 1476 года. Став вдовцом, Джордж собирался жениться повторно и считал, что его брак с Марией Бургундской удовлетворит всех. Ведь, с одной стороны, это удержит Бургундию в орбите английского влияния, с другой — сам Кларенс получит если не вождеденную корону, то один из великолепнейших титулов Европы. Впрочем, Ричард не сомневался, что обширные ресурсы герцогства брат все равно будет использовать для реализации своих претензий на трон Англии. Понимал это и Эдуард IV, без лишнего шума похоронивший затею Кларенса. У него был свой кандидат на руку Марии Бургундской — его шурин Энтони, граф Риверс. Семейка Вудвиллов продолжала цепляться за любую возможность обогатиться и возвыситься, а король по-прежнему им

в этом потакал. Однако Мария отказала герцогу и еще более безапелляционно — графу. Эдуарда IV это мало расстроило, поскольку он делал ей предложение исключительно под нажимом родственников жены. А вот для Кларенса отказ стал тяжелым ударом. Он тут же возложил всю ответственность за срыв брака на короля и Вудвиллов.

12 апреля в Сомерсетшире доверенные слуги Джорджа при поддержке вооруженного отряда численностью 80 человек ворвались в жилище валлийки Анкарет Туинио, которая прислуживала покойной жене Кларенса, схватили ее и насильно увезли в Уорик. Тамошние судьи и присяжные были у герцога в кармане. Они обвинили Анкарет в отравлении герцогини Кларенсской и сразу же осудили на казнь. Несмотря на то что женщина до последнего вздоха твердила о своей невинности, ее повесили вместе с Джоном Тарсби из Уорика, которого признали виновным в отравлении малолетнего сына Джорджа. Далее Кларенс во всеуслышание заявил, что оба преступника были подкуплены или Вудвиллами, или самим королем.

Это, конечно же, взбесило Эдуарда IV. Мало того что герцог Кларенсский осмелился подменить собой королевское правосудие, так на короля еще активно давили Вудвиллы, которые постоянно нашептывали ему о непомерных амбициях Джорджа. Королева и ее родственники не забыли, что на руках Кларенса — кровь Ричарда Вудвилла, графа Риверса, и его сына Джона. И они не могли упустить возможности свершить столь долго откладываемую месть.

Ответный удар был нанесен ими молниеносно. Оксфордский клерк Джон Стейси, обвиняемый в колдовстве, в своей исповеди назвал сообщников — другого оксфордского клерка Томаса Блейка, а также Томаса Бардета, доверенного слугу Кларенса. Бардет был привлечен к суду за распространение писем предательского содержания и попытку привести короля к смерти с помощью некромантии. Его приговорили к смертной казни и 19 мая повесили.

Однако Кларенс не счел нужным обратить внимание на серьезность этого косвенного предупреждения об опасности. Как только Эдуард IV отправился в Виндзор, Кларенс заявился на заседание королевского совета в Вестминстере, куда привел с собой францисканского проповедника доктора Джона Годдарда, которому приказал зачесть перед советниками предсмертный протест Бардета. Одновременно он через своих сторонников распускал слухи о том, что король практикует занятия черной магией и не имеет законных прав на трон, поскольку является бастардом. Кроме того, Джордж инспирировал бунт в графствах Кембриджшир и Хантингдоншир, который, впрочем, быстро угас. Эдуард IV приказал брату предстать перед

ним в Вестминстерском дворце и в присутствии лорд-мэра Лондона обвинил его в нарушении законов королевства и неправомочных попытках взять правосудие в свои руки. Затем он арестовал Джорджа и заточил в Тауэр.

*

Ричарда не очень волновали интриги Вудвиллов и герцога Кларенсского. Задолго до того, как брат был арестован и отправлен в заключение, он вернулся в Йоркшир, ибо у него там было важное дело. Вместе со своей женой Энн он был избран членом Йоркской гильдии *Corpus Christi*, в задачи которой входила организация праздников, посвященных почитанию Тела и Крови Христа и выпадающих на первый четверг после Троицы. К этому прекрасному дню поздней весны все гильдии города готовили большой цикл мистерий — полсотни сцен из Святого Писания. В постановке участвовали пять или шесть сотен исполнителей. С рассветом повозки с актерами начинали движение по улицам, время от времени останавливаясь в главных общественных местах, и обязательно — у приорства Святой Троицы и Йоркского собора. Там лицедеи представляли библейские истории. Задерживались они также перед домами богатых и благочестивых горожан, которые могли заплатить за такую привилегию. Сцены распределялись между гильдиями по профессиональному признаку: корабелы, торговцы рыбой и моряки разыгрывали историю Ноя, ювелиры дары волхвов, а виноделы — чудесное претворение воды в вино в Кане Галилейской.

На следующий день после праздника проходил торжественный и величественный церемониал гильдии Тела Христова, основанной почти три четверти века назад. Ричард и Энн шли в процессии священнослужителей, членов гильдии, должностных лиц города, которая при свете факелов и свечей, с крестами и гонфалонами двигалась от приорства Троицы к Минстеру. В центре везли дароносицу со Святыми Дарами. Вдоль пути следования фасады домов были украшены гобеленами, а дорога перед дверями покрыта камышом и цветами.

Празднества кончились, наступило время служебных хлопот. Ситуация на границе оставалась беспокойной, несмотря на все принимаемые меры, взаимные набеги англичан и шотландцев продолжались. Разбираться с их последствиями приходилось Ричарду, о чем свидетельствует письмо Эдуарда IV послу в Шотландии доктору Александру Лефу:

«*Item*, по вопросу, касающемся ограбления арендаторов сэра Джона Карлайла и других подданных брата нашего короля Шотландцев, Вы должны сказать ему следующее. Мы-де уже отписали нашему брату герцогу Глостерскому, хранителю наших Западных марок, что он должен проследить за расследованием в соответствии с правом и обычаями указанных марок»^[37].

Так же как и раньше, Ричард был в курсе всех проблем, с которыми сталкивались его вассалы. Даже когда он в октябре вновь уехал в Лондон, ему и туда продолжали посылать письма с жалобами и просьбами. И он находил время, чтобы с ними ознакомиться. В ноябре он писал из столицы:

«Нашим верным и возлюбленным мэру и олдерменам города Йорка — герцог Глостерский, констебль и адмирал Англии. Верные и возлюбленные, мы приветствуем вас и заверяем, что по вашей просьбе по обустройству Голдейлских рыбных запруд, недавно доставленной вашим посланником, а также по другим просьбам мы вошли к Его королевской светлости. И после этого Его светлость повелел нам по нашем возвращении домой разобраться и взять под надзор указанные запруды и садки, включая те из них, на которые не было получено разрешения до выездного суда графства, чтобы убедиться, что они снесены. В этом, как и во всем другом, что может пойти на благо вашего города, мы сделаем все от нас зависящее, да хранит вас Господь»^[38].

В глазах герцога Глостерского ни один вопрос не выглядел ничтожным. Он понимал, что для олдерменов Йорка это было крайне серьезным делом: люди ненавидели рыболовецкие запруды и плотины, поскольку те препятствовали навигации по рекам и сокращали количество рыбы, которую бедняк мог поймать на крючок и леску. Еще в январе 1463 года муниципалитет Йорка получил полномочия по надзору за рыболовецкими запрудами и по разрушению нелегальных плотин по рекам Уз, Хамбер и их судоходным притокам. На протяжении веков парламент стремился ограничить размеры и число запруд, но сильные мира сего всегда могли обойти закон — кто мог противостоять, скажем, самоуправству аббатов и епископов, которым требовались обильные запасы рыбы на время поста? Городские власти не могли справиться с местными магнатами, и они обращались к Ричарду Глостерскому. Он отправил письма своим бейлифам и арендаторам, приказав им немедленно удалить все незаконно возведенные рыболовецкие запруды. Заручившись мощной поддержкой герцога, магистраты смогли призвать к ответу даже такого высокопоставленного нарушителя закона, как князь-епископ Даремский^[92].

В Лондоне царил предпраздничная атмосфера, хотя до Рождества было еще довольно далеко: в начале ноября Ричард отправился на торжественный обед, который давал наследник трона Эдуард, принц Уэльский. Там же герцог Глостерский, пользуясь случаем, принес официальную клятву верности младшему сыну короля Ричарду Шрусберийскому за земли, которые держал от него как от герцога Йоркского. Четырехлетний мальчик восседал на банкетке под балдахином, когда Глостер преклонил перед ним колени и, вложив свои руки в его руки, совершил формальную церемонию оммажа^[93].

В остальном развлечения, музыка, танцы, ряженые — всё прошло мимо герцога Глостерского, который пытался уговорить короля Эдуарда сохранить жизнь их брату Джорджу. Ричард признавал, что герцог Кларенский сам был главным виновником собственных бед, что он был смутьяном и вел себя изменнически. Но спокойно наблюдать за хладнокровной расправой над ним герцог Глостерский не мог, несмотря на то, что никаких оснований горячо любить брата у него не было. Главную роль здесь играли даже не светлые воспоминания детства, а понимание того, что Джордж гибнет из-за происков семейства Вудвиллов, что автоматически вызывало у Ричарда отторжение. Но Эдуард IV остался непоколебимым и отверг все аргументы младшего брата.

15 января 1478 года состоялось бракосочетание герцога Йоркского и пятилетней Энн Моубрей^[94], наследницы древнего рода герцогов Норфолкских. Церемония проходила в Вестминстерском аббатстве, в часовне Святого Стефана. Герцогу Глостерскому была поручена важная роль во время закрытия торжеств — он погрузил руку в золотую чашу, наполненную монетами, и бросил их в толпу зрителей. Затем вместе с Генри Стаффордом, герцогом Бакингерским^[95], Ричард сопровождал невесту в королевские палаты на свадебный пир.

На следующий день после свадьбы парламент собрался вершить суд над Джорджем Кларенским. Обвинение в государственной измене выдвинул сам король. Никто не поддержал обвинения, но никто и не выступил в защиту герцога. За брата мог осмелиться вступить разве что герцог Глостерский, но после длительных разговоров с королем он уже понял всю бесполезность подобных попыток. Кларенс настаивал на своем праве защитить честь с оружием в руках, однако в этом ему было отказано. Под нажимом короля общины потребовали смертной казни. Среди

депутатов было по крайней мере пятеро людей Ричарда — сэр Уильям Парр, представлявший Камберленд, сэр Уильям Редмен от Уэстморленда, сэр Джон Пилкингтон от Йоркшира, Эдуард Редмен от Карлайла и Майлз Меткаф от города Йорк. Но их голосов было явно недостаточно, чтобы склонить палату к милосердию.

А через неделю в Вестминстере состоялся рыцарский турнир, совершенно неуместный в свете последних трагических событий, когда брат короля ожидал жестокого приговора. Еще более некрасиво выглядел состав основных участников: главными претендентами на приз выступали старший сын королевы от предыдущего брака сэр Томас Грей, получивший в 1475 году титул маркиза Дорсетского, и брат королевы Энтони, граф Риверс, унаследовавший графский титул после гибели отца. Один из трех главных призов выиграл Ричард От, также родственник Элизабет Вудвилл. Ричард по своему обыкновению не принимал никакого участия в турнире, но сейчас дело было даже не в том, что он в принципе считал подобное времяпрепровождение недостойным воина. Герцог Глостерский не хотел разделять откровенного триумфа Вудвиллов в то время, когда благодаря их проискам его брат оказался в застенках Лондонского Тауэра.

Поскольку король упорно отказывался помиловать герцога Кларенсского, 7 февраля лорд — верховный стюард^[96] Генри Стаффорд, герцог Бакингамский, огласил ему смертный приговор, и 18 февраля Джордж был тайно казнен в Тауэре. Среди современников и потомков бытовало мнение, что его утопили в бочке с мальвазией — сладким вином с Кипра, — но вряд ли дело было именно так. Скорее, в основе слухов лежала некая аллегория, основанная на разгульном образе жизни и пьянстве Кларенса. Роковая роль, которую сыграли королева и ее родственники в гибели принца, ни для кого не была секретом. Ричард Глостерский был «настолько сражен горем из-за брата, что не мог скрыть своего расстройствa. Многим довелось случайно слышать, как он говорил, что в один прекрасный день отомстит за смерть своего брата»^{39}.

*

После гибели Джорджа значительная часть его обширных владений отошла к короне. Титул графа Уорикского остался за наследником Кларенса. Четырехлетний Эдуард Миддлхэмский, сын Ричарда Глостерского, стал графом Солсберийским. Самому Ричарду король вернул

должность лорда — великого камергера, от которой ему пришлось в 1472 году отказаться в пользу Кларенса. Герцог Глостерский продолжил реализовывать свою стратегию, избавляясь от маноров, беспорядочно разбросанных по всей стране, и концентрируя владения на севере. Вернуть замок Ричмонд и в придачу к нему лордство Хэлмсли, расположенные в Северном Йоркшире, ему удалось в обмен на маноры Судли в Глостершире, Фарли в Уилтшире и Корф в Дорсетшире, переданные королю. В пользу Ричарда был принят парламентский акт, утвердивший еще один обмен между ним и королем — он отказался от дорсетского лордства Элвелл в обмен на лордство Огмор в герцогстве Ланкастерском, удобно расположенное рядом с его имениями в Гламоргане.

Через три дня после казни брата Ричард добился лицензии на основание двух церковных общин — одной в замке Барнард (декан, дюжина священников, десяток клириков, шесть певчих) и одной в Миддлхэме (декан, шесть священников, четыре клирика и шесть певчих). Они должны были возносить молитвы за короля, королеву, самого Ричарда и его жену Энн, за их маленького сына, а также за души умерших братьев — Эдмунда Ратлендского и не в последнюю очередь за Джорджа Кларенсского. Вскоре герцог Глостерский покинул Вестминстер и еще до конца марта вернулся в Миддлхэм.

Сразу по возвращении Ричард принял делегацию из Йорка, которая вновь подняла вопрос о рыболовных запрудах. Герцог Глостерский призвал к себе графа Нортумберлендского, и лорды подробно обсудили проблему. Они организовали тщательное расследование, для которого Ричард назначил трех своих представителей — сэра Уильяма Редмена, брата камергера двора Ральфа Хейстингса, а также уполномоченного по выморочному имуществу казначейства Йорка. Двух представителей назначил Нортумберленд. Эти пятеро в сопровождении мэра, олдерменов и двадцати четырех помощников четыре дня и четыре ночи обследовали рыболовные запруды на Узе, Эре и Уорфе, не слезая с коней и не вылезая из лодок. Множество незаконно возведенных плотин было разрушено, и общественное недовольство улеглось.

В течение следующих четырех лет Ричард ездил в Лондон только дважды: первый раз нанести краткий визит своей сестре Маргарет, вдовствующей герцогине Бургундской, которая прибыла в Англию летом 1480 года, и второй раз — в начале весны 1481 года, чтобы посоветоваться с королем о делах, касавшихся войны с шотландцами. Итальянец Доминико Манчини писал о герцоге Глостерском: «Он очень редко появлялся при дворе. Он оставался в своих владениях и старался завоевать преданность

своих людей любезностью и справедливостью. Он заслужил доброе имя своей частной жизнью и общественной деятельностью, за что его почитали даже не знакомые с ним люди. Он был известен своими военными успехами, и всякий раз, когда приходилось решать трудную и опасную задачу, руководство и командование поручались ему. Своими умениями Ричард приобрел расположение народа и избежал зависти королевы, от которой старался держаться подальше»^{40}.

Чтобы успешно исполнять свои обязанности на двух самых высоких должностях — констебля и адмирала Англии, Ричард нанял себе в помощники опытных юристов, назначив их своими комиссарами, или заместителями. Доктор Уильям Годьер рассматривал дела Адмиралтейства в Саутуарке, а также вел процессы в суде лорд-констебля вместе с доктором права Джоном Алейном.

Когда герцогу Глостерскому удавалось на время освободиться от забот, связанных с границей, он приезжал в Миддлхэм, где проводил дни как простой сельский лорд в обществе жены и сына. Пользуясь случаем, Ричард выкраивал время для управления своими манорами, расположенными по соседству. В частности, он поощрял развитие торговли в Миддлхэме, для чего получил от короля лицензию, позволявшую городку проводить две ярмарки в год. Когда собирались гости, замок оживал — в главном зале менестрели и актеры представляли пантомимы, которые очень любил маленький Эдуард.

Но дел было такое множество, что долго оставаться дома он не мог. В качестве стюарда герцогства Ланкастерского к северу от Трента Ричард должен был присутствовать в официальной резиденции в замке Понтефракт, а поместья требовали его присутствия в Шериф-Хаттоне. Но больше всего времени отнимали обязанности хранителя Западной марки. На герцоге Глостерском лежали вопросы обеспечения приграничных крепостей гарнизонами и припасами, ремонта укреплений. Он вел переговоры с шотландцами при нарушении перемирий, организовывал обмена пленными и прием послов.

Король дал Глостеру широкие полномочия по управлению северными землями, и Ричард не подвел брата. Герцогский совет развился в четко работающий судебный орган, где заслушивали жалобы бедных. В число советников входили лорд Скруп Болтонский, когда-то поддерживавший Уорика против Эдуарда IV, но ныне ставший преданным сторонником Ричарда, лорд Грейсток, друг детства сэра Фрэнсис Ловелл, сэр Джеймс Харингтон и сэр Уильям Парр. В юридических тонкостях разбирались судьи сэр Ричард Нил, Ричард Пигот и Майлз Меткаф. Для планирования

военных действий, а также для других операций, требовавших решительности и твердости, Ричард призвал на службу сэра Джеймса Тирелла, сэра Ральфа Эштона, Ричарда Рэтклиффа. Его секретарем стал энергичный и способный Джон Кендалл.

Герцог Глостерский, являясь фактическим наместником короля, делил власть на местах с магнатами, традиционно пользовавшимися огромным влиянием в этих землях. Семья Стэнли сохраняла контроль над Чеширом, Ланкаширом и Северным Уэльсом. В их дела Ричард никогда не вмешивался, поскольку непосредственно к границе с Шотландией эти области не примыкали. Хранителем Восточной и Центральной марок был поставлен Генри Перси, граф Нортумберлендский. Он также управлял Восточным райдингом Йоркшира и своим графством, в то время как герцог Глостерский больше внимания уделял Северному и Западному райдингу, Камберленду и Уэстморленду. Там, где их функции пересекались, они, как правило, находили пути для сотрудничества. Например, из девяти шерифов Йоркшира между 1474 и 1483 годами четверо вышли из окружения герцога и трое — графа.

Ричард стремился сделать Генри Перси если не другом, то хотя бы не врагом. При разрешении споров между дворянами он обычно назначал Нортумберленда вторым арбитром, внимательно следил за тем, чтобы город Йорк советовался с Перси при решении важных вопросов, обязательно привлекал графа ко всем операциям против шотландцев в качестве своего заместителя. Тем не менее Ричард так и не смог до конца завоевать сердце Нортумберленда. Да, Генри Перси честно служил на границе и не выказывал открыто свою неудовлетворенность или ревность. Но ему сложно было забыть, что его предки когда-то пользовались непререкаемым авторитетом и неограниченным влиянием в Йоркшире, в то время как теперь он находился в зависимости от герцога Глостерского, а все его попытки утвердить свою единоличную власть наталкивались на мягкое, но решительное противодействие Ричарда, поставленного королем выше всех прочих северных лордов и пользовавшегося полной поддержкой Эдуарда IV.

Глава четвертая.

ШОТЛАНДСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

В феврале 1480 года полномочия герцога Глостерского как хранителя Западной шотландской марки были продлены на десять лет с выплатой 1000 фунтов вознаграждения в военное и 800 фунтов в мирное время. Это было связано с резким ухудшением обстановки на границе. Французский король стремился навязать Эдуарду IV любые проблемы, чтобы только тот не мешал ему окончательно уничтожить Бургундию. Именно Людовик XI убедил шотландского короля Джеймса III^[97] нарушить перемирие с Англией.

Ранней весной 1480 года шотландцы заметно активизировались, устраивая масштабные приграничные рейды. В ответ король Эдуард 12 мая официально назначил Ричарда наместником севера, наделил его властью проводить набор ополчения в марках и приграничных графствах, а также учредил комиссию по воинскому набору в Йоркшире, Камберленде и Нортумберленде. Пока это были сугубо оборонительные меры, поскольку собрать таким способом большую армию, способную полностью контролировать приграничные области, было невозможно. Ополчению без профессиональных воинов-контрактников вряд ли было под силу разгромить войско вторжения. Тем не менее Ричард решился на ограниченное наступление, чтобы охладить пыл шотландцев. На это его вынудил граф Ангусский^[98], занимавший в Шотландии пост хранителя Восточных марок. Граф вторгся в Нортумберленд и сжег замок Бамборо, расположенный в 32 километрах от границы. В начале сентября герцог Глостерский со своими слугами, с людьми графа Нортумберлендского и ополчением графств перешел на территорию соседнего королевства. Ядро войска составляли преданные ему воины, набранные в Йорке. Короткая кампания оказалась такой успешной, что на некоторое время положила конец шотландским вторжениям и дала Эдуарду IV время собрать деньги на войну — как и прежде, во многом за счет беневоленций.

К середине октября Ричард вернулся в Йоркшир, в Шериф-Хаттон и сразу же столкнулся с проблемой, которая грозила разрушить с таким трудом выстроенные отношения с графом Нортумберлендским. Тот в очередной раз решил продемонстрировать свое могущество в ущерб полномочиям герцога Глостерского. Получив известие, что шотландцы

собираются отомстить за поражение, нанесенное им походом Ричарда, он послал 13 октября из своего поместья Рессел приказ магистратам Йорка, в котором потребовал собрать войска и двигаться к нему на помощь по первому зову без задержки и промедления. За неповиновение граф угрожал суровой карой. Отцам города не понравился запелляционный тон письма, а еще больше их возмутило то, что в этом послании как бы само собой подразумевалось — жители Йорка находятся под властью графа Нортумберлендского. Городской совет немедленно послал олдермена в Шериф-Хаттон к герцогу Глостерскому. Ричарду с трудом удалось успокоить горожан и при этом не дать Генри Перси оснований для недовольства. Вскоре Глостер и Нортумберленд вместе работали над планированием большой кампании, которую Эдуард IV и королевский совет решили начать против шотландцев летом 1481 года.

Возглавить армию вторжения должен был сам король, поэтому полномочия Ричарда как наместника не были продлены, хотя он получил при этом 10 тысяч фунтов на военные расходы. Всю зиму герцог Глостерский занимался ремонтом стен Карлайла и набором сильных гарнизонов для приграничных крепостей. Совместно с Нортумберлендом Ричард провел перепись, чтобы определить численность отрядов, которые могли выставить бароны, дворянство и города севера. К концу марта он со своими советниками прибыл в Лондон для уточнения плана кампании. Король считал, что беневоленций ему не хватит на покрытие огромных расходов по набору контрактной армии, поэтому решился на непопулярный шаг и вернулся к взиманию военного налога, более пяти лет назад одобренного парламентом, но отмененного после бесславного окончания французской экспедиции. Ричард сумел защитить своих людей, доказав Эдуарду IV, что графство и город Йорк все последние годы и так несут значительные затраты на оборону королевства. Кроме того, в ближайшем будущем им предстоит сделать весомый вклад в шотландскую кампанию как людскими, так и материальными ресурсами. В этих условиях военный налог лег бы на йоркширцев неподъемной тяжестью. Для разнообразия король на этот раз внял аргументам брата и освободил жителей Йоркшира от налога, согласившись удовольствоваться от них только отрядом в 120 лучников.

Первый удар англичане нанесли в начале лета. Флот под командованием лорда Джона Хауэрда^[99] ворвался в залив Фертоф-Форт, в виду Эдинбурга захватил восемь больших кораблей, уничтожил множество более мелких судов и сжег Блэкнесс — замок, стоявший в 25 километрах западнее шотландской столицы и прикрывавший вход в устье реки Форт.

Однако мощной атаки на суше, которая должна была развить эту блестящую победу, так и не последовало. Все напрасно прождали подхода короля, двигавшегося с юга во главе армии для усиления войск Ричарда и его заместителя Генри Перси. Здоровье Эдуарда IV резко ухудшилось, в королевстве начиналось брожение: беневоленции раздражали богатых, а сбор парламентского военного налога возмущал всех остальных. Поэтому королю пришлось задержаться, чтобы ситуация не вышла из-под контроля. Конечно, в таких обстоятельствах разговора о полномасштабном вторжении в Шотландию речи уже не шло.

Ричард вернулся в Йоркшир, но в начале сентября ему донесли, что в Англию собираются вторгнуться одновременно три шотландские армии, о чем он незамедлительно поставил в известность графа Нортумберлендского. Генри Перси снова попытался перетянуть одеяло на себя, направив в пятницу 7 сентября приказ в Йорк с требованием спешно собрать отряд и двигаться к нему на встречу, которая была назначена на утро понедельника в Норталлертоне. Не успел город отреагировать на призыв Нортумберленда, как пришел аналогичный приказ от Ричарда. Герцог Глостерский сообщал, что шотландцы угрожают всей марке, и требовал прислать все возможные силы в следующий четверг в Дарем. В результате ополчение Йорка в понедельник на встречу с графом Нортумберлендским не вышло, а вместо этого отправилось во вторник под знамена Ричарда в Дарем. Такая неразбериха могла оказаться роковой, но, к счастью, информация о вторжении шотландцев оказалась ложной, и до конца года проблем на северной границе больше не возникало.

В октябре Ричард прибыл в Ноттингем на встречу с Эдуардом IV, который, наконец, собрался отправиться в поход. Хотя король продолжал утверждать, что он намерен лично командовать вторжением в Шотландию, герцог Глостерский не поверил брату, которым овладели апатия и нерешительность. Ричард вернулся на север с пониманием, что ответственность придется брать на себя. Он приказал начать осаду превосходно укрепленного замка Берик — приграничной крепости, стоявшей на берегу Северного моря и за два десятилетия до этого сданной шотландцам Маргаритой д'Анжу.

Параллельно в первые месяцы 1482 года Глостер готовил мощное наступление, но столкнулся с трудностями, которые угрожали сорвать всю кампанию. Урожай, собранный осенью, оказался самым бедным за последние годы не только в Англии, но и во всей Европе, а зима выпала необычно суровая. Гарнизонам катастрофически не хватало продуктов, и Ричард был вынужден в феврале просить у короля специальную лицензию,

позволявшую ему закупать зерно и овощи по любой цене в любой точке Англии, Уэльса или Ирландии. Хотя Уэльс и Ирландия сами страдали от голода, Ричард проявил недюжинные организаторские способности и нашел источники снабжения своей армии — как гарнизонов, так и осадного войска у Берика.

Плохой урожай стал причиной еще одной беды — в стране множились беспорядки. Англичане с куда большей нетерпимостью, чем на сытый желудок, демонстрировали свое недовольство действиями короля, ставя ему в вину отказ поддержать Бургундию против Франции и злоупотребления беневоленциями и военным налогом. В конце зимы волнения охватили Нортумберленд. Ричард отправился в самую мятежную область Тайндейл и предложил бунтовщикам королевское помилование, если они разойдутся по домам. Там пожар удалось погасить, но вскоре он вспыхнул в Йорке. Комиссия *о́е и термине*, в которую вошли по большей части члены совета Ричарда, а также несколько представителей графа Нортумберлендского, привела город к покорности. Учитывая мятежные настроения в среде простолюдинов, герцог Глостерский строго следил за тем, чтобы его люди не усложняли ситуацию. Так, в начале апреля он узнал, что слуга его казначея Томас Редхайд оскорблял Йоркского горожанина, приехавшего в Миддлхэмский замок по своим делам, и угрожал ему. Ричард взял на себя труд отправить Редхайда в Йорк под надзор сэра Ральфа Эштона с тем, чтобы тот предстал перед судом мэра и олдерменов.

*

При всех объективных трудностях подготовка к кампании продвигалась уверенно. Люди севера, невзирая на дух всеобщего недовольства, были готовы встать под знамена своего герцога. В мае прочно установилась хорошая погода, но король все еще не двигался с места. Ричард решил сам прощупать противника и объявил сбор войска. Его призыв был встречен с воодушевлением, примером которого может стать постановление магистратов Йорка: «И поскольку указанный герцог во все времена был благосклонным, добрым и милостивым лордом сему городу, решено, что необходимо срочно и с благодарностью отправить Его светлости известное число хорошо снаряженных воинов для оказания ему помощи в указанном деле»^{41}. Посовещавшись, рыцари, шерифы и олдермены Йорка обязались помимо уже выставленных 120 лучников за

свой счет снарядить еще 80 ратников. Вот как кардинально поменялось отношение йоркширцев к династии Йорков, представителем которой был герцог Глостерский!

Ричард стремительным маршем перешел с войсками через границу, захватил и сжег Дамфрис, а также несколько городов помельче. Затем, не дожидаясь, пока шотландцы соберут против него армию, он хладнокровно отступил. Герцог Глостерский хотел разозлить врага, заставить его стянуть силы в один кулак, чтобы разгромить их в одном решающем сражении вместо того, чтобы гоняться за малочисленными отрядами по бесплодным горам.

В начале июня Ричард поспешил в Фотерингей, чтобы в очередной раз встретиться с Эдуардом IV. Король подтвердил опасения Глостера и уведомил его, что не собирается сам возглавлять кампанию. Он сослался на свое неважное самочувствие и заявил, что во всем полагается на брата. Так Ричард фактически стал главнокомандующим всеми экспедиционными силами. В довершение Эдуард IV сообщил, что нашел «ценного» союзника. Им оказался младший брат шотландского короля Александр, герцог Олбанийский^[100], три года назад бежавший во Францию после того, как был раскрыт организованный им заговор против короны. В апреле 1482 года Эдуард, поманив Александра трон Шотландии, убедил его переехать в Англию. Ричарда не очень-то впечатлила идея герцога Олбанийского объявить Джеймса III незаконнорожденным и под этим предлогом свергнуть его. Но Эдуард IV был настолько одержим своим планом, что по обыкновению своему не слушал никаких возражений. С беглецом заключили договор, по которому Александр обещал после вступления на трон признать себя вассалом короля Англии, подписать мирный договор, отказаться от крепости Берик и земель по западной части границы.

В общем, по факту Эдуард IV снабдил Ричарда лишь предателем и небольшой армией, нанятой по контракту. С 12 июня он возобновил полномочия герцога Глостерского в качестве наместника севера. Ричард также получил из казны 200 фунтов на транспорт и артиллерию, 100 фунтов на приобретение тягловых лошадей и 200 марок на закупку двух тысяч связок стрел. После этого король отбыл на юг, ибо его на тот момент гораздо больше беспокоило недовольство, распространявшееся по стране. Он был уверен, что брат одержит для него победу над шотландцами, и стремился поскорее вернуться в Лондон.

Не теряя времени, Ричард отправился в Йорк, куда прибыл ранним утром. Невзирая на столь неурочный час, члены магистрата хорошо

подготовились к встрече. Заранее были разосланы приказы, чтобы «все олдермены в алом и члены совета Двадцати четырех^[101] в малиновом, а также все ремесленники города в своих лучших одеждах должны собраться утром (а именно, олдермены и Двадцать четыре — к четверем часам, все прочие горожане — к трем часам) у ворот Миклгейт-Бар, для сопровождения Его милости милорда Глостерского и герцога Олбанийского, под страхом штрафа для каждого олдермена или члена совета Двадцати четырех в 12 пенсов за неявку, а для каждого простолюдина в 6 пенсов за неявку. И вышеуказанным милордам должны быть преподнесены отменный белый хлеб, четыре галлона красного вина, четыре галлона белого вина и кларета, два галлона сладкого вина, две большие щуки, два линя и шесть лещей»^[42].

*

До конца июля герцог Глостерский с войсками стоял под стенами Берика с внушительной армией, по некоторым сведениям насчитывавшей до 20 тысяч солдат. При ней даже состояли девять хирургов во главе с личным врачом короля мастером Уильямом Хоббсом. Несмотря на то что в армии находились Томас Грей, маркиз Дорсетский и сэр Эдуард Вудвилл^[102], прибывшие с отрядами с юга страны, основная ее часть была сформирована из северян. Город, осажденный с суши и с моря, быстро сдался, но замок продолжал держаться. Между тем Джеймс III, взбешенный сожжением Дамфриса, собрал крупные силы и выступил к границе. Когда он добрался до Лодера, неожиданно восстали его магнаты. 22 июля они повесили королевских фаворитов на Лодерском мосту, а самого монарха пленили и заточили в Эдинбургском замке.

Получив известие о подходе шотландцев, Ричард приказал английскому войску двигаться им навстречу. Перед этим 24 июля он посвятил в рыцари-баннереты^[103] тридцать одного своего сподвижника и еще 14 — в рыцари. Герцог Олбанийский сделал рыцарями четырех шотландцев, граф Нортумберлендский — троих северян, лорд Стэнли — 15 своих воинов^[43]. Для продолжения осады замка Ричард оставил отряд, командование которым поручил лорду Стэнли.

Однако шотландские лорды не выказали никакого желания вступить в решающее сражение. Армия герцога Глостерского беспрепятственно шла по Шотландии, сжигая на своем пути города и деревни в тщетной попытке

выманить врага на битву. Но вместо того чтобы очертя голову ринуться в бой, шотландские войска благоразумно отступили в Хаддингтон, расположенный в 18 милях к востоку от Эдинбурга, оставив столицу незащищенной. В последний день июля Ричард вошел в Эдинбург, не потеряв ни одного солдата. Армия подчинилась строгому приказу герцога Глостерского и воздержалась от грабежей — ни жизням жителей, ни их имуществу не было причинено ущерба. Этому в немалой степени способствовало то, что город сдался без сопротивления.

Установив над Эдинбургом полный контроль, Ричард собрался атаковать врага в Хаддингтоне, но шотландские лорды его опередили: 2 августа к главнокомандующему англичан прибыли посланники с письмом. В нем лорды признавали, что война проиграна, и умоляли герцога Глостерского сообщить его условия перемирия. Они также выражали желание возобновить брачный договор между дочерью Эдуарда IV Сесили и герцогом Ротсыйским, старшим сыном короля Джеймса III.

Ричард оказался в затруднительном положении. Во-первых, Эдуард IV уже обещал Сесили герцогу Олбанийскому. Во-вторых, Глостер был уверен, что шотландцы не захотят принять Александра Стюарта в качестве короля. В-третьих, сам Олбани уже договорился с лордами о восстановлении своих владений и даже о возможном назначении наместником Шотландии при условии отказа от претензий на трон. Ричард решил считать предложения лордов собственным триумфом и удовольствоваться ими. Он позволил Стюарту заключить сделку с канцлером Шотландии, получил гарантии от магистратов Эдинбурга по возврату ежегодными взносами всех денег, выплаченных Эдуардом IV в качестве приданого за Сесили. Шотландское правительство также дало обязательство не помогать гарнизону Берика и оставить замок на произвол судьбы.

К тому времени запасы продовольствия у армии Ричарда были на исходе, продолжение войны угрожало ее коммуникациям. Герцог Глостерский счел, что Шотландия получила жесткий урок и убедилась в превосходстве английского оружия. Он увел свое войско обратно в Берик, где лорд Стэнли все еще осаждал цитадель. Собрав армию на Хаттонском поле недалеко от города, Ричард посвятил в рыцари и рыцари-баннереты 27 человек, снова по большей части северян, а граф Нортумберлендский — 18 воинов^{44}. Затем Ричард распустил армию по домам, оставив под стенами замка лишь столько солдат, сколько было необходимо для завершения осады. Шотландцы попытались отогнать англичан: подошедший отряд сделал вид, что собирается атаковать осаждающих. Однако герцог

Глостерский хладнокровно оставался на позициях, не отступив ни на шаг, и враги отступили. 24 августа замок пал. Мощная крепость, которую король Эдуард IV так долго пытался вернуть, вновь стала английской. Других ощутимых результатов кампания не принесла, хотя обошлась Англии недешево. Договор с королем Шотландии так и не был подписан. Ставка на герцога Олбанийского себя не оправдала, да и не могла оправдать, ибо изначально была ошибочной.

В ожидании новостей от брата Эдуард IV организовал превосходную систему курьерского сообщения между Лондоном и Бериком вдоль связывавшей города 550-километровой дороги. Поэтому известие о захвате Эдинбурга дошло до столицы очень быстро. Король немедленно объявил о победе и приказал в честь нее устроить празднества. Торжества проводились везде — даже в Кале наместник распорядился провести процессию, палить из пушек и жечь ночью праздничные костры. Эдуард IV спешно отправил письмо папе Сиксту IV. «Хвала Господу, подателю всех благ, за помощь нашему возлюбленнейшему брату, чей успех доказал, что он в одиночку смог бы покарать все королевство Шотландское. В этом году мы назначили нашего дорогого брата Ричарда, герцога Глостерского, командовать той армией, которую год назад сами хотели вести, однако беспорядки помешали нам»^[45]. Однако, несмотря на столь лестный отзыв, Ричарду во время шотландской кампании так и не удалось толком продемонстрировать свои полководческие таланты.

*

В середине ноября Ричард получил от Эдуарда приглашение на сессию парламента и незадолго до Рождества прибыл в Лондон. Там его ожидал роскошный прием. Горожане восторженно приветствовали герцога Глостерского, король осыпал его знаками своего искреннего расположения. Однако Ричард по-прежнему чувствовал себя чужим при дворе, да и на Эдуарда ему было смотреть тяжело.

Он помнил брата жизнерадостным, доблестным принцем, за которым был готов следовать повсюду. Ричард вспоминал, как Эдуард взошел на ослабленный и дискредитированный трон, как принял бразды правления королевством, страдавшим от баронских распрей и мятежей. За 15 лет правления Эдуард освободил корону от влияния лордов, укрепил власть монарха, вдохнул новую силу в государство. Король с успехом смог разрешить четыре самые большие проблемы, стоявшие на тот момент

перед правительством. Во-первых, ему удалось успокоить мятежный Уэльс, учредив совет Уэльской марки. Во-вторых, он завоевал лояльность непокорного Севера, поставив там наместником Ричарда. В-третьих, он нашел решение французского вопроса, пусть и не очень удачное. Кстати, это решение помогло ему заодно разобраться и с расстроеными финансами — в-четвертых. А ведь две последние проблемы были головной болью английских королей на протяжении двух с половиной веков. Пятьдесят тысяч крон, ежегодно доставляемых от Людовика XI, впервые за много лет обеспечили независимость короля от парламентских субсидий. Таможенные правила строго соблюдались, штрафы неукоснительно собирались. Экспорт шерсти и шерстяных тканей приносил солидную прибыль. Англия подписала договоры о дружбе с Данией, Ганзой, Кастилией и Португалией. Король в полной мере использовал таланты простых людей, которых он высоко ценил и не гнушался приглашать за свой стол.

В этот приезд Ричард смотрел на своего брата с тайной грустью — блестящий, решительный, полный энергии человек изменился до неузнаваемости. И виной тому был не возраст, не лучшим образом сказавшийся на его когда-то великолепной фигуре. Талантливый полководец, король не обладал больше необходимым здоровьем, чтобы вести военные кампании. Превосходный администратор, он не имел больше воли для управления государством.

Что касается двора, то там, как и раньше, верховодили королева и ее родственники — несмотря на то, что Эдуард уже давно не был верен жене. Он открыто шутил, что у него три любовницы, обладающие тремя разными качествами: одна — самая веселая, вторая — самая лукавая, третья — самая праведная из блудниц королевства. Имен двух последних история не сохранила, а вот первой была Джейн (или Элизабет), жена процветающего лондонского торговца тканями Уильяма Шора. Их связь с королем началась примерно через год после возвращения Эдуарда из Франции. Миссис Шор в самом деле была остроумной и очень сердечной женщиной. Когда король впадал в ярость, она могла смягчить его гнев; если Эдуард лишал кого-то своей милости, она часто вступалась за опального. Милостями этой любвеобильной особы пользовались также лорд Хейстингс и маркиз Дорсетский, для Ричарда же миссис Шор была просто шлюхой, грязным пятном на репутации брата.

Немногие оставшиеся в активной политике представители старой знати не жаловали Вудвиллов и отвергали их притязания на равенство с собой. Генри Стаффорд, герцог Бакингамский, в чьих жилах текла немалая

доля крови Плантагенетов^[104], ненавидел главным образом королеву. Несовершеннолетним его женили на Кэтрин, сестре Элизабет Вудвилл, после чего он несколько лет прожил в доме королевы и находился под ее опекой. Воспоминания о том периоде жизни явно не радовали герцога. Лорд Хейстингс оказался в оппозиции к Вудвиллам в основном из-за того, что они сами относились к нему враждебно. Граф Риверс невзлюбил камергера двора после того, как в 1471 году вынужден был уступить ему должность капитана Кале. Маркиз Дорсетский не выносил Хейстингса потому, что они были конкурентами на звание главного королевского собутыльника, а кроме того, никак не могли поделить своих любовниц — и на обоих поприщах Хейстингс выигрывал. Королева Элизабет не могла простить Хейстингсу то, что он вовлекал короля в распутство и имел на него большое влияние на правах любимого друга. Вокруг главных придворных интриганов плодились временщики, наушники, прислужники и шпионы.

Герцог Глостерский видел, как по мере ухудшения здоровья Эдуарда IV росла его неспособность к решительным действиям как в войне, так и в дипломатии, ярчайшим примером чего стала недавняя шотландская кампания. Впрочем, не только она одна. Ричард мог бы напомнить брату бескровную экспедицию на континент, когда король упустил шанс надолго отбить у французов охоту вредить Англии. Тогда Эдуард предпочел удовольствоваться сиюминутной финансовой выгодой и развязал руки французскому королю. Результат не замедлил проявиться: Мария, наследница герцогства Бургундского, вышла замуж за сына германского императора Максимилиана^[105], на которого Людовик XI оказывал мощное давление. Он захватил большую часть графства Артуа, угрожал Фландрии и даже английскому Кале. Вместо того чтобы предпринять какие-либо решительные действия, Эдуард разрывался между желанием помочь Бургундии, своему надежному союзнику и оплоту английской торговли, и стремлением сохранить ежегодный пенсион в 50 тысяч крон. Максимилиан был талантливым полководцем, но испытывал крайнюю нужду в деньгах и солдатах. Он умолял о помощи, но Эдуард заворожено внимал сладким речам французского короля и не нарушал перемирия.

И вот в разгар подготовки к Рождеству из-за пролива пришла весть, подтвердившая худшие опасения Ричарда. Максимилиан Бургундский заключил 23 декабря мир с Людовиком в Аррасе. По условиям договора он соглашался выдать свою дочь Маргариту замуж за дофина и в качестве приданого отдал Франции графства Артуа и Бургундию. Максимилиан

обязался не предоставлять более помощи Англии и не поддерживать ее претензии на французскую корону. Таким образом Людовик нейтрализовал верного союзника Эдуарда на континенте и нарушил обещание выдать дофина за английскую принцессу Элизабет. В общем, стало понятно, что денег из Парижа больше не будет, а кроме того, в скором времени французские корсары вошли в Ла-Манш и развязали там настоящую партизанскую войну. Дипломатия Эдуарда IV потерпела полный крах. Потеря Бургундии лишила Англию возможности противостоять Франции.

*

С первого дня работы парламента, открывшегося 20 января, стало ясно, что король стремится переложить груз ответственности за государственные дела на плечи младшего брата. Недаром спикером палаты общин стал помощник секретаря казначейства Джон Вуд, о дружеских отношениях которого с Ричардом всем было хорошо известно. Парламент особо отметил боевые заслуги герцога Глостерского, графа Нортумберлендского, лорда Стэнли и других капитанов, участвовавших в шотландской экспедиции. С одобрения лордов и общин король пошел на беспрецедентный шаг и даровал Ричарду в наследственное владение должность хранителя Западной марки. В качестве финансовой поддержки Ричард получил замок Карлайл и доходы с одноименного города, а также все королевские земли и маноры, доходы короля, сборы, неустойки, прибыли, права на останки потерпевших крушение в море кораблей, право назначать шерифов и уполномоченных по выморочному имуществу в графстве Камберленд. Фактически для Глостера был создан большой палатинат на северо-западе — практически независимое княжество с полностью автономным управлением. Собственно, королевский дар увенчал усилия самого Ричарда, многие годы концентрировавшего свои владения на Севере.

Подобный дар в конечном счете вредил интересам королевства, и недаром владыки Англии за всю ее историю крайне редко прибегали к созданию таких обширных владений, на которые не распространялась власть монарха: последний подобный случай произошел в 1351 году, когда был учрежден Ланкаширский палатинат. Ричард стал на севере более могучим лордом, чем когда-то был Уорик, а также самым богатым землевладельцем страны. Если Кларенс на пике своей карьеры располагал годовым доходом около семи тысяч фунтов, то в последние годы правления

Эдуарда IV герцог Глостерский имел не меньше, если учесть доход порядка 3500 фунтов с земель Бошанов-Деспенсеров, которыми он распорядился от имени жены.

Король пошел еще дальше. К своему палатинату Ричард мог присоединять все земли юго-запада Шотландии, которые он в дальнейшем завоюет. Парламентский акт был недвусмысленным и точным: «Упомянутый герцог и его наследники по мужской линии должны иметь право на доходы с районов и земель в Шотландии, именуемых Лиддсдейл, Эскдейл, Ивсдейл, Аннандейл, Уочопдейл, Клайдсдейл, а также с западных марок Шотландии, большая часть из которых ныне находится в руках шотландцев, и со всех замков, лордств, маноров, земель, арендуемой собственности и прочего недвижимого имущества, которое находится в указанных долинах и приграничных областях, а также в любых других, которыми упомянутый герцог и его наследники владеют или которые с Божьей помощью получают или приобретут в будущем... Упомянутый герцог и его наследники по мужской линии будут иметь власть и право жаловать подданство грамотами, скрепленными их печатью, всем шотландцам, которые дадут клятву верности и покорности нашему повелителю и господину или же его наследникам королям Англии, а также миловать их за проступки и принимать их в подданство, как ныне лишь Его королевская светлость имеет право делать»^{46}.

В конце февраля 1483 года парламент завершил свою работу. Ричард распрощался с королем и отправился на север, навстречу неотложным делам, связанным с организацией управления новыми владениями и подготовкой к очередной войне с Шотландией. Глостер прибыл в Йорк 6 марта, где его ждали не только торжественная встреча, но и новая тяжба. Дело в том, что зимой 1483 года прошли очередные выборы мэра Йорка. На эту должность претендовали Ричард Йорк и Томас Рэнгуиш. Про последнего всем было хорошо известно, что он пользовался симпатиями герцога Глостерского. Город бурлил. В таверне «Райские ягоды» сидела компания и за кружкой эля обсуждала перипетии предвыборной борьбы. Кто-то задал вопрос: «Господа, кого же мы должны сделать в этом году нашим мэром?» Известный горожанин Стивен Хогсон ответил: «Господа, мне кажется, что все будут удовлетворены, если мэром станет мастер Рэнгуиш, ибо это человек, за которого стоит милорд Глостерский». Реакция противников Рэнгуиша последовала немедленно. «Этого не может быть, поскольку мэр должен избираться горожанами, а не лордом», — заявил другой йоркширец, Роберт Рид. И добавил: «Милорд Глостерский не

выразит недовольства, кого бы ни выбрали горожане своим мэром»^[47].

Поддержка у обоих кандидатов была примерно равной, но городские власти объявили победителем Ричарда Йорка. Сторонники Рэнгуиша опротестовали их решение. Противостояние приняло опасный размах, и обе стороны послали делегатов к королю. 7 марта олдермен Тонг, городской архивариус Майлз Меткаф и остальные члены делегации вернулись из Лондона с королевским приказом Ричарду Глостерскому — провести тщательное расследование, а до оглашения результатов должность отправлять старому мэру. Разобравшись в деле, Ричард 12 марта утвердил выбор горожан, поставив таким образом честность и законность выше собственных симпатий. Что касается Рэнгуиша, то он был избран мэром два года спустя.

Вскоре герцог Глостерский покинул Йорк и отправился еще дальше на север — туда, где среди болот Уэнзлидейла высились могучие стены Миддлхэмского замка. Крепко держа изыщными, но сильными руками поводья, тридцатилетний воин ехал через холмистую равнину. Его властное и энергичное лицо с тонкими чертами было омрачено невеселыми мыслями: слишком много потерь он пережил за последние годы. Один за другим ушли близкие ему люди — граф Уорикский, маркиз Монтегю, герцог Кларенсский. Но впереди его ждал еще более тяжелый удар.

*

Через день-другой после Пасхи, пришедшейся в 1483 году на 30 марта, король с придворными отправился на рыбалку. Вернувшись во дворец, он слег то ли из-за подхваченной на реке простуды, то ли из-за апоплексического удара, то ли из-за острого расстройства желудка. В королевском окружении поговаривали, что здоровье Эдуарда IV подорвало тяжелое нервное расстройство, вызванное Аррасским договором между Максимилианом Бургундским и Людовиком XI, а также крушением его внешнеполитических планов. Никому из придворных тогда и в голову не могло прийти, что болезнь смертельна, тем более что неделю спустя Эдуард почувствовал некоторое облегчение. Однако сам король опасался, что дни его сочтены, и судорожно пытался исправить ошибки последних лет.

Несомненно, его тревожил скрывавшийся у герцога Бретонского Генри Тюдор, бежавший на континент в 1471 году после поражения Ланкастеров в битве при Тьюксбери и упорно именовавший себя графом Ричмондским,

хотя этот титул был давно у него конфискован. Однако гораздо большая опасность виделась Эдуарду внутри стен его собственного дворца. Он вызвал к себе лидеров двух враждующих фракций. С одной стороны его ложа встали родственники королевы: два ее сына от первого брака — Томас, маркиз Дорсетский и сэр Ричард Грей, и двое братьев — Лайонел, епископ Солсберийский, и сэр Эдуард Вудвилл. С другой стороны ложа собрались представители старой знати во главе с лордом Уильямом Хейстингсом. Эдуард IV умолял всех оставить взаимные распри во имя служения его сыну и будущности королевства. Маркиз Дорсетский и лорд Хейстингс торжественно поклялись любить друг друга, остальные лорды и джентльмены последовали их примеру.

Эдуард IV отпустил их, но хрупкий мир между врагами его не успокаивал. Мысли короля то и дело возвращались к наследнику, двенадцатилетнему Эдуарду, принцу Уэльскому. Нужно было опереться на третью силу, которая действительно могла сохранить трон его сыну. А такой силой, равноудаленной от всех придворных фракций и способной умиротворить королевство, обладал лишь один человек — его брат Ричард.

Однако ставка на герцога Глостерского также была рискованной, и снова по вине короля. Большую часть жизни наследник трона прожил в Ладлоу, в родовом замке Йоркской династии. Он был отослан туда в возрасте трех лет и редко появлялся в Лондоне. От имени принца Уэльсом правил совет, в который королева постаралась ввести как можно больше своих сторонников. Хотя номинальным главой совета считался Джон Элкок, епископ Вустерский^[106], на деле всем заправлял ее брат граф Риверс, исполнявший обязанности опекуна Эдуарда. Ему во всем помогал сын королевы сэр Ричард Грей, а контролером двора принца служил Ричард От, племянник графа Риверса. Члены совета исполняли двойную функцию: они следили за воспитанием юного Эдуарда и отправляли правосудие, причем не только в уэльских, корнуоллских и честерских владениях принца. Их власть распространялась также на Уэльскую марку, в том числе приграничные графства Шропшир, Херефорд и Вустер. Удаленный от центра власти, принц Эдуард жил в соответствии с тщательно продуманным режимом, ему дали превосходное образование. Но наставниками его были исключительно родственники матери. Точка зрения Вудвиллов на политику была единственной, которую он знал, и поэтому теплых чувств к герцогу Глостерскому испытывать не мог.

Так или иначе, но выхода у короля не было. Он срочно вызвал исполнителей того завещания, которое было составлено им еще в 1475 году — пятерых прелатов и трех лордов. При них Эдуард IV внес важное

дополнение в документ, назначив на случай своей смерти опекуном и протектором королевства Ричарда, герцога Глостерского. Эта приписка вовсе не была тайной, и вскоре о ней знали по всему Лондону. Хронист писал: «Упомянутый могущественнейший и славнейший король Эдуард Четвертый объявил, что после его смерти протектором при его детях станет его брат Ричард»^{48}.

Глава пятая.

БОРЬБА ЗА ЗАВЕЩАНИЕ

Король скончался в среду 9 апреля 1483 года, не дожив трех недель до сорока одного года. Трагическая новость передавалась из уст в уста, и по мере ее распространения начинали звонить колокола — сначала в Вестминстерском аббатстве, затем похоронный звон подхватили сто городских церквей — Святого Дунстана на Западе, Святого Мартина-в-полях, приорства Святого Иоанна в Клеркенуэлле, Святого Олава в заречном Саутуарке, Святого Андрея под Майским Шестом и Святого Петра в Чипе, Святого Ведаста и Святой Марии Вулнотской. Наконец зазвонили колокола собора Святого Павла на Ладгейт-хилл. Горожане на лондонских улицах перешептывались вполголоса. Олдермены в подбитых мехом алых одеяниях поспешно пробирались сквозь толпу в ратушу. По реке медленно плыли богато отделанные баржи, на которых восседали магнаты и князья церкви, спешащие отдать последний долг покойному монарху.

Вудвиллам, удерживавшимся на вершинах власти лишь благодаря покровительству короля, срочно требовалось перегруппировать свои силы. Смерть Эдуарда IV подвергала опасности не только их состояние, но и саму жизнь. Они находились на пике своей непопулярности: общины ненавидели их за постоянные поборы, за расточительство маркиза Дорсетского, сэра Ричарда Грея и сэра Эдуарда Вудвилла. Лорды презирали их как высокомерных выскочек, монополизировавших королевское расположение, а помимо того небезосновательно приписывали их проискам гибель герцога Кларенского принца крови, несравнимо более знатного, чем Вудвиллы.

Первой заботой родственников королевы стало переманивание на свою сторону королевских советников. Они прекрасно понимали, что договариваться с лордом Хейстингсом и герцогом Бакингемским им было не о чем. Сторону их противников без особых раздумий, скорее всего, готовы были принять и другие бароны, в том числе проявивший себя удачливым военачальником лорд Хауэрд. Единственно, чего не знал никто, так это мыслей хитрого интригана и прирожденного изменника лорда Стэнли.

Однако королева смогла привлечь в свою партию многих людей незнатного происхождения, когда-то представленных ею ко двору или

получивших с ее помощью неплохие должности. В основном это были прелаты: канцлер Томас Ротерем, архиепископ Йоркский, хранитель Малой королевской печати Джон Расселл, епископ Линкольнский, Джон Мортон, епископ Илийский, Эдуард Стори, епископ Чичестерский и несколько других, чьи голоса в совете могли стать решающими. Духовенство опасалось растущих среди баронов антиклерикальных настроений, что давало Вудвиллам сильный козырь для вербовки союзников. Поскольку взгляды Ричарда Глостерского на эту проблему были мало кому известны, Вудвиллы спешно демонстрировали прелатам свое дружелюбие, обещая, что под их присмотром принц Эдуард пойдет по стопам отца, уважавшего привилегии церкви.

Была середина апреля, когда во двор замка Миддлхэм ворвался измученный быстрой скачкой гонец с ошеломляющей вестью — король Эдуард IV скончался. Новость застала Ричарда Глостерского врасплох: не прошло еще и двух месяцев, как он расстался с братом. Да, здоровье короля не внушало оптимизма, однако не было никаких признаков того, что Эдуард стоит на краю могилы. Все мысли Ричарда в то время были заняты разработкой новой кампании против шотландцев и заботами о палатинате, благодаря которому герцог Глостерский надеялся обеспечить себе и своим наследникам относительную безопасность от придворных интриганов. Смерть короля нарушила все его планы.

Ричард ходил бледный и мрачный. Особенно его угнетало то, что гонца прислала не королева и не лорд-канцлер. Сообщение привез человек лорда Хейстингса, и было оно кратким и тревожным: «Король перед смертью вверил лишь Вашим заботам жену, детей, имущество и все, что он имел. Поэтому заклинаю Вас отправиться со всей возможной поспешностью за принцем Эдуардом в Уэльс и прибыть с ним в Лондон, дабы возложить на себя управление государством»^{49}. Ричард немедленно отправил письмо королеве Элизабет, в котором выражал соболезнования ее горю и уведомлял о своем скором прибытии в Лондон. Герцог обещал, что выкажет подобающую покорность и будет верно служить ее сыну.

*

20 апреля Эдуард IV был погребен в часовне Святого Георгия в Виндзоре. На церемонии Вудвиллы — сэр Ричард, сэр Эдуард, Лайонел, епископ Солсберийский и Томас Грей, маркиз Дорсетский — склонились в молитве рядом с лордами Хейстингсом, Стэнли, Одли и Хауэрдом. Здесь

же присутствовали лорд Феррес Чартлейский и придворный церемониймейстер Уильям Колинборн, сэр Джон Чейни^[107] и Джон Мортон, епископ Илийский. Однако ведущих актеров драмы, готовой вот-вот начаться, среди придворных не было. За 200 километров к северо-западу от Виндзора, в замке Ладлоу под надзором своего дяди и воспитателя Энтони Вудвилла, графа Риверса, жил двенадцатилетний принц Эдуард, ставший полторы недели назад королем Эдуардом V. В своих уэльских поместьях находился Генри Стаффорд, герцог Бакингамский. И далеко на севере, за 400 километров от Виндзора, в замке Миддлхэм, готовился противостоять стремительно развивавшимся событиям единственный выживший брат покойного короля и дядя нового — Ричард, герцог Глостерский.

Хотя Глостер предсмертной волей короля был назначен протектором, королева Элизабет уничтожила исправленное завещание и надеялась перехватить власть над королевством. Английские обычаи тех времен не одобряли назначения матери малолетнего короля регентшей, и следовательно, действовать надо было по-другому. Королева и маркиз от имени Эдуарда V немедленно созвали советников покойного короля. Первое предложение Вудвиллов казалось безобидным — для того чтобы колеса правосудия не буксовали, нужно повторно назначить судей суда королевской скамьи и общегражданских исков на их места. Это не вызвало никаких возражений. Затем в присутствии королевы, как будто она уже была утверждена регентшей, маркиз Дорсетский стал настоятельно призывать к усилению мер по защите королевства. Поскольку уже многие недели Ла-Манш терроризировали французские флибустьеры, он предложил снарядить флот для защиты прибрежных городов и торгового судоходства. Это инициатива также быстро нашла поддержку, причем Дорсету удалось продвинуть на должность командующего флотом из двадцати судов своего дядю сэра Эдуарда Вудвилла, который сразу же приступил к снаряжению кораблей и назначению на них своих людей. Сам маркиз, будучи констеблем Тауэра, взял под свой контроль крупнейший оружейный склад страны и богатые сокровища, накопленные Эдуардом IV.

Королева и ее старший сын чувствовали себя в совете настолько уверенно, что принялись назначать уполномоченных в комиссии графств по сбору налога на иностранцев, принятому последним парламентом. Далее наступил момент для решающего хода. Маркиз заявил, что неопределенность во власти вносит смятение в души простых людей, а посему Эдуард V должен быть коронован как можно скорее. Он предложил провести церемонию в воскресенье 4 мая. Члены совета решили не ждать

прибытия герцога Глостерского и большинством голосов согласились с предложенной датой. Короля уведомили, что ему необходимо прибыть в столицу 1 мая.

Были, однако, в совете те, кто не одобрял подобной торопливости и предпочитал подождать дядю молодого короля, по понятным причинам весьма заинтересованного в том, чтобы присутствовать при принятии и при исполнении таких важных решений. Их тревожил масштаб амбиций Вудвиллов, которых те практически не скрывали, а также безрассудное стремление полностью игнорировать волю покойного короля. Эти лорды, среди которых самым влиятельным был Хейстингс, считали, что дяди и братья короля по материнской линии должны быть отстранены от опеки над Эдуардом V. При этом они прекрасно понимали, что отстранить родственников королевы будет тем сложнее, чем мощнее окажется эскорт, сопровождающий короля в Лондон. Вудвиллы пытались отделаться общим замечанием, что численность эскорта оставлена на усмотрение самого короля. Однако всем было ясно, что на деле решение будет принимать граф Риверс. Для Хейстингса это казалось неприемлемым. Лорд-камергер заявил, что если эскорт не будет ограничен, то он немедленно удалится в Кале. Гарнизон этого города представлял собой значимую военную силу, и угроза оказала свое действие на Вудвиллов. Они согласились ограничить эскорт двумя тысячами человек. Против этого Хейстингс не возражал, поскольку противникам партии королевы не составило бы труда в случае необходимости собрать такой же отряд.

*

Вернувшись с совета, Хейстингс спешно послал в Миддлхэм второго гонца с еще более зловещим посланием. Камергер писал, что Вудвиллы проигнорировали назначение Ричарда Глостерского протектором, уничтожили последнее предсмертное завещание короля и собирались короновать юного Эдуарда как можно скорее, чтобы сохранить власть в своих руках. Они узурпировали все государственные дела, и только его отчаянные усилия помогли ограничить двумя тысячами человек численность конвоя, который должен сопровождать принца Эдуарда из Ладлоу в Лондон. Хейстингс сообщал, что после похорон короля бароны королевства, присутствовавшие в столице, собрались на заседание совета, где решали, как управлять государством, пока король не достигнет совершеннолетия. Было выдвинуто два предложения. Первое заключалось

в том, что править должен герцог Глостерский, поскольку так наказал в своем завещании Эдуард IV. Но это предложение совет не принял. Возобладала другая точка зрения, согласно которой правление должно осуществляться многочисленной группой, среди которых герцог будет лишь первым среди равных. За это предложение сплоченной группой выступили все, кто держался семейства королевы, поскольку они опасались, что Ричард отомстит тем, на ком лежит вина за смерть Кларенса, казнив их или по меньшей мере лишив высокого положения.

Хейстингс призывал герцога Глостерского поспешить в столицу с сильным войском и отомстить за оскорбление, нанесенное ему недругами. Он уверял Ричарда, что тот легко достигнет этой цели, если перед тем, как войти в город, возьмет под свою защиту молодого короля Эдуарда. Хейстингс писал, что он одинок и подвергается в столице большой опасности, поскольку ему едва удастся избегать ловушек врагов, так как их старая ненависть только усиливается из-за его дружеского расположения к Ричарду^{50}.

Получив подобные рекомендации, Глостер направил послание совету короля Эдуарда IV, еще не превратившемуся окончательно в совет Эдуарда V. В нем он заявлял, что всегда был предан своему брату и во внутренних, и во внешних делах, и в мире, и в войне. Так же верен он будет и наследникам брата, и даже его дочерям, если мальчиков не дай Бог настигнет смерть. Далее, он готов ценой собственной жизни защитить детей брата от любой опасности, которая может их подстергать. Единственное его желание — видеть, что управление королевством установлено в соответствии с законом и справедливостью. И поскольку по завещанию Эдуарда IV протектором королевства назначен именно он, то совету не стоит обсуждать распределение полномочий без его участия. Ричард напоминал, что советникам придется учитывать должность, которую он занимает по праву в соответствии с законом страны и указом брата. Герцог Глостерский также присовокупил и более ясное предупреждение: всё, что будет принято советом в противоречие закону и воле покойного короля, нанесет серьезный ущерб тем, кто поддержал такие решения.

Письмо получило широкую огласку и произвело благоприятное впечатление на умы горожан. Все говорили о том, что герцог Глостерский достоин править королевством. Советники, поддержавшие Вудвиллов, также начали колебаться. Хейстингс, чувствуя сомнения совета, еще раз напомнил присутствующим, что Ричард на законных основаниях считает себя протектором Англии и может аннулировать любое решение, принятое

в его отсутствие. Но маркиз Дорсетский не сдавался. Он говорил о том, что опасно отдавать власть в руки одного человека, и намекал, что никто из сторонников Вудвиллов не сможет чувствовать себя в безопасности в случае наделения Глостера верховной властью. Маркиз принуждал совет вынести постановление, по которому Ричард как протектор был бы лишен реальной власти, и заносчиво заявлял: «Мы сами достаточно важные персоны, и можем даже без дяди короля принимать такие решения»^{51}. Дорсет отправил письмо графу Риверсу с указанием, что король должен прибыть в Лондон не позднее установленного советом срока. Следуя этому указанию, король и Риверс во главе двух тысяч человек в сопровождении длинного обоза 24 апреля оставили Ладлоу и углубились в зеленые холмы Шропшира, держа путь на восток.

*

Между тем в Миддлхэм вскоре после гонца Хейстингса прибыл посланник Генри Стаффорда, герцога Бакингемского. Герцог писал из своего замка Брекон в Южном Уэльсе, что в связи с изменившимся раскладом сил он полностью переходит на сторону Ричарда, а в случае необходимости готов предоставить в его распоряжение тысячу воинов. Герцог Глостерский не очень-то доверял тщеславному и недалекому Стаффорду, но в сложной текущей ситуации решил не отказываться от поддержки неожиданного союзника. Ричард отписал в ответ, что выступает на юг с целью присоединиться к королевскому эскорту на пути в Лондон, и будет рад встретиться с герцогом по дороге. Глостер посоветовал Бакингему взять с собой вооруженный эскорт из трехсот человек, равный его собственной свите. Своим арендаторам, слугам и соратникам Ричард назначил встречу в Йорке.

20 апреля он попрощался с женой Энн и сыном, после чего отправился в путь. В Йорке герцог Глостерский привел всю свою свиту и городских магистратов к присяге на верность королю Эдуарду V, после чего покинул город в сопровождении отряда, все воины которого носили траурные черные одежды. Граф Нортумберлендский, хранитель Восточной и Средней марок, остался в Берике стеречь границу и наблюдать за действиями шотландцев. По пути на юг к Ноттингему Ричард встретил гонца графа Риверса. Вудвиллы, наконец, решили связаться с тем, кто волей покойного короля должен был исполнять обязанности протектора королевства. В весьма учтивой форме Риверс писал, что король и его

сопровождающие придут в Нортхемптон 29 апреля и надеются, что герцог Глостерский сможет там присоединиться к ним. Ричард послал ответ с согласием на предложенное свидание. 26 апреля он добрался до Ноттингема, где второй курьер герцога Бакингерского передал ему сообщение о том, что герцог покинул Уэльс.

Ричард велел передать, что будет ожидать Бакингема в Нортхемптоне. Пока отряд медленно приближался к этому городу, Ричард пытался проанализировать ситуацию, хотя для этого ему и не хватало многих данных. Ясно было одно — или он отстаивает свои права на протекторат, или погибнет. Нельзя было также исключать вариант, при котором враждебные придворные фракции развяжут гражданскую войну. Герцог Глостерский не знал точной расстановки сил в Лондоне и в королевском совете, не имел представления, зачем граф Риверс назначил ему встречу в Нортхемптоне, имея за спиной две тысячи воинов. В одном Ричард был убежден твердо — необходимо самым решительным образом защитить права на протекторат и установить справедливую власть в королевстве.

Ближе к вечеру вторника 29 апреля Ричард въехал в Нортхемптон в сопровождении кавалькады северных дворян. К своему удивлению, он не обнаружил там никаких следов ни короля, ни Риверса, ни их эскорта. Ему доложили, что небольшая армия Эдуарда недавно проследовала через город и без остановки продолжила движение на юг по направлению к Стоуни-Стратфорду. Ричард не знал, как реагировать на странное поведение графа Риверса, но ничего хорошего для себя от столь явной демонстрации не ждал — независимо от того, была она вызвана опасением или пренебрежением к его особе. В этот момент прибыли верховые, посланные герцогом Бакингерским, с известием, что их господин вскоре придёт в Нортхемптон. Ричард решил подождать союзника и отдал приказ размещаться на ночлег в городе. Сам герцог остановился в таверне, куда должен был подъехать и Бакингер.

Вскоре за окнами послышался конский топот, но вместо Бакингема в таверну вошел Энтони Вудвилл собственной персоной в сопровождении небольшой свиты. Граф в изысканных выражениях приветствовал Ричарда и тут же пустился в туманные объяснения причин того, почему новый монарх не пожелал лично встретиться с дядей. Дескать, король решил заночевать в Стоуни-Стратфорде, поскольку в Нортхемптоне и окрестных деревнях не хватило бы места для размещения сразу двух крупных воинских отрядов. Ричард перебирал в уме возможные истинные мотивы такого «сердечного» посольства. Понятно, что решение принимал граф Риверс, но если он так стремился выказать свое уважение дяде короля, то

не проще было бы дожидаться его в Нортхемптоне, как и было изначально договорено? Объяснение Ричард нашел лишь одно: от Нортхемптона до Лондона было 108 километров, а от Стоуни-Стратфорда — 84, и Вудвиллы стремились привезти короля в столицу раньше, чем туда доберется протектор. Отставшему Риверсу в одиночку было легче догнать короля, чем Глостеру и Бакингему с их отрядами.

Все эти размышления Ричард оставил при себе и ответил графу весьма любезно. Приказав слугам устроить Риверса на ночлег по соседству, он пригласил его пройти в лучшую комнату таверны и разделить трапезу, в течение которой герцог и граф непринужденно беседовали. В самый разгар обеда прибыл Бакингом и присоединился к лордам. Когда остатки еды были унесены, мужчины задержались еще на некоторое время, попивая вино. Наступила поздняя ночь, и все трое встали из-за стола. Они договорились утром вместе выехать в Стоуни-Стратфорд. Риверс со своими приближенными покинул таверну, а Ричард и Генри Стаффорд вернулись на свои места. Атмосфера веселья разом улетучилась, мерцающие свечи бросали тени на посерьезневшие лица склонившихся над столом собеседников. Бакингом уговаривал Ричарда действовать решительно и безжалостно, ибо в сложившихся реалиях любые колебания и уступки были чреваты поражением. Один сильный и внезапный удар мог предотвратить большое кровопролитие, обезвредив потенциального врага, в истинных намерениях которого можно разобраться и потом.

Жизненный опыт подсказывал Ричарду то же самое, хотя без влияния горячих аргументов Бакингема он, возможно, действовал бы не так жестко. Но прежде чем решать, что делать дальше, он должен был понять чаяния и устремления Бакингема, которые были совсем не очевидны. Дед Генри Стаффорда по отцу был убит в 1460 году на окраине того самого города, где они сейчас находились, командуя армией короля Генри VI в битве против йоркистов, во главе которых стояли Эдуард, тогда еще граф Марчский, графы Уорикский и Солсберийский. Отец герцога Бакингемского был тяжело ранен стрелой в лицо в битве при Сент-Олбенсе в 1455 году, сражаясь против отца Ричарда, герцога Йоркского. В этом же бою пал его дед по матери Эдмунд Бофорт, герцог Сомерсетский. Другими словами, семья Стаффордов всегда выступала на стороне Ланкастеров против Йорков. То, как был настроен сам сидевший напротив Генри, второй герцог Бакингемский, оставалось для Глостера загадкой. Ведь Генри Стаффорд и сам имел некоторые права на трон Англии, так как по матери происходил от незаконнорожденного, но впоследствии легитимизированного внука короля Эдуарда III, а по отцу — от законного

сына того же короля Томаса Вудстокского. Он всегда оставался в тени, практически не принимал участия в политической жизни королевства, не появлялся при дворе, хотя время от времени его приглашали на придворные церемонии.

Поэтому Ричард, наклонившись к собеседнику, внимательно слушал слова Бакингема. «Герцог жаловался Ричарду на оскорбление, нанесенное ему низким происхождением семьи королевы. Бакингом, будучи дворянином самого высокого происхождения, был склонен сочувствовать другому знатному лорду, тем более что у него были свои причины ненавидеть семейство королевы: ибо, когда он был моложе, его вынудили жениться на сестре королевы, которую он презирал из-за ее скромного происхождения»^{52}. Глостер решил, что по крайней мере на данном этапе он может довериться Генри Стаффорду: перед Бакингом неожиданно открылись широкие политические горизонты, он не собирался упускать возможность воплотить в реальность мечты, которым он предавался в далеком замке Брекон, и жаждал действовать.

*

С рассветом 30 апреля таверну, где остановился граф Риверс, тихо окружили вооруженные люди герцогов, блокировав его свиту. Вудвилл был взят под стражу, а с первыми лучами солнца Глостер и Бакингом выехали в Стоуни-Стратфорд. Когда они вступили в город, король уже собирался его покинуть. Таким образом, Ричард убедился в своих подозрениях — окружение короля решило демонстративно проигнорировать встречу с герцогом Глостерским и спешить в Лондон. Эдуард в окружении охраны садился на коня и был крайне удивлен, когда увидел вместо ожидаемого графа Риверса своего дядю в сопровождении незнакомого вельможи. Король с недоумением оглянулся на стоящих рядом советников, но его пожилой камергер сэр Томас Вон, как и сводный брат сэр Ричард Грей, только что прибывший из Лондона с приказом королевы поторапливаться, также пребывали в растерянности.

Эдуард V обладал многими привлекательными чертами. По словам современников, юный король отличался не по годам гибким и зрелым умом. Доминико Манчини отзывался о нем так: «Он был человеком широких взглядов, его речи и поступки свидетельствовали о достойном образовании, преимущественно классическом, и о знаниях, далеко опережавших его возраст. Все это заслуживает более подробного рассказа,

но требует столько дополнительных трудов, что я совершенно законно опушу подобное описание. Лишь одно я не посмею обойти молчанием — глубокое знание литературы, позволявшее ему вести беседы весьма изящно, проникать в суть вещей и превосходно декламировать как стихи, так и прозу, попавшие ему в руки, если только это не были работы слишком заумных авторов. Во всей его фигуре было такое достоинство, а в лице такое обаяние, что, казалось, никогда не устанешь любоваться им»^{53}.

При всех достоинствах молодого короля Ричард никак не мог рассчитывать на его доброе расположение: Эдуард плохо знал дядю, которого он лишь изредка встречал на торжественных церемониях, а его воспитатели, конечно же, постарались представить воспитаннику герцога не в лучшем виде. Если бы план Вудвиллов удался, то Эдуард V через несколько недель получил бы королевские полномочия, оставаясь полностью под их контролем. В таком случае никакой северный палатинат не спас бы герцога Глостерского и его семью от пристального внимания клана королевы.

Произнеся приличествующие случаю соболезнования племяннику в связи с кончиной отца, Ричард перешел непосредственно к делу. Он заявил, что у него есть важные новости, которые необходимо обсудить немедленно, и пригласил короля пройти в дом. Томас Вон, Ричард Грей и приближенные короля последовали за ними. Почтительно стоя перед мальчиком, герцог Глостерский обвинил министров в том, что они потакали порокам Эдуарда IV, поощряли его неводержанность и тем самым разрушили здоровье короля, приблизив его кончину. Герцог потребовал, ссылаясь на данные ему завещанием покойного Эдуарда полномочия лорд-протектора, чтобы все эти люди были отстранены от власти и лишены возможности оказывать свое пагубное влияние на сына, как прежде на отца. Сэр Ричард Грей попытался протестовать, но его достаточно резко оборвал герцог Бакингамский.

Кроме того, продолжил Ричард, эти же люди не только открыто вступили в сговор с целью лишить его законного протектората, но и покушались на саму его жизнь. Вожаками заговора он назвал Ричарда Грея, графа Риверса и маркиза Дорсетского. Герцог Глостерский заявил королю, что в качестве первого шага для обеспечения собственной безопасности он уже был вынужден арестовать графа в Нортхемптоне. Эдуард возразил, что маркиз, граф и сэр Ричард — его друзья, и у него нет никаких оснований не доверять им. А что касается управления королевством, так он уверен, что его мать королева и выбранные ею знатные люди разумно руководят государством. Тут опять вмешался герцог Бакингамский, который резонно

заметил, что королева не имеет никакого законного права на власть, тем более что управлять высокородными лордами и страной в принципе пристало лишь мужчине.

Королевский эскорт состоял из воинов, закаленных в стычках на валлийской границе, а отряд Ричарда Глостерского — из опытных бойцов Шотландской марки. Сражение между ними было бы делом нешуточным, однако командир эскорта граф Риверс, который мог бы отдать приказ о сопротивлении, находился под стражей. Эдуард V мужественно отстаивал невиновность своих друзей, но не стал противиться воле покойного отца, назначившего дядю протектором королевства. Он признал право Глостера принимать решения. Ричард Грей и сэр Томас Вон были арестованы, солдатам эскорта, сопровождавшим короля из Ладлоу, было приказано оставить Стоуни-Стратфорд и разойтись по домам, ибо забота о безопасности короля с этого момента ложилась на лорд-протектора и его отряд. Лишившись всех своих командиров, воины Риверса не стали ввязываться в бой и мирно покинули город. Устраивать немедленный суд над Риверсом, Греем и Боном герцог Глостерский не собирался, ибо время для процесса было не слишком подходящим. Он разослал их по надежным местам: Риверс был отправлен под конвоем в Шериф-Хаттон, Грей в Миддлхэм, а Вон — в Понтефракт.

Оба герцога с большим почетом препроводили короля обратно в Нортхемптон. Герцог Глостерский собирался оставаться там, покуда не придут вести от Хейстингса о том, какой эффект в Лондоне произвели аресты. Он убеждал себя, что не сделал ничего выходящего за рамки полномочий лорд-протектора, но все же немного беспокоился: формально ни королевский совет, ни великие лорды Англии в должности его не утверждали. Прежде чем отправиться спать, Глостер изложил в письме лордам и горожанам мотивы своих поступков и отправил его Хейстингсу в Лондон.

Этой ночью в столицу мчался не только герцогский посланник, но и курьер от оставшихся на свободе сторонников графа Риверса. Около полуночи тревожная весть достигла королевы и маркиза, ночевавших в Вестминстере. Взбешенные и испуганные одновременно, они начали лихорадочно действовать: «Королева и маркиз, в руках которого была королевская сокровищница, начали собирать армию, чтобы защитить себя и освободить юного короля из когтей герцогов. Но когда они стали уговаривать некоторых из лордов, явившихся в город, а также прочих взяться за оружие, то неожиданно обнаружили, что те не только пребывают в нерешительности, но настроены совершенно враждебно по отношению к

ним. Некоторые даже открыто заявили, что более справедливо и полезно, чтобы юный государь находился со своим дядей по отцовской линии, чем с дядьями по линии материнской и с единоутробными братьями»^[54].

Мать и сын впали в панику — они не смели спокойно дожидаться прибытия короля, но думали о бегстве, поскольку не доверяли ни Глостеру, ни Бакингеми. Ричард не только всегда их сторонился, но и обвинял в гибели брата Джорджа. Генри открыто ненавидел всю семью своей жены. Полагаться на их доброжелательность Вудвиллы не хотели, поэтому маркиз Дорсетский, имевший в качестве констебля Лондонского Тауэра возможность свободного доступа во все помещения замка, завладел сокровищами короны и вывез их в неизвестном направлении. После этого он, Элизабет Вудвилл и брат королевы Лайонел, епископ Солсберийский^[108], укрылись в святынище Вестминстерского аббатства, забрав туда с собой принцесс и брата короля маленького герцога Йоркского.

Гонец Глостера также разбудил камергера двора среди ночи. Новости, им доставленные, Хейстингса не обрадовали. Город переполняли дворяне, съехавшиеся на коронацию со всех концов страны — можно было себе представить, что случится, когда по столице поползут слухи, имеющие, как обычно, лишь отдаленное отношение к действительности. Камергер намеренно решил еще больше обострить ситуацию, чтобы повернуть ее лично в свою пользу. Он поставил в известность о произошедшем в Стоуни-Стратфорде лорд-канцлера Томаса Ротерема, архиепископа Йоркского. Престарелый Ротерем был человеком весьма неглупым, но излишне боязливым, а кроме того, относился к открытым приверженцам королевы. Перепуганный шокирующими новостями, он ни на минуту не поверил Хейстингсу, уверявшему его, что все идет законно, никаких чрезвычайных событий не произошло, виновные арестованы, и дальнейших репрессий не последует. Приказав слугам вооружиться, Ротерем взял Большую государственную печать и поспешил к королеве.

В святынище Вестминстерского аббатства царил суета — повсюду слуги таскали вещи королевы и ее приближенных. Сама Элизабет Вудвилл сидела в одиночестве, несчастная и напуганная. Канцлер попытался успокоить ее, рассказав о гарантиях, данных Хейстингсом. Однако королева прервала его, закричав в ожесточении, что именно Хейстингс — первый среди тех, кто старался уничтожить ее и ее род в последние годы правления мужа. Потеряв голову, канцлер пообещал способствовать коронации герцога Йоркского в случае, если с Эдуардом V случится несчастье, и больше того — в залог своей нерушимой верности передал

королеве Большую печать.

С первыми рассветными лучами Ротерем отправился обратно в свой дворец. По реке сновали лодки, на улицах явственно чувствовался страх. Вооруженные мужчины пересказывали друг другу слухи, которые распространялись по Лондону как лесной пожар. Лорды, рыцари и горожане разделились на две партии. Одни собирались около Вестминстера, чтобы защищать королеву и ее родных. Другие стекались под знамена камергера. Однако большинство горожан благоразумно решили переждать опасное время, пока не станет ясно, какая из фракций побеждает. Точно так же и придворные, движимые лишь собственными интересами, готовились занять сторону того, кто окажется сильнее.

*

Хейстингс вовсе не чувствовал себя представителем, а уж тем более слугой лорд-протектора — он действовал как исполнитель воли своего покойного друга короля Эдуарда IV. Камергер, несомненно, в эти дни стал самым популярным и влиятельным магнатом королевства. Вудвиллы, успех которых означал его собственное неминуемое падение, были сокрушены одним ударом. Хейстингса несколько нервировало внезапное появление из политического небытия Бакингема, но он не видел причин для волнения, пока оба герцога по сути исполняли задуманное им. Хейстингс верил в свои силы и не сомневался, что сможет и дальше направлять события по удобному ему руслу.

На совете, собравшемся в тот же день, Хейстингс выступил адвокатом Ричарда. Он прочел советникам письмо, в котором Глостер заверял баронов, что не захватывал короля силой, а напротив, спас и его, и королевство, и что вскоре Эдуард V прибудет в Лондон для коронации. Хейстингс сумел успокоить лордов и лондонских олдерменов, пообещав, что дело Риверса, Грея и Вона будет вынесено на рассмотрение королевского совета. «После того как эти письма были зачитаны вслух в зале совета и перед населением, все превозносили герцога Глостерского за то, что он исполнил долг перед своими племянниками и за намерение наказать своих врагов. Были и такие, которые считали его честолюбцем и обманщиком, и подозревали, что добром это не кончится»^[55].

Лорды постановили отобрать у Томаса Ротерема Большую печать, ибо она снова была в руках канцлера: вернувшись к себе домой и немного успокоившись, он понял, что совершил вопиюще незаконный поступок,

поспешил в Вестминстер, забрал у королевы печать и явился с ней на заседание совета. К концу дня Хейстингс отправил Ричарду послание, что дело Вудвиллов проиграно, действия лорд-протектора в целом одобряются, а город с нетерпением ждет своего короля. Лишь одну плохую новость сообщал камергер — 29 апреля флот под командованием Эдуарда Вудвилла отплыл от берегов Англии. О том, что маркиз Дорсетский украл королевскую казну, он еще не знал.

Успокоенный письмом Хейстингса, Ричард Глостерский тем не менее до 2 мая оставался в Нортхемптоне. От имени короля он отправил письмо архиепископу Кентерберийскому:

«Ваше высокопреосвященство, наш возлюбленный кузен, мы сердечно приветствуем Вас. Мы желаем и просим Вас хранить надежно в безопасности Большую печать нашего королевства до нашего приезда в город Лондон. Там, полагаясь на Ваши мудрые рекомендации и рекомендации прочих членов нашего совета, мы будем думать о благе нашем и нашего королевства. Призовите к себе лордов, со всем усердием обеспечьте безопасность и сохранность нашего Лондонского Тауэра и казны, находящейся в оном, а наше полное доверие остается с Вами»^[56].

Он также отписал Хейстингсу, мэру и олдерменам города, оповещая их, что прибудет вместе с королем в Лондон через два дня, в воскресенье 4 мая.

Ричард Глостерский и Генри Бакингамский в сопровождении своих отрядов выехали в Лондон. В пути Глостер пытался завоевать доверие своего племянника, о чем свидетельствует как минимум один случай. В разговоре с Эдуардом герцог выяснил, что мальчику был дорог капеллан из Ладлоу. Во время остановки на ночлег вечером 3 мая в Сент-Олбенсе Ричард вызвал своего секретаря Джона Кендалла и приказал составить письмо на имя Томаса Миллинга, епископа Херефордского, с просьбой назначить Джона Джеффри приходским священником в Пембридже. Король скрепил письмо своей печатью. Рано утром на следующий день кавалькада покинула Сент-Олбенс. Проезжая через Барнет, Ричард рассказал королю о том, что 12 лет назад на улицах этого города и в его окрестностях произошло кровопролитное сражение, в котором отец Эдуарда победил всесильного графа Уорикского.

У стен Лондона в Хорнси-парке кортеж приветствовали мэр, олдермены, а также именитые горожане. Ликующие толпы заполняли узкие улицы города, звонили колокола. По правую руку от двенадцатилетнего короля, одетого в синий бархат, ехал лорд-протектор, по левую — герцог Бакингамский, оба в черных одеяниях. За ними следовали отцы города в

лиловых платьях, отороченных мехом, далее — 500 дворян из Уэльса и Йоркшира в черном. Во главе процессии везли четыре воза с оружием. Время от времени глашатаи останавливались перед толпой и объявляли, что на доспехах, сложенных в возах, стоят эмблемы Вудвиллов, что это оружие было приготовлено графом Риверсом для убийства герцога Глостерского. Толпа возмущалась, раздавались крики, что негодяев заговорщиков нужно повесить. Многие, правда, пребывали в сомнениях. Они шептались, что оружие было приготовлено еще до смерти короля Эдуарда IV для войны с шотландцами. Это, конечно, было не очень похоже на правду, ибо тогда его давно уже отправили бы назад, на хранение в Лондонский Тауэр. Тем не менее полную ясность в вопрос происхождения оружия и его предназначения внести не мог никто.

Сопровождаемая приветственными криками, процессия проследовала по узким улицам Ладгейт-хилл и Сент-Пол до дворца епископа Лондонского, предложившего королю временное пристанище. Лорды вошли вслед за монархом, чтобы засвидетельствовать ему свое почтение. Затем Ричард поехал в свой городской дом на улицу Бишопсгейт. Запланированная на этот день коронация, естественно, была отложена.

*

Первоочередной задачей Ричарда как лорд-протектора стало восстановление спокойствия в столице. Он собрал всех духовных и светских лордов, а также магистратов города и вместе с ними торжественно и публично присягнул на верность Эдуарду V. Лондонцы вздохнули свободнее. Горожане отбросили свои страхи, бароны распустили вооруженные до зубов свиты — один только лорд Хауэрд отправил по домам три десятка слуг.

На свой первый совет Ричард пригласил не только верных сторонников. В него вошли и те, кто в прошлом поддерживал Вудвиллов — например архиепископ Йоркский или глава уэльского совета принца Эдуарда Джон Элкок, епископ Вустерский. Основная часть совета была сформирована бывшими слугами Эдуарда IV: лорд-протектор поначалу при формировании властных структур учитывал скорее государственные интересы, чем свои личные. После того как за противозаконную передачу королеве Большой печати Томас Ротерем был официально отстранен от должности, лорд-канцлером, ко всеобщему удовлетворению, назначили Джона Расселла, епископа Линкольнского. Расселл не относился к друзьям

герцога Глостерского, но был человеком мудрым, опытным, образованным и благочестивым. Возможно, именно он выступил автором второго продолжения знаменитой Кройлендской хроники. При покойном короле Расселл занимал пост хранителя Малой королевской печати, который теперь перешел к Джону Ганторпу, декану Уэллза, известному эрудиту и бывшему члену совета Эдуарда IV. Спикер палаты общин Джон Вуд, преданный сторонник Ричарда Глостерского, получил назначение на должность лорда — верховного казначея. Большая часть судей и баронов казначейства сохранила свои посты, поскольку Ричард стремился сделать смену власти как можно более безболезненной.

Совет объявил Ричарда протектором и защитником королевства. Это были ни в коем случае не выборы или утверждение в должности, но лишь формальное подтверждение воли покойного короля. «Он был наделен полномочиями с согласия и по доброй воле всех лордов, с властью приказывать и запрещать что угодно, подобно любому другому королю, руководствуясь той необходимостью, которую требует дело»^[57], — отметил кройлендский хронист. С этого момента королевский совет фактически стал совещательным органом при лорд-протекторе. Все указы, приказы и распоряжения, выпущенные от имени короля, отныне имели приписку «по совету нашего дражайшего дяди герцога Глостерского, протектора и защитника нашего королевства на время нашей юности», к которой иногда добавлялась фраза «и по совету лордов нашего совета».

Вопрос о сроках полномочий Ричарда в качестве протектора советом вообще не обсуждался, хотя именно эта проблема была весьма неоднозначной. Никакого закона на сей счет Англия не имела. Существовал лишь единичный прецедент — Хамфри, герцог Глостерский, стал лорд-протектором в 1422 году при малолетнем короле Генри VI и был отстранен от должности в 1429-м, когда девятилетнего Генри короновали. Власть перешла к регентскому совету, правившему до объявления короля совершеннолетним в 1437 году. Ричард считал, что он имеет право на полномочия протектора именно до совершеннолетия Эдуарда, и прецедент полувековой давности его не очень тревожил. Однако герцог Глостерский все-таки решил подстраховаться, и члены его совета без споров согласились с тем, что протекторат должен продолжаться до тех пор, пока Эдуард V не достигнет совершеннолетия и не начнет править самостоятельно.

Ричард понимал, что его право на власть будет прочно обеспечено только доброй волей всего королевства, и признавал, что справедливым было бы получить одобрение не только советников, но также лордов и общин. Он поручил лорд-канцлеру вынести этот вопрос на обсуждение парламента, в однозначной поддержке которого был уверен. Епископ Линкольнский, хотя и недолго любил Ричарда, в данном случае был с ним совершенно солидарен и немедленно начал готовить проект речи, с которой собирался выступить на открытии парламента, в котором он постоянно подчеркивал необходимость установить срок протектората именно до момента совершеннолетия Эдуарда V, а не его коронации:

«Все видят благонравный и добродетельный характер нашего нынешнего повелителя и господина (Эдуарда V), его благородный и зрелый ум, воспитанный опытом юности. Кому, как не лордам и общинам этого королевства решать, кто станет ему надежной опорой в попечении о его обширных владениях — как их предшественники прежде делали для других королей Англии? То есть решить, чтобы все неотложные заботы на время пребывания короля в юном возрасте были должным образом возложены на благородного и славного принца герцога Глостерского, его дядю, протектора королевства. Чьим великим могуществом, мудростью и удачей ныне держится защита королевства как от явных врагов, так и от коварных и ненадежных друзей.

И помимо этого [здесь лакуна в тексте. — В. У.] опеку и надзор за царственной особой короля в течение его юных лет вышеназванный милорд протектор будет осуществлять, как Марк Лепид, дважды избиравшийся консулом Рима, о котором рассказывает Валерий Максим в книге VI своего сочинения “Достопамятные деяния и изречения”. По смерти Птолемея царь Египетский оставил после себя наследником малолетнего сына *in pupillari aetate*^[109], твердо веря, что народ Рима будет хорошо и достойно направлять ребенка до того времени, пока он достигнет совершеннолетия. Благородный сенат согласился и постановил, что указанный Марк Эмилий Лепид должен взять на себя заботу по опеке и защите, после чего тот отправился в великий город Александрию, где находился юный царь. Он так мудро руководил и воспитанием молодого принца, и всеми важными государственными делами, что достигнув совершеннолетия и взяв власть в свои руки, царь нашел свою страну в величии и процветании. Было даже затруднительно определить, кому в заслугу сие отличное состояние должно быть поставлено — его отцу или его опекуну.

И ныне присутствующий здесь юный принц, наш господин и

повелитель, [как бы] восседает меж двух братьев, один из которых — его отец, а другой — его дядя. Первый получил власть естественным образом, второму предопределено, как ближайшему совершеннолетнему родственнику королевской крови, быть опекуном и протектором. В качестве примера [здесь лакуна в тексте. — В. У.] военное искусство, таланты и опыт как одного, так и другого из этих двух принцев не могут быть подвергнуты сомнению. И что бы ни было предуготовано Господом в его несказанной милости для юного короля, нашего господина и повелителя, помимо наследства, пусть все обернется к его выгоде, чтобы церковь сказала о нем: *Non est inventus similis illi*^[110]*. Пока же, до достижения зрелого возраста и самостоятельности в правлении, что однажды милостью Божьей произойдет, пусть они правят вместе. Власть и полномочия милорда протектора настолько полезны и разумны, что великое собрание согласится и одобрит их; ибо среди всех причин созыва парламента в нынешнее время это есть важнейшее и необходимейшее дело, которое должно быть сделано. Дай Боже, чтобы эта проблема, а также и другие, требующие первоочередного рассмотрения по воле короля и для защиты этого королевства, были рассмотрены должным образом и без промедления высоким судом парламента, как того требуют время и необходимость облегчения участи народа»^{58}.

Совет также озаботился удовлетворением первоочередных потребностей короля. Было высказано мнение, что дворец епископа Лондонского не может считаться достойным жильем для монарха. Кто-то предложил сделать королевской резиденцией госпиталь Святого Иоанна. Но этот вариант был отвергнут, поскольку советники решили, что он ничем не лучше епископского дворца. Кто-то назвал в качестве возможного места проживания Эдуарда V Вестминстерский дворец. Это предложение также не нашло поддержки, ибо в соседнем здании аббатства нашли убежище Вудвиллы, и подобное соседство никому не показалось приемлемым. Наконец, герцог Бакингамский предложил разместить короля в Лондонском Тауэре. В те времена старинный замок не обрел еще той мрачной славы, которую получил позже, при Тюдорах. Английские короли не раз делали его своей резиденцией, тем более что мощная крепость давала надежное укрытие во время гражданских смут. После недолгого обсуждения предложение Бакингема было единогласно принято, и король Эдуард занял роскошные апартаменты, выстроенные во внутреннем дворе Тауэра, где должен был оставаться до грядущей коронации.

Предварительной датой этой торжественной церемонии был определен

вторник 24 июня. К ней также приурочили созыв парламента, которому предстояло подтвердить начало нового правления. Королевская канцелярия разослала лордам именные приглашения, а шерифам приказы организовать выборы в палату общин. Открытие парламента планировалось на 25 июня.

*

7 мая Ричард собрал в замке Бейнардс исполнителей завещания короля Эдуарда IV, чтобы исполнить последнюю волю брата. Однако сразу же выяснилось, что сделать это невозможно. Прежде всего Вудвиллами была похищена большая часть королевской казны — кстати сказать, вернуть ее впоследствии так и не удалось. Передать завещанное детям короля также казалось затруднительным, ибо королева держала их в святилище Вестминстера в фактическом заключении.

Совет принял временные меры. Оставшиеся королевские сокровища поместили под церковный надзор и поручили приору Винчестера следить за их сохранностью. 23 мая архиепископ Кентерберийский учредил специальную комиссию, которая должна была организовать продажу некоторой части ценных предметов для оплаты расходов на королевские похороны, которые составили весьма существенную сумму в 1496 фунтов 17 шиллингов и два пенса. Совет по настоянию Ричарда назначил уполномоченных для ведения переговоров с Элизабет Вудвилл, но никаких результатов им добиться не удалось.

Королева в своем убежище не склонна была идти на компромиссы и не теряла времени даром: Вудвиллы готовились применить силу против Ричарда. Поэтому протектор был вынужден изолировать тех членов ее семейства, которые не скрывались и не находились в бегах. Выполняя обещание, данное Хейстингсу, он подробно изложил перед советом свои мотивы, подвигшие его задержать графа Риверса, Вона и Грея. Герцог Глостерский настаивал на том, чтобы предъявить арестованным обвинения в государственной измене, ибо они планировали поднять руку на протектора — официального правителя Англии, чьи полномочия были равны королевским. Герцог Бакингамский, лорд Хейстингс и светские лорды поддержали его, но некоторые духовные особы воспротивились. Более искушенные в юридической казуистике, они заявили, что заговор вряд ли можно считать изменой. Даже если Вудвиллы готовили засаду — чему, по их мнению, не было представлено убедительных доказательств, — Ричард на тот момент еще не был официально провозглашен протектором.

В ответ герцог Глостерский заметил, что протектором он стал по воле покойного короля, а не по желанию лордов, и поэтому его вступление в должность совершилось в тот момент, когда умер Эдуард IV — точно так же как Эдуард V стал королем в минуту смерти отца, а не после коронации, которой, кстати, еще не было. В результате долгих препирательств Ричард согласился на компромиссное решение — Риверс и его соратники останутся в заключении на неопределенный срок, а владения маркиза Дорсетского конфискуются.

Протектор ни в коем разе не был удовлетворен этими полумерами, ибо Вудвиллы всерьез угрожали миру и спокойствию королевства. Но поскольку деться из-под стражи им было некуда, он на время удовлетворился замораживанием ситуации с тем, чтобы разобраться с ней позже. А пока занялся теми недругами, которые были за пределами его досягаемости.

Маркиз Дорсетский бежал из святилища, обманув дозоры, выставленные вокруг Вестминстерского аббатства, и скрывался неведомо где. Сильный флот сэра Эдуарда Вудвилла крейсировал в Ла-Манше. Когда протектору донесли, что корабли встали на якорь в Даунсе — на рейде между песчаной 16-километровой банкой Гудвин-Сэндз и восточным побережьем Кента, — он издал прокламацию, в которой объявлял полное прощение всем солдатам и матросам, которые покинут флот предателя. Сэр Эдуард, маркиз Дорсетский, а также их приверженец Роберт Рэтклифф объявлялись врагами государства, за их головы назначалась награда.

9 мая Ричард отправил своих людей принять командование гарнизонами укреплений в Портсмуте и на острове Уайт, а также обеспечить припасами и вооружением поспешно снаряжаемые корабли. Лорд Кобэм^[111] был послан с небольшим отрядом в Дувр и Сандвич, чтобы подготовить порты к отражению возможной атаки с моря. 10 мая протектор приказал сэру Томасу Фулфорду^[112] и некоему Холуэллу выйти с флотом в Ла-Манш и плыть к Даунсу. Спустя четыре дня такой же приказ получили Эдуард Брамpton, Джон Уэллиз и Томас Грей. Перед ними стояла сложная задача, требовавшая исключительной смелости: на нескольких судах подойти достаточно близко к флоту Вудвилла, чтобы передать морякам и солдатам предложение о помиловании. Томас Фулфорд и Брамpton были опытными морскими волками и смогли выполнить свою миссию, несмотря на то, что сэр Эдуард Вудвилл отправил по группе верных сторонников на каждый корабль, в верности экипажа которого он сомневался. Он также разместил своих солдат на борту двух больших гемуэзских каракк, которые

зафрахтовал на службу. Однако даже итальянские капитаны-наемники решили воспользоваться предложенным Ричардом прощением. Они напоили солдат Вудвилла, связали их одного за другим, объявили о покорности протектору и его совету, а затем отплыли в Лондон. Их примеру последовали все корабли, кроме двух, на которых сэр Эдуард и его оставшиеся сторонники бежали в Бретань, увозя с собой часть казны Эдуарда IV.

Параллельно Ричард принимал меры для прекращения пиратской войны, которую французы и англичане вели на море. 1 мая он вступил в переговоры с французским корсаром «лордом Кордесом», как англичане называли маршала Франции Филиппа де Кревкера, сеньора д'Экера. Де Кревкер был личностью примечательной — он служил Шарлю Смелому, сражался в битве при Монлери, в Льежских войнах, оборонял Аббевиль от французских войск. Затем Филипп перешел на службу французскому королю Людовику XI, сдав ему Аррас. Сеньору д'Экеру было поручено командование войсками в тренировочном лагере Пон-де-л'Арш. Он стал ярким сторонником экспансии Франции на север и восток, а также освобождения Кале. Именно к этому человеку Ричард послал уполномоченных для организации обмена захваченными кораблями и товарами в качестве первого шага к возобновлению перемирия между Англией и Францией. Приказ начать подобные переговоры получил и заместитель Хейстингса в Кале лорд Динэм^[113]. Протектор также заручился поддержкой Максимилиана Бургундского, который вскоре прислал предложение дружбы новому правителю и выслал в Ла-Манш свои патрульные корабли.

Глава шестая.

ЗАГОВОР ХЕЙСТИНГСА

Помимо совета, включавшего в себя опытных в государственных делах сановников, Ричарду приходилось тесно сотрудничать с несколькими магнатами, чье влияние не позволяло запросто их игнорировать или держать на безопасном расстоянии от центра власти. И первым среди таких магнатов, конечно же, был Уильям Хейстингс. При лорд-протекторе он сохранил все свои прежние должности — губернатора Кале, начальника королевского монетного двора, камергера двора. Тем не менее его глубоко задело то, что он не получил ни одного нового поста, ибо Хейстингс небезосновательно полагал, что его заслуги перед герцогом Глостерским достойны более весомого вознаграждения. Однако он не считал свою игру законченной — его былая близость к Эдуарду IV, популярность у знати и простолюдинов предоставляли широкое поле для маневров. Внезапный уход в тень королевы и маркиза Дорсетского образовал своего рода политический вакуум, который помог Хейстингсу выдвинуться на авансцену и стать признанным лидером придворной группировки. Он стремился усилить свое влияние на молодого короля, пользуясь тем, что тот оказался в изоляции от родственников по материнской линии. Впрочем, завоевывая симпатии Эдуарда V, лорд-камергер не только преследовал личную выгоду, но и честно старался служить мальчику, поскольку был уверен, что таким образом исполняет свой священный долг перед покойным другом Эдуардом IV.

Самой серьезной помехой его планам было неожиданное появление опасного соперника. Генри Стаффорд, герцог Бакингамский, попавший в фавор, решил играть самостоятельную партию. Этого не предвидел Хейстингс, который ожидал, что Бакингам присоединится к его сторонникам. Но голос герцога с самого начала зазвучал в зале совета громко и веско. В письме сэру Уильяму Стонору от 9 июня Саймон Столлуорт, один из чиновников епископа Линкольнского, не счел нужным упомянуть никого из лордов совета, кроме Бакингема: «Милорд протектор, милорд Бакингамский, а также все прочие лорды светские и духовные заседали в палате Совета с десяти до двух»^{59}. Самое забавное, что формальных поводов возмущаться таким возвышением Стаффорда не было ни у Хейстингса, ни у прочих лордов, ибо он действительно являлся самым

знатным пэром королевства после Ричарда Глостерского.

Протектор знал, насколько герцог Бакингемский тщеславен и недалек, но тем не менее демонстративно отличал его перед всеми другими. Ричард не только оценил поддержку, оказанную ему Стаффордом в трудные майские дни. Что еще немаловажно — владения Бакингема располагались в том самом регионе, где позиции Ричарда были слабее всего — в Уэльсе и Уэльской марке, которые долгое время управлялись графом Риверсом. 15 мая Ричард обрушил на Бакингема волну пожалований, наделив его правами надзора и набора ополчения в Шропшире, Херифорде, Сомерсете, Дорсете и Уилтшире. В этих же графствах герцог стал констеблем всех королевских замков и управляющим королевскими поместьями и майорами. Он был назначен верховным судьей и камергером Северного и Южного Уэльса, затем констеблем, управляющим самыми важными валлийскими замками и лордствами с привилегией самоличного назначения ключевых должностных лиц. Бакингем получил право набирать в гарнизоны замков столько солдат, сколько ему вздумается, свободно распоряжаться огромными королевскими доходами с перечисленных владений. Герцогу также была пожалована должность хранителя королевских лесов и охотничьих угодий на западе страны. Спустя всего несколько дней он стал констеблем и управляющим замками и манорами в Уэльсе, принадлежащими герцогству Ланкастерскому и графству Марчскому. Хотя все эти многочисленные пожалования не создавали наследственного апанажа в ущерб коронным землям, как произошло с северными владениями самого Ричарда, но фактически они давали герцогу вице-королевские полномочия в Уэльсе.

За Хейстингсом и Бакингемом по влиянию и значимости шли два северных лорда. Томас Стэнли, прочно удерживавший в своих руках все рычаги управления Ланкаширом, сохранил видное место в совете протектора, которое занимал и при покойном короле. Кроме того, он получил титул стюарда королевского двора. Генри Перси, граф Нортумберлендский, незаменимый на северной границе, был назначен 10 мая хранителем Восточной шотландской марки, а десятью днями позже — капитаном крепости Берик с гарнизоном в 600 человек.

Кроме лорда Хейстингса, герцога Бакингемского, графа Нортумберлендского, лордов Стэнли и Хауэрда еще одним сторонником Ричарда стал Джон, граф Линкольнский, сын и наследник герцога Саффолкского^[114] и сестры протектора Элизабет, праправнук «отца английской поэзии» Джеффри Чосера. Уильям Фиц-Алан, шестнадцатый граф Эрделский, получил должность смотрителя лесов, охотничьих

угодий и парков к югу от Трента. Видное место при дворе занял также Фрэнсис Ловелл, возведенный 4 января 1483 года королем Эдуардом IV в достоинство виконта. Он был самым старым, преданным и любящим другом Ричарда. Протектор назначил его главным виночерпием Англии — прежде эту должность занимал граф Риверс. Ричард также сделал Ловелла управляющим Уоллингфордом и лордством Торп-Уотерфелд.

В ближнее окружение протектора вошли также два прелата. Роберт Стиллингтон, епископ Батский и Уэлзский, был близким товарищем герцога Кларенсского и, естественно, недолюбливал Вудвиллов. Томасу Лэнгтону^[115], опытному дипломату и гуманисту, Ричард помог 21 мая получить сан епископа Сент-Дэвидского. Протектор также приблизил к себе некоторых последователей из числа северян — сэра Ричарда Рэтклиффа, сэра Джеймса Тирелла и сэра Роберта Брекенбери^[116].

*

Вольно или невольно, но собирая свою партию, лорд-протектор сильнее всего поколебал позиции Хейстингса. Помимо непредусмотренного возвышения Бакингема крайне раздражительным моментом для камергера стал неожиданный переход в стан активных сторонников Ричарда его бывшего слуги молодого адвоката Уильяма Кэтсби и лейтенанта Кале, лорда Динэма. Первый был назначен канцлером графства Марчского и членом совета, второй — стюардом герцогства Корнуоллского.

Однако самым болезненным ударом стало сближение с протектором лорда Джона Хауэрда, когда-то входившего в состав тесной группы баронов, находившихся под влиянием камергера и составлявших ядро правительства короля Эдуарда IV. К личности этого воина стоит присмотреться подробнее, ибо недаром старая английская мудрость гласит: человек познается по его друзьям. По отцовской линии Джон Хауэрд происходил из старой дворянской семьи Восточной Англии, а мать его была дочерью Томаса де Моубрея, первого герцога Норфолкского. Впервые Хауэрд появился на политической сцене Англии в 1461 году, когда король Эдуард IV шел во главе армии на Таутон навстречу самому кровавому сражению войн Роз, поле которого навсегда осталось в памяти местных жителей как Кровавый луг.

Джон Хауэрд присоединился к молодому Эдуарду с мечом в одной

руке и мешочком золота в другом. Это золото — сто фунтов, присланных аббатом Бери-Сент-Эдмундс — в то время было единственным его достоянием. Он был предан королю, готов сражаться за него на море и на суше, не избегал опасных поручений. Летом 1462 года Хауэрд осаждал ланкастриан в замке Анник, спустя несколько месяцев командовал флотилией, опустошавшей французское побережье. В 1471 году сэр Джон доблестно бился при Барнете и при Тьюксбери. В том же году он получил титул лорда Хауэрда, был посвящен в рыцари ордена Подвязки и назначен заместителем лорда Хейстингса в Кале. Как-то раз, когда он возвращался к месту службы на континент, его корабль был атакован тремя ганзейскими судами и оттеснен к песчаной отмели. В ожесточенном бою с превосходящими силами врага 16 его солдат были зарублены, но сам он не получил ни одной раны благодаря умелому владению мечом и своей удачливости.

Лорд Хауэрд был назначен одним из четырех уполномоченных на переговорах с Людовиком XI при заключении мирного договора в Пикиньи и получил от французского короля самый большой пенсион после лорда Хейстингса — 1200 крон в год. Впоследствии он стал главным посланником Эдуарда IV при французском дворе. Война с Шотландией дала ему прекрасный шанс проявить свои флотоводческие способности: в 1481 году эскадра под командованием Хауэрда отважно ворвалась в залив Ферт-оф-Форт и уничтожила основные силы шотландского флота.

Удача и личные таланты высоко вознесли лорда Хауэрда, однако он всегда оставался типичным уроженцем Эссекса — простым, твердым человеком с щедрым сердцем. Этот неустрашимый вояка, несмотря на славу, шрамы и придворные обязанности, оставался рачительным домохозяином и заботливым господином. Хауэрд глубоко вникал в проблемы своих арендаторов и соседей, прекрасно знал состояние дел в своем хозяйстве. В усадьбе Сток-Нейланд в Эссексе он регулярно проверял счета, собственноручно делая на них пометки. Его кошелек всегда был открыт для друзей и соседей, он дарил небольшие подарки детям, щедро раздавал милостыню. В расходных книгах Хауэрда часто встречались записи вроде этой: «*Item*, секретарю — 1 пенни. *Item*, юноше с конюшни, что болен — 4 пенса»^[60].

Нескольким одаренным слугам он полностью или частично оплатил обучение в Кембриджском университете: лорд был большим ценителем искусств, особенно музыки. 18 октября 1482 года казначей отметил: «*Item*, в этот же день милорд договорился с Уильямом Уостелом, лондонским арфистом, что тот примет к себе на год сына Джона Колета из Колчестера,

дабы обучить его игре на арфе и пению, за какое обучение милорд даст ему 13 шиллингов четыре пенса и платье, о чем милорд заявляет со всей серьезностью. И в конце года он получит окончательный расчет, то есть платье»^[61].

Герцог Глостерский и лорд Хауэрд сблизились во время шотландской кампании. По ее окончании в 1481 году Ричард уступил Джону свой манор Уайсноу в Восточной Англии за тысячу сто марок, и в феврале следующего года Джон Кендалл, секретарь Ричарда, прибыл в Стоук-Нейланд с готовыми бумагами. Он вернулся в Йоркшир не только с серебром Хауэрда, но и с его подарками Ричарду — семью арбалетами из дерева и одним из стали. Летом герцог Глостерский пригласил лорда Хауэрда к себе в гости. Друзей развлекали музыканты, игравшие на шалмеях^[117], и квартет бродячих актеров. Музыка, оружие и сражения — вот какими были общие интересы двух мужчин.

Несмотря на свои прежние тесные отношения с лордами Хейстингсом и Стэнли, Джон Хауэрд предпочел стать опорой нового протектората. В свою очередь, Ричард привечал Хауэрда больше, чем других знатных баронов: в отличие от Хейстингса Хауэрд не был участником безумств короля Эдуарда IV, а его служба дому Йорков не давала повода усомниться в верности или искренности. Поэтому 14 мая 1483 года Ричард пожаловал другу должность стюарда герцогства Ланкастерского к югу от Трента, в ответ на что Джон прислал в подарок золотую чашу с крышкой весом 65 унций. Приязненные отношения возникли и между их женами: приехав в Лондон, Энн Глостер в тот же день послала супруге Джона коробочку вафель.

*

Хотя Эдуард V уже считался королем, для формального вступления на трон ему требовалось пройти обряд помазания и коронации в Вестминстерском аббатстве. Ричард начал готовить церемонию, которую решили перенести с 24 июня на ближайшее воскресенье, которое приходилось на 22 июня. Под присмотром хранителя королевского гардероба Пирса Куртеса портные спешно кроили из атласа и бархата, из тканей с серебром и золотом парадные одежды для молодого короля и его свиты. Постепенно в Лондон начинали прибывать лорды, рыцари графств и выборные горожане.

Советники были заняты по горло — дел хватало на всех. Они собирались то все вместе, то отдельными группами. В Вестминстере комитет во главе с канцлером Расселлом решал проблемы, связанные с коронацией. Вторая группа, куда входили Хейстингс, Стэнли, епископы Ротерем, Мортон и их клерки, проводила заседания в Тауэре и готовила грядущую сессию парламента. Третий комитет, состоявший из самых близких советников Ричарда, собирался в принадлежавшем ему лондонском особняке Кросби-Плейс. Бакингом был тенью герцога Глостерского, их всегда и везде видели вместе — на улицах, на обедах, на заседаниях совета.

Прошел май. 5 июня к Ричарду в Лондон приехала его жена Энн. Сына Эдуарда она с собой не привезла — мальчик остался в Миддлхэме из-за проблем со здоровьем, которое не позволило ему совершить столь дальнее путешествие. От жены Ричард узнал, что жители Йорка крайне обеспокоены оскудением своих доходов. Протектор ничем не мог им помочь, ибо лишних денег в казне не было, однако среди множества важных дел он не забыл о тревогах края, ставшего ему родным. Как только Энн вечером удалилась в свои покои, Ричард вызвал секретаря Джона Кендалла и продиктовал ему следующее письмо:

«Нашим верным и возлюбленным мэру, олдерменам, шерифам и горожанам Йорка.

Верные и возлюбленные, мы горячо приветствуем вас. Из ваших писем, содержащих прошение к нам и доставленных вашим служащим Джоном Брекенбери, мы поняли, что великие издержки, которые вам пришлось нести, а также защита королевства от шотландцев ввергли ваш почтенный город в великую бедность. Из-за этого вы желаете, чтобы мы убедили Его королевскую милость облегчить и тяготы, которые вы ежегодно несете, и выплаты Его высочеству. Да будет вам известно, что из-за серьезнейших вопросов и дел, которые мы ныне должны свершить для блага и пользы королевства, мы пока что не имеем достаточно свободного времени для исполнения этой вашей просьбы. Однако будьте уверены, что помня ваше доброе и преданное отношение к нам, выказываемое постоянно, каковое мы не имеем права забыть, мы со всей поспешностью приложим все силы для облегчения вашего положения. Мы будем вам добрым и любящим господином, что подтвердит вам ваш вышеназванный служащий, которому просим и в дальнейшем оказывать доверие. За усердную службу, которую он ныне сослужил нам, к нашему особому удовольствию, мы просим вас одарить его похвалой и благодарностью. Да хранит вас Господь.

Герцог Глостерский, брат и дядя королей, протектор и защитник, великий камергер, констебль и адмирал Англии. Заверено печатью в Лондонском Тауэре, в 5-й день июня»^[62].

Между тем собрания группы Хейстингса приобретали все более настораживающий характер, так же как и тесное общение лорда с молодым королем: свои частые встречи с Эдуардом V камергер использовал не только для решения государственных вопросов, но и для усиления своего влияния на монарха. Со временем члены этого комитета сблизились настолько, что стали собираться менее официально — в домах друг у друга.

Хейстингс подобрал себе соратников очень тщательно и продуманно. В предыдущее царствование, когда Ричард находился вдали от Лондона в Йоркшире, Бакингам — в Уэльской марке, а Хауэрд был всего лишь помощником Хейстингса, именно эта группа занимала позиции рядом с центром власти. Тогда ей мешали лишь Вудвиллы, и она с радостью использовала Ричарда Глостерского для того, чтобы убрать со своего пути это препятствие, хотя лично к протектору ни один из ее членов не испытывал ни малейших симпатий. Прирожденный изменник Стэнли искал только собственной выгоды, и Ричард прекрасно это понял еще весной 1470 года. Томас Ротерем, архиепископ Йоркский, был крайне обижен отстранением от должности и не хотел признаваться себе в том, что сам был виноват в такой перемене своей фортуны. Джон Мортон, епископ Илийский, принимал горячее участие в судьбе королевы Маргариты д'Анжу: после битвы при Таутоне он присоединился к ней в изгнании во Франции, позднее шел с ее армией к Тьюксбери. Окончательный разгром ланкастриан заставил епископа перейти на сторону Эдуарда IV. Мортон надеялся получить от протектора какую-нибудь значимую должность — например, хранителя печати, но герцог Глостерский не дал ему ничего. Епископ не мог так просто смириться с пренебрежением своей особой: стремление к власти в нем было куда сильнее, чем стремление служить Богу.

Таким образом, вся четверка чувствовала себя бесцеремонно отстраненной от власти и была готова силой или хитростью изменить расклад сил при дворе в свою пользу. У заговорщиков было не слишком много путей — по сути, им оставалось лишь одно направление, в котором они могли двигаться. Поддержав в свое время Ричарда, чтобы сокрушить могущество Вудвиллов, теперь они вынуждены были обращаться к тем самым Вудвиллам, чтобы свергнуть протектора и его ставленника герцога Бакингамского. Что ж, вдовствующая королева Элизабет не казалась Хейстингсу более неприятной, чем когда-то Маргарита де Валуа — графу

Уорикскому. Нынешнее бессилие друзей королевы компенсировалось их близким родством с королем. Чтобы окончательно завоевать расположение молодого Эдуарда, Хейстингс должен был неминуемо объединить силы с самыми дорогими королю людьми.

Лорд-протектор в это же время был занят подготовкой к активному противодействию Вудвиллам, поэтому его люди держали глаза и уши открытыми. Кому-то из них показалось подозрительным поведение группы Хейстингса, а может быть, свою миссию недостаточно ловко исполнила Джейн Шор та самая, которая последовательно была любовницей короля Эдуарда IV, маркиза Дорсетского и, наконец, лорда Хейстингса. Благодаря своим прежним и нынешним связям она превосходно подошла на роль посредницы между придворными заговорщиками и Вудвиллами.

После совещания с ближайшими советниками протектор поручил герцогу Бакингерскому разузнать все, что можно о планах крамольной части королевского совета, выяснить их намерения. Ричард в данном случае на уступки идти не собирался, ибо это неминуемо означало бы пожертвовать верным соратником Бакингером для того, чтобы умиротворить человека, который уже начал действовать как противник. Тянуть время он также не имел возможности — в любой момент сторонники Хейстингса могли узнать о том, что протектору известно о заговоре, и перейти к открытому бунту, не дожидаясь, пока парламент одобрит своим авторитетом порядок власти, выгодный протектору. Со своей стороны, герцог Бакингерский чувствовал, что он — первая мишень, и настаивал на решительных и даже жестоких мерах.

*

Ричард был бы крайне неумным человеком, если бы не воспринял серьезно уроки, которые давала ему жизнь. Его отец безуспешно претендовал на трон Англии и в конце жизни открыто, хоть и недостаточно решительно, выступал против помазанного короля. Его брат использовал силу более эффективно и захватил трон, прагматично воспользовавшись существовавшей политической реальностью. Он не щадил поверженных врагов и приказал убить свергнутого короля Генри VI. Воспитатель Ричарда граф Уорикский был еще более безжалостным в устранении своих политических соперников и осуждал их на казнь без лишних проволочек. Слабость, проявленная перед лицом фракционной угрозы, всегда имела тяжкие последствия — Ричарду довелось испытать это на своей

собственной шкуре, дважды побывав в изгнании.

С другой стороны, одного внезапного удара в Стоуни-Стратфорде хватило, чтобы обезвредить клан Вудвиллов и при этом не подвергнуть опасности мир и порядок в королевстве. Протектор начинал неохотно признавать справедливость аргументов герцога Бакингемского и осознал, что ему придется действовать в такой же манере: королевству грозила гражданская война, самому Ричарду — как минимум отстранение от должности, а то и гибель. Момент, когда Хейстингс, Мортон, Стэнли и Ротерем протянули руки Вудвиллам, в глазах Ричарда знаменовал возвращение к нравам порочного двора Эдуарда IV с его интригами, коррупцией и отстраненностью знати от забот государства.

В то же время он понимал, что даже полный разгром враждебной фракции не сможет гарантировать ему полную безопасность, ибо юный король в любом случае не станет терпеть над собой власть нелюбимого им герцога Глостерского. Эдуард V был глубоко потрясен арестом графа Риверса, самозаключением матери в святилище Вестминстерского аббатства, фактическим изгнанием маркиза Дорсетского. Воспитание, полученное им в детстве, подвигало его к тому, чтобы приписать все эти беды одному только злему умыслу дяди. Протектор пытался общаться с племянником, завоевать его привязанность, но каждый раз наталкивался на стену непонимания и видел перед собой истинного Вудвилла, что сулило ему в будущем множество неприятностей.

Положение казалось безвыходным. Ричард не мог применить крутые меры против группировки Хейстингса, поскольку за камергера отомстил бы король. Любые действия против короля, в свою очередь, вызвали бы немедленную реакцию со стороны Хейстингса. Что же делать? Мысли протектора раз за разом возвращались к очевидной мысли — проблема решалась достаточно просто при отстранении от власти юного монарха. Однако Ричард не желал становиться на столь радикальный путь без согласия знати и простых людей королевства. А чтобы заручиться этим согласием, ему как воздух был необходим формальный повод, который придал бы акту свержения некоронованного еще короля хотя бы видимость законности. И такой повод скоро нашелся.

Роберт Стиллингтон, епископ Батский и Уэллзский, по секрету поведал протектору, что король, равно как и его малолетний брат герцог Йоркский не имели никакого права на трон, поскольку королева Элизабет не могла считаться законной женой Эдуарда IV. Прелат был свидетелем брачного обязательства, данного Эдуардом IV некоей Элеоноре Ботелер, которое предшествовало по времени его женитьбе на Вудвилл.

Предварительный же договор с обещанием жениться имел исковую силу, как будто брак был заключен. Эдуард IV впервые увидел Элеонору, когда она пришла к нему, чтобы прибегнуть к защите королевского суда. Вдова сэра Томаса, сына и наследника Ральфа Ботелера, лорда Судли, просила вернуть ей два манора — Грив и Грейт-Дорсет, которые ее свекор передал супругам после свадьбы, но не удосужился подтвердить дарственной грамотой. Любвеобильный король потерял голову от красоты Элеоноры и, решив вопрос в ее пользу, попытался соблазнить ее. Однако вдова твердо заявила, что разделит ложе с Эдуардом только после того, как тот торжественно пообещает взять ее в жены. Одурманенный страстью, король согласился и произнес требуемую клятву в присутствии епископа Батского и Уэллзского.

Прелат, естественно, не смог представить протектору никаких документальных свидетельств, а сама Элеонора к этому времени была уже 15 лет как мертва. Однако Стиллингтон заявил, что готов публично поклясться в истинности своих обвинений.

Можно ли было верить Стиллингтону? Ричард мысленно шаг за шагом прошел весь его жизненный путь. В 1470–1471 годах епископ занимал должность лорд-канцлера и был тесно связан с герцогом Кларенским — его епархия лежала в самом сердце манориальных владений Джорджа. Во время реставрации Ланкастеров он потерял свой пост, но по возвращении Эдуарда IV на престол епископ Батский и Уэллзский вновь стал канцлером благодаря влиянию Кларенса. В 1478 году покровитель Стиллингтона был казнен по обвинению в государственной измене, а епископ оказался в Тауэре — ему в вину ставились речи, наносившие ущерб королю и королевскому достоинству.

Похоже, Стиллингтон раскрыл Кларенсу тайну нарушения королем брачного обязательства, что резко увеличило заинтересованность Вудвиллов в физическом устранении Джорджа. Этим же могла объясняться и непреклонность самого Эдуарда IV, приговорившего брата к казни. Сам Стиллингтон избежал смерти и получил помилование, выплатив крупный штраф. После серьезных размышлений Ричард решил, что у него есть все основания верить епископу. Вооружившись новыми сведениями, он сможет отстранить племянников от трона, занять его и полностью обезопасить себя от происков своих врагов. Кроме того, личные мотивы в данном случае полностью совпадали с государственным благом, ибо правление малолетнего монарха во все времена становилось истинным бедствием для Англии — достаточно было вспомнить смутные годы детства Ричарда II или Генри VI. Но если протектор собирался захватить трон, ему тем более

требовалось максимально быстро и жестко нейтрализовать заговор Хейстингса, ибо лорд-камергер был предан детям своего друга Эдуарда и ни при каких обстоятельствах не оставил бы их без своей защиты.

*

Ричард начал действовать. Он обратился на север за военной помощью и призвал графа Нортумберлендского принять командование отрядом:

«Верным и возлюбленным нашим мэру, олдерменам, шерифам и общинам города Йорк.

Верные и возлюбленные, мы горячо приветствуем вас. Если вы печетесь о нашем благополучии, так же как о благополучии и спокойствии вас самих, то мы очень просим вас по получении этого письма прибыть к нам в Лондон со всем возможным усердием с таким количеством солдат, какое вы сможете должным образом снарядить. Мы нуждаемся в помощи и поддержке против королевы, ее кровавых приверженцев и родственников, которые намеревались и ежедневно желают убить и совершенно истребить нас, нашего кузена герцога Бакингемского и древнюю царственную кровь королевства. Они (как нынче повсюду известно) строили коварные и пагубные планы относительно этого, собирались окончательно уничтожить и лишить наследственных прав вас и всех остальных наследников и мужей чести, как на севере, так и в других частях страны, которые нам принадлежат. Наш верный слуга и предьявитель сего поведает вам обо всем более подробно, и мы умоляем вас оказать ему доверие. И ради того, что мы сможем сделать для вас в будущем, не подведите, но поспешите к нам.

Герцог Глостерский, брат и дядя королей, протектор и защитник, великий камергер, констебль и адмирал Англии»^[63].

Похожее по содержанию послание Ричард написал и Ральфу лорду Невиллу^[118]. Запечатанные письма протектор передал в руки йоркширского рыцаря сэра Ричарда Рэтклиффа и приказал ему на рассвете следующего дня что есть духу скакать в Йорк. Рэтклифф добрался до столицы Севера в воскресенье 15 июня и кроме писем передал городским властям устные распоряжения протектора: «Как подразумевается в письме, городу следует выставить сильный отряд, должным образом вооруженный, из конных и пеших воинов. Отряд должен в следующую среду (18 июня. — В. У.) быть в Помфрете, встретить там милорда Нортумберлендского и затем с ним

идти в Лондон, чтобы там защищать Его милость милорда»^[64].

Горожане Йорка не теряли времени и уже на следующий день постановили отправить на юг не менее трехсот солдат, а капитанами назначить парламентских представителей города Томаса Рэнгуиша и Уильяма Уэллза. Не задерживаясь в Йорке, сэр Ричард Рэтклифф поскакал дальше, чтобы доставить послание Ральфу Невиллу в замок Рэби:

«Милорд Невилл, примите мои уверения в искреннем к Вам расположении. Если Вы заботитесь обо мне или о собственном благе и безопасности, а также безопасности королевства, придите ко мне со всеми своими людьми, должным образом вооруженными, со всей возможной поспешностью. Доверьтесь подателю сего Ричарду Рэтклиффу, которого я сейчас посылаю к Вам: он знает обо всех моих мыслях и намерениях. Милорд, сослужите мне теперь хорошую службу, как Вы всегда поступали до этого времени, а я заверяю Вас, что не забуду того, что сделаете Вы и Ваши люди. Да пошлет Вам Господь удачу»^[65].

Совершенно очевидно, что протектор собирал войска отнюдь не для подавления заговора Хейстингса, с которым надеялся справиться собственными силами. Хотя в письмах он просил именно о поддержке правительства и протектората, но войска просто не успели бы дойти до Лондона. Герцог Глостерский ожидал, что вооруженная сила может понадобиться позже, во время его открытого выступления против юного короля Эдуарда V, однако открывать широкому кругу людей свои тайные планы считал преждевременным. Ричард апеллировал к вассальной верности горожан и лордов, а также к их личной преданности, которая лежала в основе его отношений с людьми севера. Протектор особо заострял внимание на том, что опасность угрожает «древней царственной крови» и исходит она от безродных выскочек Вудвиллов.

Отправив гонца, Ричард назначил на пятницу 13 июня два совещания совета: первый комитет во главе с канцлером Расселлом традиционно собрался в Вестминстере для обсуждения вопросов, связанных с коронацией. Члены второй группы прибыли к 9 часам утра в Белый Тауэр^[119]. Ричард позаботился о том, чтобы в эту группу вошли все заговорщики, а также верные сторонники протектора — герцог Бакингамский, лорд Хауэрд и пр. Лорды и прелаты заняли места вокруг стола, во главе которого сел герцог Глостерский. С суровым лицом он объявил о раскрытии опасного заговора и назвал зачинщиков королеву, Хейстингса, Стэнли, Мортонна, Ротерема и миссис Шор. Все присутствующие от неожиданности вскочили на ноги. Камергер горячо

отрицал свою вину, но Ричард не желал слушать его оправданий. Тогда Хейстингс и Стэнли потянулись за оружием. Пристав, стоявший у входа, распахнул дверь и закричал: «Измена! Измена!» В палату ворвался вооруженный отряд, которым командовали Томас, сын лорда Хауэрда, и два северянина — Чарлз Пилкингтон и Роберт Харингтон. В единый миг сопротивление было подавлено. Мортон и Ротерема препроводили в темницу Тауэра, а Стэнли посадили под домашний арест. Стража вывела Хейстингса из палаты, ему нашли священника для исповеди и немедленно казнили во дворе Тауэра.

Поспешность, с которой протектор отправил камергера под топор палача, была вынужденной. Несомненно, Ричард нарушил собственные принципы приверженности букве закона, которые он с самого начала протектората декларировал как основу своей власти. Подобно любому другому лорду, Хейстингс пользовался привилегией, дающей ему право на суд равных под председательством если не самого короля, то непременно лорда — верховного стюарда. Однако у Ричарда были все основания предполагать, что лорды королевства не поддержали бы смертный приговор для камергера двора — неопровержимых доказательств измены Хейстингса получить не удалось, хотя в существовании заговора сам протектор не сомневался ни секунды. Кроме того, не мог же он публично признаться, что у него появилась новая цель — лишить Эдуарда V трона!

Несомненно, Глостер действовал жестко и незаконно, но вполне в духе своего времени, тем более что недавно закончившиеся войны Роз, в ходе которых расправы над соперниками стали делом обычным, поколебали приверженность страны безусловному примату права. Впрочем, внесудебные расправы случались и раньше, хоть и были редкостью для Англии. Так, Генри IV Болингбрук, основатель династии Ланкастеров, приказал в 1399 году казнить без суда и следствия Уильяма Ле Скрупа, графа Уилтширского, а в 1400 году — Томаса Холланда, графа Кентского, и Джона Монтегю, графа Солсберийского, сохранивших верность свергнутому королю Ричарду II.

Когда из-за стен Тауэра тревожные слухи просочились в Лондон, толком так ничего и не понявшие горожане начали братья за оружие. Чтобы успокоить толпу, на городских площадях глашатаи зачитали прокламацию. В ней говорилось, что был раскрыт заговор, участники которого замыслили уничтожить лорд-протектора и герцога Бакингемского, навязать свою волю королю и управлять королевством по своему усмотрению. Во главе заговорщиков стоял лорд Хейстингс, который по решению королевского совета был немедленно наказан за свою измену

— так что никаких причин для волнений нет. Многие лондонцы поверили заявлению протектора, некоторые решили, что для них же будет лучше просто принять его без лишних вопросов. Решительные действия городских властей окончательно пресекли возможность вооруженного бунта, хотя брожение умов продолжалось.

Тело камергера перенесли в Виндзор и по приказу лорд-протектора похоронили в часовне Святого Георгия недалеко от могилы Эдуарда IV. Тем самым Ричард исполнил волю брата, который в своем завещании 1475 года пожелал, чтобы его друг был погребен рядом с ним. Остальные участники заговора отделались достаточно легко. Пожилой архиепископ Йоркский был фигурой неопасной, посему подвергся лишь кратковременному заключению в Тауэре. Епископа Илийского по просьбе Бакингема заточили в замок Брекон, миссис Шор оказалась в Ладгейтской тюрьме^[120]. Лорд Стэнли, виртуозно овладевший искусством всегда оказываться на стороне победителя, через несколько дней был не только освобожден из-под ареста, но и вернулся ко двору. Казнь Хейстингса не вызвала широкого осуждения — даже его сторонники подозревали, что камергер был далеко не безгрешен, и не встали на защиту покойного покровителя. Некоторые из них стали людьми протектора, многие поступили на службу герцога Бакингемского.

*

Вскоре после казни лорд-протектор собрал совет. Он начал с того, что попытался объяснить и оправдать свой поступок. Доказательства существования заговора, которые представил Ричард, убедили часть советников в том, что он был просто вынужден под давлением обстоятельств принять исключительные меры. Однако многие сочли обвинения в адрес Хейстингса надуманными и неполными, о чем не преминули заявить откровенно. Но большинство совета все-таки решило не подвергать сомнению правомочность действий протектора и перейти к следующему вопросу.

Ричард заявил собравшимся, что королева Элизабет не желает выходить из святилища. И если это, по большому счету, является ее личным делом, то юный герцог Йоркский должен быть оттуда вызволен, ибо королю необходима поддержка брата во время коронации, да и сама церемония в отсутствие условного наследника будет выглядеть странно. «Не кажется ли высокородным лордам и прелатам, что королева держит

Йорка при себе в качестве политического заложника?» — поинтересовался Ричард. Советники не могли не согласиться с тем, что малолетнего герцога необходимо освободить от насильственной опеки матери.

Пользуясь моментом, протектор также заручился одобрением совета по поводу переноса сроков созыва парламента, ибо без того беспокойная обстановка в столице лишь обострилась бы с приездом многочисленных лордов и их вооруженных свит. Подготовка к открытию парламента была прекращена, а королевской канцелярии было поручено разослать по графствам приказы о приостановлении^[121]. Все это прекрасно совпадало с тайными целями, которые преследовал герцог Глостерский.

Утром в понедельник 16 июня советники собрались в Тауэре, а затем в сопровождении вооруженного отряда сели в лодки и поплыли по Темзе к Вестминстеру. Воины окружили святилище аббатства, Ричард в сопровождении герцога Бакингемского и нескольких членов совета прошел в Звездную палату, остальные во главе с Томасом Буршье, архиепископом Кентерберийским, и лордом Хауэрдом проследовали в личные покои аббата, где и нашли королеву. Архиепископ долго и красноречиво упрашивал Элизабет выпустить сына из святилища. Поначалу она была непреклонна, но взглянув на мрачные лица Хауэрда и других лордов, испугалась. Защитит ли ее святость церковного убежища? Она вспомнила, что по крайней мере единожды — после битвы при Тьюксбери — стены аббатства не смогли спасти герцога Сомерсетского, сэра Томаса Трешема и сэра Джарвиса Клифтона от ярости победителей.

Заметив колебания королевы, архиепископ Кентерберийский возобновил свои уговоры. Поверив клятвенным заверениям, что к малолетнему герцогу все без исключения будут относиться с надлежащим уважением и оказывать подобающие ему почести, Элизабет согласилась отпустить сына. Архиепископ взял девятилетнего мальчика за руку и повел его к выходу. Лорд-протектор встретил своего тезку ласковыми словами и после недолгого разговора вновь отдал на попечение архиепископа, который сопровождал герцога Йоркского в Тауэр. В ожидании коронации Эдуард V и его брат Ричард Шрусберийский с тех пор жили в роскошных апартаментах, примыкавших к Белому Тауэру. Их часто видели играющими на лужайке: обыкновенно они развлекались стрельбой из лука по мишеням.

Вызволив королевского брата из рук Вудвиллов, Ричард озаботился судьбой другого отпрыска дома Йорков — восьмилетнего Эдуарда, графа Уорикского, сына Джорджа Кларенсского. Протектор отправил его к своему двору в Миддлхэм под опеку жены.

Лондон продолжал питаться самыми невероятными слухами,

сомнениями, страхами и предположениями. Но глухое бурление ни в самой столице, ни в других городах не переходило в открытые волнения, никто не подвергал сомнению правомочность правления лорд-протектора. Он, конечно, был человеком, мало известным лондонцам, его опасались как пришельца с сурового севера. Однако герцог Глостерский был братом Эдуарда IV и первым военачальником королевства. Говорили также, что в своих далеких землях он правил очень справедливо и даже человечно. Ричард не скрывался от народа, демонстрируя всем свое спокойствие. Он часто проезжал в эти дни по городу с большой свитой из лордов и слуг, проводя время то в Кросбиз-Плейс, то в доме своей матери — замке Бейнардс. За обедом он принимал огромное количество гостей, включая избранных простолюдинов, которые разносили по столице молву о любезности протектора.

*

Лорды и рыцари, выехавшие в Лондон прежде, чем им были доставлены приказы о приостановлении, оставались пока в столице и не спешили отправляться обратно по своим замкам. Они так же, как простые горожане, чувствовали тревогу, но представители высших сословий все-таки лучше разбирались в придворных интригах. Два первых месяца правления несовершеннолетнего Эдуарда V безопасности и порядка королевству не принесли. Напротив, события разворачивались так, что с каждым днем все больше приходили на память недобрые времена детства Генри VI. Саймон Столлуорт, доверенный слуга лорд-канцлера Джона Расселла, в эти смутные дни писал своему другу сэру Уильяму Стонору:

«Милостивый государь, примите мои уверения в искреннем к вам расположении. Есть у меня для вас вести, получив которые, вы порадуетесь вашему отсутствию [в Лондоне]. У нас тут большие волнения, и люди не доверяют друг другу. Не далее как в прошлую пятницу, вскоре после полудня был обезглавлен лорд-камергер... Лорд Лайл^[122] перешел на сторону милорда протектора и служит ему. Ходят слухи, что на этой неделе в Лондон придут 20 тысяч солдат милорда протектора и милорда Бакингемского — с какими намерениями, я не знаю, но вроде бы, чтобы сохранить мир»^[66].

Чтобы не обострять раньше времени обстановку в столице, Ричард послал приказ графу Нортумберлендскому не торопиться на юг с войсками.

Кроме того, он возложил на графа, как на хранителя Восточной и Центральной шотландских марок, обязанность провести суд над Риверсом и прочими, схваченными в Стоуни-Стратфорде, и взять на себя председательство на этом суде. После этого Ричард сосредоточился на главном ударе.

В воскресенье 22 июня лорд-протектор в сопровождении герцога Бакингерского и лордов отправился к кресту Святого Павла слушать речь Ральфа Ша — брата лондонского мэра, известного своей ученостью и красноречием. Ша произнес проповедь, темой для которой избрал библейское изречение «*Spuria vitulamina non dabunt radices alias*»^[123]. Он объявил знати и горожанам, что из трех сыновей герцога Йоркского только Ричард Глостерский родился в Англии и, следовательно, только он один является истинным англичанином. Действительно, Эдуард появился на свет в нормандском Руане, а Джордж в ирландском Дублине, и этот нюанс по тем временам был весьма важен. До того как Эдуард IV женился, продолжал Ральф Ша, он уже дал брачное обязательство другой женщине, а следовательно, по церковным канонам его дети — незаконнорожденные. Далее Ша напомнил своим слушателям о справедливом характере и безупречной карьере лорд-протектора, которые делали его человеком, более других достойным занять трон. Другими словами, проповедник подвел свою неискушенную в династических вопросах аудиторию к безальтернативному выводу: если нелегитимно потомство короля Эдуарда IV, старшего из сыновей Ричарда, герцога Йоркского, если наследники второго сына, герцога Кларенского, лишены всех прав из-за аттинктуры отца, то Ричард Глостерский остается единственным законным претендентом на корону Англии.

Ша был не одинок — то в одной, то в другой части Лондона появлялись проповедники, которые сеяли в умах горожан сомнения по поводу легитимности прав юного короля на трон. Некоторые ораторы заявляли даже о незаконнорожденности самого Эдуарда IV, что отнюдь не было изобретением текущего момента. Первой об этом как-то обмолвилась герцогиня Йоркская. Когда она узнала о женитьбе сына Эдуарда на Элизабет Вудвилл, то впала в настоящее исступление. Охваченная приступом злобы, Гордая Цис кричала, что Эдуард не был рожден ею от ее мужа, но зачат в прелюбодеянии. Во время мятежа 1471 года граф Уорикский и герцог Кларенский охотно повторяли эту басню, ибо она была им полезна. После развала антифранцузской коалиции в 1475 году герцог Шарль Бургундский презрительно называл английского короля Блейборном, намекая на то, что он — сын лучника, носившего эту

фамилию. Однако лорд-протектор справедливо считал сплетню ложной, а самое главное, не желал допускать распространение слухов, порочащих честь его матери. Поэтому разговоры о незаконнорожденности Эдуарда IV быстро затихли, и весь пыл проповедников обратился на его детей.

*

Далее события развивались стремительно. На следующее утро после речи Ральфа Ша Ричард собрал на расширенный совет знать и прелатов, приехавших в Лондон на сессию несостоявшегося парламента. Открыл заседание герцог Бакингамский, который формально заявил о преимущественных правах протектора на корону. Практически все собравшиеся заранее знали о том, что предложит герцог, и были готовы поддержать его претензии. Таким образом, лорды совершенно законно взяли на себя функции Великого совета, уполномоченного принимать решения по вопросам государственной важности. На следующий день во вторник 24 июня Бакингам повторил свою речь в ратуше перед собранием лучших людей города. Представители народа, посвященные в подоплеку происходящих событий не столь глубоко, как лорды, и не имевшие четких представлений о законах преемственности королевской власти, от неожиданности опешили и не смогли выказать ни своих симпатий, ни антипатий к протектору.

25 июня в Вестминстере собрались вместе представители всех сословий — лорды, рыцари и простые лондонцы. Герцог Бакингамский подготовил петицию, которую зачитал собравшимся. В ней перечислялись основания, по которым права Ричарда Глостерского на престол признавались неоспоримыми, доказывалась несостоятельность брака Эдуарда IV, вскрывалось зло, которое семейство Вудвиллов принесло королевству. Собравшиеся одобрили решение представить петицию лорд-протектору и потребовать, чтобы он согласился принять корону.

В четверг 26 июня лорды, прелаты, рыцари и горожане большой толпой отправились к замку Бейнардс, где в тот момент проживал Ричард. Бакингам уже в который раз исполнил роль ведущего оратора: он огласил петицию и призвал протектора принять корону. Появившись на зубчатой стене замка, Ричард выслушал герцога, после чего милостиво снизошел к пожеланиям подданных и был немедленно провозглашен королем Ричардом III. Затем он спустился вниз на улицу, сел на коня и во главе многолюдной процессии отправился в Вестминстер-холл.

Усевшись на трон, Ричард принес королевскую присягу. По правую руку от него встал Джон Хауэрд, по левую — герцог Саффолкский. Прямо перед ним разместились судьи суда королевской скамьи и суда общегражданских исков. На остальном пространстве зала толпились зрители. После присяги король обратился к судьям и юристам с речью, в которой обозначил основную идею своего будущего правления, приказав им прямо и решительно, справедливо и добросовестно отправлять его законы — без проволочек и беспристрастно^[67]. Из Вестминстер-холла Ричард направился в часовню Святого Эдуарда Исповедника, где монахи прочли *Te Deum*. Коронация по традиции дома Йорков была назначена на воскресенье 6 июля. На хранителя королевского гардероба Пирса Куртеса второй раз подряд легла нелегкая задача в срочном порядке обеспечить одежды для коронации.

Пока в Лондоне полным ходом шла смена власти, на севере тоже не бездействовали. Томившегося в Шериф-Хаттоне Энтони Вудвилла, графа Риверса, 24 июня сопровождали под охраной в Понтефракт, где уже находился сэр Томас Вон. Туда же привезли из Миддлхэмского замка Ричарда Грея^[124]. Суд под председательством графа Нортумберлендского официально признал их виновными в заговоре против лорд-протектора и приговорил к смерти. Граф Риверс получил духовное утешение, а также перо, тушь и бумагу. Он написал завещание, в котором традиционно пожелал, чтобы все его долги были оплачены и чтобы исполнители его последней воли раздали достаточное количество добра бедным и церкви. Энтони Вудвилл назвал пятерых исполнителей, в числе которых оказались лорд-канцлер Расселл и Уильям Кэтсби. Наконец, он попросил Ричарда Глостерского проследить за исполнением предсмертных пожеланий, в числе которых была просьба похоронить его в Понтефракте рядом с Ричардом Греем. Казнь состоялась 25 июня, и руководил ею сэр Ричард Рэтклифф.

Часть третья.
КОРОЛЬ АНГЛИИ

Глава первая.

СТАВКА НА СЕВЕРЯН

Первоочередные назначения Ричард произвел, не дожидаясь коронации. Он оставил Джона Расселла в должности лорд-канцлера и передал в его ведение Большую государственную печать в замке Бейнардс в присутствии герцога Бакингемского и Джона Ганторпа. Ганторп продолжил исполнять обязанности хранителя Малой печати, Кэтсби стал канцлером казначейства.

В субботу 28 июня Ричард посвятил в рыцари Томаса, сына своего верного друга лорда Хауэрда, а также Уильяма, виконта Баркли. Он возвел их в титулы соответственно графов Саррейского и Ноттингемского. Самому Джону Хауэрду король торжественно вручил корону и золотой жезл, символизировавшие власть над герцогством Норфолкским. Чтобы заручиться поддержкой гарнизона Кале, Ричард назначил комиссию, членам которой поручил ознакомить лейтенанта города лорда Динэма со всеми изменениями в политической жизни королевства и принять от него присягу верности новому королю.

Через несколько дней прибыли войска Ричарда под командованием графа Нортумберлендского, вызванные им с севера полмесяца назад. Лондонцы вспоминали недавно бродившие по городу слухи о надвигавшейся на столицу громадной армии и смеялись над своими глупыми страхами. Теперь появление солдат не могло послужить причиной беспорядков, а, наоборот, гарантировало, что во время церемонии коронации не произойдет неприятных эксцессов. Однако Ричард решил дополнительно подстраховаться и издал прокламацию о том, как его подданные должны хранить мир в Лондоне и городских окрестностях. Эта прокламация стала первым документом, вышедшим за подписью короля Ричарда III:

«Ричард, милостью Божьей король Англии и Франции и лорд Ирландии, недвусмысленно требует и приказывает [объявить], что любому человеку, какого бы состояния, сословия или положения он ни был, из-за старых или новых обид, из-за ненависти или по злему умыслу, но под страхом смерти запрещаются всякого рода поединки или драки, грабежи или воровство, разорение святынь — все, что нарушает королевский мир, а также мятежи или крамолы или беспорядки в нарушение указанного мира в городе Лондон или местностях, к нему прилегающих. В случае, если какой-

либо беспутный человек попытается сделать противное, наш упомянутый повелитель и господин требует, чтобы никто другой по знакомству, любви или иной причине не оказывал помощи или содействия лицу, замешанному в преступлении. Но чтобы каждый, оказавшийся на месте и во время совершения преступления, приложил все силы для исполнения неременного долга — схватил совершившего преступление и доставил к избранному мэру города Лондон, или к стюарду королевского двора для заключения под стражу, как того требует дело. И те должны надежно охранять преступника, пока Его высочество король, разобравшись в сути преступления, не объявит им со всей своей мудростью и соизволением, какое наказание должно последовать по этому делу.

Также наш указанный повелитель и господин рассудил, что будет и почетнее, и доходнее для него и его королевства, чтобы с чужестранцами и гостями, находящимися ныне по договору о дружбе, союзе или перемирии в вышеуказанном городе и местностях, к нему прилегающих, обращались миролюбиво и законно. Посему он требует и приказывает под страхом смерти, чтобы никто никоим образом не смел затевать ссор, незаконно наносить телесные повреждения или урон любому из указанных чужестранцев или гостей, а также грабить или обворовывать кого-либо из них, лишая их товаров или какой-либо собственности.

Кроме того, наш указанный повелитель и господин недвусмысленно требует и приказывает, чтобы никто под страхом тюремного заключения ни под каким видом не нанимал самостоятельно жилья в городе Лондон или его пригородах, или в других местностях, к нему прилегающих, но только по предписанию и указанию вестника или вестников, которые будут назначены Его высочеством королем.

И с намерением сохранить и поддержать мир и спокойствие в своем народе и должным образом пресечь все случаи его нарушения, наш указанный повелитель и господин недвусмысленно требует и приказывает, чтобы каждый находился к 10 часам вечера в своем жилище. Чтобы никто, за исключением тех, кто имеет разрешение Его Высочества или привилегию от указанного города или местностей, к нему прилегающих, не носил нижеперечисленного оружия под страхом конфискации и лишения оных, а также тюремного заключения того или тех, кто таким образом преступил закон: то есть копий, алебард, “воловьих языков”^[125], длинных или коротких мечей и щитов»^[68].

В канун коронации Ричард по традиции посвятил 17 дворян из лучших семейств королевства в рыцари Бани. За день до церемонии он проехал через город сквозь ликующие толпы лондонцев из Тауэра в Вестминстер во главе великолепной процессии. Его сопровождали три герцога, девять графов, 22 лорда и 78 рыцарей. Поверх дублета из голубой ткани, расшитого золотом, король надел длинную мантию из пурпурного бархата, отороченную горностаем. Семь его пажей носили дублеты малинового атласа и короткие мантии из белой парчи. Хрупкую супругу Ричарда везли рядом с ним в богато украшенном паланкине, по сторонам которого ехали семь дам и пять пажей в малиновых атласных дублетах. Среди спутников Ричарда самым роскошным нарядом выделялся герцог Бакингамский, который красовался в мантии из голубого бархата, шитой золотом. Джон Хауэрд, новоиспеченный герцог Норфолкский, был пожалован званием графа-маршала — наследственным титулом Моубреев, к роду которых принадлежала его мать. Ричард также назначил друга лордом — верховным стюардом Англии — то есть распорядителем коронации.

На следующий день, 6 июля 1483 года, состоялась сама церемония. По широкой дорожке из красного сукна процессия направилась в Вестминстер-холл, откуда Ричард и Энн босиком пошли к аббатству. С каждой стороны от короля шел епископ, над его головой бароны Пяти портов^[126] несли балдахин, мантию поддерживал герцог Бакингамский. Далее следовали остальные епископы, аббаты и священники, перед которыми несли большой крест. Затем шествовали великие лорды королевства с регалиями: граф Нортумберлендский нес коронационный меч милосердия, лорд Стэнли — жезл констебля, граф Кентский и виконт Ловелл — мечи правосудия, герцог Саффолкский — скипетр, граф Линкольнский — державу, граф Саррейский — государственный меч в ножнах и, наконец, герцог Норфолкский — усыпанную драгоценностями корону. За ними следовали лорды с регалиями королевы, потом — сама Энн в сопровождении леди Стэнли^[127], которая несла ее шлейф. Далее шла сестра короля Элизабет, герцогиня Саффолкская, затем — Маргарет, герцогиня Норфолкская, во главе двадцати благородных дам, меж которыми находилась и незаконнорожденная дочь Ричарда дама Кэтрин. Затем длинной чередой шествовали рыцари и оруженосцы. Процессию сопровождали музыканты и герольды.

У раки святого Эдуарда Исповедника королевская чета отстояла службу, после чего епископы провели Ричарда и Энн к алтарю. Прелаты сняли с них мантии и помазали священным миром, затем помогли

облечься в золотую парчу, а кардинал Буршье возложил короны на их головы. Зазвучал орган. Под звуки *Te Deum* помазанные король и королева вернулись на свои места у раки, чтобы выслушать торжественную мессу. По обе руки короля замерли герцоги Бакингамский и Норфолкский, в то время как граф Саррейский держал вертикально перед собой государственный меч. Королева стояла между герцогиней Саффолкской и баронессой Стэнли, сзади преклонили колена герцогиня Норфолкская и другие благородные дамы. По окончании мессы Ричард и Энн вновь подошли к алтарю за причастием. Под звуки фанфар, труб и органной музыки процессия вернулась назад в Вестминстер-холл, где Ричард и Энн смогли немного передохнуть до начала коронационного пира.

В большом зале Вестминстерского дворца поставили столы четыре на полу и один на помосте. В четыре часа пополудни в зале появились король и королева. Лорды и леди, почтительно приветствовав их, разошлись по своим местам: прелаты за первый стол, графы — за второй, бароны — за третий и дамы — за четвертый. Ричард взошел на помост и сел по центру стола, место на левом конце заняла Энн.

Кроме различных видов мяса гостям подавали изысканные королевские кушанья — нежную пресноводную рыбу, молодых лебедей, журавлей, цапель. Перед второй переменной блюд в зал въехал королевский чемпион^[128] сэръ Роберт Димок в белоснежных латах на коне, укрытом попоной красного и белого шелка. Он произнес ритуальный вызов, и весь зал взорвался единым криком: «Король Ричард!» Чемпиону подали красное вино в драгоценном кубке, которое он лишь пригубил, а затем вылил остатки вина на пол и удалился с кубком, по традиции служившим его вознаграждением за участие в церемонии.

Смеркалось. Подали сладкое — вафли и вина со специями. Прелаты, благородные лорды и дамы собрались вокруг помоста, чтобы поклониться своим новым государям. Многие на следующий день собирались отправиться в свои владения, и Ричард произнес свое напутствие. Он потребовал от них следить, чтобы «графства, в коих они живут, хорошо управлялись и чтобы с его подданных не взималось никаких незаконных поборов»^[69]. Под звуки труб и фанфар королевская чета вышла из зала, за ней неспешно разошлись остальные.

Вернувшись в свои апартаменты, Ричард долго стоял у окна и размышлял, глядя в темноту, где за изгибом Темзы вдали мерцали огни Лондона. Он получил корону ценой всего четырех жизней, без большого кровопролития, без применения военной силы и с одобрения всех сословий королевства. То есть он был как минимум столь же легитимным королем, как Генри IV Болингброк или его брат Эдуард IV — основатели двух последних династий Ланкастеров и Йорков. Однако перед самим собой королю незачем было лукавить: трон достался ему не совсем законным путем. Конечно, свидетельство епископа Батского явилось достаточно веским аргументом, но вопрос о законности или незаконности брака, как ни крути, не входил в компетенцию светских органов власти. А церковь в лице папы или специальной комиссии епископов не выносила никаких вердиктов на этот счет, ибо в принципе не привлекалась к рассмотрению дела. Тем не менее Ричард чувствовал себя правым — он не только защитил собственную жизнь от неизбежного посягательства со стороны врагов, но и предотвратил смуту, которая неминуемо разразилась бы при малолетнем государе на троне королевства, десятилетиями приученного решать спорные вопросы силой.

Судьба бесцеремонно отстраненных от власти племянников Ричарда, конечно, беспокоила. Он не испытывал к ним личной неприязни, а тем более ненависти, но знал, что удел свергнутых королей в Англии незавиден. Эдуард II Карнарвонский под давлением парламента отрекся от престола, передав его сыну, после чего был убит в замке Баркли. Ричард II Бордоский был свергнут Генри Болингброком, которого парламент признал законным королем. После этого низложенный Ричард был также убит в замке Понтефракт. Совсем недавно Генри VI Ланкастерский потерял трон, а затем и жизнь в Тауэре. Ричард понимал, что самим фактом своего вступления на престол он решает судьбу племянников, но другого пути у него не было. Да и времени для долгих раздумий на эту тему не оставалось — требовалось срочно решать насущные проблемы нового царствования.

Независимо от намерений, которые были у короля в отношении принцев, политические соображения диктовали первым делом удалить от них свиту, члены которой были обязаны своими высокими назначениями Вудвиллам или Хейстингсу что в данной ситуации не имело принципиальной разницы. Они были ненадежны, ибо вполне могли организовать побег отстраненного от наследства Эдуарда или поддержать заговор с целью его восстановления на троне. Поэтому королевским ордером от 18 июля 1483 года было приказано уволить 13 придворных, выплатив им деньги за услуги Эдуарду IV и бастарду Эдуарду, как теперь

именовали отстраненного от трона юного короля.

Ричард отправил послания правителям Европы, в которых сообщал, что вступил на трон Англии, затем назначил сына Эдуарда наместником Ирландии, после чего обратил внимание на трех своих самых высокопоставленных соратников. Герцогу Бакингемскому король поручил наместничество в Уэльсе. 13 июля он также частично удовлетворил заветное желание герцога: Бакингем владел половиной собственности Хамфри де Боэна, графа Херефордского ^[129], и страстно желал заполучить вторую половину, которая в свое время отошла к королевской династии Ланкастеров, а затем перешла к Йоркам. Однако Ричард посчитал, что это будет неоправданно щедрым даром, и не отдал соратнику трех вожделенных графских титулов. При этом он пожаловал герцогу около полусотни маноров из бывших владений Боэнов, приносящих общий доход более 700 фунтов в год. Кроме того, Ричард назначил Бакингема на высший военный пост в королевстве, сделав его лордом — верховным констеблем, а чуть позже даровал герцогу титул лорд-камергера Англии. На сем король посчитал, что с лихвой удовлетворил амбиции Бакингема.

Джону Хауэрду, герцогу Норфолкскому, Ричард поручил наместничество в Восточной Англии, а также вознаградил его за прежние подвиги на море званием лорда — верховного адмирала. Он передал Хауэрду годовой доход с двадцати трех королевских поместий и в придачу подарил почти полсотни мэноров. Генри Перси, граф Нортумберлендский, стал наместником всего Севера, а именно — Восточной, Центральной марок и палатината, созданного Ричардом в западной части шотландской границы. Ненадежное семейство Стэнли сохранило контроль над Чеширом, Ланкаширом, а также Северным Уэльсом. Как ни хотел король ограничить их влияние, у него не было для этого ни сил, ни повода. Томас Стэнли сумел опровергнуть все обвинения в участии в заговоре Хейстингса и безоговорочно поддержал захват Ричардом трона. Поэтому король решил оставить все как есть и не вмешиваться пока в сферу интересов этого рода.

Суровые политические реалии вынудили короля полагаться на северных сторонников в большей степени, чем он мог себе позволить: попытка расширить географическую базу своей поддержки не удалась, он был крайне разочарован упрямством дворянства Южной Англии, представители которого относились к его северянам со страхом и недоверием, считали их дикими, воинственными, незаконными и безнравственными. Впрочем, за теми, кто согласился служить ему честно, Ричард оставил их должности. Но в большей степени королю пришлось опираться на тех, кто был рядом с ним, когда он был еще герцогом

Глостерским и великим лордом Севера. Из семи вакансий, образовавшихся в ордене Подвязки, пять были заполнены северянами, а две — сыном его соратника Томасом, графом Саррейским, и другом детства Фрэнсисом Ловеллом, который не только сохранил пост главного виночерпия Англии, но и стал к тому же камергером двора. Из трех освободившихся епископских должностей две последовательно занимал Томас Лэнгтон из Уэстморленда, а третья досталась Джону Шервуду, сыну клерка города Йорк, ставшему князем-епископом Даремским.

В число приближенных вошли двоюродный брат короля Ричард, лорд Фиц-Хью Рейвенсуортский, сэр Томас Бург Гейнсбороский, Джон, лорд Скруп Болтонский, Джон, лорд Зуш, Ральф, лорд Грейсток, Томас, лорд Скруп Месемский, Томас, лорд Ламли, Хамфри, лорд Дакр Гилслендский. В свой совет Ричард собрал самых способных людей Англии, невзирая на их происхождение; многие из них служили и его брату. Советниками стали лорд-канцлер Расселл, лорд — хранитель Малой печати Джон Ганторп, епископ Сент-Дэвидский Томас Лэнгтон, епископ Даремский и представитель Ричарда в Ватикане Джон Шервуд. В совете были представлены и другие священнослужители: казначей королевских покоев и королевский капеллан Эдмунд Чадертон, епископы Вустерский и Сент-Асафский, хранитель архивов Томас Бэроу, доктор Томас Хатгон. В него вошли и люди незнатные: адвокат Уильям Кэтсби и Ричард Рэтклифф, получивший пожизненно должность шерифа Уэстморленда. Еще двое простолюдинов были юридическими советниками Ричарда — королевский поверенный Томас Лином и главный прокурор Морган Кидуэлли. Из пятидесяти четырех советников нового короля не менее двадцати шести человек состояли в совете Эдуарда IV.

Старого приверженца дома Йорков сэра Роберта Брекенбери король назначил констеблем Тауэра, а также отдал ему доходную должность начальника королевского монетного двора, когда-то принадлежавшую лорду Хейстингсу. Захват владений графа Риверса король поручил йоркширцам сэру Томасу Уортли и эсквайру Уильяму Молевереру. Еще один йоркширец, Джон Несфелд, был назначен охранять святилище Вестминстерского аббатства, чтобы пресечь возможность побега вдовствующей королевы Элизабет Вудвилл и ее дочерей.

Сэр Джон Коньерс Хорнбийский стал рыцарем королевской личной охраны и получил ренту в 200 марок, а также земли в Йоркшире. Джеймс Меткаф отправлял влиятельную и прибыльную должность канцлера герцогства Ланкастерского. Сэр Джон Сэвилл из Западного райдинга Йоркшира был назначен констеблем острова Уайт с жалованьем 200

фунтов. Ричарду служил также Томас Гауэр, охранявший графа Риверса после ареста в апреле 1483 года и ставший теперь рыцарем личной королевской охраны. Доверенными королевскими слугами по-прежнему оставались Молевереры, исполнявшие обязанности шерифов Девона и уполномоченных по вымороченному имуществу в Кенте и Миддлсексе, йоркширцы сэр Томас Маркенфилд Маркенфиддский, рыцарь личной охраны, и известный воин сэр Томас Эверингем, назначенный лейтенантом крепости Рюсбанк. Сэр Джон Хаддлстоун Милломский получил пост шерифа Кембриджа, его сын Джон принят в эсквайры личной охраны, второй сын Томас стал шерифом Глостера, старший брат сэр Ричард — рыцарем охраны, констеблем замка Бомарис и шерифом Энглси. Еще один уроженец Камберленда, Джон Масгрейв, был назначен эсквайром охраны, а затем шерифом Уилтшира.

Такое обилие северян в ближайшем окружении короля, разумеется, не могло не вызвать недовольства выходцев из центральных и южных графств, хотя они по большей части были виноваты в этом сами, ибо не захотели или побоялись оказать доверие королю, честно стремившемуся к сближению с ними.

Глава вторая.

КОРОЛЕВСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Сразу же после коронации Ричард начал готовиться к путешествию по стране. Такие вояжи занимали не последнее место в длинной череде забот, с которыми сталкивался каждый английский монарх после вступления на трон. Хотя эти поездки не имели статуса обязательной государственной церемонии, короли издревле относились к ним с крайней серьезностью и редко позволяли себе пренебречь своей негласной обязанностью.

Вот как описывал очевидец один из таких вояжей, предпринятых в начале XVI века: «Весь двор переместился в Виндзор, и с этого переезда и началось путешествие. Ежедневно устраивались состязания в стрельбе, пении, танцах, борьбе, метании железных прутьев, игре на флейтах и вёрджинеле^[130], пении, балете. Свита отстаивала пятичастные мессы, которые когда-то служились в королевской часовне, а затем распространились и в других местах. И когда король прибыл в Уокинг, там были также устроены поединки и турниры. Остальную часть путешествия королевские спутники провели в травле, соколиной охоте и стрельбах»^[70].

Празднества и развлечения, которым предавалась королевская свита, играли все-таки роль второстепенную. В те времена, когда единственным «скоростным» транспортным средством были лошади, стоившие немало, основная часть населения по большей части передвигалась по дорогам пешком — нечасто и недалеко, поскольку работа и хозяйство привязывали к дому не хуже железных оков. Для того чтобы отправиться в столицу и подать жалобу на злоупотребления со стороны местного лорда, судейских или шерифов, нужны были немалая отвага, солидные средства и много свободного времени — такое сочетание редко можно было встретить у мелкопоместного дворянина или простолюдина, составлявших большинство населения страны. Да и пробиться в королевскую канцелярию без протекции представлялось делом весьма и весьма сложным. Таким образом, контроль центральной власти за управлением и соблюдением законности в провинциях был во многом ограничен.

Король, если только он не отличался крайним простодушием и не полагался полностью на своих приближенных и советников, имел возможность составить представление об истинном положении дел в отдаленных графствах, лишь появившись там собственной персоной.

Олицетворяя верховную справедливость, он мог лично разобраться в особо важных жалобах. Это не значит, что прочие петиции оставались без внимания — в свите обязательно следовали судьи, проводившие в местах остановок кортежа выездные заседания. Несомненно, что во время путешествия у короля появлялись широкие возможности заслужить преданность своих подданных. Эта преданность рождалась не только как результат справедливых решений королевского выездного суда — сильна была и эмоциональная составляющая, которую питал восторг от самого факта лицезрения монарха. Недоступный в своей лондонской резиденции для подавляющей части населения, без подобных путешествий правитель воспринимался скорее как абстрактный символ власти, нежели как человек, пусть и вознесенный на недостижимую высоту происхождением и обрядом помазания, но способный тем не менее вызывать к себе простые человеческие чувства, будь то любовь, сочувствие или ненависть.

Королевское путешествие не обязательно предпринималось непосредственно вслед за коронацией, и не всегда его цели были столь значимы с государственной точки зрения. Подвигнуть короля покинуть столицу и отправиться в объезд подвластных земель могли самые банальные причины, вроде стремления избежать эпидемий, с завидной периодичностью поражавших тесно застроенные средневековые города, или — что греха таить — желания временно переложить бремя содержания двора на богатых подданных, которым предстояло принимать кортеж, размещать его, кормить, поить и развлекать.

Для Ричарда III путешествие было делом крайне важным, и он не мог позволить себе откладывать его в долгий ящик по нескольким причинам. Прежде всего только лондонцы и великие лорды имели представление о событиях, которые привели короля Ричарда на трон. Только они слышали своими ушами обещание нового короля хранить мир и управлять справедливо. Ричарду жизненно необходимо было посетить центральные графства и заручиться поддержкой тамошней знати, которая плохо знала короля, прожившего последние годы на севере страны. Это следовало сделать не мешкая, поскольку отстранение от наследства племянников явилось актом небесспорным и уж всяко не освященным традициями. Скрытые недруги, которых у Ричарда хватало, могли при случае привлечь в свои ряды дворян, с королем лично незнакомых и посему равнодушных к нему. Второй своей обязанностью Ричард справедливо полагал необходимость отблагодарить дворянство и горожан севера за ту неоценимую помощь и поддержку, без которой ему пришлось бы нелегко во время напряженной борьбы сначала за протекторат, а потом и за корону.

Готовясь надолго покинуть Лондон, он отобрал надежных доверенных слуг, в чьих руках не боялся оставить государственные дела. Управление королевством Ричард поручил лорд-канцлеру Джону Расселлу, епископу Линкольнскому, который расположился в Вестминстере; в обязанность всем остальным придворным вменялось следовать за королем. Таким образом, в состав свиты были включены как преданные сторонники Ричарда, так и люди, в чьей верности он не был уверен — вроде Томаса Стэнли, которого следовало постоянно держать перед глазами. И не столько в качестве меры предосторожности, сколько потому, что, несмотря на свою ненадежность, он был опытным администратором и царедворцем, способным при случае дать дельный совет. Поэтому лорд Томас неотлучно сопровождал короля до самого конца путешествия.

Ричард III решил не брать с собой сильного военного отряда, поскольку надеялся, что его распоряжения по наведению в стране порядка еще во времена протектората дали свои результаты, и хотел наглядно продемонстрировать подданным свою в том уверенность. Перед отправлением он еще раз наказал лордам хорошо управлять своими землями. Что король понимал под «хорошим управлением», видно из его письма, отправленного графу Десмондскому^[131] и другим ирландским магнатам:

«Его королевская милость никоим образом не желает, чтобы наша святая мать Церковь страдала от несправедливостей, унижений или ущерба в свободах, привилегиях, дарениях, обычаях или в любых других церковных доходах, ей принадлежащих. Напротив, его упомянутый кузен [граф Десмондский] обязан защищать, помогать и поддерживать ее всеми способами, как того требуют справедливость и право. И более того, следить, чтобы никто из подданных короля на его землях никоим образом не подвергнулся грабежам, расхищениям, притеснениям и вымогательствам, какого бы состояния, ранга или положения он ни был. Если же таковое случится, то [граф Десмондский] должен проследить, чтобы виновный был наказан в соответствии с королевскими законами. И упомянутый граф должен всеми способами и средствами проследить и обеспечить, чтобы подданные короля были уверены, что на общих больших дорогах им не угрожают грабежи и незаконные поборы»^[71].

Сначала король направился в Гринвич, затем в Виндзор, куда прибыл 22 июля. Путешествие началось именно оттуда, из королевского замка. В сопровождении большой свиты из лордов, епископов, судей и придворных 23 июля Ричард вступил в Рединг. Весь вечер он посвятил государственным делам. Прежде всего король принял Кэтрин, вдову казненного им Уильяма, лорда Хейстингса. Он заверил убитую горем женщину, что не держит более зла на семью изменника, и даже пообещал ей свое покровительство. В качестве доказательства добрых намерений Ричард вернул роду Хейстингсов привилегии, конфискованные владения и земли, а также подтвердил право вдовы на опеку над юным графом Шрусберийским^[132], который был женат на ее дочери Энн. Король искренне сожалел о том, что необходимость вынудила его прибегнуть к такому жестокому средству, как казнь лорд-камергера.

Поначалу Ричард склонялся даже к тому, чтобы простереть свою благосклонность к семье Хейстингс дальше и назначить на должность коменданта замка Гин брата казненного лорда сэра Ральфа. Однако военная целесообразность взяла верх над сентиментальными чувствами — дело касалось важной фортификации, защищавшей подступы к Кале, последнему английскому форпосту на континенте. По зрелом размышлении король все-таки принял другое решение, поставив на ключевой пост верного человека. Впрочем, к сэру Ральфу он отнесся весьма благожелательно:

«Инструкции, данные Его высочеством королем своим верным советникам лорду Динэму, лейтенанту города и марки Кале, мастеру Джону Куку, архидиакону Линкольнскому, сэру Ричарду Танстоллу, сэру Джону Скотту и сэру Томасу Туэйтсу, рыцарям, по некоторым пунктам петиции, поданной сэром Рафом Хейстингсом, рыцарем, в недавнем прошлом лейтенантом города и замка Гин.

Прежде всего сэр Раф Хейстингс в первом пункте своей петиции выражает желание получить королевское письмо о помиловании, а во втором пункте — королевское письмо с подтверждением всех земель и должностей, полученных в дар от короля, ныне покойного. Указанные королевские уполномоченные должны иметь при себе письма о помиловании, а также письма с подтверждением всех земель и должностей, каковые указанный сэр Раф получил в дар от короля Эдуарда, недавно умершего, на момент смерти этого короля. Король желает, чтобы его указанные уполномоченные доставили эти письма о помиловании и подтверждении указанному сэру Рафу, но прежде он должен передать им от имени короля город и замок Гин. Король желает, чтобы город и замок,

полученные таким образом, были переданы сэру Джону Блаунту^[133], лорду Маунтджою, для управления и содержания на время, благоугодное королю»^[72].

На следующий день королевский поезд двинулся в Оксфорд, куда за два дня до этого уже прибыл Уильям Уэйнфлитский, епископ Уинчестерский, чтобы подготовить достойную встречу. Прелат был основателем колледжа Святой Марии Магдалины в Оксфордском университете и приложил все усилия к тому, чтобы именно его детище удостоилось чести принять королевскую свиту. Торжественная процессия во главе с канцлером и попечителями университета приветствовала королевскую свиту и сопровождала ее к главному входу в колледж — воротам Магдалины. На ночь король разместился в колледже вместе с высшими сановниками, поименно перечисленными управляющим: лорд-епископ Даремский, лорд-епископ Вустерский, лорд-епископ Сент-Асафский, епископ Сент-Дэвидский, граф Линкольнский, лорд-стюард граф Саррейский, лорд-камергер Ловелл, лорд Стэнли, лорд Одли, лорд Бошан, сэр Ричард Рэтклифф. В числе главных придворных чинов отсутствовал лишь ближайший сподвижник короля — лорд — верховный констебль Генри Стаффорд, герцог Бакингамский, который убедил Ричарда III, что ему необходимо на некоторое время задержаться в Лондоне. Поскольку Бакингам действительно был назначен на свой высокий пост лишь неделю назад, король дал ему возможность сделать необходимые распоряжения, прежде чем присоединиться к путешествию.

Ричард III был не чужд учености и неплохо разбирался в науках, особенно в богословии, поэтому на следующий день он решил доставить себе изысканное удовольствие:

«В 25-й день сего месяца, по приказанию и пожеланию господина короля, в большом зале Коллегии проведены были два торжественных диспута, а именно: первый — по нравственной философии, магистром Томасом Кервером в качестве оппонента, и неким бакалавром той же Коллегии; далее, проведен был другой торжественный диспут, теологический, также в присутствии Короля, — магистром Иоханнесом Тайлором, профессором священной теологии, и магистром Виллельмом Гросином^[134], отвечавшим на вопросы. Всех их господин король вознаграждал и торжественно, и с почестями, а именно: доктора священной теологии — ланью и сотней солидов, его собеседника — ланью и пятью марками; магистра, проводившего диспут по философии, — ланью и пятью марками, а бакалавра, отвечавшего на вопросы, — ланью и сорока солидами.

Сверх того даровал славный король председательствующему и ученым двух ланей, а также пять марок на вино, и т. д. Да живет король вовеки!»^[73]

Отобедав, Ричард III отправился в Вудсток, где сумел покорить сердца жителей ловким политическим ходом. В свое время король Эдуард IV, прельстившийся красотами местного пейзажа, приказал приписать часть общинных земель к заповедному Уичвудскому лесу. Ричард вновь перевел эти угодья в разряд обычных земель, восстановив вудстокцев в правах пользования ими. Как и в Лондоне и Вустере, городские олдермены попытались поднести королю богатые дары под тем предлогом, что это поможет частично покрыть расходы на путешествие. Однако Ричард с благодарностью отклонил предложения горожан, заявив им, что предпочитает получить их сердца, а не деньги.

*

Там же, в Вудстоке, Ричард занялся ирландскими делами, настоятельно требовавшими его внимания. Ирландцы чеканили серебряную монету, весьма похожую на английскую, но стоящую гораздо меньше из-за большого количества примесей, чем причиняли ощутимый ущерб английской торговле.

Поэтому король постановил, что «на обеих сторонах каждой серебряной монеты, которая отныне будет чеканиться в нашей стране Ирландии, изображения по центру должны с сего времени четко и ясно отличаться от монет, отчеканенных в нашем королевстве, и имеющих с одной стороны герб Англии, а с другой стороны надпись “3 кроны”. Разбить и совершенно уничтожить все формы и штампы, содержащие начертания для производства серебряных монет, повсюду в нашей стране [Ирландии], где они до сих пор изготавливались и чеканились. Аннулировать и совершенно отменить всякого рода привилегии по чеканке в любом городе в пределах нашей страны [Ирландии], за исключением нашего города Дублин и нашего города Уотерфорд под страхом конфискации всех материалов для чеканки в любом другом месте нашей страны [Ирландии], за исключением тех, что перечислены выше»^[74].

Но в целом король мудро избегал прямого вмешательства в управление Ирландией, назначив наместником Джеральда Фицджеральда, графа Килдерского^[135], и подтвердив полномочия прочих королевских чиновников в этой беспокойной провинции. Одновременно Ричард III

принял присягу верности от другого могущественного ирландского лорда — Джеймса Фицджеральда, графа Десмондского. Он предложил Десмонду отказаться от ношения ирландской национальной одежды, а в качестве компенсации и демонстрации своей приязни послал ему платья, дублеты, шоссy и шляпы, королевскую ливрею, а также золотой воротник, украшенный розами, солнцами и изображением белого вепря. Дом Йорков был связан с домом Десмондов давними дружескими отношениями: отец графа в прошлом неоднократно оказывал Йоркам важные услуги, о которых Ричард не забыл, вступив на престол. Кроме того, король и граф имели общих врагов: Джеймс не без оснований полагал, что смертный приговор его отцу^[136] был вынесен Эдуардом IV в результате происков Вудвиллов, а Ричард III считал это семейство ответственным за гибель своего брата, герцога Кларенского, чья казнь все еще омрачала ему жизнь. Король заявил, что «отец вышеупомянутого графа... был незаконно лишен жизни и убит в результате манипуляций законами Ирландии со стороны некоторых персон, осуществлявших здесь управление и власть, в нарушение всех представлений о чести, здравомыслии и совести. Однако же подобный горестный случай был и произошел в королевстве Англия с его братом герцогом Кларенским, а также и с другими его близкими родственниками и добрыми друзьями, посему Его королевская милость всегда внутренне сострадал и сострадает гибели его вышеупомянутого отца и одобрит, если его вышеупомянутый кузен нынешний граф правильным образом и в соответствии с законом в любое время с сего момента обратится в суд или попытается наказать их»^[75].

Покинув Вудсток, кортеж пересек Котсуолдские холмы и 1 августа вступил в Глостер — город, который всегда был надежным оплотом дома Йорков. Сюда же прибыли послы Франции и Бургундии с официальными поздравлениями от своих монархов. Ричард даровал Глостеру самоуправление и независимость от одноименного графства — подобной привилегией к тому времени располагали только Лондон, Йорк, Бристоль и Ковентри.

*

В Глостере Ричарда нагнал герцог Бакингамский, который вез крайне важные известия. Он провел в Лондоне после отъезда королевского кортежа неделю с лишним с большой пользой, как ему казалось, хотя

занимался отнюдь не только делами, связанными со вступлением в должность лорд-констебля. Отчаявшись добиться законными средствами признания за собой всех принадлежавших Боэнам титулов — графств Херефордского, Эссексского и Нортхемптонского, — герцог решил оказать своему повелителю непрошеную «услугу», которая связала бы их двоих общей кровавой тайной и вынудила бы короля уступить. Он организовал тайное убийство детей Эдуарда IV и ликвидировал, как ему казалось, серьезную опасность, которую представляли для Ричарда отстраненные от наследования трона принцы^[137]. Вряд ли герцог, каким бы недалеким человеком он ни был, решился на такой поступок самостоятельно. Вероятнее всего, король говорил при нем, что племянники — настоящее бельмо в его глазу, и слава богу, что их судьба мало кого в Англии волнует. Но одно дело обмолвиться в сердцах или даже тайно желать; другое — действительно отдать приказ об убийстве. Ричард мог бы решиться на устранение племянников, но только в том случае, если бы ему грозила реальная и непосредственная опасность с этой стороны. Однако же в ходе путешествия королевство повсеместно демонстрировало ему свою лояльность.

Как бы то ни было, Бакингом понимал, что Ричард будет вынужден скрыть случившееся, ибо основная тяжесть обвинений в любом случае пала бы на него. Герцог Бакингамский надеялся как максимум на искреннюю благодарность короля, а как минимум — на вынужденное согласие уступить, наконец, вожде ленные владения. Однако Ричард не оценил рвения своего сподвижника: их короткая встреча закончилась крупной ссорой и стала последней, когда они видели друг друга. В страшном негодовании, в испуге и в расстроенных чувствах Бакингом покинул короля и направился в свой замок Брекон, где все еще пребывал в заточении злейший враг Ричарда III — Джон Мортон, епископ Илийский.

Что оставалось делать Ричарду? Только продолжать путешествие: обвинить публично Генри Стаффорда в организации убийства принцев означало развязать языки клеветникам. Ибо кто поверит, что подобное злодеяние могло быть совершено без согласия, а то и прямого указания короля? Молва неизменно приписывала устранение претендентов на трон правителям, даже если тому не было никаких доказательств. Память услужливо напоминала королю, что вина за тайную казнь низложенного Эдуарда II была без колебаний возложена на правителя Англии Роджера Мортимера, а убийство свергнутого с престола Ричарда II считалось делом рук Генри IV. Королю оставалось только надеяться, что судьба принцев и далее будет столь же безразлична англичанам, как это было до сих пор.

Из Глостера Ричард III отправился вдоль реки Северн на север, в Тьюксбери. Он следовал тем же путем, которым десяток лет назад двигалось к своему разгрому воинство королевы Маргариты, и 4 августа кортеж прибыл к Тьюксберийскому аббатству. Король прошел через величественную нормандскую арку в церковь и долго стоял в молчании у могилы своего брата Джорджа Кларенского и его жены Изабеллы, похороненных за алтарем. Он знал, что здесь же, где-то под плитами церковного пола, лежит и тело Эдуарда Вестминстерского — первого мужа его королевы Энн и единственного в истории Англии принца Уэльского, погибшего в бою.

Отдав дань памяти брату, король преподнес аббату щедрый дар в 310 фунтов, после чего отправился в Вустер, откуда кортеж повернул на восток — к замку Уорик. Там к Ричарду присоединилась королева, приехавшая прямо из Виндзора. Вместе с ней прибыл испанский посол Годофредо де Сасиола, который незамедлительно был удостоен официальной аудиенции. Де Сасиола заявил, что королева Изабелла желает мира и даже готова предоставить помощь в борьбе с Францией. Сердце Изабеллы, как уверял посол, было отвращено от Англии лишь потому, что в свое время Эдуард IV отказался от ее руки и предпочел жениться на Элизабет Вудвилл, так что союз с французским королем был своего рода мстью гордой испанки. Со смертью Эдуарда королева готова вернуться к союзу с Англией и предложить ей активную помощь против Франции. По словам Сасиолы, Испания могла предоставить для этого предприятия грозное войско в 10 тысяч копий и 30 тысяч пехоты.

Вряд ли Ричард всерьез воспринял куртуазные объяснения посла, но для него было важно, что мощная держава признала его легитимность. Несмотря на заманчивость союза с Испанией, Ричард превосходно понимал, в чем состоит интерес ее монархов Фердинанда и Изабеллы. Они надеялись втравить Англию в войну с Францией, что развязало бы им руки для окончательного разгрома мавров. Однако на данном этапе король не хотел открыто конфликтовать с французами и в любом случае был не в состоянии организовать экспедицию во Францию. Ричард III предложил Сасиоле просто возобновить дружбу, которая существовала между Эдуардом IV и братом королевы Энрике IV Кастильским. На следующий же день король отписал лорд-канцлеру Джону Расселлу в Лондон с просьбой как можно быстрее составить договор и скрепить его Большой королевской печатью. Изабелле он послал теплое личное письмо, передать которое поручил искусному дипломату Бернару де ла Форсу, не первый год представлявшему Англию на международной арене. Ричард снабдил посла

подробными инструкциями:

«Прежде всего, по представлении кузенам королевских писем с рекомендациями, положенными в данном случае, он должен сказать и напомнить королю о глубокой любви, доверии и приязни, которые король наш, брат [Эдуарда IV] ныне покойного (да простит его Господь), испытывает к своим кузенам, а также показать, что Его высочество демонстрирует и намерен демонстрировать далее свое расположение к ним и сделает все, что возможно, к их чести и удовольствию. Подобным образом и всеми возможными способами упомянутый Барнард должен дать им понять, что король уповает на такую же доброжелательность и расположение к нему со стороны кузенов.

В прошедший год упомянутый брат короля отправлял свое посольство к своим кузенам для разрешения различных вопросов, по которым затем удалось договориться не в полной мере, и среди прочего — для установления мира, союза и дружбы. Договор между Его высочеством и Энрике, покойным королем Кастилии, был заключен, но предпринималось и поныне предпринимается множество попыток его нарушить. Требовалось внести уточнения, без которых указанные мир, союз и дружба не могли продлиться долго, и посему было оговорено и решено провести с упомянутыми кузенами конференцию в Испании в середине грядущего лета или даже ранее, на что упомянутый брат короля был полностью согласен. Но поскольку Господу всемогущему было угодно призвать его к себе из этого скорбного мира раньше срока, назначенного для указанной конференции, ни один серьезный вопрос не мог быть решен от погребения вплоть до коронации нового короля и упорядочения дел королевства.

Упомянутый Барнард должен, ссылаясь на эту причину или же на другие, которые покажутся ему наилучшими и удовлетворят кузенов короля, извиниться за задержку с прибытием уполномоченных, ожидавшихся на эту конференцию. В силу полномочий и власти, которыми король облек упомянутого Барнарда, ему следует договориться с кузенами короля и назначить новый день встречи уполномоченных для принятия уточнений.

Упомянутый Барнард, после согласования вопроса о дне встречи, со всей поспешностью должен уведомить о том короля и его совет, чтобы уполномоченные могли отправиться туда с исчерпывающими наставлениями и достаточной властью для внесения должных изменений, которая потребуется с их стороны»^{76}.

Бернар де ла Форс с успехом выполнил свое поручение и по возвращении получил награду — ренту в 40 фунтов. Этот договор укрепил

связи Англии с пиренейскими державами — месяцем ранее Ричард заключил англо-португальский союз, подтверждавший условия договора о дружбе, подписанного еще во времена Ричарда II.

*

Следующей проблемой, остро нуждавшейся в урегулировании, был шотландский вопрос. Северные соседи явно устали от войны, которая к тому времени поставила их на грань катастрофы. Желание Джеймса III вступить в мирные переговоры с Англией было очевидно. Однако Ричард III, во-первых, лучше других знал, насколько изменчивым было поведение слабохарактерного шотландского короля. А во-вторых, Ричард всегда был жестким сторонником военного решения шотландского вопроса. В свое время Эдуард IV легкомысленно спровоцировал войну с шотландцами в надежде возвести герцога Олбанийского на шотландский трон и приобрести некоторую часть шотландских территорий, и Ричард по своим природным наклонностям поддержал курс на войну. Поэтому он на всякий случай до сих пор привечал ренегатов. В Уорике король принял своего старого знакомого Александра Стюарта, герцога Олбанийского, который в очередной раз предал царственного брата, сдал англичанам замок Данбар и бежал в Англию. Ричард также подтвердил годовую ренту Джеймсу, графу Дугласскому^[138], последнему из Черных Дугласов, в размере пятисот фунтов. Таким образом, в случае продолжения неприятностей на границе у Ричарда было кого послать на север, чтобы серьезно осложнить жизнь шотландцам.

Ричард включил в свою свиту обоих изгнанников, а также испанского посла Сасиолу и покинул гостеприимный замок Уорик. Он направился дальше в Лестер, по пути задержавшись на два-три дня в Ковентри. Королю везде оказывался радушный прием, что вселяло в его сердце искреннюю радость. При этом сам он, как и входившие в свиту должностные лица, не столько развлекался, сколько продолжал свои ежедневные труды. Его секретарь Джон Кендалл писал членам городского магистрата Йорка: «Милостивые государи, примите мои уверения в совершенно искреннем к вам расположении. Хвала господу, Его королевская милость находится в добром здравии, как и Ее милость королева. На протяжении всего путешествия их с благоговением встречают пышными процессиями, а Его [короля] лорды и судьи в каждом городе заседают, разбирая жалобы бедного народа, и выносят приговоры

нарушителям Его законов»^{77}.

В Лестере Ричарда III нагнало личное письмо от Людовика XI, в котором французский король подтверждал получение сообщения о коронации:

«*Monsieur mon cousin*, я получил письмо, которое Вы прислали мне с Вашим герольдом *Blanc Sanglier* (Белым Вепрем. — В. У.), и благодарю за новости, которые Вы мне сообщили. Если я могу оказать Вам какую-либо услугу, я сделаю это весьма охотно, поскольку хочу заслужить Вашу дружбу. *Adieu, Monsieur mon cousin*.

Писано в Монтиль-ле-Тур, в 21-й день июля. Людовик»^{78}.

Следует ли Англии проводить политику дружбы с экспансионистской Францией — это была извечная проблема. Эдуард IV в последние годы своей жизни решал ее весьма бессистемно. Подкупленный французским пенсионом и перспективой брака между своей старшей дочерью Элизабет и наследником Людовика XI, он не обращал внимания на отчаянные призывы Максимилиана Бургундского о помощи. Из-за этого английская политика в конце концов потерпела крах, когда Людовик и Максимилиан в декабре 1482 года подписали Аррасский договор.

Ричард немедленно ответил на галантное, но бессодержательное по сути послание французского короля, причем достаточно жестко. Он дал понять Людовику, что Англия, вне всякого сомнения, заинтересована в налаживании отношений с континентальным соседом, но только при выполнении определенных условий. Ричард поставил перед французским королем совершенно конкретные вопросы о его намерениях, искусно спародировав при этом небрежный стиль Людовика:

«*Monsieur mon cousin*, я получил письмо, которое Вы мне прислали с герольдом Бакингема, из которого я понял, что Вы желаете моей дружбы, чему я крайне рад, и просите меня о ней в изысканной форме и манере. У меня нет намерений нарушать перемирие, которое было заключено между благороднейшей памяти покойным королем, моим братом, и Вами до того срока, который был определен (то есть до 9 апреля 1484 года. — В. У.). Однако купцы моего королевства Англия терпят великие оскорбления от Ваших подданных, захватывающих их суда и товары, а также другое добро. Они боятся рисковать и отправляться в Бордо и в другие места, находящиеся под Вашей властью, пока не получат от Вас заверений, что им можно уверенно и безопасно вести торговлю во всех землях, на которые распространяется Ваша власть, в соответствии с правилами, установленными вышеуказанным перемирием. Посему, раз мои подданные

и купцы не желают быть обманутыми в условиях нынешней туманной ситуации, я заклинаю Вас через подателя сего, моего слугу и одного из моих конюших, чтобы Вы дали мне знать о Ваших истинных планах. В то же время, если я могу оказать Вам какую-либо услугу, сообщите мне об этом с тем, чтобы я мог это сделать с самыми добрыми намерениями. На сем прощаюсь с Вами, *Monsieur mon cousin*.

Писано в моем замке Лестер, в 18-й день августа»^{79}.

Прибыв в следующий город своего путешествия, Ноттингем, Ричард решил написать французскому королю еще одно письмо, ибо у него возникла необходимость в закупке крупной партии французского вина для нужд двора:

«*Monsieur, mon cousin*, примите мои уверения в искреннем к Вам расположении. Я отписал нашему слуге *Blanc Sangiier*, который ныне находится при Вас, чтобы он заготовил вина, произведенные в Бургундии и Верхней Франции для меня и моей супруги королевы. Поэтому я прошу Вас, *monsieur, mon cousin*, чтобы Вы отдали приказ Вашим слугам и подданным дозволить ему закупить указанные вина и свободно вывезти их и доставить в мое королевство Англию без каких-либо помех или противодействий. Этим Вы доставите мне особое удовольствие. И если есть что-то, что я могу сделать для Вас, лишь дайте мне знать, и я это исполню весьма охотно с помощью Господа, который да не оставит Вас, *monsieur, mon cousin*, своей милостью»^{80}.

Людовик так и не получил этого послания, поскольку скончался 30 августа в Плесси-ле-Туре, препоручив своего наследника Карла VIII и свое королевство заботам дочери Анны де Боже.

*

Медленно, но верно кортеж приближался к конечной цели путешествия — городу Йорку. Однако прежде, чем вступить в столицу Севера, король задержался в Понтефракте, куда 24 августа прибыл из Миддлхэма его сын Эдуард. Мальчик, не отличавшийся крепким здоровьем, чувствовал себя тогда особенно неважно. Он даже не мог ехать верхом, и поэтому его привезли в экипаже. В тот же день ему были пожалованы титулы принца Уэльского и графа Честерского, которые традиционно носили наследники английского престола. Там же, в Понтефракте, король призвал к себе 70 рыцарей и дворян, чтобы глубже

вникнуть в состояние местных дел и повторить им и наставления по справедливому устройству административного управления, которые он ранее произнес в Лондоне перед лордами.

В ожидании короля жители Йорка деловито готовились к встрече. Они желали приветствовать его так, чтобы не осталось никаких сомнений в силе их любви, а сама церемония должна была полностью соответствовать королевской чести. Как только новость о планах Ричарда посетить Йорк достигла города, мэр Джон Ньютон и четверо уважаемых олдерменов немедленно отправились в Миддлхэм, где принесли присягу верности юному принцу Эдуарду и преподнесли ему дары хлеб лучшей выпечки, бочку красного и бочку белого вина, шесть лебедей, шесть цапель и две дюжины кроликов. Начались жаркие споры по поводу того, как именно нужно готовить официальную встречу монарха. Члены муниципалитета послали за священниками и представителями гильдий, которые обладали некоторым опытом в организации торжественных церемоний.

Со своей стороны, Ричард и сам желал, чтобы прием, который он встретит в Йорке, произвел неизгладимое впечатление на придворных и сопровождавших свиту иностранных гостей. Джон Кендалл по его указанию отправил из Ноттингема письмо магистрату, в котором уверял жителей Йорка, что король питает к ним нежную любовь. Зная, что они готовятся к встрече, королевский секретарь не удержался и дал все-таки несколько рекомендаций от себя: «Я советую вам, как принять его и королеву, и какие распоряжения сделать. Насколько возможно почетно, с пышными процессиями, хорошими речами, как можно более приятными — это короткое предложение надо обдумать, разработать и придать ему соответствующую форму. Податель сего мастер Ланкастер из королевского совета познакомит вас с моими мыслями по этому поводу. Улицы, по которым проследует король, нужно украсить шпалерами и гобеленами и прочим, поскольку с ним придут многие южные лорды и другие важные персоны, а это придаст торжественности встрече Их милостей»^[81].

В субботу 30 августа король Ричард, Энн и принц Эдуард подъезжали к Йорку в сопровождении великолепной свиты, которую составляли епископы Вустерский, Ковентрийский, Личфиддский, Даремский, Сент-Асафский и Сент-Дэвидский, герцог Олбанийский, графы Нортумберлендский, Уорикский, Саррейский, Хантингдонский и Линкольнский, камергер двора виконт Ловелл, лорды Стэнли, Дадли, Морли и Скрупы, верховный судья Англии сэръ Уильям Хасси, а также другие придворные чины.

Уже в Тадкастере, в 15 километрах от Йорка, кавалькаду встретили два

городских шерифа, которые возглавляли длинную процессию, и каждый из них держал в руке жезл — символ их власти. У городских стен в Брекльз-Миллз королевскую семью приветствовали мэр Джон Ньютон и олдермены в алых одеждах, члены совета и видные горожане в красных платьях. Когда королевская чета миновала церковь Святого Иакова и вошла в город через ворота Миклгейт-Бар, ее приветствовали толпы горожан, одетых в синий бархат и серую шерсть. На протяжении всего пути кортеж сопровождали процессии: одна — до ворот, другая — до моста через реку Уз и третья — до центральной улицы Стоунгейт, где мэр произнес приветственную речь и преподнес королю сто марок в золотой чаше, а королеве — сто фунтов золотом на богато украшенном блюде.

Ричарду III прием настолько понравился, что на следующий день он и его советники решили провести церемонию по инвеституре^[139] Эдуарда, принца Уэльского, именно в Йорке. В Лондон был спешно отправлен приказ хранителю королевского гардероба Пирсу Куртесу:

«Мы велим и поручаем вам предоставить подателям сего следующие товары для нас. Один дублет пурпурный атласный с подкладкой из холста, с планшеткой; один дублет из темно-желтого атласа с такой же подкладкой; два коротких платья из малиновой парчи, одно с кисточками, и другое с сеткой, выложенной зеленым бархатом. Один корсаж пурпурный атласный; и один корсаж темно-желтый атласный; один плащ с бархатным капюшоном и бантом из черного бархата; одно платье из зеленого бархата с подкладкой из темно-желтого атласа. Один с тремя четвертями ярд шелка с золотом, и столько же черного шелка для наших шпор; два с половиной ярда и три нейла^[140] белой ткани с золотом на скатерть; пять ярдов черного бархата на подкладку для платья из зеленого атласа. Один плакард^[141], сделанный из той же белой ткани с золотом, пол-ярда и два нейла белой парчи с подкладкой из бортовки. Три пары коротких шпор, позолоченных; две пары длинных шпор, белых, частично позолоченных. Два ярда черной бортовки для различного ремонта. Одно шелковое знамя Богоматери, одно знамя Троицы, одно Св. Георгия, одно Св. Эдуарда, одно Св. Катберта; одно с нашим собственным гербом шелковое. Три герба, отчеканенных из чистого золота для нашей собственной персоны, пять котт для герольдов с подкладкой из бортовки. Сорок шелковых вымпелов для труб, семьсот сорок флажков, триста пятьдесят флажков из тартара^[142], четыре шелковых штандарта с вепрем, тринадцать тысяч эмблем из бумазеи с вепрями»^[82].

Сэру Джеймсу Тиреллу, теперь главе королевских пажей, а также семи пажам подарили по несколько ярдов голландской ткани и другие

необходимые для церемонии вещи. Всю последующую неделю непрерывной чередой шли празднества. Мэр поддержал честь города, дав для высших сановников двора и лордов два роскошных обеда. В воскресенье 7 сентября перед королем и королевой в главном зале муниципалитета была разыграна любимая постановка Ричарда «Символ веры».

Церемония инвеституры состоялась 8 сентября и была настолько великолепной, что по королевству даже прошел ошибочный слух о вторичной коронации Ричарда III и Энн. В торжественном величии Йоркского собора принцу Уэльскому был вручен золотой жезл, на его голову возложили золотой венок. Из собора Ричард, Энн и их сын шли с коронами на головах среди толпы горожан, которые превозносили добродетели короля Ричарда выше небес. Одновременно с возведением Эдуарда в титул принца Уэльского король посвятил в рыцари испанского посла Сасиолу, своего незаконнорожденного сына Джона Глостерского ^[143] и нескольких дворян-северян. Спустя десять дней король пригласил в здание капитула Йоркского собора мэра, олдерменов и известных горожан. Поблагодарив их и за их прошлые заслуги, и за оказанный прием, он освободил город чуть ли не от половины налогов, которые ежегодно выплачивались короне.

Во время своего пребывания в Йорке Ричард III учредил в замке Шериф-Хаттон, расположенном в 16 километрах севернее, резиденцию для двоих отпрысков дома Йорков — туда отправился сын герцога Кларенсского восьмилетний Эдуард, граф Уорикский, вместе со своим опекуном Джоном де Ла Полем, графом Линкольнским, а также подобающая их положению свита. Этот двор впоследствии эволюционировал в один из важнейших управленческих органов, созданных Ричардом — Совет севера.

Король одарил местные церкви и религиозные организации, особенно те, которые были связаны с семьями Йорков и Невиллов. Каверхемское аббатство около Миддлхэма получило 20 фунтов на восстановление церкви, часовня в замке Барнард — 40 фунтов и 100 марок; монастырю в Понтефракте, где в течение многих лет после гибели в битве при Уэйкфилде до перезахоронения в Фотерингее лежало тело отца короля, Ричард вернул земли, отобранные Эдуардом IV. Жители Холмферта в нескольких милях к югу от Уэйкфилда получили подтверждение ранее дарованных ежегодных выплат в размере двух фунтов на содержание священника в их приходской часовне, а женский Уилберфосский монастырь около Йорка, пришедший в упадок, значительно расширил свои

земельные владения.

В душевной атмосфере, рожденной королевской щедростью и теплым приемом, оказанным королем подданными, Томас Лэнгтон, епископ Сент-Дэвидский, один из самых опытных дипломатов короля Эдуарда IV, писал своему другу Уильяму Селлинджу, приору кентерберийской церкви Христа: «Уповаю на Господа, что уже вскоре, на Михайлов день ^[144], король должен быть в Лондоне. Он вносит умиротворение в души людей везде, где только ни появляется, лучше любого другого принца. Он дал облегчение многим безвинно страдающим беднякам, которым во время путешествия была оказана помощь или им лично, или по его приказу. И во многих больших и малых городах ему предлагались большие суммы денег, от которых он отказался. По правде, ни один принц не сравнится с ним своими достоинствами. Господь послал нам его ради блага всех нас» ^{83}.

*

Внешняя политика не оставляла Ричарда и в Йорке. Неопределенность в англо-французских отношениях настоятельно требовала установления дружественных связей с Франсуа, герцогом Бретонским ^[145], который в течение двух десятилетий выступал как союзник Англии, пусть даже нерешительный и порой непредсказуемый. И сейчас Ричарду вновь предстояло найти с ним общий язык. В 1483 году заметно активизировалась деятельность пиратов. Если в последнее десятилетие царствования Генри VI было зарегистрировано 120 пиратских нападений, то после окончательного воцарения Эдуарда IV в 1471 году их число сократилось до четырех в год. Но по смерти Эдуарда английские пираты, в основном из Корнуолла и Девона, снова вышли на охоту. Бретань незамедлительно ответила тем же, и на море разгорелась неофициальная война. Вскоре к ней присоединились и французы.

С июля 1483 года в Бретани находился Томас Хаттон с поручением подготовить конференцию, призванную к взаимному удовлетворению разрешить все проблемы, возникающие из-за пиратских рейдов, в которых были равно виновны все стороны. Хаттону предписывалось приложить все силы для восстановления старого союза и торговых контактов с Бретанью. Ему также вменялось в обязанность выяснить отношение герцога к сэру Эдуарду Вудвиллу и его окружению, равно как и планы самого Вудвилла — не намерен тот предпринимать какие-либо враждебные действия против

Англии с территории герцогства. В своих инструкциях Ричард не упоминал Генри Тюдора, который также находился в изгнании в Бретани — он не считал его опасной для себя фигурой. Однако герцог Франсуа думал иначе.

В Йорк прибыл бретонский посланник Жорж де Манбьи. Он уверял Ричарда, что герцог всей душой стремится к союзу с Англией, но при этом выдвигал условия, отдающие явным шантажом. Де Манбьи заявил, что король Луи неоднократно требовал передать под его опеку «лорда Ричмондского» и угрожал войной в случае отказа, а Бретань не способна-де в одиночку противостоять Франции. Поэтому если Ричард не хочет, чтобы Генри Тюдор нашел убежище во Франции, то он должен в течение месяца отправить герцогу Франсуа четыре тысячи лучников за свой счет, а при необходимости прислать еще две или три тысячи лучников, содержание которых возьмет на себя герцог. Де Манбьи настаивал на немедленном ответе, но Ричард не имел ни малейшего желания подчиниться шантажу, и посланник уехал ни с чем.

Вновь напомнил о себе шотландский король, предложивший заключить перемирие на восемь месяцев и выработать за это время условия долгосрочного мира. Ричард считал, что ему гораздо выгоднее война с Шотландией, но тем не менее от переговоров не отказался:

«Высокородный и могущественный принц, верный и возлюбленный кузен, примите мои уверения в искреннем к Вам расположении. Как из Ваших писем, доставленных нам Вашим герольдом Дингуоллом, так и из прочих, мы поняли, что вопреки происходящему в последнее время разрыву, разладу и нарушению мира между обоими королевствами, каковые усугубляются вопреки Вашим мыслям и чаяниям усилиями злонамеренных лиц, в Ваши намерения по-прежнему входят поддержание любви, мира и согласия между королевствами, и что именно с этими намерениями Вы послали герольда, чтобы понять наши планы по этому поводу. Ваши посланцы, облеченные Вашим доверием, могут прибыть к нам. Кузен, мы уверяем Вас, что наши мысли и желания стремятся и будут стремиться волей и желанием Господа нашего, Творца всего сущего, к разумному и справедливому миру, без каких-либо нарушений, чего желаем и мы, и наш народ. И если будет на то Ваше желание и воля отправить сюда людей для заключения договора, то мы, узнав от Вас их имена, обеспечим нашу защиту любому разумному числу посланников на любой разумный срок. Высокородный и могущественный принц, наш верный и возлюбленный кузен, да хранит Вас Господь»^{84}.

В середине сентября король и королева расстались: Энн с сыном уехали в замок Миддлхэм, а Ричард направился на юг. Он чувствовал, что

его путешествие слишком затянулось. 11 октября король добрался до города Линкольна, где его застала невероятная весть: в южных графствах вспыхнуло восстание, одним из вождей которого оказался самый верный в прошлом соратник — Генри Стаффорд, герцог Бакингамский.

Глава третья.

МЯТЕЖ В ЮЖНЫХ ГРАФСТВАХ

Голоса, требовавшие выпустить принцев из Тауэра, в южной и юго-западной части королевства начали раздаваться еще летом, причем о возвращении Эдуарду V трона речи никогда не шло. Испугавшись возможных репрессий, окружение королевы Элизабет настоятельно уговаривало ее отправить дочерей из Вестминстера тайными путями за границу, однако власти вовремя узнали об этих разговорах, которым так и не суждено было стать планами. Королевский совет решил усилить надзор за святилищем, охранять которое было поручено Джону Несфелду.

Эта мера никак не повлияла на заговор — он все расширялся, ибо его руководителям было совершенно безразличны как судьба принцев в Тауэре, так и судьба королевы с дочерьми. Заговорщиками в основном двигали совсем иные мотивы. Конечно, некоторые из них хранили верность династической линии Эдуарда IV из принципиальных соображений, но таковых было явное меньшинство. Остальные хотели вернуть себе положение, утерянное в результате перераспределения должностей при новом режиме. Часть мятежников, особенно из Кента и Девоншира, привыкли пользоваться в своих интересах любой смутой и надеялись извлечь из восстания личную выгоду. По большей части это были старые приверженцы Ланкастеров, вроде Кортнеев — Питера, епископа Эксетерского, и его родственника Эдуарда — сидевших в своих девонширских крепостях и потихоньку собиравших последователей.

Заговор оказался слишком обширным, чтобы его можно было держать в полном секрете, а на юге жило много людей, лояльных королевской власти. Слухи, неопределенные и туманные, побудили королевский совет назначить 28 августа комиссию *о́е и термине*, которую было поручено возглавить герцогу Бакингемскому: в Лондоне не знали о его причастности к гибели принцев, ибо Ричард держал это в тайне. Сам король в это время собирался покинуть Ноттингем и отправиться в Йорк и поэтому не был посвящен в планы своих лондонских советников. Кроме Бакингема в комиссию вошли герцог Норфолкский, графы Эранделский и Кентский, лорды Бергевенни и Кобэм, лорд — верховный казначей Джон Вуд, мэр Лондона Эдмунд Ша и полтора десятка рыцарей и эсквайров. Им было поручено провести расследование в Лондоне и пригородах, графствах Сарри, Сассекс, Кент, Миддлсекс, Оксфорд, Беркшир, Эссекс и Хартфорд.

Когда первые вести о возмущениях на юге достигли ушей маркиза Дорсетского, скрывавшегося где-то в Йоркшире, он тайно пробрался в Уилтшир, где развернул бурную деятельность на пару со своим дядей Лайонелом, епископом Солсберийским, который бежал из святилища в Вестминстере и разжигал смуту в своей епархии. В Kent и Сарри отправился Ричард Гилфорд, чей отец был другом графа Риверса. Но все это были только попытки оседлать уже поднявшуюся волну недовольства.

В результате сами собой сложились три основных центра восстания. Первый находился на юго-востоке и подпитывался из традиционно мятежного Кента, а также графств Сарри и Сассекс. Лидерами тут выступали в основном бывшие слуги и придворные Эдуарда IV. Типичным примером мог служить сэр Джордж Браун Бетчуортский из Сарри, который находился под сильным влиянием своего отчима Томаса Вона, бывшего казначея королевских покоев короля Эдуарда. Сам сэр Джордж был членом парламента от Гилфорда в 1472 году и от Сарри в 1478 году, затем шерифом Кента и рыцарем королевской личной охраны. Именно ему выпала честь нести знамя святого Георгия на королевских похоронах. Старым слугой Эдуарда IV был сэр Джон Фогг Эшфордский из Кента. Он принял сторону йоркистов еще в 1460 году и с тех пор никогда не предавал их дела. На протяжении всего правления Эдуарда сэр Джон входил в королевский совет. Николас Гейнсфорд Каршелтонский из Сарри стал в свое время первым йоркистским шерифом этого графства, входил в свиту Эдуарда и Элизабет. Одним из рыцарей королевской охраны был и сэр Томас Буршье Барнсский, младший сын лорда Бернерса и констебль Виндзорского замка. Второй сын камергера королевы лорда Дакра Томас Файеннз из Хёрстмонсё в Сассексе служил эсквайром личной охраны короля Эдуарда и шерифом графств Сарри и Сассекс.

Среди немногих повстанцев, кто был так или иначе связан с Вудвиллами, заметной фигурой считался только сэр Уильям От. Его жена приходилась троюродной сестрой королеве, а брат сэр Ричард раньше занимал должность контролера двора Эдуарда, принца Уэльского. С герцогом Бакингамским из местных мятежников крепкие контакты были только у эсквайра Джона Пимпа Неттлстидского, и это позволяет предположить, что герцог присоединился к бунтовщикам уже на поздней стадии подготовки восстания.

Второй центр располагался на юге — средоточием недовольства стали города Солсбери в Уилтшире и Ньюбери в Беркшире. К нему тяготели также заговорщики графств Хемпшир, Дорсет и Сомерсет. Картина здесь, в общем, была похожа на юго-восток, разве что несколько вождей были в

прошлом связаны не только с Эдуардом IV, но еще и с Джорджем Кларенсским — в частности, сэр Роджер Токотс Бромэмский, который служил управляющим землями герцога в графстве Хемпшир, Джон Харкорт Стентон-Харкортский, бывший казначей Кларенса на юго-западе, управляющий Кэвершемом сэр Уильям Норрис Йеттендонский и сэр Джон Сент-Лу из свиты герцога.

Остальные мятежники были слугами покойного короля, занимавшими при нем неплохие должности: эсквайр личной охраны, констебль Саутгемптона и Винчестера сэр Уильям Баркли Биверстонский, главный конюший сэр Джон Чейни Фолстон-Чейнский, рыцарь охраны, шериф Сомерсета, Дорсета и Девона сэр Джайлс Добни Баррингтонский и Саут-Петертонский. Сэр Уильям Стонор Стонорский избирался членом парламента от графства и был рыцарем охраны, хотя служил также королеве и маркизу Дорсетскому. Сэр Уолтер Хангерфорд Хейтсберийский занимал должности лейтенанта Дувра и шерифа Уилтшира в 1478–1479 годах, а затем был эсквайром личной охраны короля Эдуарда.

Немаловажную роль в среде недовольных на юге играли их семейные связи с мятежниками юго-востока. Джон Харкорт был зятем сэра Уильяма Норриса, а также Джона Норриса Брейского, одного из руководителей восстания в Девоне. Сэр Ричард Бошан, именовавшийся лордом Сент-Амандом^[146], был пасынком сэра Роджера Токотса Бромэмского. Возможно, некоторые из заговорщиков находились на службе Лайонела Вудвилла, епископа Солсберийского.

Третий центр находился на землях юго-запада — повстанцы концентрировались в Эксетере. Их возглавляли Томас Грей, маркиз Дорсетский, и сэр Томас Сент-Леджер, который тоже занимал видные должности при дворе Эдуарда: он был контролером королевского монетного двора, эсквайром, а затем рыцарем личной охраны. После женитьбы на сестре короля Энн, вдовствующей герцогине Эксетерской, сэр Томас прочно связал свою судьбу с Вудвиллами. Сэр Роберт Уиллуби Брукский подвизался в местной администрации, а также служил шерифом Корнуолла и Девона.

Почему эти люди восстали против Ричарда III? Крайне сомнительно, что из любви к покойному Эдуарду IV, его сыновьям или вдовствующей королеве. В первую очередь их беспокоили собственные интересы и положение при дворе. Из-за недоверия окружению нового короля они упустили свой шанс и надеялись теперь отыгаться. Ведь те, кто согласился верно служить Ричарду III, сохранили свои должности: в частности, сэр Томас Бург, сэр Томас Монтгомери и сэр Джон Скотт остались в

королевском совете. Более того, сев на трон, Ричард из всех сил пытался завоевать расположение и поддержку многих из тех, кто сейчас восстал: сэр Томас Льюкенор Троттонский в Сассексе, сэр Уильям Баркли и сэр Томас Эрандел были посвящены в рыцари ордена Бани на коронации Ричарда III. Баркли стал губернатором острова Уайт 9 мая, его должность была подтверждена 27 июля 1483 года. Сэр Уильям Нивет 18 июля получил назначение на пост констебля замка Райзинг. Король не мог и не хотел пренебрегать услугами таких влиятельных и опытных людей, поэтому не лишал их должностей в администрации графств и аннуитетов^[147] без весомого повода.

В сентябре лидеры движения получили обнадеживающее известие — один из самых могущественных людей королевства герцог Бакингамский решил выступить на их стороне. Просчитавшись в своей комбинации с Ричардом III, подстрекаемый своим пленником епископом Муртоном, он затеял теперь еще более сложную игру. Этот деятельный, честолюбивый и беспринципный человек надеялся выиграть трон уже для себя, ибо стоял к нему ближе всех остальных. Его амбициозность не знала пределов: еще в 1474 году герцог получил разрешение носить герб своего прапрадеда Томаса Вудстокского, сына Эдуарда III — причем без включения в него элементов, указывавших на то, что его ветвь младшая, что выглядело явным нарушением как геральдических правил, так и традиций того времени. Он также заполучил копию акта легитимизации Бофортов, в котором отсутствовал пункт, добавленный позже и лишивший их права наследования трона. Герцог любовно пестовал память о своем происхождении от Эдуарда III как по матери, так и по отцу.

Расставшись с королем Ричардом III в Глостере, он был ослеплен яростью. Его разум был помутнен стремительным восхождением к вершинам власти: герцог открыто сравнивал себя с графом Уорикским и считал себя не меньшим «Делателем королей», чем могущественный Ричард Невилл. Он хвастался, что у него будет столько «стаффордских узлов», сколько у Уорика было «суковатых посохов»^[148]. Но Уорик попеременно свергал и сажал на трон то Эдуарда IV, то Генри VI, а герцог Бакингамский мог потрудиться ради себя самого.

Как только Бакингам вернулся в Брекон, он сразу же начал искать подходы к своему пленнику епископу Илийскому. В свою очередь, и Джону Муртону такой союз показался небезынтересным. Герцог дал епископу гарантии того, что принцы в Тауэре мертвы. Узнав об этом, Муртон посоветовал отправить гонца к Маргарет Бофорт, графине Ричмондской, а

та сразу же прислала в Брекон своего доверенного слугу Рейнодда Брея. Возглавляя комиссию *о́е и термине*, Бакингом уже догадывался, что в южных графствах зреет восстание. Но сэр Рейнодд сообщил ему и Мортону подробности, ибо графиня поддерживала тесный контакт с бунтовщиками.

В свою очередь, от герцога Бакингемского узкий круг заговорщиков, включавший в себя Мортону, Вудвиллов и Маргарет Бофорт, узнал, что сыновья короля Эдуарда были преданы смерти, и получил тому весомые доказательства. Однако ни Брей, ни Мортон, невзирая на амбиции герцога, не считали, что корона должна теперь достаться Бакингему. У них появился свой претендент — Генри Тюдор. Изгнанник был не женат, и это давало возможность удовлетворить Вудвиллов, предложив им заключить брак Тюдора со старшей дочерью королевы Элизабет и Эдуарда IV. Герцог до поры до времени также не возражал против этой кандидатуры, поскольку полагал первый этап самым трудным. Пусть поначалу знамя несет другой, раз его согласны поддержать. Главное — свергнуть Ричарда III. После гибели короля он сможет переложить на него всю вину за убийство принцев, а с Генри Тюдором разберется по обстоятельствам, ибо темное происхождение^[85] валлийца давало Бакингему в руки сильные козыри. Мать изгнанника Маргарет Бофорт приходилась внучкой Джону Бофорту, первому графу Сомерсетскому, который являлся незаконнорожденным, но впоследствии легитимизированным сыном Джона Гонтского, первого герцога Ланкастерского — отца короля-узурпатора Генри IV. Бабкой по отцовской линии была не кто-нибудь, а сама королева Катрин де Валуа, вдова Генри V Монмутского, вступившая в незаконный брак с королевским пажом валлийцем Оуэном ап Маредиддом ап Теудуром. В этом браке родился Эдмунд, отец Генри Тюдора, легитимизированный королем Генри VI. По отцовской линии Генри будто бы происходил от Кадвалладра ап Кадваллона, жившего в VII веке короля Гвинедда (Северного Уэльса), однако доказательства этого были достаточно зыбкими.

Лидеры заговора восприняли информацию о гибели принцев спокойно, поскольку их судьба всем была безразлична. С точки зрения Мортону и графини вообще не имело значения, живы принцы или мертвы, коль скоро их вполне мог заменить Тюдор. Более того, у Маргарет Бофорт появилась надежда на перемену к лучшему судьбы сына, которому без сомнения играло на руку это убийство. Основной массе восставших по большому счету тоже было все равно, против чего бунтовать: сначала они выступали за освобождение детей Эдуарда из Тауэра, теперь — за возведение на трон Генри Тюдора.

Бакингом тайно собирал своих арендаторов и вассалов. Все бейлифы и

управляющие валлийскими поместьями были предупреждены, что по приказу хозяина они должны выставить столько вооруженных людей, сколько смогут. Через Мортон герцог поддерживал связь с графиней Ричмондской, другие гонцы связывали его с Ричардом Гилфордом, сэром Джоном Чейни, сэром Уильямом Стонором, маркизом Дорсетским и эксетерскими Кортнеями. Он написал Генри Тюдору, приглашая его принять участие в заговоре. В начале октября детали восстания были согласованы. Оно должно было вспыхнуть одновременно в южных графствах от Мейдстоуна и Гилфорда через Ньюбери и Солсбери до Эксетера. Кентцам и саррийцам предстояло захватить Лондон или по меньшей мере угрожать столице. Девонцы и дорсетцы двигались на восток. Генри Тюдор с войсками, полученными от герцога Бретонского, высаживался на южном побережье, а герцог Бакингамский переправлялся через Северн во главе своего войска и шел на юго-восток, смыкая клещи вокруг короля Ричарда. Всё должно было начаться в субботу 18 октября.

*

За десять дней до даты запланированного начала бунта герцог Норфолкский и королевский совет в Вестминстере уже достоверно знали о нем, ибо герцогу Бакингамскому из Брекона парализовать деятельность комиссии *о́е и термине* было невозможно, а тут еще нетерпеливые повстанцы Кента преждевременно начали наступление на Лондон. Советники Ричарда III перешли к активным действиям еще до прибытия своего короля. Герцог Норфолкский, фактически взявший на себя руководство комиссией в отсутствие Бакингема, стал собирать своих вассалов. В частности, он писал 10 октября из Лондона Джону Пастону:

«Возлюбленный друг, примите мои уверения в искреннем к Вам расположении. Случилось так, что люди Кента собрались большими силами и заявляют, что пойдут разорять город, что я собираюсь предотвратить, если смогу. Посему прошу Вас, чтобы Вы со всем старанием подготовились и явились сюда, и привели с собой шесть смелых воинов в доспехах. Ваши усилия не останутся неоцененными, Господь тому свидетель, да пребудет Он с Вами»^[86].

Одновременно герцог Норфолкский послал к Ричарду III гонца, который 11 октября примчался в Линкольн, где и встретил короля. Войск у Ричарда с собой не было: большинство лордов и советников, которые отправились с ним в путешествие, уже разъехались по своим домам. В

течение нескольких часов с момента получения новостей Ричард отправил свои распоряжения совету в Вестминстере и назначил сбор армии в Лестере 20–21 октября. Он также отписал в Йорк:

«Верные и возлюбленные, мы горячо приветствуем вас. Да будет вам ведомо, что герцог Бакингамский вероломно повернул против нас, нарушив долг верности. Он замышлял совершенно уничтожить нас, вас и всех прочих наших верных подданных, которые приняли нашу сторону. Этим предательским умыслам мы, с Божьей милостью, намерены оказать сопротивление и подавить их. Мы желаем и просим вас, чтобы вы прислали к нам в наш город Лестер к 21-му дню сего месяца столько воинов верхом и должным образом вооруженных, сколько вы сможете. Таким образом вы проявите заботу о нашей чести и собственном благе. И также мы ожидаем, что вы оплатите им вознаграждение и расходы, и будете сохранять спокойствие. Окажите доверие нашему верному слуге, подателю сего»^[87].

Клерки королевского секретаря Джона Кеңдалла рассылали приказы вооружаться лордам, лорды и придворные, в свою очередь, требовали того же от своих слуг и вассалов. Иногда случались досадные недоразумения — так, виконт Ловелл приказал явиться на сбор сэру Уильяму Стонору Оксфордширскому, не подозревая, что тот участвовал в восстании.

На следующий день в воскресенье 12 октября Ричард продиктовал еще одно письмо лорд-канцлеру, епископу Линкольнскому, который в этот момент тяжело заболел. В сложившейся опасной ситуации король хотел иметь под рукой Большую печать:

«Мы были бы более счастливы, если бы Вы могли прибыть сами. Но если Вы не имеете такой возможности, то мы просим Вас не мешкая исполнить со всем тщанием наш приказ и прислать нашу печать немедленно по получении данного послания. Мы доверяем Вам, равно как доверяем слугам, которым Вы поручите ее доставить. Просим Вас сообщить нам обо всех новостях. А здесь, хвала Господу, все устроено и готово для сопротивления злым умыслам того, кто имел самые веские причины хранить верность — герцога Бакингамского, самого вероломного из ныне живущих людей. С Божьей помощью мы скоро будем в Ваших краях и смирим его злобу. Мы уверяем Вас, что никогда еще не было столь коварного изменника, и податель сего Глостер^[149] Вас в этом убедит»^[88].

Тем временем решительный Джон Хауэрд, герцог Норфолкский, собрал достаточные силы, чтобы выслать на разведку несколько отрядов, в том числе сотню людей под командованием сэра Джона Меделлона и сэра

Джона Норбери, которые заняли город Грейвзэнд, контролировавший переправу в устье реки Темзы. Герцог также активно помогал совету готовить оборону Лондона.

15 октября Ричард выпустил публичную прокламацию, объявляя Бакингема бунтовщиком, приказывая всем своим подданным взять в руки оружие и строго запрещая причинять вред тем из слуг герцога, которые не поддержали своего господина в его заговоре. 16-го числа она была вывешена в Йорке, 17-го — в Халле. Три дня спустя король был в Грантэме, пройдя из Линкольна 40 километров по пути к Лондону. Там, в таверне Эйнджел-Инн, его нашел Роберт Блэкуэлл, один из клерков канцлерского суда, и передал из рук в руки Большую печать в белом кожаном мешочке. Виконт Ловелл уже отбыл в Банбери, чтобы встретить свой отряд, и с Ричардом оставались только четыре епископа, сопровождавший короля из самого Йоркшира граф Нортумберлендский, а также Томас, лорд Стэнли. Мотивы Томаса, чья жена стояла во главе заговора, до конца непонятны. Возможно, он хотел, чтобы его семья на всякий случай сыграла сразу за обе стороны, а возможно, счел полезным для себя действительно поддержать короля. С ним в королевской свите был и его сын Джордж, лорд Стрейндж Нокинский.

*

За исключением поторопившегося Кента, остальные центры мятежа восстали одновременно в назначенный срок — 18 октября вспыхнули Гилдфорд в Сарри, Ньюбери в Беркшире, Солсбери в Уилтшире, Эксетер в Девоне. Но к этому моменту герцог Норфолкский собрал такие силы, что смог послать отряд в Райгейт, а на следующий день выставил мощный заслон на подступах к Лондону. В результате этих быстрых и энергичных мер он разорвал связь бунтовщиков Кента и Сарри с Восточной Англией и нейтрализовал их. Мятежники двинулись из Мейдстоуна по Медуэю к Рочестеру, но герцог Норфолкский преградил им путь у Грейвзэнда. Вынужденные отказаться от наступления на столицу, сэр Джон и Ричард Гилфорды, сэр Уильям Стонор, сэр Джон Фогт, сэр Джордж Браун, сэр Ричард От, сэр Томас Льюкнор и прочие отошли со своими людьми к городу Гилфорд в ожидании новостей с юга и юго-запада.

Видя успех Джона Хауэрда, Ричард решил, что столица не нуждается в его немедленной помощи. Он издал вторую прокламацию и приказал огласить ее только в южных графствах, поскольку восстание к тому

времени было локализовано в Уэст-Кантри^[150] и южном Мидлендсе:

«Приказываем вам и твердо предписываем, чтобы тотчас после получения этой прокламации она была оглашена в каждом из графств, указанных ниже... в самых публичных местах.

Поелику наш владыка король, помня свой торжественный обет о соблюдении милосердия и законности, данный во время коронации, следует ему на деле, то он прежде всего обращается к милосердию и обещает всем полное и общее помилование. Таким образом, он верит, что все его подданные преданы ему в соответствии с их вассальными обязанностями. Его светлость собственной персоной, как хорошо известно, обещал всем партиям своего королевства беспристрастное отправление правосудия для каждого, имея полную веру в то, что все угнетатели и разорители его подданных, отвратительные прелюбодеи и развратники, вызывающие гнев и недовольство Господне, Божьим промыслом вернуться на путь истины и добродетели.

Однако Томас Дорсет, недавно еще маркиз Дорсетский, который не боясь ни Бога, ни опасности для своей души, многих разных девиц, вдов и жен отвратительным образом без стыда замучил, обесчестил и развратил, содержал бесчестную и злую женщину, а именно жену Шора, изменявшую мужу, а вместе с ним сэр Уильям Норриз, сэр Уильям Нивет, сэр Томас Буршье Барнсский, сэр Джордж Браун, рыцари, Джон Чейни, Джон Норриз, Уолтер Хангерфорд, Джон Раш и Джон Харкур Стонтонский и другие их изменнические сообщники, без соизволения короля созвали и собрали народ в помощь главным мятежникам и изменникам — герцогу Бакингемскому и епископам Илийскому и Солсберийскому. Они намеревались не только уничтожить нашего владыку и господина и других его верных подданных, разрушить мир, спокойствие и общественное благо его королевства, но и препятствовать торжеству добродетели, насаждать отвратительные пороки и грехи, как они делали в былые времена, к великому гневу Господню и дурному примеру для всех христиан.

Посему Его высочество король с его заботой и любовью к общему благу своего королевства, с его непримиримостью к порокам гарантирует, что ни йомены, ни простолюдины, принужденные и введенные в заблуждение этими предателями, прелюбодеями и развратниками, не должны пострадать физически или имущественно, если сами отступятся от дурной компании, а также не станут больше путаться с ними.

И сверх того наш владыка лорд гарантирует, что тот, кто окажет ему услугу и схватит указанного герцога и доставит к Его высочеству, получит в награду тысячу фунтов деньгами, или землю доходом в сто фунтов. И за

каждого из указанных епископов или маркиза тысячу марок деньгами или землю доходом в сто марок. И за каждого из указанных рыцарей пятьсот марок деньгами или землю доходом в двенадцать фунтов. И пусть каждый верный подданный, защитник добродетели и мира приложит руку к сопротивлению злему умыслу указанных предателей и к наказанию за великие и отвратительные пороки указанных предателей, прелюбодеев и развратников.

Пусть их верной и честной помощью добродетель восторжествует и превознесется в королевстве к чести и милости Господней, а зло будет побеждено и наказано к спокойствию и умиротворению всего верного и доброго простого народа этого королевства.

И сверх того его светлость король повелевает: да будет известно, что все, кто по какой-либо причине окажет помощь, поддержку или содействие указанным герцогу, епископам, маркизу или любому другому из изменников и предателей после оглашения этой прокламации — имуществом, продовольствием или еще чем — сами будут считаться и приниматься за изменников.

Мы нисколько не сомневаемся в вашей дружбе и верности»^[89].

Поименовав в прокламации всех врагов королевства, Ричард не упомянул о том, кто готовился снять сливки с заговора — изгнаннике Генри Тюдоре. Король по-прежнему не считал беглеца серьезной политической фигурой, несмотря на то, что Томас Хаттон специально прибыл из Бретани предупредить его о роли Тюдора, который собирался при активном содействии бретонского герцога Франсуа вторгнуться в Англию.

*

Ричард провел в Лестере смотр своей армии, в которую только что влился отряд в три сотни воинов из Йорка под командованием его друга Томаса Рэнгуиша. Он решил, что сил достаточно и ждать запаздывающих нет смысла. Утром 24 октября король повел свои войска на Ковентри. Здесь он встретился с отрядом сэра Ральфа Эштона, которого прямо на месте назначил временным заместителем лорд-констебля Англии, ибо действующий верховный констебль оказался одним из главарей мятежа. Из Ковентри армия двинулась на юго-запад, чтобы вбить клин между герцогом Бакингерским и повстанцами в Уэст-Кантри и южных графствах, а затем повернуть все силы против Бакингема, который представлял наибольшую опасность — по крайней мере, так тогда казалось Ричарду. Однако уже

через несколько часов марша он узнал, что плохая погода заставила большую часть грозных сил герцога разойтись.

Герцог Бакингамский, как и было предусмотрено планами мятежников, развернул свои знамена 18 октября и начал двигаться от Брекона на восток. Его сопровождал любопытный квартет советников: Джон Мортон, епископ Илийский, лондонский торговец Джон Раш, сэр Уильям Нивет Норфолкский и астролог Томас Нэндик из Кембриджского университета. На всем протяжении пути Бакингема терроризировали отряды под командованием местных дворян Бонов, которые нарушали его коммуникации с Уэльсом, висели на флангах, совершали налеты на окрестности замка Брекон. Шедший перед войсками герцога сэр Хамфри Стаффорд Графтонский и Блэтеруикский^[151] систематически разрушал мосты, в том числе и через Северн, блокировал проходы и устраивал засады в таких узких ущельях, что армия герцога, даже имея подавляющее численное превосходство, не могла их оттуда выбить. В конце концов Бонам посчастливилось захватить сам замок Брекон.

Массового притока добровольцев, на которых так рассчитывал Бакингам, не произошло. Герцогу удалось собрать только своих арендаторов и слуг, а также тех валлийцев, которых его офицеры смогли согнать в лагерь силой или угрозами. Атаки Бонов и сэра Хамфри Стаффорда начисто уничтожили и без того невысокий боевой дух, которым обладало войско. Проливной дождь размыл дороги, реки вышли из берегов, затопив переправы. Бурные потоки уносили дома, скот, смывали посевы. В районе Бристоля утонуло две сотни человек, по полям воды носили люльки с детьми. Еще долго местные жители вспоминали это природное бедствие, называя его «Большой водой».

Когда Бакингам остановился у Уэбли, его войско деморализовалось окончательно. Пока герцог беспомощно наблюдал за развалом армии, Джон Мортон бежал, спасая свою шкуру, сначала в Фенленд^[152] — болотистую местность у восточного побережья Англии, а оттуда во Фландрию. В конце концов сам герцог переделся простолюдином и в панике поскакал в поисках убежища на север, в Шропшир.

Ричард узнал о крахе восстания Бакингема сразу после того, как покинул Ковентри, и тут же повернул армию на Уилтшир. Когда сэр Уильям Стонор, сэр Уильям Баркли и сэр Ричард Вудвилл, стоявшие в Ньюбери, а также сэр Джон Чейни, сэр Джайлс Добни, Уолтер Хангерфорд и епископ Лайонел Вудвилл, базировавшиеся в окрестностях Солсбери, получили известие о бегстве Бакингема и быстром приближении армии

короля, они мгновенно оставили все мысли о сопротивлении. Некоторые в панике искали какое-либо убежище или тайник внутри страны, другие бежали на юг к морю, откуда пытались переправиться в Бретань.

В конце октября король Ричард вступил в Солсбери, так и не проведя ни одного сражения, за исключением нескольких мелких стычек. Через день или два туда же привезли пленного герцога Бакингерского. Он укрылся у своего слуги Ральфа Бэнестра, жившего недалеко от городишка Уэм. Движимый страхом или алчностью, Бэнестр выдал господина шерифу Шропшира, который немедленно отправил пленника под конвоем в Солсбери. Поскольку герцог был бунтовщиком, открыто выступившим против власти короля с оружием в руках, его судила комиссия под председательством заместителя констебля сэра Ральфа Эштона. Герцог признал свою вину, но отчаянно добивался единственной встречи с королем. Однако в этом ему отказали и приговорили к казни как изменника. В воскресенье 2 ноября Генри Стаффорд, второй герцог Бакингерский, взошел на эшафот, специально для него возведенный на рыночной площади Солсбери, и был обезглавлен. Бэнестр за свое предательство получил манор Йоддинг в Кенте.

Следующим утром Ричард III отправился в Уэст-Кантри. 5 ноября король был в Бридпорте, 8-го прибыл в Эксетер. По дороге он также не встретил никакого сопротивления. Даже не пытаясь вступить в схватку, маркиз Дорсетский, Кортней и большая часть их последователей погрузились на суда и отплыли в Бретань, где в конце концов собралась теплая компания: Томас Грей, маркиз Дорсетский, Лайонел Вудвилл, епископ Солсберийский, Питер Кортней, епископ Эксетерский, сэр Эдуард Кортней и Джон Уэллз^[153], наследник конфискованного титула лордов Уэллзов. Сэр Томас Сент-Леджер и двое его сообщников попали в плен. Ричард не видел причин щадить кого-либо из них, включая мужа своей старшей сестры, ставшего агентом Вудвиллов, и поэтому все трое пленников были казнены.

В скором времени перед судом в Вестминстере предстали схваченные во время подавления восстания сэр Джордж Браун, некий Клиффорд и четыре лучника из королевской личной охраны, предавшие своего господина. Эти шестеро также были приговорены к смертной казни за измену.

Не увенчалось успехом и предприятие Генри Тюдора, хотя начиналось оно многообещающе. Франсуа, герцог Бретонский, предоставил ему, по разным сведениям, от пяти до пятнадцати судов и до пяти тысяч бретонских солдат. Кроме того, Франсуа выделил Тюдору на расходы в

октябре-ноябре 13 тысяч ливров. Генри отплыл из Пемполя в самом конце октября. В первую же ночь флот был рассеян бурей, и большинству судов пришлось вернуться в Нормандию и Бретань. На следующее утро Тюдор добрался до залива Пул у побережья Дорсета всего лишь с двумя кораблями. Он выслал несколько человек на лодке, чтобы они навели справки в прибрежных деревушках. Оказалось, что берег кишит солдатами, которые кричали, что восстание идет успешно, а сами они посланы герцогом Бакингемским, чтобы сопроводить графа Ричмондского в лагерь герцога. Эта грубая хитрость не обманула Генри, который обладал звериным чутьем. Он спешно отплыл на запад в Плимут, где встал на рейде. Разведчики, вернувшиеся с берега, донесли ему, что король Ричард дошел до самого Эксетера, не встретив никакого сопротивления. Тюдор почел за благо отказаться от дальнейших действий и вернулся в Бретань. 22 ноября он был в Нанте, где получил еще 10 тысяч крон от своего друга герцога Франсуа, что позволило ему в течение некоторого времени поддерживать себя и прочих изгнанников, а одновременно плести паутину нового заговора.

В две недели Ричарду III и его капитанам удалось полностью подавить мятеж. Король оставался в Эксетере около недели, назначив комиссии, уполномоченные передать в казну имущество главных мятежников и восстановить порядок в западных, южных графствах и в Уэльской марке. Последним очагом сопротивления в Сассексе некоторое время оставался замок Бодиама. Это была мощная крепость, прямоугольная в плане, обнесенная высокими стенами с восемью башнями и стоявшая посреди небольшого искусственного озера. Командовал гарнизоном сэр Томас Льюкнор, который по зрелом размышлении решил не геройствовать и сдался Томасу Хауэрду, графу Саррейскому.

Возвращение короля Ричарда из Эксетера было достаточно мирным. 18 ноября он миновал Солсбери, затем проследовал через Уинчестер и Фарнэм к городам Кентского побережья. В Кентербери его торжественно приветствовала делегация горожан, которую возглавлял лорд Кобэм — один из заместителей Джона Хауэрда, герцога Норфолкского. Ричард вернулся в Лондон 25 ноября, через четыре месяца после того, как он покинул столицу, отправляясь в королевское путешествие. Мэр, олдермены Лондона и пять сотен лучших граждан встретили своего победоносного короля в Кеннингтоне и сопроводили его через Саутуарк и Лондонский мост к зданию королевской гардеробной, расположенной рядом с Блэкфрайерз, которую он выбрал в качестве своего временного пристанища. На следующий день в Звездной палате Вестминстерского

дворца Ричард вернул канцлеру Джону Расселлу Большую печать в том же самом белом кожаном мешочке, в котором получил ее из рук гонца в таверне Эйнджел-Инн. Свидетелями церемонии были те, кто затем играл ведущие роли в его царствовании: Томас Ротерем, архиепископ Йоркский, прощенный и восстановленный в королевской милости в качестве советника, епископы Батский и Уэллзский, Сент-Асафский, хранитель архивов Томас Бэроу, Джон Хауэрд, герцог Норфолкский, хранитель Пяти портов Уильям Фиц-Алан, граф Эранделский, Генри Перси, граф Нортумберлендский, Томас, лорд Стэнли, рыцарь королевской личной охраны сэр Ричард Рэтклифф, эсквайр королевской личной охраны Уильям Кэтсби и трое видных ученых — Джон Шервуд, епископ Даремский, Томас Лэнгтон, епископ Сент-Дэвидский, и лорд — хранитель Малой печати Джон Ганторп.

*

Восстание рухнуло отчасти из-за своей внутренней слабости и нескоординированности действий в разных частях Англии, а отчасти из-за лояльности или (что, может быть, точнее) апатии английского народа. За исключением герцога Бакингемского, маркиза Дорсетского и Ричарда Бошана, лорда Сент-Аманда, ни один лорд, находившийся тогда на английской земле, не предал Ричарда и не примкнул к повстанцам. Даже Томас Стэнли удивительным образом сохранил верность королю и активно участвовал в подавлении мятежа. Ни один город не сдался мятежникам. Англичане не рвались в массовом порядке вступить под знамена бунтовщиков, а те, кто все-таки взял в руки оружие, вскоре дезертировали. Восстание не нашло почти никакой поддержки к северу от Темзы и к востоку от Северна.

Принцип, которым король Ричард руководствовался при определении наказания, был следующим: наказывать лидеров, щадить простолюдинов. Лишь десять человек были казнены по обвинению в измене, и все они были зачинщиками или капитанами крупных отрядов мятежников. Король не преследовал простых людей, не налагал на них крупные штрафы, не отдавал их имущества на разграбление. Напротив, он помогал им вернуться к мирной жизни, причем иногда ему приходилось вмешиваться даже лично. Так, в декабре 1483 года он взял под покровительство Флоренс, жену заговорщика Александра Чейни, за ее добродетельный нрав и даровал ей право опеки над землями мужа.

Впрочем, забота о простых людях отличала Ричарда не только во время ликвидации последствий мятежа — это был один из краеугольных камней его правления. Клерк королевского совета Джон Харрингтон, например, получил ренту в 20 фунтов не только за добрую службу лордам, но особенно за сохранение, регистрацию и экспедицию прошений от бедных людей. Королевский совет помимо других обязанностей был последней инстанцией по апелляциям, и любой подданный короля мог принести туда свою жалобу на угнетения, вымогательства и другие несправедливости, которые ему чинила, скажем, местная власть. Кстати, та часть работы совета, которая касалась рассмотрения прошений от бедных и получившая значительный импульс именно во время правления Ричарда III, впоследствии была поручена Суду по ходатайствам^[154].

Простолюдины — прежде всего мелкие арендаторы, торговцы, ремесленники — любили короля. Именно для них порядок и законность были крайне важны. Ричард во многом делал ставку именно на этот слой, и это, скорее всего, было его ошибкой. Несмотря на то что недворяне составляли подавляющее большинство английского общества, они мало что значили в плане политическом и военном. В строго иерархической государственной системе народ мог существенно влиять на ход событий лишь тогда, когда его чаяния совпадали с устремлениями вельмож, а силы мобилизовывались теми же представителями аристократической верхушки. Предоставленный самому себе, он был весьма инертен.

Гораздо более перспективным казалось стремление Ричарда привлечь на свою сторону джентри — рыцарей, эсквайров и джентльменов. Но землевладельцы юга, как он уже почувствовал на собственном опыте, относились к нему с недоверием. Не полагаясь более на южное дворянство, Ричард еще активнее начал укреплять администрацию английских графств северянами. Йоркширец Уильям Молеверер занял должность уполномоченного по выморочному имуществу в Кенте, а его земляк Эдуард Редмен Хервудский был назначен шерифом Сомерсета и Дорсета. Другой Молеверер, Хэлнат, стал шерифом Девона, а Томас Хаддлстон из Камберленда — шерифом Глостершира.

В то же время Ричард III как мог пытался ограничить влияние лордов. В парламент 1484 года он призвал всего 26 аристократов, в то время как в 1453 году их заседало 44, а в первом парламенте Эдуарда в 1461 году — 41 человек. Интересно, что впоследствии столь же осторожный подход исповедовал и Генри VII Тюдор. Ричард намеренно не прибегал к такому серьезному и находившемуся исключительно в руках короля оружию ослабления аристократии, как создание новых лордов. За все время своего

правления он не пожаловал ни одного титула выходцам из джентри. Лишь несколько человек при нем получили более высокие титулы: Уильям, виконт Баркли, стал графом Ноттингемским, Джон, лорд Хауэрд, — герцогом Норфолкским, а его старший сын Томас — графом Саррейским, Эдуард, лорд Лайл, получил титул виконта.

Вслед за своим братом Эдуардом IV король продолжил борьбу со злом, которое представляла собой система ливреи и покровительства^[155]. Она заключалась в том, что лорды могли содержать отряды вооруженных людей, нанятых по контракту или взамен ренты. Такие порядки существовали чуть ли не с начала XIV века и в принципе были не особенно опасны для государства, однако могли послужить топливом для локальных волнений. Частично благодаря этой системе лидеры повстанцев смогли собрать силы, достаточные для открытого выступления против короля.

Камергер Северного Уэльса и шериф Стаффордшира получили приказы привести к присяге на верность всех жителей в пределах их юрисдикции и предупредить их, чтобы они не смели носить чьи-либо ливреи, одежду геральдических цветов, бэджи или эмблемы. Такой же приказ был направлен жителям Глостера, Бристоля, Кентербери и других городов и графств.

Ричард боролся с системой ливреи и покровительства, а также со связанными с ней напрямую феодальными распрями, не щадя даже духовных лиц. Аббат Уолтэмский должен был распустить своих воинов и внести тысячу фунтов в качестве гарантии прекращения частной войны с лордом Феррерсом, его слугами и жителями Гешанта, а Феррерса, в свою очередь, приговорили к залому на такую же сумму. Одного из рыцарей своей личной охраны сэра Мармадюка Констебла король назначил лейтенантом и личным представителем в городе Танбридж (ныне Тонбридж) и в лордстве Пенсхёрст, запретив жителям носить ливреи когонибудь другого цвета, кроме цветов королевского наместника. Своими действиями Ричард III чувствительно задевал интересы высшей аристократии, которая последнее столетие использовала систему ливреи и покровительства для притеснения своих более слабых соседей. Тем самым он опять же лишал себя поддержки тех, в чьих руках были сила и военная мощь, необходимые на поле битвы.

Но в деле управления страной, особенно теми ее частями, которые традиционно управлялись сильными семейными кланами, Ричард не мог обойтись без аристократов. Нагляднее всего это продемонстрировало падение Бакингема, в результате которого контроль над Уэльсом и

Уэльской маркой стал для правительства настоящей головной болью. Окончательного решения советники найти так и не смогли, поэтому пришлось ограничиться полумерами. Рыцарь королевской личной охраны Ричард Хаддлстон был назначен констеблем замка Бомарис, капитаном города Бомарис, шерифом острова Англси и главным лесничим Сноудонии. Эсквайр королевской охраны Томас Танстолл занял должность констебля замка и капитана города Конви, затем — шерифа Кардигана. Глава пажей сэра Джеймс Тирелл представлял королевскую власть в Гламоргане.

Учитывая влияние рода Стэнли в Северном Уэльсе, Ричарду III пришлось поделиться с ним значительной частью административных полномочий. Лорд Томас получил замок и лордство Кимбеллтон, 18 ноября ему были дарованы титул лорд-констебля Англии с доходом в сто фунтов и обширные земельные владения. Его брата сэра Уильяма король назначил верховным судьей Северного Уэльса и вскоре после этого констеблем замка и капитаном города Карнарвон. Ричард был просто вынужден вознаградить и приблизить к себе семейство Стэнли, которое сохранило ему верность во время мятежа.

Прочие должности Бакингема были розданы так: верховным судьей Южного Уэльса стал Уильям Херберт, граф Хантингдонский, а должность великого камергера Англии в последний день ноября занял Генри Перси, граф Нортумберлендский, сопровождавший Ричарда III на протяжении всей кампании. Перси также получил обширные поместья, в том числе лордство Ходцернесс в Восточном райдинге Йоркшира, принадлежавшие ранее Бакингеми. Король раздал множество более скромных наград за службу — 25 небольших рент, причем половину из них валлийцам, и ренту в 40 марок местному вождю Рису ап Томасу, что, как выяснилось позднее, ничуть не укрепило верность последнего.

Как только Ричард вернулся из Кента в Лондон, он обратил всю свою энергию на решение проблемы пиратства и принуждение Франсуа Бретонского к миру. Ла-Манш стал к тому моменту настолько опасным местом, что английские торговые караваны, перевозившие шерсть на континент, были подчас вынуждены возвращаться в порт отплытия, чтобы избежать нападения. Моряки Бретани и Англии, невзирая на начавшийся сезон осенне-зимних штормов, яростно сражались с купцами и друг с другом.

Хотя Ричард никогда не воевал на море, он в течение двадцати лет носил звание адмирала и приложил немало сил к реформированию структуры управления флотом. Его действующий лорд-адмирал герцог Норфолкский, напротив, был мастером военно-морского искусства.

Объединив усилия, король-администратор и герцог-флотоводец в течение короткого времени сумели подготовить английские военные корабли для операций против бретонцев. При любой возможности Ричард покупал иностранные суда для укрепления флота и обеспечения защиты торговым караванам. Портовые города охватила лихорадочная деятельность: корабли заново оснащались, на них грузили провизию, их укомплектовали экипажами. Захваченные бретонские суда доставлялись в гавани, королевские агенты тут же начинали готовить их к выходу в море с английской командой, а грузы распределяли между теми купцами, которые понесли убытки в морской войне. Магистратам Лондона было предписано арестовать все бретонские корабли и товары, оказавшиеся в границах города, и передать их в казну.

В середине декабря английский флот под командованием Томаса Уэнтворта вышел в Ла-Манш в поисках бретонских кораблей, чтобы принудить их к сражению. Вскоре разведчики донесли, что суда герцога Франсуа замечены у берегов Фландрии. Уэнтворт немедленно направился туда и одержал решительную победу, захватив в плен большое число бретонских моряков. Английские торговцы вздохнули с облегчением, но до окончательного решения проблемы было еще далеко. Поэтому Ричард издал строгий приказ купеческим караванам ходить только с военным конвоем.

Глава четвертая.

ПАРЛАМЕНТ РИЧАРДА

С приближением Рождества король обнаружил, что у него кончаются наличные деньги. Несмотря на практически бескровную победу над бунтовщиками, подавление мятежа стоило ему немногим меньше, чем настоящая война. Ричард еще не получил доходов с коронных земель и с традиционных королевских привилегий, но смог возместить расходы по выводу в поле армии, используя часть сокровищ, накопленных его братом и не похищенных маркизом Дорсетским. Однако для покрытия текущих затрат ему пришлось обратиться к лондонским купцам. Мэр Лондона сэр Эдмунд Ша, ювелир по профессии, приобрел 275 фунтов столового серебра за 550 фунтов стерлингов. Стивен Гардинер ссудил 66 фунтов под золотую солонку, украшенную драгоценными камнями. Прочие торговцы предложили от 40 марок до 100 фунтов за такие ценности, как украшенный золотом, драгоценными камнями и жемчугом шлем короля Эдуарда IV или золотые кубки. На обновление собственного гардероба, а также на рождественские подарки придворным и супруге король взял в долг у торговца тканями 1200 фунтов. За помощь, оказанную властями Лондона в организации займов и распродажи, Ричард III передал городу в дар плоскую чашу с крышкой из золота, инкрустированную рубинами, бриллиантами и жемчугом.

Король с супругой торжественно справили Рождество. Единственное, что омрачало им праздник, — отсутствие сына, который все еще оставался в Миддлхэме из-за слабого здоровья. Сразу после завершения празднеств Ричард III вернулся к насущным делам. Треволнения, вызванные мятежом, в Англии фактически улеглись. Но тут неожиданно прорвало континент, который окунулся в обсуждение островных проблем. Канцлер Гийом де Рошфор^[156], председательствуя на заседании Генеральных штатов в Туре, вдруг заявил, что дети Эдуарда IV были убиты, а их убийца коронован волей народа. Информацию относительно гибели принцев он узнал от своего приятеля Манчини, который недавно вернулся из Англии, но утверждение, что в ней виновен король, было личным вкладом канцлера. Неудивительно, что Рошфор превратил допущение в факт: Англия была старинным противником, и выпад в ее сторону прогнозируемо пришелся по душе аудитории. К тому же Ричарда III французы недолюбливали с 1475

года, когда узнали, что он жестко противостоял заключению мирного договора, предложенного королем Луи XI. Его совершенно справедливо отождествляли с партией войны, которая более столетия заставляла Францию истекать кровью, и постоянно демонстрировали ему свою неприязнь. Так, в начале 1483 года французы арестовали в Туре под пустяковым предлогом слугу Ричарда, бывшего на тот момент еще герцогом Глостерским.

Но Рошфор имел и гораздо более серьезные мотивы для провокационных заявлений. Франция как раз переживала все прелести царствования малолетнего короля — Карлу VIII было тогда всего 13 лет. При отсутствии сильной королевской власти конфликт между Орлеанским и Бурбонским домами мог привести к гражданской войне или к дворцовому перевороту. Одной из главных целей созыва Генеральных штатов как раз и была попытка предотвратить открытое столкновение, убедить амбициозных и сварливых принцев принять правление Совета двенадцати и регентши Анны де Боже, старшей сестры короля.

В то время, когда де Рошфор произносил свою историческую речь, Ричард опять находился на юго-востоке страны. Еще не зная об обвинениях, высказанных канцлером в его адрес, он все равно ощущал опасность, исходящую от Франции. Особенно его беспокоил Кент. Вечно недовольное, постоянно бунтующее графство лежало у самых ворот Лондона, на его побережье находились важные порты, куда первым делом проникали с континента лазутчики и дестабилизирующие слухи. В начале января король отправился в путешествие по Кенту: 10 января он прибыл в Кентербери, 16-го — в Сандвич. Оттуда Ричард разослал лордам, рыцарям и дворянам указания привести к присяге на верность все сотни ^[157] графства. В своем воззвании он поблагодарил подданных, которые сохранили верность короне или быстро покинули ряды мятежников, и объявил награду за поимку оставшихся на свободе бунтовщиков. Но основную часть прокламации занимали практические рекомендации по укреплению порядка в королевстве.

Все установления, которые Ричард пытался внедрить в подвластных ему землях, должен был узаконить парламент. Первоначально его открытие было назначено на 6 ноября, но из-за восстания сроки перенесли. Парламент собрался в Вестминстере в пятницу 23 января. Лорд-канцлер Расселл выступил со вступительной речью, главной темой для которой он выбрал срочную необходимость восстановления здоровья общества. По традиции речь была основана на библейском тексте: «В одном теле у нас

много членов, но не у всех членов одно и то же дело»^[90]. Каждый должен выполнять свой долг, говорил епископ Линкольнский: король и знатные лорды — осуществлять равное для всех правосудие с жалостью и милосердием, защищать землю от внешних врагов. Подданные — трудиться согласно своему ремеслу, чтобы удовлетворять необходимые королевские расходы. Время нынче непростое, безопасность страны подорвана вероломством французов, этих старых непримиримых врагов Англии, которые нарушили все свои клятвы и договоры. Что еще хуже, королевство повержено во тьму преступниками, восставшими недавно против своего монарха. Но эти беды отступят, если только народ используют свое благоразумие на общее благо.

Джон Расселл воспользовался аллюзией на Евангелие, заявив: «Одна драхма, десятая^[158], была потеряна внутри бесценного здания политического организма Англии. Необходимо искать ее и найти, и для этого требуется, чтобы король и все лорды духовные и светские усердно и прилежно работали во время заседаний этого парламента... И после нахождения десятой драхмы будет достигнута гармония, а политический организм Англии начнет функционировать великолепно и в течение долгого времени — здоровый, безопасный и защищенный от любых повреждений или травм»^[91].

В понедельник 26 января палата общин избрала спикером эсквайра королевской личной охраны Уильяма Кэтсби, одного из доверенных королевских советников. Парламент также принял важнейшее решение, окончательно и бесповоротно узаконившее восшествие Ричарда на трон. Он облек в официальную форму парламентского билля ту петицию, которую герцог Бакингамский летом прочитал от имени лордов и общин королевства в Вестминстере. Билль, получивший имя *Titulus Regius*, благодаря своей интересной судьбе^[159] стал одним из самых известных в истории Англии:

«Да соблаговолит Ваша благородная светлость преклонить свое внимание к рассмотрению петиции от нас, лордов духовных и светских и общин королевства Англия, и благосклонно дать на сие свое согласие для публичного и общественного блага этой страны, для успокоения и радости всех ее людей.

Прежде всего мы полагаем, что в прошлые времена наша страна много лет поддерживалась в великом процветании, славе и спокойствии, которые имели своей причиной то, что правившие в то время короли прислушивались и следовали советам и рекомендациям заслуживающих

доверия лордов духовных и светских, а также прочих лиц, доказавших свою мудрость, благоразумие, предусмотрительность и опытность, что они боялись Бога и проявляли искреннее усердие и стремление к беспристрастному отправлению правосудия, к общественному и политическому благу страны. В то время нашего Господа боялись, любили и почитали, в то время в стране царили мир и спокойствие, согласие и любовь среди соседей. В то время злые умыслы внешних врагов получали жестокий отпор, а страна с честью защищала себя, одерживая многие великие и славные победы. В то время торговые связи крепили и расширялись. Благодаря вышепоименованным обстоятельствам земля была богатой, а купцы и ремесленники, как и другие скромные люди, зарабатывали себе на жизнь каждый своим занятием, имели достаточный доход для поддержания себя и своих семей, избегая жалкой и невыносимой бедности. Но затем, когда владеющие и правящие этой страной, склонившись к лести и подхалимству, погрузившись в сладострастие и похоть, начали следовать совету особ надменных, злобных и чрезмерно жадных, презирать советы достойных, добродетельных и благоразумных, каковые упоминались выше, то и преуспеяние этой страны уменьшалось с каждым днем, счастье сменилось невзгодами, а процветание — бедой. Политический порядок, закон Божий и человеческий стали нарушаться. И таким образом это королевство — да защитит его Господь! — впало в крайнюю нищету и запустение при отсутствии должных мер по его исцелению, которые следовало бы принять со всей возможной поспешностью.

Сверх того мы полагаем, что помимо прочих обстоятельств во время правления недавно скончавшегося короля Эдуарда IV, после безнравственного мнимого (как вся Англия имеет основание заявить) брака, заключенного между упомянутым королем Эдуардом IV и Элизабет, бывшей женой сэра Джона Грея, рыцаря, впоследствии именовавшей себя много лет, вплоть до нынешнего времени королевой Англии, порядок всего политического правления был извращен. Законы Бога и Божьей церкви, а также законы мира, как и законы Англии, а также ее похвальные обычаи и вольности, наследником которых был каждый англичанин, сокрушены, ниспровергнуты и нарушены вопреки здравому смыслу и справедливости. Из-за этого страна оказалась во власти своевольных и ищущих утех, во власти страха и ужаса, а справедливость и закон были отринуты и презрены, от чего последовало много беспокойства и вреда — вроде убийств, вымогательств, притеснений бедных и беспомощных людей. Никто не был уверен в сохранности своей жизни, земли, средств к

существованию, жены, дочери, слуги, а каждая добропорядочная девушка или женщина пребывала в страхе быть изнасилованной и обесчещенной. И кроме того, разлад, междоусобные сражения, пролитие христианской крови, а особенно уничтожение благородных родов этого королевства имели место и совершались в этой стране, что очевидно и засвидетельствовано по всему королевству, к большому горю и печали всех истинных англичан.

Также мы полагаем, что вышеупомянутый мнимый брак между вышеназванным королем Эдуардом и Элизабет Грей, весьма вероятно, был заключен без ведома и без согласия лордов этого королевства, а также при помощи магии и колдовства, совершенных упомянутой Элизабет и ее матерью Жакеттой, герцогиней Бедфордской — так свидетельствует общественное мнение и глас народа, равно как и слухи, распространившиеся по всей стране. И это, если потребует и когда потребует дело, может быть доказано в любое время в любом месте. А еще мы полагаем, что указанный мнимый брак был заключен в частном порядке и тайно, без оглашения, в частных палатах, в мирском месте, а не открыто перед лицом церкви по законам Божьей церкви, но вопреки сему и похвальным обычаям английской церкви.

Также на момент заключения вышеупомянутого мнимого брака — и до, и долгое время спустя — упомянутый король Эдуард состоял в браке и бесспорно был помолвлен с дамой Элинор Баттелер, дочерью старого графа Шрусберийского, с которой упомянутый король Эдуард заключил брачный предконтракт задолго до того, как вступил в указанный мнимый брак с упомянутой Элизабет Грей способом и по форме, указанным выше. Если перечисленные пункты соответствуют истине, а они действительно соответствуют истине, то из них явствует и следует, что упомянутый король Эдуард при его жизни и указанная Элизабет пребывали совместно в греховном и отвратительном прелюбодеянии, в нарушение закона Бога и Его церкви. Посему неудивительно, что повелитель и господин, владыка этого королевства, имея такие безбожные склонности и провоцируя гнев и негодование Господа Бога нашего, стал причиной того, что ужасные беды и беспокойства, перечисленные выше, распространились и совершались среди подданных королевства. Также очевидно явствует и следует, что все потомство и дети указанного короля являются бастардами и не могут наследовать или претендовать на какое-либо наследство, согласно закону и обычаю Англии.

Сверх того мы полагаем, что впоследствии тремя сословиями королевства, собравшимися в парламент и заседавшими в Вестминстере на

17-м году правления упомянутого короля Эдуарда IV, обладавшего на тот момент короной и королевским титулом, посредством принятого тем парламентом акта был осужден и подвергнут аттинктуре за государственную измену, как подробно заявлялось в том самом акте, Джордж, герцог Кларенский, брат упомянутого короля Эдуарда, ныне покойный. Вследствие и по причине этой измены все потомство указанного Джорджа было и остается неспособным и лишенным прав и претензий, которые каким-либо образом они могли бы иметь на наследование короны и королевского титула этого королевства согласно древнему закону и обычаю этого королевства.

Таким образом, мы считаем Вас несомненным сыном и наследником Ричарда, покойного герцога Йоркского, истинным наследником указанной короны и королевского титула — как по наследному праву на титул короля Англии, так и потому, что в настоящее время доподлинно установлено, что нет кого-либо еще, кто бы мог по праву претендовать на указанные корону и королевский титул в порядке наследования, а равно из-за того, что Вы родились в пределах этой страны. По всем этим основаниям, как мы считаем, Вы будете наиболее естественным образом расположены заботиться о процветании этой страны и общем благе, ибо все три сословия королевства имеют или могут иметь вполне определенную уверенность в Вашем рождении и происхождении, о чем сказано выше. Мы также полагаем, что великий ум, осмотрительность, справедливость, царственная доблесть, а также памятные и славные деяния в различных битвах, как нам известно из опыта, Вы всегда обращали во спасение и защиту этого королевства. Великим благородством и превосходством Вашего рождения и крови Вы обязаны происхождению от трех наиболее благороднейших королевских домов христианского мира — а именно Англии, Франции и Испании...

Кроме того, по настоянию и с согласия указанного [парламента] да будет предписано, принято и постановлено, что указанные корона и королевский титул, а также их наследование, а также все прочее, связанное с этим королевством, отныне едино и неделимо по праву принадлежит, остается и пребывает в особе нашего господина и повелителя короля до конца его жизни, а после его смерти — в его наследниках. И отдельно по настоянию и с согласия указанного [парламента] да будет предписано, принято, постановлено, решено и объявлено, что высокородный и светлейший принц Эдуард, сын нашего господина и повелителя короля, является безусловным наследником нашего господина и повелителя короля, наследующим указанную корону и королевский титул со всем к ним

прилежащим, как сказано выше, которые после кончины господина и повелителя короля получит он, а затем его наследники, законным образом от него рожденные»^[92].

*

Разобравшись с крайне важной и сложной проблемой престолонаследия, парламент перешел ко второму, не менее существенному вопросу о наказании участников недавнего мятежа. Лорды и общины приняли акт аттинктуры против главных зачинщиков восстания, в общей сложности включивший в себя 100 человек, а также уполномочил короля распоряжаться землями, конфискованными в результате его исполнения. В числе осужденных назывались покойный герцог Бакингамский и еще трое мятежников из Брекнока. Затем шли так называемые графы Ричмондский и Пемброкский, намеревавшиеся вторгнуться в Англию. После них следовали сэр Джордж Браун Бетчуортский, сэр Джон Фогг и еще 26 бунтовщиков из Кента и Сарри. Далее перечислялись сэр Уильям Норрис, сэр Уильям Стонор и 12 беркширских мятежников. В Уилтшире наказанию подверглись сэр Джон Чейни и еще 32 человека, в Эксетере — маркиз Дорсетский, сэр Томас Сент-Леджер, два Кортнея и еще 14 восставших. Список замыкали три предателя-епископа — Илийский, Солсберийский и Эксетерский, которые были лишены своих светских владений.

Есть ли основания считать, что Ричард поступил со своими противниками слишком жестоко? Напротив, его можно упрекнуть в излишней снисходительности по отношению к врагам. Во-первых, имущественные права жен повстанцев были сохранены за единственным исключением — владения вдохновительницы заговора Маргарет Бофорт, матери Генри Тюдора, были переданы в пожизненное управление ее мужу Томасу, лорду Стэнли, да и аттинктуре она не подверглась. Во-вторых, по меньшей мере треть осужденных получила в конечном счете прощение от Ричарда III, и среди помилованных оказались даже вожди мятежа вроде епископа Илийского, сэра Джона Фогга, сэра Уолтера Хангерфорда и сэра Ричарда Вудвилла Уимингтонского^[160]. В-третьих, многие из тех, кто заслуживал самого строгого наказания, вообще не попали в акт. Например, Рейнолд Брей, верный слуга графини Ричмондской, связанной между ней и Джоном Мортонем, получил прощение за две недели до начала первой сессии парламента — несомненно, благодаря заступничеству лорда Стэнли.

Далее парламент принял важнейшие экономические акты и билли, защищавшие права личности. Эти всесторонне обдуманые и полезные для страны документы были разработаны королем и его советом. Массовые конфискации имущества во время войн Роз, а также упадок общего права породили множество различных трюков, изобретенных для отбора имений обманным путем, что привело в хаос и практически разрушило традиционные способы передачи земли от одного владельца другому. Люди обнаруживали, что их право собственности оспаривается на таких основаниях, о которых они никогда не слышали, многие разорялись в бесконечных судебных процессах.

Первый акт запрещал тайную и скрытую передачу земельной собственности — то есть такую практику, когда продавец земли скрывал от покупателя, что часть продаваемого имущества уже приобретена кем-то другим. Второй закон был призван не допустить маскировки передачи прав собственности под видом штрафов. Третий акт отменял прямое вымогательство денег, распространенное при Эдуарде IV и стыдливо именовавшееся беневоленциями: права короля на подобные «добровольные» займы аннулировались навсегда.

Еще три акта были направлены на совершенствование и реформирование процедуры правосудия: король стремился добиться того, чтобы суды сложнее было использовать в качестве инструмента вымогательства и угнетения. Первый акт исправлял нарушения в тех судах, которые занимались преступлениями, совершенными на ярмарках, — такие судебные заседания проходили под председательством бейлифа или управляющего землями, на которых проводилась ярмарка. Вторым требовал избирать в присяжные только людей доброго имени и репутации, как минимум владевших фригольдом доходом 20 шиллингов в год или копигольдом^[161] доходом 26 шиллингов восемь пенсов. Шерифы и бейлифы, допустившие выборы присяжных ненадлежащего имущественного состояния, подлежали штрафу в 40 шиллингов, а все обвинения, выдвинутые неквалифицированным жюри, объявлялись недействительными.

Последний закон был призван защитить права арестованных: мировым судьям предоставлялось право выпускать их под залог, а имущество лиц, задержанных по подозрению в совершении тяжкого преступления, запрещалось изымать до обвинительного приговора.

Общины также проголосовали за предоставление Ричарду традиционных королевских субсидий, за пошлины с тоннажа судов, а также с веса импортируемых и экспортируемых товаров, за налог на вывоз

шерсти и шкур. Под конец заседания прошли и частные акты: виконт Ловелл и сэр Джеймс Тирелл получили земли, на которые они претендовали, была удовлетворена петиция графа Нортумберлендского, просившего вернуть ему все земли, конфискованные у дома Перси во времена Генри VI.

*

Парламент под руководством короля Ричарда проделал колоссальную работу. Это был если не прорыв в правовом строительстве, то по крайней мере большой шаг вперед. Но проблемы страны далеко не исчерпывались делами, которые были решены лордами и общинами. Осенний мятеж показал ненадежность южного дворянства, и для надлежащего управления королевством Ричарду требовались на местах люди проверенные и решительные. Единственным «кадровым резервом», которым он располагал, был все тот же Север. Политические изъяды этого шага были очевидны не только для современников, но и для самого короля, однако другого выхода он найти не мог. Приток северян на юг усилился, и тем самым Ричард выступил против традиционных «общин графств», состоявших из местных дворянских фамилий, связанных между собой кровными узами, браками и общими интересами — пусть и не в такой степени, как на севере страны. Кроме того, в задачи пришлых слуг короля отнюдь не входила быстрая и спокойная ассимиляция. Напротив, им предписывалось играть доминирующую роль, на что недвусмысленно указывал сам Ричард в письме жителям города Тонбридж, назначая туда своим лейтенантом сэра Мармадюка Констебла.

После принятого парламентом акта об аттинктуре король получил возможность раздавать конфискованные у мятежников земли, из которых северяне получили значительную часть. Сэру Томасу Молевереру были пожалованы замок и поместье Плимптон в Девоне, сэру Томасу Эверингему — замок и город Барнстапл, замок и манор Торрингтон в Северном Девоне, четыре манора в Сомерсете, маноры в Оксфордшире и Беркшире. Ральф Невилл, граф Уэстморлендский, получил земли сэра Джайлса Добни в Сомерсете. Джон, лорд Скруп Болтонский, стал владельцем Бови-Трейси в Девоне, Мартока в Сомерсете и двух маноров в Корнуолле. Томасу, лорду Стэнли, достался манор Уэст-Лидфорд в Сомерсете, сэру Ричарду Рэтклиффу — земли Кортнеев в Девоне, приносящие годовой доход в тысячу марок. Маноры в графствах

Уилтшир, Дорсет и Сомерсет были пожалованы Ричарду, лорду Фиц-Хью, Джону, лорду Зушу, сэру Джону Сэвиллу, сэру Томасу Маркенфилду, Эдуарду Рэтклиффу (брату сэра Ричарда), Эдуарду Редмену, Джону Масгрейву и Джону Несфелду.

Король Ричард был тем более вынужден расставлять на местах своих людей, что он продолжал думать о войне с Шотландией, несмотря на то, что оттуда постоянно прибывали миротворческие миссии: последняя приезжала в ноябре, очередная ожидалась в марте. Однако шотландские послы не получали содержательного ответа на свои инициативы: Ричард понимал, что для ведения успешной дипломатической игры с континентальными властителями ему нужно надежно защитить тыл, и в данном случае лучшей защитой он считал нападение в полном соответствии со своими личными воинственными наклонностями и давним враждебным отношением к соседнему королевству. Ему необходимо было выстроить систему военного набора на землях южнее Лондона, ибо он не хотел и далее взваливать все тяготы войны исключительно на плечи северян.

Намерения Ричарда III возглавить новый поход на Шотландию были весьма серьезными. 18 февраля 1484 года он писал сэру Джону Мордаунту и Уильяму Солсбери:

«Верным и возлюбленным горячий привет. По совету лордов духовных и светских нашего королевства, недавно собиравшихся в нашем Вестминстерском дворце, мы с Божьей милостью приняли твердое решение лично вести королевское войско на земли наших врагов и противников шотландцев в начале грядущего лета, чтобы покорить их и причинить им все возможное беспокойство как на море, так и на суше. Тем самым мы защитим от тревог как наше королевство (чего мы и стремимся достичь), так и честь нашу и кровь нашу, и верных вассалов, населяющих нашу землю и наследующих в нашей земле. Мы, имея твердую и совершенную уверенность в вашей доброй воле, содействии и поддержке этого нашего великого похода, а также зная, насколько полезно и необходимо будет для нас ваше участие в нем, желаем и просим вас непременно и несмотря ни на что по получении этого письма прибыть лично на нашу службу в указанном походе с должным сопровождением и оснащением для войны, сообразным вашему рангу. С наступлением первого дня мая вы должны быть готовы и без задержки выступить с нами в указанный поход с сопровождением, указанным выше. Окажите доверие подателям сего и сообщите нам через них ваши намерения и соображения, а также какую помощь мы должны ожидать от вас, ибо мы весьма доверяем

вам.

Скреплено нашей печатью в Лондонском Тауэре, в 18-й день февраля.

И поскольку мы с Божьей помощью предполагаем выступить в поход в указанный день 1 мая, то для нашего спокойствия будьте в нашем городе Ньюкасл уже в последний день текущего месяца»^[93].

Готовясь к войне, Ричард позаботился первым делом о восстановлении курьерской эстафеты, которую король Эдуард наладил во время шотландской кампании 1482 года. Благодаря ей сообщение в день могло преодолеть расстояние в 150 километров, что для того времени было потрясающим достижением.

Покойный король не был склонен уделять серьезное внимание новым видам военной техники, хотя порох использовался уже более века, в том числе и во Франции, где Карл VII и Людовик XI создали мощный артиллерийский корпус. Орудия были крайне ненадежными, и часто солдаты считали собственное оружие более опасным для себя, чем для врага. Что говорить, если Джеймс II, король Шотландии, погиб из-за разрыва пушки! Впрочем, Эдуард IV использовал орудия в боях и накопил некоторое их количество в Лондонском Тауэре. Ричард в данном случае больше доверял опыту Уорика, который весьма серьезно относился к возможностям пороха: во Второй битве при Сент-Олбенсе в 1461 году он экспериментировал с фламандскими стрелками, вооруженными ручными бомбардами, а при осаде ланкастрианских замков в 1462–1463 годах эффективно использовал пушки. За годы, проведенные при дворе графа Уорикского, Ричард проникся уважением к этому оружию, хотя все же считал артиллерию вторичным родом войск по сравнению со знаменитыми английскими лучниками.

В течение первых месяцев 1484 года Ричард заложил основу обширного артиллерийского арсенала в Тауэре. Роджер Байкли получил приказ нанять плотников, каретников и других мастеров, чьи умения были необходимы для изготовления пушек и прочих необходимых для артиллерии вещей. На службу был взят канонир Уильям Нел, которому полагалась пожизненная рента — шесть пенсов в день. В его задачи входило обустройство орудиями Тауэра и других крепостей. Ричард нанял трех опытных фламандских мастеров: Патрик де ла Мот был назначен главным пушкарем, а Теобальд Ферроунт и Гланд Пиро — канонирами. За 24 фунта король приобрел два десятка новых пушек и две серпантины^[162].

Перед Ричардом встала необходимость решить одновременно несколько задач, связанных с морем: нейтрализовать бретонский флот и

французских корсаров, а также принять меры против английских пиратов, которые осложняли его отношения с дружественными державами. Энергичная морская кампания, которую он провел против Бретани зимой, уже принесла свои плоды. Чтобы закрепить успех, в начале весны в море вышел флот под командованием Джона, лорда Скрупа Болтонского, который действовал весьма решительно. В конце апреля герцог Франсуа отвел свои потрепанные корабли в порты и пообещал в течение года соблюдать перемирие и торговое соглашение, заключенные еще с королем Эдуардом IV.

Флибустьеры из Восточной Англии, Девона и Корнуолла не только грабили бретонские и французские суда, но и нападали на торговые корабли Испании и Бургундии, хотя своих соотечественников обычно не трогали. Ричард получал множество исков о возмещении ущерба от бургундских и испанских торговцев к людям из Фоуи и Плимута. Для пресечения бесчинств корсаров он направил своих доверенных слуг в портовые города, чтобы расследовать все случаи пиратства и привлечь виновных к ответственности. Ричард расширил полномочия Адмиралтейства. Он потребовал от владельцев и капитанов судов залога в качестве гарантии того, что они никогда не нападут на корабль дружественной державы. Городские магистраты, позволившие судам покинуть порт без внесения залога, должны были нести персональную ответственность за все убытки, которые те могли причинить. Ричард вел сложные переговоры с Бургундией об урегулировании прошлых претензий, добился примирения с испанскими торговцами, предоставив им таможенные льготы. Эти меры в течение года восстановили доверие купцов и ограничили пиратство.

*

Перед далекой и опасной экспедицией Ричард решил покончить с добровольным заточением в Вестминстерском аббатстве вдовствующей королевы. Мало того что ее затянувшееся пребывание в святилище ставило короля в неловкое положение перед иностранными монархами — оно давало превосходный повод для всякого рода мятежников и заговорщиков.

Отношения Ричарда с Элизабет Вудвилл были всегда далеки от идеальных, но после смерти ее мужа они еще больше обострились. Сначала вдова открыто выступила против его попыток взять власть в свои руки и проиграла. Затем Ричард лишил ее детей трона и объявил их

незаконнорожденными, а спустя недолгое время они погибли. Парламент отобрал у Элизабет имущество за то, что вместе со своими родственниками она вступила в заговор против протектора, а ее брат Энтони и один из сыновей были казнены. Вдовствующая королева обещала руку дочери объявленному изменником Генри Тюдору, ее сын и братья скрывались от королевского правосудия в Бретани.

После всего этого договориться с Элизабет миром было нелегко, но тем не менее Ричард надеялся на ее здравый ум, в котором никто никогда не отказывал вдовствующей королеве. Он не стал подкупать ее чрезмерно щедрыми обещаниями, но первым делом постарался обелить себя там, где он был невиновен. Элизабет понимала, что непосредственно король не причастен к убийству принцев в Тауэре, и подозревала, кто был истинным вдохновителем этого злодеяния, ибо точные сведения о гибели ее детей поступили от герцога Бакингемского. Остальные же ее родственники, в общем, пострадали за дело, хотя к ним не всегда применялись законные меры. 1 марта 1484 года Ричард торжественно принес клятву:

«Я, Ричард, божьей милостью король Англии и Франции, лорд Ирландии в присутствии лордов духовных и светских, мэра и олдерменов моего города Лондона, обещаю и клянусь *verbo regio*^[163], возложив руку на это святое Евангелие, что если дочери дамы Элизабет Грей, называвшей себя в прошлом королевой Англии, а именно Элизабет, Сесил, Энн, Кэтрин и Бриджит выйдут ко мне из святилища Вестминстера и будут мною направляться, управляться и опекаться, то я прослежу, чтобы их жизни ничего не угрожало, чтобы никто не причинил вреда никому из них, ни их телу, ни их персоне путем насилия или бесчестья против их воли. Ни они, ни кто-либо из их окружения не будет заключен в Лондонский Тауэр или другую тюрьму. Я помещу их в почтенные места с добрым именем и репутацией, где с ними будут честно и обходительно обращаться, где они будут иметь все требуемое и необходимое для содержания и обеспечения, достойного моих родственниц. Я выдам их замуж за человека благородного происхождения и каждой из них выделю землю и имущество с ежегодным доходом 200 марок в пожизненное владение. И за каждым таким джентльменом, женившимся на них, я буду строго следить — чтобы они любили их и обращались с ними как с женами и моими родственницами во избежание моей немилости.

Сверх того, с этого момента я буду ежегодно платить сам, или обеспечу такие платежи на содержание указанной дамы Элизабет Грей на время ее земной жизни, которые будут производиться четыре раза в год, а именно на Пасху, в середине лета, на день святого Михаила и на Рождество.

Джону Несфелду, одному из эсквайров моей личной охраны, который будет находиться при ней, на его содержание [будет выплачиваться] 700 марок в полновесной английской монете равными долями. И кроме того, я обещаю, что если по их поводу мне будет высказано какое-либо подозрение или сделан на них донос, я не дам сему ни веры, ни доверия, и следовательно, не подвергну их никакому наказанию, прежде чем они или любая из них таким образом обвиненная не получат возможности законно защитить себя и оправдаться»^[94].

Элизабет Вудвилл после долгих колебаний и уговоров сочла для себя возможным поверить Ричарду, в чем ей после никогда не пришлось раскаиваться, ибо король добросовестно исполнил все свои клятвы. Спустя некоторое время доверие Элизабет к королю укрепилось настолько, что она смогла убедить своего сына маркиза Дорсетского оставить Генри Тюдора и вернуться в Англию, где ему было обещано благосклонное отношение Ричарда III. И действительно, маркиз как-то ночью в одиночку попытался бежать, однако его догнали эмиссары возмущенного Тюдора во главе с Хамфри Чейни и где уговорами, где силой принудили вернуться.

*

Английские священнослужители, приурочившие к сессии парламента свою конвокацию^[164], по итогам дебатов и обсуждений направили обращение к королю, выдержанное в самых уважительных тонах. В нем содержалась просьба о защите их древних и законных привилегий. В те времена духовенство управлялось согласно собственным законам и формально не подчинялось светской власти. Так, налоги на церковные владения и имущество устанавливались самими священнослужителями на конвокациях. Светский суд не имел права привлечь к ответственности духовное лицо, а уж тем более наложить на него арест — это была исключительная прерогатива епископского суда. Однако же на практике представители светской власти частенько нарушали права священнослужителей. Нередки были случаи, когда бейлифы с вооруженными помощниками врываются в церковь даже во время мессы, хватали священника и заставляли предстать перед светскими судьями, которые выносили свой приговор. Ричард III охотно подтвердил свободы и привилегии церкви, как это сделал в свое время его брат Эдуард IV, ибо он нуждался в поддержке духовенства. Но король не преминул напомнить

епископам, что кроме прав у них есть и обязанности. Королевская власть готова защищать священнослужителей, а те в свою очередь должны озаботиться поддержанием порядка и общественной морали:

«Заверяем вас, что помимо прочих светских дел и забот наше главное намерение и горячее желание — видеть, как добродетель и праведная жизнь прогрессирует, растет и множится, а пороки и все другое, противное добродетели, вызывающее сильное возмущение и гнев Господа, обуздывается и уничтожается. Поддержка и исполнение сего в полной мере лицами высокого ранга, происхождения и достоинства побудит не только людей более низкого положения брать с них пример и следовать ему, но и Господа в великой и бесконечной благодати Его склониться благодушно и милостиво к нашим просьбам и молитвам.

Доподлинно известно, что под любой юрисдикцией, в том числе и в области вашего пастырского попечения, есть многие как среди духовенства, так и мирян — кто сбился с истинного пути добродетели и праведной жизни, кто являет собой пагубный пример для других и вызывает омерзение у добрых людей.

Поэтому мы просим, именем Господа душевно закликаем и требуем от вас, чтобы согласно принятому вами обету вы отделяли в пределах вашей юрисдикции таковых лиц от добродетельных и способствовали наказанию преступления и пороков, которые должны быть искоренены, обузданы и наказаны соответствующим образом за дурные дела, чтобы не щадили их из любви, покровительства, страха или приязни, будь преступники духовными лицами или мирянами. Можете быть уверены, что мы окажем вам нашу поддержку, помощь и содействие, если того потребует дело, и сурово накажем этих отвратительных нарушителей, если таковые отыщутся.

Если вы будете усердно делать и исполнять это, вы совершите угодное Господу дело. Мы же передадим таковых духовных особ на ваше пастырское попечение, чтобы они были судимы и наказаны за свои преступления в соответствии с установлениями и законами Святой церкви. И если по поводу исполнения ваших обязанностей к нам поступит какая-либо претензия или предложение, мы передадим ее рассмотрение на суд нашего кузена архиепископа Кентерберийского, кардинала. Таким образом, исполняя все вышесказанное, вы заслужите себе большую честь, а нам доставите особое удовлетворение»^[95].

В обществе невежественном и часто жестоком церковь, по мнению Ричарда, была единственной силой, способной защищать нравственность. Тот факт, что и в ее ряды проникли элементы разложения, крайне

расстраивал короля, придававшего морали в средневековом ее понимании громадное значение. Во всех своих прокламациях, приказах и публичных выступлениях он обязательно посвящал значительное место моральным вопросам. Ричард III был глубоко религиозным человеком и считал преступления против общественной нравственности такими же недопустимыми, как и против королевского закона. Заботу о добродетельности своих подданных Ричард выказал в письме Леонарду де Прато, рыцарю-иоанниту, комиссару ордена в Англии и Ирландии:

«Узнали мы, о прославленный рыцарь, от великого магистра и капитула Родоса, что заботы и попечительство о религиозных домах ордена Святого Иоанна Иерусалимского, находящихся под нашим правлением и в пределах нашего королевства Англии и лордства Ирландии, вверены Вам по причине Вашей испытанной и исключительной верности, преданности и честности. Итак, поскольку Вы собираетесь прибыть сюда и принять бремя, возложенное на Ваши плечи, Вы просите нас, чтобы Вам были дарованы и предоставлены свободный доступ и свободный выезд из наших владений, равно как и свобода исполнять свои обязанности. В связи с этим мы, считая Вашу просьбу справедливой и обоснованной и руководствуясь как нашим религиозным усердием, рвением и чувством, так и нашей искренней любовью и расположением к Вашему королю нашему брату, даруем Вам разрешение прибыть, а когда Ваша святая цель будет полностью достигнута в соответствии с Вашими полномочиями, право отбыть. Мы просим Вас при исполнении своих обязанностей быть добросовестным и усердным в делах расследований, исправлений и улучшений. Мы молимся, чтобы Ваша забота, продемонстрированная повсюду, обратилась к Вашей чести и внесла вклад в благополучие и процветание общественной нравственности»^[96].

Себе в вину он ставил только казнь лорда Хейстингса, которая действительно была совершена противозаконно, хотя и под давлением обстоятельств. Что касается его незаконнорожденных детей, то это никоим образом не противоречило моральным устоям того времени, ибо они появились на свет до его брака. Бастарды были включены в общественную систему XV века на четко определенных правах, незаконнорожденных детей имели не только короли, но и многие магнаты королевства, в частности, Джон, герцог Бедфордский, Хамфри, герцог Глостерский, Джон Холланд, герцог Эксетерский, Уильям Невилл, граф Кентский, и многие другие.

Однако свои отношения с церковью Ричард III не ограничивал одними назиданиями. Он проявлял искреннее внимание к ее нуждам, и в первую

очередь к несчастьям, случавшимся с простыми служителями. Узнав, что приор Карлайла с огромным трудом собрал восемь фунтов, чтобы оплатить королевскую лицензию, Ричард приказал вернуть приору деньги. Когда до него дошло известие, что в аббатстве Крейк, что в графстве Норфолк, сгорела церковь, король послал аббату 46 фунтов 13 шиллингов и четыре пенса на ее восстановление.

У него хватало времени и сил следить, чтобы простые люди — хоть священники, хоть миряне — не чувствовали себя ущемленными или обиженными. Он пожаловал ренту в четыре фунта клерку Джону Бентли для покрытия расходов на обучение в Оксфорде. Двум своим менестрелям, Роберту Грину и Джону Хокинсу, чья игра ему очень понравилась, король предоставил ренту в 10 марок каждому. Его верный секретарь Джон Кендалл в течение зимы получил дополнительную ежедневную плату в шесть пенсов и пожизненную ренту в 80 фунтов. Войдя в тяжелое положение кредиторов герцога Бакингемского, безвинно пострадавших после казни последнего, король поручил лорду — верховному судье Англии сэру Уильяму Хасси, Уильяму Кэтсби и нескольким другим уполномоченным выплатить долги герцога из доходов, приносимых конфискованными у Бакингема землями. Он также приказал погасить счета на 27 фунтов, предоставленные Ричардом и Роджером Бейкерами из Брекнока за хлеб и пиво, доставленные ко двору Бакингема и не оплаченные им.

Глава пятая.

СОВЕТ СЕВЕРА

Устроив помолвку своей внебрачной дочери Кэтрин с Уильямом Хербертом, графом Хантингдонским, и пожаловав будущим супругам аннуитет в 400 марок, Ричард покончил со всеми делами, удерживавшими его в Лондоне. В первую неделю марта король с женой покинули столицу и отправились на север. Эту поездку он затеял, чтобы решить две задачи. Первая состояла в том, чтобы превратить Ноттингем в главную военную базу. Ричард считал, что этот город в сердце его владений превосходно подходит на роль центра, откуда сподручнее всего руководить обороной страны. Наступившая весенняя погода могла спровоцировать очередное вторжение в Англию мятежников, затаившихся на континенте. Вторая цель была очевидна для всех и заключалась в подготовке вторжения в Шотландию.

По пути Ричард и Энн остановились в Кембридже — городе ученых, который король любил больше, чем Оксфорд. Там супруги провели несколько счастливых дней в умиротворяющей атмосфере философских рассуждений и диспутов — король с удовольствием погрузился в беседы с теологами. Также в Кембридже Ричард предпринял еще одну попытку наладить отношения с Францией. Он как раз посылал Томаса Лэнгтона, епископа Сент-Дэвидского, в Рим к доктору Джону Шервуду, епископу Даремскому, который представлял Англию в Ватикане. Король дал Лэнгтону дополнительное задание — побывать по пути при французском дворе и склонить французов к перемирию.

Ричард III внес солидные пожертвования университету и особенно Королевскому колледжу, которому он покровительствовал, после чего отправился дальше. 15 марта королевская чета прибыла в Бакден, а спустя несколько дней уже пересекла гряду холмов, окружавшую Ноттингем. Вскоре супруги вступили под своды массивного замка, гордо возвышавшегося над городом. Здесь они задержались надолго — король с головой погрузился в организацию обороны страны. Своими тревогами и заботами он поделился в письме, направленном мэру и горожанам Йорка:

«Верным и возлюбленным наш горячий привет. Дело обстоит так, что злокозненные субъекты, как в городе Лондон, так и в прочих областях нашего королевства, ежедневно пытаются распространять слухи и клевету против нашей персоны, а также против многих лордов и благородных

людей нашего королевства, что могло бы смутить простой народ и отвратить его умы от нас, если бы им каким-либо образом удалось исполнить свои вредные намерения и умыслы. Некоторые подбрасывают письма, некоторые передают и измышляют вероломные и гнусные слова и ложь, некоторые ведут бесстыдные и дерзкие речи, из-за чего невинные люди, которым следовало бы жить в покое, мире и верности, в покорности нам, как им положено, вводятся в заблуждение, а их жизни, земли и имущество тем чаще подвергаются опасности, чем чаще они следуют примеру и советам указанных мятежных и злонамеренных лиц, к нашей тревоге и жалости.

Для исправления сего и ради истины все подобные лживые и надуманные измышления должны публично пресекаться.

Недавно мы призвали к себе мэра и олдерменов города Лондон, а также наиболее рассудительных и благоразумных горожан указанного города в большом числе, и в присутствии многих духовных и светских лордов нашего королевства и членов нашего двора мы полностью раскрыли свои истинные намерения и мысли обо всем, что вызывает слухи и клевету, и посему мы не сомневаемся, что все благожелатели успокоились и останутся таковыми. Тогда же мы прямо приказали упомянутому мэру и всем остальным нашим должностным лицам, слугам и верноподданным (где бы они ни находились), чтобы отныне при выявлении какого-либо лица, злословящего нас, любого лорда или благородного человека нашего королевства, они задерживали и арестовывали это лицо и дознавались, от кого он или они слышали то, что потом сами говорили. И таким образом следует идти от одного к другому, пока не будет схвачен и наказан по заслугам автор и сочинитель указанных крамольных слов и речей. А кто обнаружит крамольные письма, вывешенные в любом месте, он должен сорвать их и, не читая и никому другому не показывая, доставить немедленно к нам или к кому-нибудь из лордов или других членов нашего совета.

Каковые поручения и предписания, данные нашими устами городу Лондон, мы доводим этим письмом до вашего сведения и желаем, чтобы вы вывесили его во всех местах, куда простирается ваша власть, и следили за должным исполнением. Это уберет вас от нашего серьезного недовольства и ответа перед нами, грозящего вам большими опасностями»^{97}.

Какие именно слухи тревожили короля, доподлинно неизвестно, но велика вероятность того, что пересуды повторяли обвинения Ричарда в причастности к убийству принцев в Тауэре, выдвигаемые на континенте и с

энтузиазмом переносимые эмиссарами изгнанников. Обеспокоенный тайными планами заговорщиков, Ричард понял, наконец, какую угрозу представляет Генри Тюдор, и взял его под неусыпный надзор, заслав в Бретань своих агентов.

*

В середине апреля в Ноттингем прибыл гонец с севера, который принес трагичную весть. Эдуард Миддлхэмский, единственный законный ребенок Ричарда, скончался от болезни. Королевскую чету глубоко ранила смерть наследного принца. «Услышав новость об этом в Ноттингеме, где они тогда пребывали, отец и мать впали в состояние, почти граничащее с безумием по причине их внезапного горя»^[98], — сообщил хронист. Удар был тем более страшен, что Энн не могла больше иметь детей. Именно тогда Ричард велел добавить в свой часослов личную молитву, которая наиболее полно отражала его состояние крайней угнетенности: «О Господи, Ты, кто восстановил согласие между родом человеческим и Отцом Небесным... снизойди и установи согласие между мной и врагами моими... Снизойди и успокой, отврати, погаси ненависть, которую они питают ко мне... снизойди, Господи Иисусе Христе, отврати злые помыслы, которые они вынашивают... против меня. Я молю тебя, о великодушный Иисусе Христе... охрани меня, раба Твоего короля Ричарда, и защити меня от всякого зла и от моего злейшего врага, и от всех опасностей в настоящем, прошлом и грядущем, избавь меня от всех невзгод, печалей и страданий, которые преследуют меня, ниспошли мне утешение»^[99].

Оставив Ноттингем в конце апреля, король провел первые дни мая в Йорке, откуда он разослал в большинство графств приказы об учреждении рекрутских комиссий. На севере уполномоченными были назначены графы Нортумберлендский и Линкольнский, лорд Скруп Болтонский, йоркширский рыцарь сэра Ричарда Рэтклиффа и рыцарь королевской личной охраны Джарвис Клифтон. За центральные графства отвечали камергер двора виконт Ловелл, советник Уильям Кэтсби и рыцарь королевской охраны сэра Мармадюк Констебл, владелец малоизвестной тогда деревни под названием Маркет-Босуорт^[165]. В Восточной и Южной Англии набором занимались герцог Норфолкский, его сын граф Саррейский, контролер королевского двора сэра Роберт Перси и хранитель Пяти портов

граф Эранделский. На юго-западе уполномоченными были назначены главный прокурор Морган Кидуэлли, лорды Скруп Болтонский и Зуш Мидлендский. В Уэльсе комиссии не учреждались — королевские слуги, такие как сэр Джеймс Тирелл или сэр Ричард Хаддлстон, командовавшие гарнизонами опорных замков и главных городов, должны были выставить отряды из валлийцев. Точно так же не создавались комиссии в Чешире и Ланкашире — там были приведены к присяге Стэнли, обязавшиеся прислать своих людей для поддержки королевского похода.

Из Йорка Ричард направился с королевой в Миддлхэм, чтобы посетить могилу сына. Там к его двору прибыл силезский дворянин Никлас фон Попплау, представивший королю рекомендательные письма от императора. Выслушав пышную речь, произнесенную вновь прибывшим на латыни, король милостиво дотронулся до его руки и приказал камергеру проводить гостя в приготовленные для того апартаменты. На следующее утро Попплау присутствовал на великолепной мессе. Король с женой собрали по всему королевству замечательную труппу менестрелей, а их хормейстер прочесал всю страну в поисках голосов, подходящих по красоте для королевской часовни. Даже во время путешествий ежедневная месса исполнялась так искусно, что восхищала иностранцев, которые ее слышали.

Затем Ричард долго беседовал с Попплау, подробно расспрашивая об императоре и имперских князьях. В конце концов разговор зашел о турках, и Никлас рассказал о победе над язычниками, одержанной королем Венгрии. Ричард, не сдержавшись, воскликнул: «Хотел бы я, чтобы мое королевство граничило с Турцией! Только с одними моими людьми и без помощи других князей я бы отогнал не только турок, но всех моих врагов!»

Пока фон Попплау был гостем в Миддлхэме, он каждый день обедал за королевским столом и получил в дар от Ричарда золотое ожерелье. Силезец пришел в полное восхищение от английского короля. Он описывал его так: «Ричард был на три пальца выше меня, но немного стройнее — не такой плотный и гораздо более худой. У него изящные руки и ноги и великое сердце»^{100}.

*

Дела не давали Ричарду возможности подольше побыть в замке своей юности, и он поспешил сначала на север в Дарем, чтобы проверить, как идет набор отрядов, которые должны были охранять границу. С

наступлением теплого сезона шотландцы оживились и начали свои традиционные набеги на приграничные территории. Затем путь короля лежал по побережью Северного моря в Скарборо, где снаряжалась флотилия для шотландской экспедиции. Там Ричард проследил за перевооружением кораблей и набором команд. Затем он переехал в Понтефракт, где принял бретонских послов. Герцог Франсуа страдал от периодических приступов безумия, и Ричард решил, что гораздо проще иметь дело с казначеем герцога Пьером Ландуа, который держал в своих руках бразды правления этой последней еще независимой от Франции провинцией. Действительно, с казначеем оказалось договариваться проще. Правительство Ландуа отказалось от войны на море, а 8 июня был подписан договор о перемирии и полном прекращении военных действий до 25 апреля. В тайном приложении к договору в обмен на тысячу английских лучников для борьбы с Францией Пьер Ландуа согласился заключить Генри Тюдора под стражу. Лучники были завербованы по контракту, их капитаном назначили Джона, лорда Поуисского^[166]. Во второй половине июня планировалось провести смотр сил в Саутгемптоне. Однако экспедиция на континент не состоялась, ибо Ландуа не смог выполнить ни одно из тех условий, на которых ему были обещаны лучники.

Из Понтефракта Ричард отправил матери в Беркхэмстедский замок нового слугу, который должен был заменить уилтширского джентльмена Уильяма Колингборна, участвовавшего в осеннем мятеже 1483 года и теперь скрывавшегося от правосудия. Отношения сына и матери не испортились из-за перипетий с оглашением незаконнорожденности ее внуков, они остались теплыми и доверительными. Недаром Ричард жестко пресек все инсинуации по поводу ее измены мужу, которые в то смутное время начали было распространяться по Лондону. В сопроводительном письме король писал:

«Мадам, примите все возможные уверения в моем сердечном к Вам расположении. Смиренно и искренне я ежедневно молю Вас о Вашем благословении для моего благополучия и помощи в моих нуждах. Мадам, я умоляю Вас, чтобы для моего спокойствия Вы писали мне чаще. Здешние новости Вам сообщит податель сего мой слуга Томас Брайан, окажите ему, пожалуйста, Ваше доверие. И, мадам, я прошу Вас быть доброй и милостивой госпожой милорду камергеру, который будет служить Вам в Уилтшире, как ранее Колингборн. Я верю, что он будет Вам хорошим слугой. Если Вас порадует это, сообщите мне с моим посланником, чтобы я также мог за Вас порадоваться. Молю Господа, чтобы Он послал Вам осуществление всех Ваших благородных желаний. Писано в Помфрете в

третий день июня собственной рукой Вашего покорного сына»^{101}.

В середине месяца Ричард вновь был в Йорке, а затем опять в Скарборо. Там он узнал, что французские рейдеры вступили в перестрелку с английскими кораблями, отбившимися от флота, и даже взяли в плен двух его храбрейших капитанов — сэра Томаса Эверингема и Джона Несфелда. Немедленно заплатив за пленных выкуп, Ричард вышел в море со всем флотом, направляясь к берегам Шотландии. Тут уж французы атаковать не решились. Морская экспедиция разгромила шотландскую эскадру, и одновременно английская армия победила в приграничном сражении.

*

По возвращении из плавания король узнал о раскрытии сразу двух заговоров и 6 июля приказал создать комиссию *о́е и термине* под председательством Джона, лорда Скрупа Болтонского, для расследования измены Джеймса Ньюэнхема. В том же месяце Ричард назначил расширенную комиссию под председательством того же лорда Скрупа, которая должна была заняться делом Ричарда Эджкомба Котхилского, торговцев тканями Джона Лена из Лонстона и Джона Белбери из Лискарда, а также красильщика Джона Тосера из Эксиленда. Их обвиняли в том, что они послали деньги двум бежавшим из Англии мятежникам — Роберту Уиллуби и Пирсу Кортнею, епископу Эксетерскому. Земли Эджкомба были конфискованы, но ему удалось ускользнуть и переправиться в Бретань. Сам по себе заговор был совершенно неопасен, но он демонстрировал, что брожение в умах на юго-востоке Англии продолжалось.

Во второй половине июля Ричард опять посетил Йорк, где учредил совет Севера — орган, который затем успешно функционировал в течение без малого двух веков. Он выполнял те же функции для северных территорий, какие совет в Вестминстере выполнял для всего королевства. Председателем совета король Ричард поставил Джона, графа Линкольнского; в его состав входили кроме прочих зять Линкольна Генри Ловелл, лорд Морли, Генри Перси, граф Нортумберлендский и номинально — юный сын Кларенса граф Уорикский. Положение о совете, разработанное королем, гласило:

«Нижеследующие статьи, составленные и одобренные Его светлостью королем, должны использоваться и исполняться милордом Линкольнским, лордами и другими членами его совета Северных земель во имя процветания их жителей.

Прежде всего король желает, чтобы ни один лорд или другой человек, назначенный в его совет, ни из пристрастий, ни из привязанностей, ни из ненависти, ни по злему умыслу, ни за дары не выступал в совете иначе, чем того требуют королевские законы и совесть, но был беспристрастным и непредубежденным, поскольку во всех вопросах необходимо руководствоваться мудростью и разумом.

Item, если в указанном совете будет поднят какой-либо вопрос, затрагивающий любого лорда или другого члена упомянутого совета, то указанный лорд или член совета никоим образом не должен заседать или оставаться в указанном совете на время рассмотрения и решения указанного вопроса, если только он не будет вызван. И тогда он должен повиноваться и подчиняться оставшимся членам указанного совета.

Item, ни один вопрос независимо от его важности и содержания не может быть урегулирован или решен в указанном совете, если двое из его членов, а именно... [здесь лакуна в тексте. — В. У.] с нашим племянником^[167] выступят заодно, и они будут уполномоченными по поддержанию королевского мира по всем этим землям.

Item, указанный совет должен собираться, если это возможно, в полном составе не реже раза в квартал в Йорке, чтобы заслушивать, рассматривать и решать все петиции с жалобами и пр., которые будут им представлены, и даже чаще, если того требует дело.

Item, указанный совет имеет полномочия и власть разбираться и принимать решения по любым мятежам, насильственным деяниям, арестам имущества, улаживанию разногласий и споров, а также прочим проступкам против наших законов и мира, совершенным и сделанным в указанных землях. И если случится так, что они не смогут полностью восстановить порядок, им следует обратиться к нам, о чем поставить нас в известность со всей возможной поспешностью.

Item, указанный совет ни в коей мере не принимает решений по земельным спорам без согласия заинтересованных сторон.

Item, наш совет в случае больших мятежей, поднятых и совершенных в великих лордствах или в иных местах каким-либо лицом, должен заключить указанное лицо под стражу в один из наших замков, находящихся поблизости от места мятежа. Ибо мы желаем, чтобы все наши замки имели тюрьмы, а если такового замка рядом не окажется, заключить его в обычную тюрьму.

Item, мы желаем, чтобы наш указанный совет немедленно после получения известий о каких-либо сборищах и собраниях вопреки нашим законам и миру с самого начала обеспечил противодействие,

противостояние и наказание в соответствии с виной участников, не подчиняясь их требованиям и не обсуждая их.

Item, все письма и постановления указанного совета во обеспечение их должного исполнения должны издаваться от нашего имени и заверяться рукой нашего племянника Линкольна ниже слов “*Per Consilium Regis*”^[168].

Item, надлежит назначить подходящего человека, чтобы он составлял указанные письма и постановления и регулярно вносил их в реестр, а наш племянник и те, кто заседает с ним в нашем совете, прикладывали свою руку и печать к указанным письмам и постановлениям.

Item, мы желаем и строго приказываем всем и каждому из наших служащих, верных вассалов и подданных в северных землях быть в любое время готовыми повиноваться приказам нашего совета, сделанным от нашего имени, и должным образом их исполнять. И так все и каждый смогут избежать нашей немилости и гнева»^{102}.

*

В конце июля король отправился в Лондон, где оставался на протяжении большей части августа. Там он принял очередного шотландского посла. Миротворческие миссии, прибывавшие из Шотландии в ноябре 1483 года, марте и апреле 1484-го, до сих пор не достигли понимания с английским правительством. Сейчас переговоры между соседними странами имели шанс сдвинуться с мертвой точки. С одной стороны, победоносная экспедиция англичан заставила, наконец, шотландцев задуматься о мире всерьез. С другой стороны, потерпела полный провал кампания герцога Олбанийского, который заручился официальной английской поддержкой и в компании с еще одним шотландским ренегатом Джеймсом, графом Дугласским, вновь попытался отстоять свои претензии на корону Шотландии. В июле 1484 года он провел рейд, закончившийся под Лохмабеном, где незадачливый претендент потерпел поражение. Дуглас был захвачен в плен, а Олбани бежал во Францию, где в следующем году погиб на рыцарском турнире во время схватки с герцогом Орлеанским.

Ричард III, несомненно, предпочел бы продолжить военные действия против Шотландии, в которых он с самого начала играл такую большую роль. Однако даже больше, чем бегство удобного для англичан ставленника, его удерживали отсутствие денег и заботы по налаживанию

отношений с континентальными державами. Поэтому он передал 7 августа 1484 года послу письмо для Джеймса III весьма любезного содержания:

«Высокородный и могущественный принц, верный и возлюбленный кузен, примите мои уверения в искреннем к Вам расположении.

Поскольку Вы, кузен, обратились к нам с недавними посланиями, переданными нашим верным слугой и оруженосцем Эдуардом Гауэром, в которых удостоверили нас, что в Ваше королевство от нас вернулся Ваш верный и возлюбленный кузен и советник Роберт, лорд Лайл^[169], то из его отчета, как и прочих [отчетов], Вы получили представление о нашем стремлении к доброму миру и воздержанию от войны между обоими королевствами. Мы продемонстрировали нашу склонность действовать именно таким образом, в чем сошлись мнениями с лордом Лайлом, что и поручили нашему вышеупомянутому слуге передать Вашему высочеству или тем лордам Вашего совета, каковых Вам будет угодно уполномочить и назначить, чтобы выслушать это. Поскольку Ваши, кузен, намерения такие же, то мы будем рады, если Вы назначите и наделите полной властью и полномочиями избранных великих лордов и прочих из Вашего совета, чтобы они прибыли в наш город Ноттингем в седьмой день сентября для обсуждения, заключения мира и воздержания от войны, что должно соблюдаться и поддерживаться Вашими вассалами и нашими, а также о союзе любви и дружбы и о единении Вашей крови и нашей, как говорилось в Ваших вышеуказанных посланиях.

Высокородный и могущественный принц, верный и возлюбленный кузен, мы хотим заверить Вас, что Ваша любовь и доброе расположение для нас весьма приятны. Мы верим, что посредством этого посольства, получившего по всем вышеназванным вопросам наставления столь ясные, сколь того требует дело, и представляющего Вашу особу надлежащими людьми, как это заявлено в Ваших посланиях, обоими королевствами по всем вопросам будут найдены решения, которые помогут избежать пролития христианской крови, способствовать ежедневному умножению любви и согласия, как между нами и Вами, так и между жителями обоих королевств. Мы призываем Бога в свидетели, что мы, как и положено любому принцу, сердечно стремимся к добрососедским отношениям. И чтобы ни один вопрос, неотложный и требующий скорейшего решения, не остался нерешенным как с Вашей стороны, так и с нашей, мы выдали охранительные грамоты, скрепленные Большой печатью, для безопасного прибытия, пребывания здесь и возвращения Вашего посольства. Эти грамоты посланы с предьявителем сего по Вашей просьбе и к Вашему удовлетворению.

Высокородный и могущественный принц, верный и возлюбленный кузен, да хранит Вас Пресвятая Троица»^{103}.

*

Пользуясь своим кратким пребыванием в Лондоне, Ричард III исполнил два крайне важных для себя дела. Прежде всего он отдал приказ перезахоронить останки короля Генри VI, против которого никогда не держал зла, хотя тот и был из рода его злейших врагов Ланкастеров. Тринадцать с половиной лет назад прах покойного монарха перевезли из Лондона в Чертей, а теперь его останки отправлялись в последний путь на судне, идущем в обратном направлении — вниз по Темзе. По берегам реки стояли люди, провожая глазами гроб того, благодаря чьей слабыхарактерности Англия пережила смутный период, известный нам под именем войн Роз. Благочестивый, религиозный и всегда стремившийся к миру король Генри упокоился, наконец, с миром под сводами часовни Святого Георгия в Виндзоре.

Второе дело касалось Джейн Шор, все еще томившейся в Ладгейте. Даже из застенков она умудрилась очаровать очередную жертву, которой стал королевский поверенный Томас Лином. Совсем не ради ветреной куртизанки, а из-за своего верного слуги король решился написать письмо лорду канцлеру епископу Линкольнскому:

«Ваше преосвященство, сообщаем Вам, что нам стало известно. Наш слуга и стряпчий Томас Лином, удивительным образом ослепленный и совращенный бывшей женой Уильяма Шора, которая ныне находится в Ладгейте по нашему приказу, заключил с ней, как говорят, супружеский договор и добивается, к нашему полному изумлению, чтобы он вступил в силу. По многим причинам мы были бы весьма расстроены, если бы это произошло, и поэтому просим Вас послать за ним, чтобы увещевать его и подвигнуть на обратное. И если Вы найдете, что он совершенно настроен жениться на ней, и ни один другой вариант его не привлекает, и если это согласуется с законами церкви, то мы удовольствуемся тем, что заключение брака будет отложено до нашего возвращения в Лондон. При достаточных свидетельствах ее хорошего поведения призовите ее тюремщика и освободите его от исполнения нашего приказа на основании сего письма. На это время поручите ее заботам и попечительству отца или кого-либо другого по своему усмотрению»^{104}.

Королю пришлось заняться и еще одним крайне важным вопросом, настоятельно требовавшим решения, которое Ричард откладывал уже в течение четырех месяцев. После смерти сына у короля не осталось законных наследников. Эдуард, граф Уорикский^[170], сын Джорджа Кларенсского, был лишен прав на престол из-за аттинктуры отца. Конечно, аттинтуру можно было бы отменить, но это означало в третий раз за столетие наступить на одни и те же грабли — мальчику исполнилось только десять лет, и лорды однозначно не одобрили бы такой выбор. Другим кандидатом на титул условного наследника был Джон де Ла Польш, граф Линкольнский, сын сестры Ричарда Элизабет и Джона де Ла Поля, герцога Саффолкского. К тому времени Линкольн, взрослый женатый мужчина, стал близким сподвижником короля и доказал свою храбрость во время восстания 1483 года. Граф стоял в линии наследования следующим после самого Ричарда, и после долгих раздумий король решился. 21 августа Джон де Ла Польш был объявлен условным наследником трона и назначен наместником Ирландии.

*

В начале сентября Ричард в сопровождении лордов и епископов отправился в Ноттингем. Туда же из Эдинбурга прибыло представительное посольство шотландского короля. В него входили лорд-канцлер граф Аргайлский^[171], Уильям Элфинстон, епископ Абердинский, лорды Лайл, Олифант и Драммовд^[172], секретарь короля Арчибадд Уайтло, архидьякон Лотианский, а также множество чиновников и слуг. Они были встречены в городских предместьях английской делегацией и отрядом рыцарей. Во второй половине дня в пятницу 11 сентября великолепная англо-шотландская кавалькада вступила в Ноттингем.

Утром 12 сентября перед торжественной мессой был организован прием. Король Ричард восседал на троне, установленном на возвышении в большом зале Ноттингемского замка. Его окружали великие магнаты королевства — герцог Норфолкский, графы Нортумберлендский, Шрусберийский и Ноттингемский, лорд Стэнли, лорд-канцлер Расселл, епископы Сент-Асафский и Вустерский, контролер королевского двора сэр Роберт Перси, члены королевского совета Уильям Кэтсби и сэр Ричард Рэтклифф, лорд — верховный судья сэр Уильям Хасси и главный судья Суда общегражданских исков сэр Томас Брайан. Позади них выстроились

рыцари и эсквайры королевской личной охраны, дальше — королевские пажи во главе с сэром Джеймсом Тиреллом. Проследовав через зал, шотландские послы склонились перед тронном и представили свои верительные грамоты. Архидьякон Арчибалд Уайтло произнес по-латыни пышную речь в честь короля Англии. Закончив говорить, он преклонил колено перед возвышением и протянул свои полномочия для заключения мирного договора и брака, скрепленные Большой печатью Шотландии. Ричард любезно принял документ и передал его канцлеру Расселлу, который завершил церемонию приветственным словом, обращенным к шотландцам.

В понедельник 14 сентября делегации приступили к работе. Их задача была нетрудной, поскольку между сторонами царило полное согласие и взаимопонимание. Оставалось только определить механизмы предотвращения конфликтов в будущем и обсудить условия брачного контракта. Прошло немного времени, прежде чем Ричард III торжественно объявил, что с Шотландией подписано перемирие на три года. Союзные державы также были включены в договор — Ричард поручился за Испанию, Португалию, Бретань, герцога Максимилиана Австрийского и его сына Филиппа Фландрского. Шотландцы также назвали Бретань, а кроме того, Францию и Норвегию. Дружбу двух народов решили скрепить помолвкой племянницы короля Энн де Ла Поль, дочери герцога Саффолкского, и Джеймса Стюарта, герцога Ротсыйского, наследника шотландского престола^[173]. Прочный мир с соседом, который беспрестанно тревожил северные графства в течение пяти последних лет, стал важнейшим достижением этого сложного лета.

К этому времени дала результаты поездка епископа Лэнгтона ко французскому двору. Он добился согласия на организацию конференции, призванной урегулировать взаимные претензии и обиды. Совет Двенадцати проинформировал Ричарда, что хотел бы отправить посольство, и 13 сентября король Англии отослал во Францию охранные грамоты. Впрочем, все эти дипломатические телодвижения служили лишь отвлекающим маневром — французы тянули время, пытаясь справиться с внутренними проблемами.

Исторический союзник Англии — Бургундия все еще была занята борьбой с мятежными фландрскими городами. Максимилиан периодически присылал предложения, на которые Ричард согласиться никак не мог, ибо они шли вразрез с его интересами. Так, герцог требовал от Англии не заключать договор с Францией, прервать всю торговлю с мятежными городами и предоставить Максимилиану 6 тысяч лучников и флот для

борьбы с ними. В свою очередь герцог обещал сильную армию в помощь Ричарду для решительной победы хоть над Францией, хоть над Шотландией. Король прекрасно видел нелепость этих предложений: процветание английских торговцев напрямую зависело от связей с городами Фландрии. Поэтому Максимилиану пришлось удовольствоваться существующим договором о дружбе и торговле, а Ричард тем временем направил посольство для заключения отдельного торгового соглашения с фландрскими городами, каковое и было подписано 25 сентября.

Тяжелейшая работа по восстановлению утраченных из-за политики Эдуарда IV позиций на континенте была практически завершена. Почти все великие державы заключили мирные договоры с Англией. С Максимилианом и мятежными фламандскими городами установился дружественный нейтралитет. Оставались лишь Бретань и Франция, отношения с которыми не были урегулированы.

О переговорах Ричарда III с бретонским казначеем Ландуа стало известно Джону Мортону, и он спешно послал своего слугу Кристофера Арсуика к Генри Тюдору, который с тремя сотнями английских изгнанников жил в Ванне. Тюдор тут же направил того же Арсуика ко французскому двору, чтобы получить разрешение для беглецов укрыться во Франции. Как только разрешение было получено, Джаспер Тюдор и несколько видных мятежников оставили Ванн и бежали в Анжу. Два дня спустя из города выехал и Генри Тюдор с пятью слугами под предлогом, что собирается посетить друга, проживающего неподалеку. Выбравшись из Ванна, он свернул в лес и переоделся в одежду одного из своих слуг, а потом быстро поскакал к границе. Тюдор постоянно петлял, чтобы сбить со следа преследователей, и останавливался лишь подкрепиться и дать отдых лошадям. Солдаты, посланные Ландуа в погоню, опоздали всего на час и не смогли перехватить Тюдора до того, как он пересек границу с Анжу. Когда к герцогу Франсуа временно вернулся рассудок, он сделал своему казначею строгий выговор и предоставил оставшимся в Ванне англичанам средства для воссоединения с их предводителем.

Ричарда III, конечно, мало порадовал такой поворот событий. Появление Генри Тюдора при французском дворе заставило короля беспокоиться безопасностью Кале и защищавших его фортов Гин и Ам. Он потребовал от Пяти портов, чтобы они были готовы в кратчайшие сроки оказать помощь гарнизонам континентальных крепостей. Впрочем, не бывает худа без добра. Последнее препятствие в лице Тюдора для установления прочного мира с Бретанью само собой устранилось, и несколько месяцев спустя стороны подписали договор о мире до 1492 года.

Ричард оставался в Ноттингеме в течение остатка сентября и весь октябрь. Затем он отправился на юг, посетив Мелтон-Моубрей, Питерборо и Бакден. В ноябре король вернулся в Вестминстерский дворец. У лондонских ворот его приветствовали мэры, олдермены и более четырехсот горожан. В столице Ричарда ожидал подарок: буквально на днях королевские чиновники арестовали двух изменников короны, на которых давно охотились — Уильяма Колингборна и Джона Тарбарвила из Фрайермейна. Колингборн, бывший слуга герцогини Сесили Невилл, принимал год назад участие в мятеже и ударился в бегство, но прошедшим летом объявился в столице. 18 июля он прикрепил к дверям собора Святого Павла язвительный пасквиль на короля и его ближайшее окружение:

Пса, Кота и Крысу против правил
Боров у руля страны поставил^[105].

Вирши, высмеивающие Уильяма Кэтсби, Ричарда Рэтклиффа, Фрэнсиса Ловелла и самого Ричарда^[174], разумеется, взбесили всех, кто в них упоминался. Однако за Колингборном числилось еще и третье преступление, куда более серьезное. Дознаватели выяснили, что 10 июля он пытался подкупить в лондонском районе Портсокен-Уард некоего Томаса Йейта, предлагая ему восемь фунтов за передачу Генри Тюдору сообщения. В этом сообщении скрывавшиеся в Англии сторонники изгнанника призывали его высадиться на южном побережье в День святого Луки (18 октября) и для обретения дополнительной поддержки советовали убедить французский двор в том, что Англия собирается объявить войну Франции. Ко времени высадки Тюдора в дорсетском городе Пул они обещали поднять восстание ему в помощь.

29 ноября Ричард назначил для рассмотрения дела представительную комиссию *о́йе и термине*: в нее входили герцоги Саффолкский и Норфолкский, графы Ноттингемский и Саррейский, виконты Ловелл и Лайл, лорды и рыцари общим числом 19 человек, меж которыми были Томас, лорд Стэнли, сэры Уильям Хасси и четыре судьи суда королевской скамьи, а также мэры Лондона сэры Роберт Хилл. Судебный процесс проходил в лондонской ратуше в начале декабря. Джон Тарбарвил был приговорен к тюремному заключению, а Колингборна признали виновным в

государственной измене и осудили на смертную казнь. Несчастный был повешен на Тауэр-хилл, затем еще живым вынут из петли. Палач вырвал его внутренности и бросил в огонь, затем сунул руку в разрез, чтобы вырвать сердце. В этот момент Колингборн пробормотал «О Господи Иисусе, вот ведь беда!» и умер.

Арест Колингборна и Тарбарвила сопровождался более тревожными известиями из-за Ла-Манша. Противоречивые сведения поступали о Генри Тюдоре — то ли он нашел в Париже полное понимание и поддержку, то ли совет тяготился его присутствием во Франции. Но в конце октября до короля дошел однозначно неприятный слух о готовящемся освобождении одного из убежденных ланкастриан, Джона де Вера, графа Оксфордского. Граф был заключен в замок Ам еще в 1474 году, и лейтенантом этой крепости служил Джеймс Блаунт, бывший слуга лорда Хейстингса. Подозревая, что Блаунт слишком хорошо относится к пленнику, 28 октября Ричард приказал Уильяму Болтону, офицеру гарнизона Кале, доставить графа Оксфордского в Англию. Но приказ опоздал. Оксфорд успел убедить Блаунта присоединиться к Генри Тюдору, и они вместе бежали в Париж.

Лорд Динэм послал из Кале отряд для расследования этого вопиющего случая, но его отряд не пустили в замок. До середины декабря гарнизон Ама, страшась ответственности за побег Оксфорда, держал осаду, установленную людьми Динэма. Только после того, как Ричард III пообещал полное прощение гарнизону и жене Блаунта, солдаты открыли ворота и вернулись к исполнению своих обязанностей. Король поспешил заменить гарнизон и получил командовать Амом своему верному слуге сэру Джеймсу Тиреллу.

Также 2 ноября в Колчестере произносились изменнические речи несколькими джентльменами — сэром Джоном Ризли, его слугой Уильямом Коуком, сэром Уильямом Брендонем, эсквайрами Уильямом и Томасом Брендонами, сэром Уильямом Стонором и ткачом Джоном Стерлингом. Заговорщики были связаны с графом Оксфордским и хотели убить короля, но их замыслы сорвались. Они поспешно сели в Эссексе на корабль и отплыли к Генри Тюдору. В лице всех этих беглецов судьба дала французам в руки сильное оружие, использование которого могло принести массу неприятностей английскому королю.

*

Ричард понял, что прийти к взаимопониманию с Францией вряд ли

удастся, по крайней мере в обозримом будущем. Хотя наступила зима, и в ближайшие несколько месяцев вторжение было невозможно из-за погодных условий, он продолжал готовиться к защите королевства. Его доверие к местным дворянам таяло с каждой новой их изменой, и ему ничего не оставалось, кроме как укреплять свою власть на юге с помощью все тех же северян, а это, в свою очередь, усиливало недовольство южан. Камберлендский эсквайр Джон Масгрейв стал шерифом Уилтшира, йоркширец сэра Томас Фулфорд занял должность шерифа Сомерсета и Дорсета, а в Корнуолл на этот пост был назначен сэра Томас Бротон. Проверенного даремца Роберта Брекенбери король поставил шерифом Кента. Получив сообщение, что высадка Тюдора наиболее вероятна в Харидже, Ричард III поручил защиту города сэру Гилберту Дебенэму и Филипу Боту. 8 декабря он продлил полномочия комиссий по проведению военного набора в графствах. Всем уполномоченным была вручена составленная королем подробная инструкция о том, как готовиться к обороне:

«Прежде всего, они должны от имени короля принести благодарность народу за его верность и любовь, продемонстрированные по отношению к Его высочеству в минувшем году, за поддержку и защиту его королевской особы и его королевства против бунтовщиков и предателей, и призвать их действовать так же и впредь.

Item, упомянутые уполномоченные, немедленно по получении полномочий [должны] с усердием опросить всех бейлифов, констеблей и других должностных лиц городов, местечек, деревень и сотен в пределах действия их полномочий о числе людей, имеющих должное снаряжение, вооружение и коней — как с каждым из них было оговорено прежними уполномоченными — для несения королевской службы, когда Его королевская светлость прикажет им, в течение определенного количества дней противодействуя и усмиряя его врагов, бунтовщиков и предателей. Также [они должны] осмотреть этих людей и их снаряжение и определить, достаточно ли они ловки, хороши ли их кони и доспехи, не мошенники ли они, и приложить все усилия для увеличения их числа, полагаясь на свою мудрость и обходительность.

Item, они [должны] с усердием проверить, все ли деньги для выплат упомянутым людям во всех местах собраны и взысканы, в чьи руки и на чье хранение они были переданы, целы они или нет. Вслед за этим приказать и убедиться, что эти деньги всегда наготове в руках констеблей или бейлифов или еще кого-либо по их выбору, чтобы они были выплачены упомянутым людям безо всякого промедления, когда те будут призваны на

королевскую службу. И также приказать и убедиться в каждом месте, где такие деньги не были собраны и взысканы, чтобы они незамедлительно были собраны и переданы в руки констебля, бейлифов или кого-либо другого, чтобы они там оставались и надежно хранились для платы людям, с которыми было договорено о службе Его королевской светлости.

Item, в случае, если обнаружится, что какая-либо часть этих ранее взысканных денег кем-либо изъята из сохранения у упомянутых констеблей, бейлифов или других лиц против их воли или иным способом, то упомянутые уполномоченные не только должны проследить, чтобы они были возвращены упомянутым констеблям, но и чтобы взявший их был препровожден под стражу и наказан по их усмотрению.

Item, упомянутые уполномоченные во время осмотра упомянутых людей [должны] дать им прямые указания служить тем капитанам, которым прикажет служить Его королевская светлость, и никому другому, и так они смогут избежать королевской немилости, крайне для них опасной.

Item, упомянутые уполномоченные именем короля [должны] дать прямые указания всем рыцарям, сквайрам, джентльменам и прочим, кто крепок телом, лично подготовиться к королевской службе, дабы исполнить ее без всяких отговорок, как только они получают о том уведомление и приказ, и так они смогут избежать королевской немилости, крайне для них опасной.

Item, упомянутые уполномоченные со всей возможной поспешностью [должны] письменно подтвердить Его королевской светлости исполнение указанных выше пунктов и назвать имена тех людей, которых они проверили и осмотрели.

Item, объявить всем лордам, знати, капитанам и прочим, что Его королевская светлость желает и приказывает, чтобы они забыли всяческие ссоры, неприязнь, старые обиды и злобу, честно и благородно явились для исполнения королевского повеления, чтобы каждый был верен и помощником другому в королевском деле. Решительно заявить им, что всякого, кто попытается или замыслит совершить противное, Его королевская светлость покарает так, что это послужит уроком всем прочим» [{106}](#).

По своему обыкновению за обилием государственных дел Ричард не забывал старых друзей, используя их таланты и лояльность на благо страны. Прошло почти полгода с того момента, как умер его заклятый враг Лайонел Вудвилл, епископ Солсберийский, и до сих пор его кафедра оставалась вакантной. Король не обладал правом назначения новых прелатов, но постарался употребить все влияние для того, чтобы эту

немаловажную епархию получил достойный, а главное свой человек — Томас Лэнгтон, епископ Сент-Дэвидский. Ричард писал Джону Дэвисону, декану и настоятелю Солсберийского кафедрального собора:

«Верный и возлюбленный, мы горячо приветствуем Вас. И поелику Ваш епископ покинул этот непостоянный и преходящий мир, Вы остались одинокими и обделенными пастырской заботой и духовным руководством. Для [исправления] сего по праву, данному королевской лицензией, Вы должны спешно приступить к избранию нового пастора и епископа. Глубоко уважая похвальные качества, высокие добродетели и глубокие познания, которыми повсюду известен его преосвященство, наш верный и возлюбленный советник епископ Сент-Дэвидский, а также прочие его видные достоинства, его длительную и верную службу нам, мудрые советы, даваемые нам к нашему благу, мы желаем и сердечно просим Вас, чтобы за указанные достоинства и пастырские подвиги Вы на указанных выборах рекомендовали и поддержали его перед всеми другими. Мы не сомневаемся, что Вы не только сделаете это к удовлетворению Господнему для паствы и для чести нашей кафедральной церкви, но и разделите с нами в полной мере те дела, которые зачтутся Вам в вечной жизни и пойдут на пользу указанной церкви в будущем»^{107}.

*

Наступило Рождество 1484 года. Оглядываясь назад и прикидывая, что сделано, а что нет, Ричард III имел все основания оценить итоги этого тяжелейшего года положительно. Неимоверными усилиями ему удалось исправить грубые просчеты внешней политики брата и установить дружеские отношения почти со всеми континентальными державами. Он сумел побороть язву пиратства в водах, окружающих Англию. Северных соседей-шотландцев Ричард также смог принудить к заключению долгосрочного мира.

Король провел несколько важных реформ. Радея об увеличении морской мощи Англии, он предложил в качестве стимула для строительства новых судов освободить первое плавание от таможенных сборов и налогов. Поскольку адмирал Норфолк был перегружен множеством дел, Ричард расширил Адмиралтейство, назначив двух вице-адмиралов и придав им штат из трех сотрудников и нотариуса для составления официальных отчетов. После изучения государственных финансов он передал ключевые функции от неэффективного и связанного традициями казначейства

служащему своего двора, который носил титул казначея королевских покоев.

Король не отстранился от своих подданных, не превратился во внушающего трепет небожителя, стоящего вне досягаемости простых смертных. Более всего он пекся о гражданском мире, требуя от своих служащих безжалостно отстранять от исполнения обязанностей тех бейлифов, которые притесняли простолюдинов и занимались вымогательством. Ричард вызывал к себе опытных судей, чтобы услышать их искреннее мнение о его законах. Он тратил много сил на установление добрых отношений с купечеством, не скупясь на привилегии и денежные дары. Как минимум восемнадцати городам он сократил размер налогов, вносимых в казну. Король был убежден, что благополучие городов способствует процветанию страны, а преданность их жителей помогает противостоять баронскому своеволию. Он следил, чтобы знать не вовлекала горожан в свои распри, и запрещал им менять верность королю на кормление или службу у лордов. Крестьянам, йоменам, городским ремесленникам Ричард стремился дать защиту и надежду на справедливость не только по суду. Он был готов принимать их обращения лично и через свой совет.

Феодальную систему король пытался заставить если не работать на центральную власть, то хотя бы не мешать ей. На достаточно шаткой основе лояльности он пытался подчинить немногочисленных сохранивших региональное влияние магнатов королевскому закону и принудить их исполнять роль проводников его распоряжений, а не только осуществлять свои феодальные права в ущерб государству.

Своими действиями король заслужил расположение народа. Тот самый Джон Раус, который позже, по восшествии на трон Генри VII Тюдора, изображал Ричарда омерзительным монстром, писал о нем:

«Он управлял своими подданными в своем королевстве в высшей степени похвально, карая нарушителей своих законов, в особенности вымогателей и притеснителей простого народа, и привечая тех, кто был добродетелен. За это разумное управление он заслужил великую благодарность от Бога и любовь всех своих подданных, добродетельных и бедных, и великую славу у народов всех других земель»^{108}.

Таковы были положительные итоги года. Однако особого удовлетворения Ричард не чувствовал: Франция оставалась враждебной, а Генри Тюдор становился все более опасной фигурой, собирающей вокруг себя всех недовольных. Умер его единственный законнорожденный сын, что король переживал крайне тяжело. Он пытался заглушить печаль

великолепным праздником на Рождество — с развлечениями и танцами. Ему превосходно удалось организовать торжества, но веселились на них все, кроме него самого. Верный своей клятве, король проследил за тем, чтобы дочери Эдуарда IV не чувствовали себя в чем-то ущемленными. Его старшая племянница Элизабет была одета как королева — в прямом смысле слова, ибо цвет и фасон ее платья были точно такими же, как у жены Ричарда.

*

На Крещение короля постигло еще одно несчастье — опасно заболела его жена Энн. Здоровый и сильный граф Уорикский произвел на свет болезненных дочерей: старшая, Изабел, жена герцога Кларенсского, умерла в двадцатипятилетнем возрасте, а Энн шел лишь двадцать девятый. В феврале королева слегла в кровать, с которой больше не встала. Врачи заявили Ричарду, что ее болезнь не только смертельна, но и заразна, так что ему не следует появляться в покоях жены, а тем более делить с ней ложе.

Замкнувшись в себе, король мало общался с приближенными. Это был самый длинный период пребывания в столице за всю его жизнь. Мрачными мартовскими днями Ричард пристрастился к охоте — до сих пор он не проявлял особого интереса к подобному времяпрепровождению. Король посылал людей в Уэльс и даже на континент за ловчими ястребами и соколами. Его привлекали просторы английских полей и лесов, где он пытался найти облегчение от душевных страданий. В своем одиночестве Ричард почувствовал более тесную эмоциональную связь с внебрачным сыном Джоном, судьба которого раньше короля не сильно заботила. Он назначил его 11 марта капитаном Кале и с нескрываемой теплотой отзывался о нем: «Наш дорогой сын, бастард Джон Глостерский, чья живость ума, ловкость тела и склонность к доброму поведению дают нам, хвала Господу, большую надежду на его хорошую службу в будущем»^{109}.

Королева проболела два месяца и умерла 16 марта во время солнечного затмения. Ее похоронили в Вестминстерском аббатстве рядом с южной дверью, ведущей в часовню Святого Эдуарда Исповедника, со всеми почестями, приличествующими королеве. По свидетельству современников, она была красивой, любезной и обходительной особой, а ее поведение похвальным и добродетельным.

Тело Энн еще не было опущено в могилу, а в высших кругах Лондона уже начали гулять слухи, что отправиться на тот свет ей помог не кто иной,

как Ричард III, замысливший взять в жены свою племянницу Элизабет, дочь Эдуарда IV. В качестве доказательства — только подумать! — приводился тот факт, что на рождественских праздниках королева и Элизабет были одеты в одинаковые платья. Источником этих слухов, скорее всего, были изгнанники, обосновавшиеся во Франции. Им явно недоставало подлинных обвинений в адрес короля, и они хватались за любую, даже самую бессмысленную попытку опорочить его. Это было подготовкой почвы для вторжения, которое становилось возможным после окончания периода штормов и распутицы. Требовалось всколыхнуть страну, вошедшую после подавления мятежа 1483 года в период относительной стабильности на международной арене и внутреннего спокойствия. Периодически Ричард назначал комиссии *ойе и термине* по факту выявленных то там, то тут преступлений против королевского мира, но попытки рассеянных по стране агентов Генри Тюдора никак не могли возбудить в народе сколь-либо серьезного недовольства.

Слухи о намерениях Ричарда вступить в кровосмесительный брак, несмотря на всю их абсурдность, распространились так широко, что обеспокоили даже ближайших королевских советников — Уильяма Кэтсби и сэра Ричарда Рэтклиффа. Те решились представить королю доводы богословов, что союз в такой близкой степени родства не сможет разрешить даже папа. Они также намекали, что Север воспримет это как оскорбление памяти дочери Уорика. В общем, 30 марта Ричарду пришлось созвать прелатов, лордов, олдерменов и лучших горожан в главном зале госпиталя рыцарей святого Иоанна в Клеркенуэлле, северо-западном пригороде Лондона. Он четко и внятно заявил собравшимся, что ему никогда даже мысли в голову не приходило жениться на племяннице, а уж тем более желать смерти своей жене, о которой он скорбит столь глубоко, сколь это возможно для человека. Ричард приказал задерживать сплетников и учинять над ними суд.

Чувства чувствами, но короли не всегда властны над ними. Проблема законного наследника оставалась открытой. Поэтому 22 марта Ричард отправил в Португалию сэра Эдуарда Брамптона для переговоров о новом браке. Король хотел жениться на инфанте Жуане, сестре короля Жуана II Португальского, а в жены двоюродному брату короля Мануэлу герцогу де Бежа^[175] предлагал ту самую Элизабет Йоркскую, с которой слухи его чуть не повенчали. Интересно, что португальские аристократ и аристократка приходились праправнуками Джону Гонтскому, сыну короля Эдуарда III — причем по абсолютно легитимной линии в отличие от Генри Тюдора. Португальскому монарху нужна была помощь Англии против мятежной

аристократии, недовольство в среде которой активно подпитывалось Кастилией. Государственный совет Португалии был изрядно обеспокоен тем, что Ричард III мог «вступить в брак с инфантой доньей Исабель Кастильской^[176] и в союз с королями Кастилии, превратившись во врага и противника»^{110}. Однако уважая память покойной жены, Ричард переговоры не форсировал, и они тянулись весьма неспешно.

Глава шестая.

В ОБОРОНЕ

С наступлением весны Генри Тюдор действительно зашевелился: он жил на подачки короля Франции, к тому же ему нужно было содержать своих советников и сторонников. Тюдор использовал все свое обаяние и настолько трогательно рассказывал о своих обидах и поправных правах, что кое-кто ему поверил. Регентшу Анну де Боже так просто провести было нелегко, но она поддерживала Тюдора, ибо не на шутку опасалась, что Ричард III вторгнется во Францию. Прибытие графа Оксфордского стало для претендента великим счастьем, но попытка маркиза Дорсетского бежать показалась зловещим предзнаменованием. Тюдору нужно было действовать, или его сторонники вскоре могли разбежаться.

Он получил сообщение от Джона Мортонa, что сэр Джон Сэвидж, королевский чиновник в Южном Уэльсе, а также обласканный Ричардом III валлийский вождь Рис ап Томас присягнули его делу. Рейнолд Брей, слуга Маргарет Бофорт, собрал значительную сумму денег и поддерживал связь с единомышленниками по всей стране. Если Генри терзали какие-то сомнения по поводу того, где ему лучше высадиться, то они рассеялись после полученных известий — конечно же, в Уэльсе. Тюдор послал секретные сообщения своим последователям в Англии, пообещав пересечь пролив, как только соберет достаточно сил.

Агенты донесли Ричарду о приготовлениях Тюдора, но не смогли выяснить, где будет нанесен удар. Король был уверен, что мятежники не осмелятся пристать к побережью северных графств, преданность которых королю была общеизвестна. Он вспомнил все успешные вторжения с континента за последнее время: в 1461-м йоркисты высадились в Сандвиче, одиннадцать лет спустя королева Маргарита д'Анжу пристала в Уэймуте, а в 1483 году Генри Тюдор подошел к Пулу в графстве Дорсет. Что ж, приходилось действовать исходя из этих скудных данных.

Из-за кражи Вудвиллами казны Эдуарда IV расходов на подавление мятежа 1483 года, военных экспедиций 1484 года, а также щедрых даров Ричард испытывал трудности с финансами. Чтобы найти деньги, необходимые для защиты государства, он был вынужден прибегнуть к займам. Он взял кредиты у лондонских купцов, по которым, как и год назад, предоставил хорошее обеспечение. Приглашения подписаться на деньги включали конкретное обещание по погашению долга.

Уполномоченные короля разъехались по стране с копиями циркуляра, где иногда было проставлено имя, иногда — нет:

«Верный и возлюбленный, горячо Вас приветствуем. Из-за великих и непомерных расходов и затрат, которые нам приходится нести и поддерживать, как для защиты моря, так и нашего королевства, мы желаем и сердечно просим Вас выслать нам в качестве займа с нашим верным слугой [прочерк]. И мы обещаем Вам этим нашим письмом, подписанным нашей собственной рукой, непременно вернуть половину суммы к дню святого Мартина, и остаток в [пропуск] ко дню святого Иоанна Крестителя^[177] без дальнейших отсрочек. Заверяем Вас, что выполнив это наше безотлагательное желание и сердечную просьбу, Вы найдете в нас доброго и милостивого господина ко всем Вашим справедливым просьбам. Окажите подобающее доверие нашему слуге касательно того, с чем мы обращаемся к Вам»^{111}.

Это письмо доставлялось адресатам вместе с обращением местных уполномоченных:

«Сэр, Его светлость король приветствует Вас. Он желает и сердечно просит Вас, чтобы в качестве займа Вы предоставили ему ту сумму, о которой Его светлость пишет Вам. Вы непременно получите ее назад в те сроки, которые указаны и обещаны Вам в его письме. Она нужна ему для защиты и гарантий безопасности его королевской особы и для общественного блага королевства. Его светлость и все его лорды считают, что каждый истинный англичанин поможет ему в этом деле. Из всех прочих [король] ставит Вас на первое место, именно поэтому он обращается к Вам прежде, чем к остальным, поскольку знает о той любви, доверии и верности, которые Вы испытываете по отношению к Его светлости. Он верит, что Вы, как любящий подданный, исполните это его нынешнее пожелание»^{112}.

Несмотря на уважительный тон писем и твердое обещание расплатиться, эта мера была далеко не популярной. Злые языки прозвали ее «малеволенциями», то есть «вынужденными» пожертвованиями в противоположность «добровольным» беневоленциям. Тем не менее англичане раскошелились: архиепископ Йоркский одолжил королю 200 фунтов стерлингов, епископ Вустерский — 50 фунтов, аббат Вестминстерский — 200 марок и аббат Сайренсестера — 100 фунтов. Сквайр Джон Уингфилд внес сумму в 100 фунтов стерлингов, столько же сэр Эдмунд Бедингфилд. Всего с конца февраля до 1 апреля Ричард собрал солидные средства — примерно 20 тысяч фунтов.

В апреле король направил сэра Джорджа Невилла с флотом патрулировать Ла-Манш и охранять гавани Кента. Виконту Ловеллу он поручил укрепить береговую оборону и собрать войска южных графств. Герцог Норфолкский оставался в Восточной Англии охранять подступы к Лондону. На Западе Ричард не предпринял никаких мер предосторожности помимо тех, которые были предписаны всему королевству: в беспокойных Девоне и Корнуолле ключевые должности занимали его северные друзья, в том числе Джон, лорд Скруп Болтонский. Главные сторонники Генри Тюдора и Вудвиллы, проживавшие там, бежали в Бретань, а отпор, с которым Генри столкнулся в Плимуте, вероятно, отбил у него желание рискнуть и высадиться там снова.

Серьезную опасность представлял собой Уэльс, ибо Генри Тюдор был наполовину валлийцем, а его дядя Джаспер Тюдор все еще называл себя графом Пемброкским, не желая забыть то время, когда он был крупным магнатом запада. Это Джаспер в 1460 году долгое время удерживал замок Харлех после того, как вся остальная Англия была умиротворена Эдуардом IV. Измена Бакингема ослабила королевский надзор над Уэльсом, который с тех пор частично контролировался королевскими чиновниками, частично местными вождями, вроде Риса ап Томаса. Джеймс Тирелл, рыцарь королевской личной охраны и один из наиболее доверенных слуг Ричарда, управлял Гламорганом, но затем был переведен в замок Гин и оставил в Уэльсе своих заместителей.

Впрочем, нельзя сказать, что у Ричарда там совсем не было поддержки среди населения. Во время восстания 1483 года многие местные дворяне доказали свою лояльность и были вознаграждены небольшими аннуитетами. Морган Кидуэлли, генеральный прокурор Ричарда, был валлийцем. Главным судьей Уэльса служил Уильям Херберт, граф Хантингдонский, зять Ричарда. Не было у Ричарда оснований сомневаться и в верности вождя Южного Уэльса Риса ап Томаса, об измене которого он тогда не догадывался. Наконец, в Уэльской марке лежали обширные владения Мортимеров и Йорков, в настоящее время принадлежавшие короне — они образовывали прочный пограничный барьер по реке Северн и могли остановить вторжение.

Северо-восток Англии находится под контролем Стэнли — сэр Уильям имел огромное влияние в Восточном Денбишире и Шропшире, он же был главным судьей Северного Уэльса. Лорд Стэнли и лорд Стрейндж обладали

твердой властью в Чешире и Ланкашире. Что это были за люди, король Ричард должен был знать лучше других. Свой путь к успеху они начали в 1459 году, раз за разом предавая союзников и переходя на сторону победителей в войнах Роз. Несмотря на многочисленные предательства, после окончательной победы Йорков Томас Стэнли стал одним из ближайших советников Эдуарда IV и стюардом двора. Он успешно вывернулся из заговора Хейстингса, а участие в подавлении мятежа 1483 года помогло ему стать лорд-констеблем Англии. Теперь этому человеку с его братом и сыном Ричард III поневоле доверил защищать запад страны.

*

Приход мая застал короля в Лондоне. Вялотекущая борьба с мятежниками продолжалась: в основном охота шла на тех, кто скрывался от королевского правосудия и пытался пробраться в порты и оттуда на корабле отплыть во Францию. Неподалеку от Саутгемптона был схвачен сэр Роджер Клиффорд^[178] и приговорен к смерти. Этот рыцарь вращался в кругах самых непримиримых врагов династии Йорков, был женат на Джоанне Кортней, сестре Томаса, шестого графа Девонского. Генри и Джон Кортней, двое ее братьев, были казнены йоркистами, а Джон погиб в битве при Тьюксбери, сражаясь против Эдуарда IV. Сэра Роджера уложили на деревянные салазки, чтобы протащить его по Лондону. На улице Сент-Мартинс-Ле-Гранд, ведущей к собору Святого Павла, сообщникам чуть было не удалось освободить осужденного, но помощники шерифа вызвали подмогу и водворили сэра Роджера обратно на салазки. Под усиленной охраной он все-таки был доставлен к месту казни, где приговор привели в исполнение.

Попытка отбить преступника у стражи продемонстрировала королю, что в Англии скрывается еще достаточно противников новой власти, хотя и не проявляющих себя открыто. Ричард решил еще раз напомнить своим слугам о необходимости соблюдать все его приказания и не терять бдительности. Среди прочих писем подобного рода в мае 1485 года он отправил послание мэру Ковентри:

«Верный и возлюбленный, мы горячо приветствуем Вас. Знайте, что до нас дошли вести о том, с каким достойным похвалы усердием Вы приняли на себя исполнение серьезных инструкций и важных ордонансов, о которых говорилось в нашем письме, недавно Вам направленном. Мы знаем, что результатом стало укрепление любви и усиление единства среди

вас, а раздоры, споры и разногласия прекращены к чести и благу нашего города. За это мы весьма хвалим Вас и ценим Вашу решительность и осмотрительную мудрость. Мы сердечно Вас благодарим, желаем и призываем Вас, чтобы как Вы столь же усердно продолжали исполнять свои обязанности, как к тому приступили»^{113}.

Во второй половине месяца король оставил столицу и отправился в Виндзор. Его сопровождали рыцари и эсквайры охраны, лорд Стэнли, Уильям Кэтсби, избранные советники, а также секретарь Джон Кендалл. Большая часть членов совета, включая и лорда канцлера Расселла, осталась в Лондоне для решения текущих государственных дел. Виконт Ловелл находился в Саутгемптоне, где наблюдал за переоснащением флота. Держать корабли в море было чрезвычайно дорогим предприятием, а финансы Ричарда были на исходе. Тем не менее он собирался отправить в Ла-Манш для патрулирования именно королевскую эскадру, а не нанятые купеческие суда только в этом случае из подобной затеи мог выйти хоть какой-то толк. Джон, герцог Норфолкский, и его сын граф Саррейский стояли наготове с отрядами в Эссексе, а непосредственная защита столицы была поручена сэру Роберту Брекенбери констеблю Лондонского Тауэра.

Из Виндзора Ричард переехал в Кенилуорт, где задержался по меньшей мере на две недели. Королевскому казначею пришлось потратить массу денег — не менее семнадцати счетов было выставлено за пшеницу на общую сумму 67 фунтов 10 шиллингов, один на 14 фунтов 3 шиллинга за хлеб, один на 64 фунта 18 шиллингов 8 пенсов за рыбу, двадцать на 54 фунта 12 шиллингов за сено, два счета на 5 фунтов 3 шиллинга за овсяное зерно, восемь на 131 фунт 9 шиллингов 6 пенсов за быков, одиннадцать на 60 фунтов 4 шиллинга 1 пенни за грубый хлеб, десять на 134 фунта 10 шиллингов за эль, а также еще одиннадцать счетов за разного рода продукты и предметы первой необходимости. Так что в Кенилуорте король обосновался прочно — если учесть, что на один пенни целая семья могла обеспечить себя хлебом на весь день.

*

В середине июня Ричард прибыл в Ноттингемский замок. Эта неприступная твердыня была возведена на плоской вершине темной скалы, возвышающейся над городом. За 400 лет своего существования крепость повидала многое. Она оказывалась в руинах и вновь восстанавливалась — как после 1140 года, когда во время войны между Мод Императрицей и

Этьеном де Блуа^[179] за английскую корону замок сожгли войска Роберта Канского, графа Глостерского. Однако Ричард III, со всеми удобствами расположившийся в просторных апартаментах новой башни, отстроенной его собственными усилиями, вспоминал вовсе не этого талантливого военачальника и умелого администратора, с которым носил общий титул. В его памяти всплывали подробности заговора, вызревшего здесь, в этом самом замке в 1330 году. Тогда семнадцатилетний король Эдуард III в сопровождении верных товарищей, во главе которых стоял сэр Уильям Монтегю, ночью тайным ходом пробрался в замок, разделался с охраной и арестовал свою мать Изабеллу и ее любовника Роджера Мортимера, графа Марчского, фактически правивших страной от имени регентского совета. Эта история служила превосходным примером того, что могло бы случиться с самим Ричардом, если бы он не отстранил племянников от наследования трона и остался бы при них лорд-протектором. А в свете страшной казни, к которой Эдуард III приговорил затем графа Марчского, гибель племянников от рук наемников герцога Бакингамского, пожалуй, обернулась в конце концов к пользе Ричарда.

Правда, угрозы его власти оставались, но уже со стороны претендента, которого сам Ричард не мог и не хотел считать равным соперником. Король читил букву законов престолонаследия и отвергал любые права дважды бастарда Генри Тюдора на престол. Гордое презрение Ричарда III к валлийцу проявилось даже в том, что он не счел нужным спешно выдавать Элизабет и ее сестер замуж и тем самым нанести ощутимый удар смутьяну: хотя обещание жениться на дочери Эдуарда IV не давало Тюдору никаких дополнительных прав на трон, оно было очень важно для консолидации сил мятежников. Когда племянницы вышли из добровольного заточения в святилище, Ричард не воспользовался открывавшимися перед ним перспективами, возможно, из желания до мелочей соблюсти данную королеве клятву. Король лишь отослал старшую дочь Эдуарда IV подальше от Лондона, передав ее на попечение совета Севера, заседавшего в Шериф-Хаттоне.

Презрение к низкому происхождению врага не помешало Ричарду разослать по всем графствам очередные инструкции для шерифов, где он детально доказывал несостоятельность претензий Тюдора:

«Король, наш повелитель и господин, определенно осведомлен, что Пирс, епископ Эксетерский, Джаспер Тиддер^[180], сын Оуэна Тиддера, называющий себя графом Пемброкским, Джон, бывший граф Оксфордский, и сэр Эдуард Вудвилл, а также другие прочие бунтовщики и

предатели, из которых многие известны как явные убийцы, прелюбодеи и вымогатели, лишенные прав и подвергнутые аттинктуре властью высокого суда парламента, вопреки заповедям Господним и против всякой правды, чести и естественных законов оставили свою родную страну. Они обратились поначалу за покровительством к герцогу Бретонскому и вполне определенно обещали ему то, что ни он сам, ни его совет не могли принять, ибо сочли для себя слишком чудовищным и позорным предоставить, соблюдать, поддерживать или исполнять это. Посему просителям было отказано совершенно.

Видя, что упомянутый герцог и его совет не помогут им, не поддержат их и не последуют их путями, упомянутые предатели тайно отбыли из его страны во Францию и там были приняты под покровительство старинным врагом нашего короля Шарлем, именующим себя королем Франции^[181]. Чтобы ввести в заблуждение и отвести глаза подданным указанного королевства, упомянутые повстанцы и предатели избрали своим капитаном некоего Генри Тиддера, сына Эдмунда Тиддера, сына Оуэна Тиддера, каковой из своей честолюбивой и ненасытной жадности посягает на узурпацию королевских звания, титула и положения в королевстве Англия, на которые он не имеет ни права, ни собственности, к которым он не причастен, как хорошо известно каждому. Он рожден от двойного прелюбодеяния и происходит от незаконнорожденной крови как со стороны отца, так и со стороны матери, ибо упомянутый Оуэн был незаконнорожденным, а мать его была дочерью Джона, герцога Сомерсетского, сына Джона, графа Сомерсетского, и Кэтрин Суинфорд. Из этого с совершенной очевидностью вытекает, что тот, кто совершенно намерен вторгнуться в наше королевство, ратуя за завоевание, не может иметь никакого титула. И если он исполнит свои несправедливые умыслы и намерения, то жизнь, доходы и добро всех людей окажутся у него в руках, так же как и свобода ими распоряжаться, и результатом сего станут беспрестанные злоупотребления наследствами, уничтожение всех благородных и уважаемых родов королевства. Для сопротивления и противостояния этому каждый истинный и верный англичанин должен взять в свои руки заботу о собственном благополучии и благе.

Чтобы вернее достичь своих несправедливых намерений и целей с помощью, поддержкой и содействием нашего старинного врага короля Франции, упомянутый Генри Тиддер заключил сделку и договорился с ним и со всем французским советом, что откажется и отречется на вечные времена от всех прав, титулов и претензий, каковые король Англии имеет и должен иметь на корону и королевство Французское, а также на герцогства

Нормандию, Анжу и Мэн, Гасконь и Гиень, Кассель и города Кале, Гин, Ам с марками, прилежащими к ним, а также навсегда отделит и исключит герб Франции из герба Англии.

Многие доказательства и подтверждения указанным завоевательным намерениям упомянутый Генри Тидцер дал как различным врагам короля, так и упомянутым бунтовщикам и предателям, архиепископствам, епископствам и прочим духовным епархиям, а также герцогствам, графствам, барониям, а также владениям рыцарей, эсквайров, дворян и других верных подданных короля в его королевстве. Он также намерен изменить и разрушить законы, ввести и установить новые законы и указы для подданных короля.

И более того, кроме отчуждения всех владений в пользу указанных старинных врагов короля к полнейшему уничтожению, позору и поношению, когда-либо выпадавшим на долю этого королевства, указанный Генри Тидцер и прочие вышеперечисленные бунтовщики и предатели намереваются в случае захвата власти учинить убийства, резню и грабежи, допустить нарушения наследственных прав более жестокие, чем виденные когда-либо в любом из христианских королевств.

Чтобы избежать этих и других, еще неизвестных опасностей, и с намерением сильно затруднить упомянутым бунтовщикам, предателям и врагам достижение их злонамеренных и несправедливых целей, а затем и совершенно расстроить их замыслы, ежели они будут стремиться высадиться.

Король наш повелитель и господин желает, требует и приказывает всем и каждому из истинных и верных подданных его королевства помнить эти статьи, и, будучи добрыми и верными англичанами, собрать все свои силы для защиты себя, своих жен, детей, а также имущества и недвижимости в противодействие указанным злонамеренным целям и тайным замыслам, которые упомянутые старинные враги короля вместе с указанными бунтовщиками и предателями лелеют для полного уничтожения этого королевства, как сказано выше.

И наш повелитель и господин, как сильный, усердный и отважный принц, возложит на свою королевскую персону все необходимые труды и заботы по сопротивлению и подавлению его указанных врагов, бунтовщиков и предателей во имя спокойствия, блага и безопасности всех своих истинных и верных вассалов и подданных.

И сверх того, наш повелитель и господин желает и приказывает всем своим подданным пребывать в готовности [прибыть] в своем лучшем вооружении для военной службы его высочеству, когда публичным

воззванием или иным способом им будет приказано это исполнить, дабы оказать сопротивление указанным бунтовщикам, предателям и врагам»^[114].

*

Вскоре после прибытия Ричарда III в Ноттингем сопровождавший его в поездке Томас, лорд Стэнли, попросил позволения удалиться на время в родовые владения. Он заявил, что давно не был в своих землях, и там крайне необходимо его присутствие, чтобы навести порядок в делах. Кроме того, в случае вторжения с континента ему будет легче и быстрее собрать своих людей, находясь дома.

У Ричарда не было весомых аргументов против исполнения этой просьбы — лорд Стэнли уже более десяти лет безупречно служил Йоркам, и в качестве стюарда двора успешно управлял королевскими манорами. Однако в прежней его жизни можно было найти немало примеров того, что лояльность лорда, как и лояльность всех остальных представителей этой семьи в целом всегда определялась выгодой текущего момента. Более того, Генри Тюдор приходился ему пасынком, а если бы он высадился в Уэльсе, то его путь с большой долей вероятности пролегал бы через владения Стэнли. Тем не менее Ричард согласился отпустить лорда в его владения, потребовав в качестве меры предосторожности оставить в Ноттингеме старшего сына Джорджа лорда Стрейнджа — фактически как заложника.

В конце июля Ричард получил сообщения от своих агентов во Франции, что Генри Тюдор готовится к отплытию, поэтому 24-го числа того же месяца приказал лорд-канцлеру срочно прислать ему Большую печать. Во второй половине дня 1 августа Томас Бэроу въехал в Ноттингем, а в семь часов вечера в часовне замка передал королю требуемый символ королевской власти. Теперь оставалось только ждать.

Дни тянулись медленно, напряжение не спадало. Король Ричард или затворялся в апартаментах замка, погружаясь в свои невеселые мысли, или отправлялся на охоту в Шервудский лес, чтобы хоть немного развеяться. Ему постоянно доставляли новости из столицы, и он с нетерпением ждал новой книги от Уильяма Кэкстона^[182]. Английский первопечатник еще в 1476 году установил недалеко от Вестминстерского аббатства свой пресс, из-под которого вот-вот должна была выйти книга сэра Томаса Мэлори «Смерть Артура»^[183]. Она представляла собой компиляцию старинных сказаний о легендарном короле бриттов Артуре, королеве Гвиневере, сэре

Ланселоте и других рыцарях Круглого стола.

Глава седьмая.

ВТОРЖЕНИЕ

11 августа через Шервудский лес к Бесквуд-Лоджу проскакал гонец. Нахлестывая усталого коня, он нес королю Ричарду весть о том, что отряды Генри Тюдора высадились на английскую землю у Милфорд-Хейвена в Южном Уэльсе.

Еще 1 августа Тюдор на пятнадцати кораблях покинул порт Арфлера. «С небольшой суммой денег, полученной от короля, и примерно тремя тысячами нормандцев, самых отъявленных мерзавцев, которых только можно было найти, [он] отплыл в Уэльс»^[115]. Насчет мерзавцев Коммин, конечно, погорячился. Ядром армии стали солдаты, которые в свое время служили в тренировочном лагере Пон-де-л'Арш в долине Сены под командованием маршала Франции Филиппа де Кревкера, сеньора д'Экера, или, на английский манер, лорда Кордеса. Кроме них Тюдора сопровождали английские изгнанники, небольшое число шотландцев и бретонские авантюристы. В Париже остались Томас Грей, маркиз Дорсетский, и Джон Буршье в качестве заложников за 40 тысяч турецких ливров, предоставленных правительством короля Карла VIII на содержание мятежной армии. Капитанами Тюдора были назначены его дядя Джаспер и Джон де Вер, именовавшие себя соответственно графами Пемброкским и Оксфордским. Отрядами также командовали Филибер, сеньор де Шанде и де Планта, сэр Эдуард Вудвилл, Джон Чейни, Томас Эрандел, Ричард Гилфорд, Уильям Баркли и др.

Пользуясь попутным ветром, французские корабли сумели избежать встречи с флотом Ричарда III, крейсировавшим у портов юго-восточного побережья, и во второй половине дня в воскресенье 7 августа вошли в бухту Милл-бей на западной оконечности залива Милфорд-Хейвен. Незадолго до заката мятежники высадились на мысе Святой Анны недалеко от деревни Дейл. Тюдор, похоже, всерьез поверил в то, что уже стал королем Англии. Ощувив под ногами твердую землю, он первым делом посвятил в рыцари спутников — Филибера де Шанде, Эдуарда Кортнея, Джона Чейни и своего дядю Джона Уэллза. На следующий день войско Генри стремительным маршем преодолело более 20 километров на северо-восток через Пемброкшир и подошло к городу Хэверфордвесту. Там его встретила делегация от городских властей, которые пообещали, что

город мирно откроет ворота перед Джаспером Тюдором: тут его до сих пор считали своим господином, хотя он давно был лишен титула графа Пемброкского.

Одновременно пришли известия, что вопреки данной Тюдору клятве Рис ап Томас и Джон Сэвидж с оружием в руках выступили в поддержку короля Ричарда. Генри осторожно двинулся в северо-западном направлении на Кардиган и, пройдя восемь километров, вновь остановился в ожидании новостей. Неожиданно пронесся еще более тревожный слух, что сэр Уолтер Херберт^[184] вот-вот обрушится на мятежников с верными королю войсками. Началась паника, но разведчики вовремя донесли, что слух не имеет под собой никаких оснований, и путь на Кардиган свободен. Тюдор продолжил пробираться к северу по западному побережью Уэльса. Вскоре к нему присоединился Джон Морган со своими людьми. Остановившись у Кардигана, Генри знал уже достоверно, что к северо-востоку от него стоит с отрядом Рис ап Томас, но гонцы не смогли выяснить, кого собирался поддерживать валлийский вождь. Чтобы склонить Риса на свою сторону, Генри послал ему щедрое предложение сделать его наместником всего Уэльса пожизненно, если он придет на помощь. Однако Рис ап Томас вновь не дал определенного ответа, ибо перспективы мятежа не внушали ему доверия.

Войско мятежников двигалось на северо-восток через Кардиганшир, чтобы собрать как можно больше сторонников в Уэльсе. Тюдор шел под знаменем алого дракона Кадвалладра, барды оглашали окрестности балладами, в которых расписывали происхождение своего предводителя от древних кельтских королей, а его высадку на английской земле — как второе пришествие легендарного короля Артура. Только после того, как претендент пересек горы и двинулся на Ньютаун, Рис ап Томас наконец принял решение и присоединился к нему со своими воинами. Генри тем временем направил сообщения матери, Рейнолду Брею, братьям Стэнли, сэру Гилберту Толботу, своему родственнику Джону ап Маредидду и прочим, от кого он мог ожидать содействия. В письмах он требовал от них, как будто уже был королем, чтобы они вели к нему отряды, и объявлял, что собирается пересечь Северн у Шрусбери, а затем маршем двинуться через Шропшир на Лондон. Однако вопреки ожиданиям Тюдора валлийцы не стремились встать под его знамена, и восторженные толпы не приветствовали армию мятежников. Это, конечно, сильно тревожило претендента, однако самым неприятным моментом для него была полная неопределенность планов Стэнли, которые активно собирали в своих владениях войска, но не объявляли о своих намерениях.

Тюдор без сопротивления со стороны городских властей вошел в Шрусбери, затем, все еще не меняя направления, двинулся в Ньюпорт, куда дядя юного графа Шрусберийского сэра Гилберт Толбот привел контингент из четырех или пяти сотен человек. Далее Генри двинулся на Стаффорд, где, наконец, встретился с сэром Уильямом Стэнли, войска которого расположились лагерем у Стоуна, в 12 километрах севернее. Однако тот снова не взял на себя никаких нерушимых обязательств, поскольку все еще колебался в выборе стороны. Тюдор резко изменил направление, повернув на юго-восток к Личфилду.

*

Когда Ричард III получил известия о том, что мятежники высадились в Уэльсе, с ним не было армии — только рыцари и сквайры его личной охраны да слуги, занятые при дворе. Король немедленно направил призыв герцогу Норфолкскому, графу Нортумберлендскому, виконту Ловеллу и другим капитанам, приказав им спешно собрать людей и присоединиться к нему в Лестере. Он также послал гонца с письмом в Тауэр к сэру Роберту Брекенбери, в котором повелел кроме воинского отряда доставить в Лестер еще и артиллерию. Считая, что сэр Уильям Стэнли преграждает дорогу мятежникам в Северном Уэльсе, ему вызова король не послал, зато приказал прибыть в Ноттингем лорду Стэнли. Чтобы иметь точные сведения о движении противника, Ричард отрядил навстречу мятежникам конных разведчиков.

По хорошим дорогам Норфолка, Саффолка и Эссекса в Бери-Сент-Эдмундс начали сходить латники и йомены, чтобы там встать под знамена с серебряным львом Норфолков. Впрочем, многие рыцари не сочли нужным беспокоиться и не тронулись с места. Они вовсе не жаждали падения короля Ричарда, но устали от тревог, переходов и сражений, а корона меняла хозяев так часто, что утратила магическую ауру сакральности. Кроме того, мало кто сомневался, что неизвестный изгнанник Генри Тюдор не имеет ни одного шанса устоять в сражении против одного из самых прославленных воинов Англии, каким бесспорно являлся король — так что же зря беспокоиться? Так, по своему обыкновению остался в имении герцог Саффолкский, несмотря на то, что его сын Джон Линкольнский был объявлен условным наследником Ричарда. Граф Нортумберлендский, возглавлявший собственные отряды и ополчение Восточного райдинга Йоркшира, прислал сообщение, что идет к

королю со всей возможной скоростью. Однако на самом деле он тоже не слишком торопился.

В понедельник 15 августа Ричард получил ответ от лорда Стэнли. Тот сообщал, что его мучает лихорадка и он не может прибыть к королю немедленно. Одновременно с этим его сын лорд Стрейндж попытался ускользнуть из Ноттингема, но был задержан. Во время допроса он показал, что его дядя сэра Уильяма вместе с сэром Джоном Сэвиджем составили заговор и собираются присоединиться к Генри Тюдору. При этом Стрейндж поклялся, что отец сохраняет верность королю. Ричард разослал приказы шерифам графств, в которых объявлял сэра Уильяма Стэнли и сэра Джона Сэвиджа изменниками. Когда же Ричард узнал еще и о предательстве Риса ап Томаса, то понял — Генри Тюдор будет пробираться по западному побережью, а затем выйдет непосредственно в центр королевства. И действительно, войска мятежников дошли до Шрусбери и оттуда повернули вглубь Англии.

Ричард отложил свой отъезд из Ноттингема, поскольку рассчитал так: если Тюдор продолжит движение на восток, то король вызовет сюда войска из Лестера. Если изменит направление — то королевские войска все равно перехватят его. Беспокоиться пока было не о чем, и во вторник 16 августа король оставил замок, отправившись с группой близких друзей в Бесквуд-Лодж, что в Шервудском лесу. На следующее утро Ричард встал рано и уехал на охоту. Когда он во второй половине дня вернулся в Бесквуд-Лодж, к нему ввели двух мужчин, покрытых потом и пылью после долгой дороги. Король хорошо их знал: это были жезлоносец Джон Спонер и Йоркский курьер Джон Николсон. Мэр и олдермены заверяли короля, что невзирая на поразившую город чуму, готовы выслать ему в помощь военный отряд. Кроме того, они уведомили Ричарда, что узнали о вторжении сами, ибо не получили никаких указаний от графа Нортумберлендского, который, между прочим, был уполномоченным по сбору северного ополчения. Ричард понял, что граф по меньшей мере саботирует его приказы, и просил передать мэру, что действительно нуждается в отряде йоркцев, причем в самое ближайшее время.

Джон Спонер предпочел остаться с королем, чтобы принять участие в битве, а Джон Николсон спешно отправился назад в Йорк. Магистраты города приложили все усилия, чтобы не подвести короля — чума или не чума, но они собрались и постановили снарядить отряд в 80 человек под командованием жезлоносца Джона Хейстингса.

В среду 17 августа Ричард вернулся в Ноттингемский замок. Поведение графа Нортумберлендского насторожило его, но он был тем не

менее уверен, что его йоркширцы пойдут за королевским знаменем, даже если им для этого придется пренебречь приказами непосредственного командира. Король все еще находился в Ноттингеме, когда ему донесли, что мятежники внезапно повернули на юго-восток, а войска Стэнли движутся восточнее, параллельным путем.

*

Армия Тюдора прошла через Личфилд, где пополнила свой артиллерийский парк конфискованными в городе пушками, и вечером 20 августа остановилась в Тэмуорте, где также реквизировала орудия, стоявшие на стенах старого замка. Лорд Стэнли двумя днями ранее покинул этот город и разбил лагерь в Атерстоне. Отряды сэра Уильяма Стэнли находились чуть севернее, между Личфилдом и Лестером.

Этой ночью Генри Тюдор пережил одно из самых неприятных событий своей жизни. Он следовал позади своей армии с небольшой группой телохранителей. Терзаемый тревогами и сомнениями, валлиец погрузился в свои невеселые мысли. Безопасный Уэльс остался далеко позади, Стэнли по-прежнему не желали брать на себя никаких обязательств. Надежды на то, что с появлением мятежников на английской земле власть Ричарда III сама собой рухнет, не оправдались. К восставшим присоединилось слишком мало людей, в то время как вражеская армия, по донесениям разведчиков, была сильной и хорошо вооруженной. Неожиданно очнувшись от раздумий, Генри понял, что уже темнеет, а на горизонте не видно ни Тэмуорта, ни его войска. По пути ему попала маленькая деревушка, на окраине которой он укрылся в хижине, дрожа от страха. От хозяев Тюдор с облегчением узнал, что до Тэмуорта всего пять километров пути. Тем временем капитаны были крайне взволнованы его необъяснимым отсутствием — граф Оксфордский и Джаспер Тюдор провели беспокойную ночь, ибо ненадежные войска могли разбежаться, обнаружив исчезновение вождя. На рассвете следующего дня Генри пробрался в Тэмуорт. В качестве оправдания он заявил, что не сбивался с пути, а покинул лагерь, чтобы посоветоваться с некими «тайными друзьями». Можно с изрядной долей вероятности предположить, что Тюдор искал способа бежать, но был остановлен своими немногочисленными спутниками.

Добравшись до города Атерстон, он остановился в старинном цистерианском аббатстве Мервэйл и дал измученным долгим маршем войскам целый день на отдых. Там к нему присоединились сэр Джон

Сэвидж, сэр Брайан Сэндфорд и сэр Саймон Дигби, изменившие королю.

Ричард III, узнав о том, что мятежники свернули к юго-востоку, немедленно отдал приказ своей армии выступить в Лестер. Герцогу Норфолкскому и графу Нортумберлендскому он послал распоряжение двигаться туда же. Королевская армия 19 августа оставила Ноттингем и в походном порядке выступила на юг: конные на флангах, Ричард и его латники в авангарде, обоз в центре, а отряды северных лордов, дворян и ополчение замыкали колонну. Под надежной охраной везли лорда Стрейнджа.

Пять армий стекались к Лестеру, где уже стоял Норфолк с отрядами, набранными в южных и центральных графствах. Сэр Уильям и Томас, лорд Стэнли, приближались с северо-запада, за ними двигалась армия Генри Тюдора. Король подходил с севера, где-то в его тылу шли с отставанием отряды графа Нортумберлендского. Незадолго до заката 19-го король пересек мост через реку Сор и вошел в северные ворота Лестера. По Хай-стрит он проехал мимо церкви Всех Святых и спешил к таверне «Белый вепрь».

Верный Джон Хауэрд уже ждал его там. Нортумберленд прислал сообщение, что прибудет в Лестер к следующему вечеру. На военном совете в ту ночь Ричард и Хауэрд решили задержаться в Лестере на день, дожидаться Нортумберленда и других капитанов и следить, не изменят ли вновь мятежники маршрут своего движения.

*

В субботу 20 августа Ричард вместе с Джоном Хауэрдом, сыном герцога Томасом, графом Саррейским и другими капитанами провел смотр войск. С лондонским контингентом и артиллерийским обозом прибыл сэр Роберт Брекенбери. Он сообщил, что у Стоуни-Стратфорда его отряд покинули Уолтер Хангерфорд и Томас Буршье — очевидно, они бежали с целью примкнуть к Генри Тюдору. Ричарду оставалось только запоздало пожалеть, что он помиловал Хангерфорда, подвергнутого аттинктуре после провала осеннего восстания 1483 года.

Однако случаи открытой измены были скорее исключением, чем правилом. Магнаты по большей части сохранили верность королю — из английских графов, маркизов и герцогов на сторону мятежников перешли только изгнанники, лишённые родовых титулов: Томас Грей, маркиз Дорсетский, Джаспер Тюдор, граф Пемброкский, Джон де Вер, граф

Оксфордский, и Эдуард Кортней, граф Девонский. Остальные шли по призыву короля в Лестер — Джон Хауэрд, герцог Норфолкский, Джон де Ла Поль, граф Линкольнский, Генри Перси, граф Нортумберлендский, Ральф Невилл, граф Уэстморлендский, Томас Хауэрд, граф Саррейский, Уильям Баркли, граф Ноттингемский. Уильям Херберт, граф Хантингдонский, охранял южный Уэльс, что вынудило Тюдора двигаться не кратчайшим путем, а сделать большой крюк к северу. Эдуард Стаффорд, граф Уилтширский, и Генри Буршье, граф Эссекский, еще не достигли совершеннолетия, а Эдмунд Грей, граф Кентский, и Уильям Фиц-Алан, граф Эранделский, напротив, были стариками. Впрочем, Томас Фиц-Алан, лорд Малтреверс, старший сын графа Эранделского, встал под знамена Ричарда III.

Из трех английских виконтов Фрэнсис Ловелл Тичмаршский был личным другом короля. Лорды Скруп Болтонский, Фиц-Хью, Зуш, Дакр Гилслендский, Феррерс, Одли, Грей Коднорский находились в рядах королевской армии. Лорд Хейстингс, младший брат казненного камергера, также сражался за Ричарда. Верный королю Джон, лорд Динэм, командовал гарнизоном Кале. На стороне короля были лорды Ламли, Грейсток, Дадли и Кобэм, хотя в Лестер они по тем или иным причинам не пришли. Ричард вовсе не чувствовал себя лишенным поддержки большинства своих вассалов.

К вечеру 20 августа Ричард получил донесения от разведчиков, что армия Тюдора стоит лагерем в окрестностях Атерстона, а неподалеку от нее расположились отряды лорда Стэнли и его брата сэра Уильяма. Поздно вечером прибыл, наконец, граф Нортумберлендский со своими людьми. Он попросил дать войскам отдых до утра, ибо кони очень устали. Ричард не возражал.

Утром в воскресенье 21 августа королевская армия построилась в походную колонну. На узких улицах Лестера звучали трубы. Войска прошли через свиной рынок, по западному мосту через Сор и вышли на дорогу к Керкби-Мэллори. Латники и лучники Норфолка и Сарри образовали авангард. Затем ехал король Ричард с герцогом Норфолком и графом Нортумберлендским во главе рыцарей и эсквайров своей охраны. За ними двигался сильный отряд, в основном состоявший из солдат с севера и из центральных графств. В центре армии ехал обоз, а в арьергарде следовали войска Нортумберленда.

Ричард в полном вооружении восседал на белом коне, на его шлеме сверкал золотой венец. Вокруг короля реяли стяги Англии и святого Георгия. Впереди ехали герольды в гербовых табардах, трубачи и

барабанщики. Когда авангард достиг деревни Керкби-Мэллори, Ричард велел сделать привал, чтобы солдаты могли передохнуть и поесть, а сам созвал своих капитанов на совет. Как сообщали разведчики, Тюдор и Стэнли не тронулись с места и по-прежнему оставались в окрестностях Атерстона. Королевские военачальники решили разбить лагерь у деревни Саттон-Чейни. Если мятежники двинутся на восток к Лестеру по римской дороге Фенн-лейн, то королевская армия преградит им путь. Если же они решат наступать на Лондон и пойдут на юго-восток по Уотлинг-стрит, то армия по более короткой дороге опять же перехватит их около деревни Хинкли.

Королевские войска снова пришли в движение и вошли в Саттон-Чейни. Король послал лорду Стэнли приказ немедленно присоединиться к королевской армии, однако гонец вернулся с уклончивым ответом. Впрочем, точно такой же ответ лорд Томас отправил и Генри Тюдору, предложившему объединить силы. Он заявил валлийцу, что «подойдет с войсками в нужный момент», не уточнив, какой именно момент считает «нужным».

Перед рассветом командиры разбудили солдат на завтрак. У палатки короля собрались приближенные: камергер виконт Ловелл, контролер двора сэр Роберт Перси, советники сэр Ричард Рэтклифф и Уильям Кэтсби, секретарь Джон Кендалл, сэр Роберт Брекенбери, сэр Томас Монтгомери, заместитель констебля сэр Ральф Эштон и пр. Вскоре появился Ричард, за ним оруженосец нес шлем с золотым обручем. Лицо короля было бледным. Он провел тревожную ночь, выспаться ему не удалось. Ричард мрачно взглянул на своих верных друзей и заметил: «Независимо от того, кто выиграет сражение, та Англия, которую мы знали, в любом случае будет разрушена. Если победит Генри Тюдор, он раздавит всех сторонников дома Йорков и будет править страхом. Если победа достанется мне, то я также буду отныне править безжалостно и не стесняться применять силу, чтобы управлять королевством». Закончив эту краткую речь, король приказал начать богослужение несмотря на то, что священников в армии не хватало.

Сев на коня, Ричард приказал выйти на дорогу Фенн-лейн, а затем двигаться по направлению к Атерстону. Капитаны разъехались к своим отрядам, и армия снялась с лагеря. По сообщениям разведчиков, отряды Стэнли заняли позиции впереди — на склонах холма Краун-хилл, но по отдельности друг от друга, ибо сэр Уильям уже был объявлен предателем, а лорд Стэнли формально еще не обвинялся в измене. Ричард приказал Джону Кендаллу отправить последнее предупреждение лорду Стэнли и приказ немедленно присоединиться к нему с войсками, если он ценит

жизнь своего сына.

*

Ричард прибыл на место сражения раньше Тюдора, что дало ему возможность выбрать диспозицию. перейдя по Фенн-лейн через ручей Фенн-Хоул, Ричард выстроил свою армию под углом примерно в 60 градусов поперек тракта, чтобы, с одной стороны, перекрыть путь подходящим войскам Тюдора, а с другой стороны, чтобы не подставлять фланг и тыл стоявшим южнее Стэнли. Левое крыло по фронту было защищено болотом, правое по флангу — ручьем, протекавшим севернее дороги. Первую линию составляли две баталии — правой командовал герцог Норфолкский, левой — граф Нортумберлендский. Генри Перси, таким образом, должен был не только прикрывать левый фланг Норфолка, но и удерживать от враждебных действий братьев Стэнли. Сам Ричард, зная свой пылкий нрав и тягу к воинским трудам, остался в тылу с третьей баталией, уступавшей по численности первым двум. Пока он поступал, как и полагает мудрому полководцу.

Поскольку левое крыло было защищено болотом, основной удар противника ожидался на правом фланге. Именно поэтому в баталию Норфолка вошла большая часть лордов с их рыцарями, латниками и опытными в воинском деле солдатами. Небольшая возвышенность, на которой стояли королевские войска, давала возможность эффективно использовать артиллерию, размещенную вдоль всего фронта.

Королю пришлось ждать почти час, пока вдали не показались отряды мятежников. Примерно в это время король получил ответ от лорда Стэнли, который заявил, что пока не собирается присоединиться к Ричарду, а что касается участи его наследника, так у него есть и другие сыновья. Разгневанный король приказал немедленно казнить лорда Стрейнджа, однако и он сам, и его окружение были больше заняты подготовкой к сражению, и приказ остался неисполненным. Мятежники остановились на расстоянии 800 метров от оборонительных позиций королевской армии, чтобы не попасть под огонь ее пушек.

Если отбросить сообщения хронистов, явно преувеличивавших численность армий (некоторые говорили о 70 тысячах воинов только в королевском войске), то расклад сил был примерно таков. Ричард привел на поле боя около восьми тысяч человек, четыре были отданы под командование Норфолка, три — Нортумберленда, а еще тысяча,

включавшая 80 рыцарей и эсквайров личной королевской охраны, оставалась в резерве. Генри Тюдор смог выставить около пяти тысяч солдат, из них две с половиной тысячи французов, нормандцев, бретонцев и шотландцев с континента плюс полтысячи английских изгнанников. Около двух тысяч присоединилось к нему во время перехода из Уэльса до Атерстона. Из общего числа примерно четыре тысячи находились в авангарде под общим командованием графа Оксфордского. Войска братьев Стэнли насчитывали от 1500 до 3000 воинов.

И вот зазвучали трубы, раздались команды на английском, французском и валлийском, солдаты поспешили надеть шлемы. Сражение началось с артиллерийской перестрелки, а когда наступающие вдоль Феннлейн войска Тюдора приблизились на расстояние в 300 шагов, в дело вступили лучники. Как и ожидалось, Оксфорд в болото не полез, а обрушился со всеми своими силами на правый фланг королевского войска. Ричард был уверен, что при равных силах ветеран многих сражений Норфолк как минимум удержит позиции. Его уверенность оправдалась в полной мере — герцог двинул свои отряды навстречу противнику. Канонада смолкла, когда серебряный лев Норфолка столкнулся с серебряными и лазурными звездами Оксфорда. После упорной схватки графу Оксфордскому пришлось отступить, однако сдаваться он не собирался. Получив в подкрепление практически весь оставшийся в наличии резерв, перестроившись и плотно сомкнув ряды, мятежники вновь пошли в атаку, и на этот раз им улыбнулась удача. Опыт французских наемников, прошедших подготовку в Пон-дел'Арше, а также использование новой тактики — оцетинившегося пиками клина — качнули весы в их сторону. Герцог Норфолкский и лорд Феррерс, сражавшиеся в первых рядах, были убиты. Строй королевских отрядов заколебался. Ричард также послал на правое крыло свой резерв, проклиная себя за неудачно выбранную позицию графа Нортумберлендского, которому мешало вступить в дело все то же болото, до этого так надежно его прикрывавшее.

Ричарду, собственно, волноваться было рано, ибо войска Стэнли не двигались с места, отряды Нортумберленда были совершенно целы, а граф Саррейский, занявший место павшего отца, вполне мог еще сопротивляться. Однако в Ричарде проснулись инстинкты воина, и он увидел, как ему казалось, превосходный способ одним ударом закончить битву. Тюдор, отдавший последние резервы на поддержание атаки, стоял в ближнем тылу своих сражавшихся войск с немногочисленным прикрытием. Ричард решил рискнуть своими рыцарями в отчаянной попытке убить претендента.

Виконт Ловелл, сэр Роберт Брекенбери, сэр Ричард Рэтклифф, сэр Роберт Перси, сэр Джеймс Харингтон, сэр Мармадьюк Констебл, сэр Томас Бург, сэр Ральф Эштон, сэр Томас Пилкингтон, Джон Сэпкот, Хамфри и Томас Стаффорды, Джон Кендалл вместе с другими рыцарями и латниками поспешно садились в седла. Набирая скорость, отряд понесся в обход левого фланга, проскочил вдоль фронта войск братьев Стэнли и ринулся на небольшую группу воинов, в центре которой развевался штандарт с алым драконом Кадвалладра. Натиск английских рыцарей был столь сокрушительным, что французские наемники и валлийские пехотинцы, составлявшие эскорт Тюдора, не выдержали. Ричард, раздавая направо и налево удары своим боевым топором, пробивался к центру вражеского отряда. Путь невысокому и худощавому королю преградил гигант Джон Чейни, но Ричард мощным ударом сбил его с коня на землю. Секирой он прокладывал себе дорогу вперед — туда, где развевался штандарт Тюдора. Король уже добрался до Уильяма Брэндона, державшего знамя, и зарубил его. От главы мятежников Ричарда отделяли всего несколько метров, когда оруженосец схватил королевского коня за уздечку и показал рукой на юг. Ричард обернулся и увидел, как на него надвигаются войска сэра Уильяма Стэнли, который все-таки решился вступить в бой, но, к сожалению, не на стороне законного короля. Рискованный маневр, предпринятый Ричардом, почти увенчался успехом, однако в последнее мгновение измена обратила победу в неминуемое поражение.

Королевские рыцари советовали королю бежать, ибо одна проигранная битва не означала проигрыша всей кампании, но Ричард отказался, заявив: «Бог не позволит мне совершить такой поступок. Сегодня я или погибну королем, или одержу победу»^[116]. В пылу боя у него не было времени вспомнить о том, как своевременное бегство помогло сохранить жизнь его отцу Ричарду Йоркскому при Ладфорд-Бридже, и дважды — корону его брату Эдуарду IV в Ноттингеме и Донкастере. Впрочем, даже если бы ему и пришли на ум эти примеры, король вряд ли с позором покинул бы поле боя, оставив его претенденту, которого он презирал как бастарда.

Видя такую решимость своего повелителя, рыцари приготовились пасть в бою рядом с ним. Горстка воинов не могла долго сопротивляться противнику, на порядок превосходившему их по численности. Ричарда стащили с коня, сбили с него шлем. Жестокий удар алебарды раскрыл королю череп, и тут же он получил сильный удар кинжалом в лицо. Ричард умер мгновенно, но озверевшие в пылу битвы солдаты нанесли уже мертвому королю еще несколько ударов по голове.

В балладе, сложенной очевидцем тех трагических событий,

наблюдавшим за ходом боя из стана изменников Стэнли, автор отдает дань мужеству короля, хотя тот и был его противником:

Вот рыцарь к Ричарду подошел,
Сказал сурово: «Надо бежать;
Глянь — Стэнли там, удар их тяжел,
Никто его не сможет сдержать.
И конь стоит уже под седлом;
Победы ждут тебя впереди,
И будешь нашим ты королем,
Теперь же я прошу — уходи».
Король в ответ: «Подай мне топор,
Венец на шлем ты мне возложи.
Клянусь, с врагом не кончен наш спор,
Погибну я королем, как и жил^{117}».

Горстке спутников Ричарда, в том числе виконту Ловеллу и Хамфри Стаффорду, удалось вырваться из смертельной сечи, но с гибелью короля сражение было проиграно. Преследуемые мятежниками, королевские войска бежали на северо-восток, на юг — к Амбионскому холму, Саттон-Чейни, Дадлингтону. Кто-то из солдат нашел на поле боя помятый шлем с надетым на него золотым королевским обручем и передал трофей сэру Уильяму Стэнли, который торжественно вручил корону Тюдору, приветствуя его как нового короля Англии.

Стоя на Краун-хилл с золотым венцом на голове, Генри вознес хвалу Господу, а затем обратился к окружающим его соратникам, нарочито демонстрируя им свою приверженность к милосердию: «Горюю о том, сколько отважных мужей нашло здесь свою погибель. Однако все они должны быть похоронены с почетом — в особенности я желаю, чтобы со всем возможным почтением был погребен король Ричард»^{118}.

Чего стоили слова новоявленного владыки Англии, могли видеть все — в этот момент продолжалось преследование и избиение бежавших с поля боя солдат противника. Только что были взяты под стражу графы Нортумберлендский и Уэстморлендский. Двоих йоменов охраны Ричарда — отца и сына Бречеров — схватили и тут же повесили. Уильяма Кэтсби разыскивали, чтобы также предать казни.

Что касается короля Ричарда, то солдаты Тюдора раздели его донага и, издеваясь над павшим, кололи тело кинжалами — в лицо, под ребра и в

ягодицы. Затем покрытый грязью и кровью труп перекинули через спину коня и повезли в Лестер следом за телегами, на которых были сложены захваченные трофеи.

...Венец золотой с чела его сбит,
На землю он рухнул с коня.
Рубили сплеча, безумьем пьянясь,
Бряцал по металлу металл,
И брызнула кровь, и мозг вытек в грязь —
Как воин король погибал.
До Лестера труп везли как мешок,
На лошадь навьючив его... [{119}](#)

Из-за нарочитой небрежности возчиков при проезде по мосту через реку Сор голова короля ударилась о каменный парапет. Нагое тело доставили в Лестер и выставили на всеобщее обозрение — два дня оно лежало в церкви Святой Марии. Затем труп обрядили в простой саван и без церемоний похоронили под хорами церкви Грейфрайерз — францисканского приорства. Видимо, это и означало «похороны с почетом» в понимании Генри Тюдора.

Первый парламент Генри VII услужливо одобрил незаконный акт аттинктуры, по которому Ричард обвинялся в мятеже против законного короля — ибо Тюдор приказал считать днем своего вступления на трон день, предшествовавший битве:

«Посему наш господин и повелитель держит в своей благословенной памяти сию высокую и великую заботу [вершить правосудие], предписанную его королевским саном и положением, не оставляя без внимания и не забывая противоестественные, отвратительные и великие клятвопреступления, измену, непреднамеренные и предумышленные убийства, пролитие крови младенцев и многие другие неправды, мерзости и гнусные преступления против Бога и человека, и в особенности против нашего вышеназванного повелителя и господина, совершенные и сделанные Ричардом, покойным герцогом Глостерским, называвшим и именовавшим себя после узурпации королем Ричардом III. Вместе с Джоном, покойным герцогом Норфолкским, Томасом, графом Саррейским, рыцарем Фрэнсисом Ловеллом, виконтом Ловеллом, рыцарем Уолтером Девре, покойным лордом Феррерсом, Джоном, лордом Зушем, рыцарями Робертом Харингтоном, Ричардом Чарлтоном, Ричардом Рэтклиффом,

Уильямом Баркли Уиллийским, Робертом Брекенбери, Томасом Пилкингтоном, Робертом Миддлтоном, Джеймсом Харингтоном, Уолтером Хоптоном, Уильямом Кэтсби, Роджером Уэйком, Уильямом Сэпкотом, Хамфри Стаффордом, Уильямом Клерком Уэнлокским, Джеффри Сен-Жерменом, герольдом Ричардом Уоткинсом, Ричардом Ревелом Дербиширским, Томасом Палтером-младшим из графства Кент, Джоном Уолшем, иначе называвшимся Хейстингсом, Джоном Кендаллом, покойным секретарем вышеназванного покойного герцога Ричарда, Джоном Баком, Эндрю Рэттом, Уильямом Брамптоном Барфордским 21 августа в первый год правления нашего вышеназванного повелителя и господина собрали большое войско в Лестере в графстве Лестер, вероломно намереваясь, подготавливая и замышляя уничтожение царственной особы короля, нашего повелителя и господина. И они держали это войско — с развернутыми знаменами, хорошо вооруженное и оснащенное всеми видами оружия, такими как пушки, луки, стрелы, копья, глефы, топоры, и другим вооружением, пригодным и необходимым для того, чтобы затеять и вступить в решительную битву с нашим вышеназванным повелителем, — с указанного 21 августа до последовавшего за тем 22 августа, когда они вывели его в поле в указанном графстве Лестер. И там, дабы ниспровергнуть это королевство и общественное благо, они по преднамеренному умыслу вероломно начали войну против нашего вышеназванного повелителя и господина и его верных подданных, которые явились на его службу под знамя нашего вышеназванного повелителя и господина»^[120].

Лишь спустя несколько лет новый король приказал за свой счет воздвигнуть на могиле надгробие из мрамора и алебаstra, заплатив за него 50 фунтов ноттингемским мастерам за изготовление и 10 фунтов — за перевозку надгробия в Лестер. В правление короля Генри VIII в 1538 году монастырь был разрушен, а его развалины постепенно растащили на свои нужды местные жители. Место захоронения останков затерялось на века — ходили даже слухи, что прах Ричарда при разрушении монастыря был извлечен из земли и выброшен то ли в реку Свифт, то ли под мост Боу-бридж, перекинутый через Сор.

Только совсем недавно, 25 августа 2012 года, благодаря энергии энтузиастов — секретаря шотландского отделения Общества Ричарда III Филиппы Лэнгли, писательницы Аннет Карсон и историка Джона Эцдаун-Хилла — под муниципальной автомобильной стоянкой города Лестера были найдены останки Ричарда III. 22 марта 2015 года по второму^[185] и

последнему королю Англии, погибшему на поле боя, католический епископ Вестминстера кардинал Винсент Николе отслужил заупокойную службу в Лестерском кафедральном соборе, а 26 марта многострадальные кости последнего из Йорков были торжественно с подобающими почестями преданы земле.

Глава восьмая.

ПРИНЦЫ В ТАУЭРЕ

Если прах Ричарда III упокоился с миром, пусть даже через пять с лишним столетий, то обвинение в убийстве племянников с короля не снято до сих пор. Впрочем, в Средневековье на физическое устранение детей, да еще по весомым политическим мотивам, смотрели гораздо проще, чем сейчас, и современников на удивление мало волновала судьба принцев, бесследно исчезнувших в Тауэре. Вовсе не причастность к этому убийству стала причиной падения Ричарда, и вовсе не она определяет его значение как государственного деятеля. Недаром британский историк-медиевист Хелен Мод Кэм воскликнула в сердцах: «И все-таки я не понимаю, как люди могут так переживать из-за судьбы пары сопливых сорванцов? Какое влияние они оказали на положение дел?»

Малозначимость в исторической перспективе убийства детей Эдуарда IV усугубляется тем, что достоверно выяснить все его подробности и, следовательно, безошибочно определить виновного не представляется возможным по крайней мере в ближайшем будущем — для этого просто не хватает фактов. Можно лишь с некоторой долей правдоподобности назвать основных подозреваемых.

Очень серьезные мотивы имел, конечно же, Генри Тюдор, однако именно его кандидатуру придется отбросить, поскольку у него не было никакой возможности совершить это преступление до вступления в Лондон в 1485 году. Принцы же, несомненно, не пережили 1483 года, что бы ни говорили сторонники различных теорий их чудесного спасения. Но Генри твердо знал, что дети мертвы, поскольку отменил акт, признающий их незаконнорожденными — то есть признал их права на трон, перевешивающие зыбкие права самого Тюдора.

Следующим подозреваемым является Ричард III. Прежде всего интересно, что думали по этому поводу его современники. Доминико Манчини, живший в Англии и покинувший ее перед самой коронацией, писал: «После убийства Хейстингса доступ к королю [Эдуарду V] всем его слугам был закрыт. Он и его брат были переведены во приличествующие им внутренние апартаменты Тауэра; с каждым днем их все реже видели за окнами и решетками, пока они не перестали появляться совсем. Доктор Арджентайн, последний из тех, чьими услугами пользовался король, рассказывал, что молодой король, как жертва, обреченная на заклятие,

стремился получить отпущение грехов ежедневной исповедью и покаянием, поскольку верил, что смерть стоит за его плечом... Однако разделились ли с ним и какого рода смерть он принял, я пока не выяснил»^{121}.

Следующее свидетельство обнаруживается в акте первого парламента короля Генри VII. У Тюдора не нашлось никаких доказательств прямой причастности Ричарда III к убийству принцев, и ему пришлось отделаться лишь общим перечислением всех смертных грехов, в которых, по его мнению, погряз предшественник, включая «пролитие крови младенцев».

Весьма осведомленный автор второго продолжения «Кройлендской хроники» был лично знаком с Ричардом III и входил, по всей видимости, в состав королевского совета. Он не питал особых симпатий к королю при его жизни, но также не взял на себя смелость выдвинуть прямое обвинение, хотя это весьма приветствовалось бы новым монархом. Хронист лишь процитировал слухи, имевшие хождение в то время. Так, под 1483 годом он отметил: «Публично объявлено, что Генри герцог Бакингамский, проживавший в то время в Брекноке в Уэльсе, раскаялся в своем прошлом поведении и стал одним из вождей попытки [отомстить за обиды]. Тем временем распространился слух, что вышепоименованные сыновья короля Эдуарда умерли насильственной смертью, но неясно, каким образом»^{122}.

Под 1484 годом он вновь не решился прямо приписать убийство королю, переложив ответственность на какого-то безвестного поэта, которого без комментариев процитировал в своей хронике:

Прибрав к рукам сокровище Эдварда, Третий^[186]
Не удовольствовался им, но уничтожил
Потомство брата и поставил вне закона
Его приверженцев. Два года узурпатор
Сидел на троне, прежде чем на поле боя,
Столкнувшись с ними, потерял он вместе с жизнью
Добытую несправедным путем корону^{123}.

В отличие от автора «Кройлендской хроники» Джон Раус, при жизни Ричарда превозносивший его многочисленные достоинства, после гибели короля всей душой стал служить новому хозяину. Он не только изобразил его монстром, но и без обиняков заклеил как серийного убийцу:

«[Ричард III] взошел на трон, убив того, чьим защитником до

достижения совершеннолетия он сам являлся... Он убил его [короля Эдуарда V] вместе с его братом. Он отравил и леди Энн, его королеву, дочь графа Уорикского. Теща, почтенная графиня Энн, вдова и наследница этого благородного лорда, искала у него убежища, и он запер ее до конца ее жизни. И, что самое отвратительное для Бога и всех англичан, да и для всех других народов, которым это стало известно, он послал других, чтобы убить святого человека короля Генри VI, или, как многие думают, сделал это своими руками»^{124}.

За исключением этого предельно тенденциозного пассажа современники, лично знакомые с Ричардом III и возвращавшиеся в придворных кругах, не склонны были выдвигать необоснованные обвинения и лишь ссылались на слухи, имевшие хождение в Англии. Народная молва порой действительно без весомых доказательств приписывала преступление королю. Это вполне объяснимо, ибо ответственность за все важные события в жизни страны нес монарх.

А вот люди, которые никогда не встречались с Ричардом III и даже близко не подплывали к берегам Англии, позволяли себе гораздо более вызывающие сентенции. В начале 1484 года канцлер Гийом де Рошфор с пафосом произнес на заседании Генеральных штатов: «Взгляните, молю вас, на события, которые произошли в этой земле [Англии] после смерти короля Эдуарда. Посмотрите, как его дети, уже большие и возмужавшие, были безнаказанно убиты, а корона передана благоволением народа их убийце»^{125}. Писатель и историк Диего де Валера в письме королям Испании, безбожно перевирая факты, безапелляционно заявил: «Вашим королевским величествам достаточно хорошо известно, что сей Ричард убил двух невинных племянников, коим по смерти его брата должно было принадлежать королевство, несмотря на то, что король Эдуард, их отец, вел войну в Шотландии, в то время как Ричард оставался в Англии. Говорят, что он убил их ядом»^{126}. Таким образом, француз дополнил по своему разумению информацию, полученную от своего приятеля Доменико Манчини, а испанец творчески развил сообщения наемника Хуана де Салазара, сражавшегося при Босуорте.

Чем дольше длилось правление Генри VII Тюдора, тем более императивными становились обвинения в убийстве Ричарда III, что можно трактовать как намеренное очернение последнего короля династии Йорков. Так, в начале XVI века «Хроника Фабиана» отметила: «Недовольство увеличилось в первую очередь из-за того, что пошли слухи о том, что король Ричард тайно предал смерти в Тауэре двух сыновей своего брата

Ричарда»^{127}. Ей вторит другой хронист: «И тотчас же упомянутый король Ричард предал смерти лорд-камергера и других джентльменов, как уже было сказано, он также предал смерти двух детей короля Эдуарда, и это стало причиной того, что он потерял сердца народа»^{128}. И только «Великая хроника Лондона», составленная на основе муниципальных записей, более полно, но вместе с тем и более осторожно говорит о событиях 1483 года:

«И после этого [казни Хейстингса] принц и герцог Йоркский содержались в почете, но люди сведущие говорили, что королем станет лорд-протектор... Во время исполнения обязанностей лорд-мэра Эдмундом Ша детей Эдуарда часто видели стреляющими из лука и играющими в саду Тауэра множество раз. После Пасхи пошли слухи меж людей, что король предал детей короля Эдуарда смерти... О их смерти существовало много мнений, ибо некоторые говорили, что их задушили между двумя перинами, некоторые говорили, что они были утоплены в мальвазии, и некоторые говорили, что их извели отравленным зельем. Но как бы они ни были преданы смерти, к тому времени [к началу мятежа] они без сомнений отошли в мир иной, и совершил это злое дело сэр Джеймс Тирелл, хотя другие возлагают вину на старого слугу короля Ричарда»^{129}.

Еще спустя десятилетие к демонизации Ричарда III подключились историки. Полидор Вергилий, официальный историограф Генри VII, писал: «Когда король Ричард понял, что лейтенант [Брекенбери] медлит с выполнением его приказа, он тотчас возложил обязанность неотложного убийства на другого, то есть на Джеймса Тирелла, который, будучи вынужден исполнять королевское повеление, с тяжелым сердцем поскакал в Лондон и убил детей... Но какую смерть приняли эти невинные дети, нам точно не известно»^{130}.

Воспитатель наследного принца Артура, старшего сына короля Генри VII, Бернар Андре также не испытывал никаких сомнений, морализируя по поводу роли Ричарда III в этой трагедии: «После убийства тех лордов, которые, как он знал, хранили верность его брату, тиран тайно и внезапно убил своих племянников в Лондонском Тауэре, и так смерть стала платой за смерть, а уничтожение — за уничтожение»^{131}.

Творение сэра Томаса Мора «История Ричарда III» заслуживает отдельного рассмотрения, ибо являет собой пример того, как историк, ведомый своими идеями, перестает следовать истине и начинает изобретать удобные ему факты. Мор писал о том, что, став королем, Ричард отправился в вояж по подвластным землям, и во время путешествия послал

некоего Джона Грина к коменданту Тауэра сэру Роберту Брекенбери с письмом, заключавшим в себе приказ предать смерти обоим принцев. Но Брекенбери заявил, что скорее сам умрет, чем поднимет руку на детей, и Джон Грин несолоно хлебавши вернулся к королю. Выслушав гонца, Ричард впал в гнев и пожаловался своему пажу: «Ах, есть ли человек, которому можно довериться?» Паж представил королю сэра Джеймса Тирелла, который с готовностью отправился все к тому же Брекенбери с письмом, содержащим приказ передать сэру Джеймсу на одну ночь все ключи от Лондонского Тауэра. Письмо было вручено адресату, ключи безропотно переданы, тянуть с убийством смысла не имело, поэтому Тирелл решил совершить его той же ночью:

«Для исполнения этого он [Тирелл] назначил Майлза Фореста, одного из их четырех телохранителей, парня, уже замешанного в убийстве. К нему он присоединил некоего Джона Дайтона, своего собственного конюха — огромного, жестокого, широкоплечего и сильного мошенника. К тому времени все остальные были от них удалены, и Майлс Форест с Джоном Дайтоном около полуночи (когда невинные дети спали в своих постелях) вошли в их спальню, внезапно набросили на них одежду, завернув их в нее и запутав, с силой зажав им рты периной и подушками так, что быстро задушили и убили; их дыхание ослабело, и они отдали Богу свои невинные души на радость небесам, оставив мучителям мертвые тела в постели»^{132}.

Не правда ли, создается впечатление, что сэр Томас лично прятался за пологом кровати принцев? Однако краткое перечисление его ошибок показывает, что Мор весьма смутно представлял себе, как все происходило на самом деле. Он считал любовницей Эдуарда IV Элизабет Люси, а не Элеонор Ботелер; неправильно назвал имена лорда Хейстингса и герцога Бакингемского; не был в курсе того, что Ричард III и Тирелл познакомились задолго до 1483 года; отправил Тирелла в лондонский вояж не из Йорка, а из Глостера; отложил на 12 лет посвящение Тирелла в рыцари и т. д. Наконец, в качестве соучастников преступления Мор назвал никому, кроме него, не известных Грина, Фореста и Дайтона. Свою поразительную осведомленность он объяснял знакомством с исповедью Тирелла, сделанной в 1502 году, о которой по странной случайности слыхом не слыхивали ни официальный историограф, ни наставник наследника трона. Не существует ни единого прямого или косвенного указания на то, что сэру Джеймсу вменялось в вину еще какое-то преступление, кроме того, за которое он и был казнен. Обвинялся же он в государственной измене, ибо предоставил убежище подвергнутому аттинктуре Эдмунду де Ла Полю, графу Саффолкскому, права на трон которого были гораздо весомее, чем у

Генри VII Тюдора.

Оставляя без внимания свидетельства Томаса Мора, мы приходим к выводу, что современники были твердо уверены в гибели принцев, однако не торопились обвинить в этом Ричарда III. Слухи порой приписывали ему это преступление, но скорее по принципу «а кому же быть виноватому, если не королю». Усердие тюдоровских историков также вполне объяснимо, ибо во все времена музыку заказывает тот, кто платит деньги.

Однако картина была бы неполной, если бы на этом мы и остановились, не упомянув еще одного персонажа, заинтересованного в гибели принцев. Совершенно неожиданно бургундский хронист Жан Молине выдал следующую сентенцию: «В тот же день [когда были убиты принцы] в Лондонский Тауэр приходил герцог Бакингамский, чтобы, как ошибочно полагали, убить этих детей, поскольку он сам претендовал на корону»^{133}. А бургундский и французский дипломат Филипп де Коммин вдруг заявил: «После смерти короля Эдуарда его второй брат герцог Глостерский велел убить двоих его детей, объявил его дочерей незаконнорожденными и сам стал королем... Этот король Ричард сам прожил недолго, так же как и герцог Бакингамский, который и предал двух детей смерти»^{134}. Вот так сюрприз... Можно возразить, что оба источника не слишком надежны в плане достоверности, однако запись от 1490 года в Эшмолловском манускрипте, равно как и хроника «Исторические заметки лондонского горожанина» тоже говорят о том, что дети были убиты «по подсказке герцога Бакингамского»^{135}.

На сем свидетельства, которые могли бы пролить свет на убийство принцев, заканчиваются, но позволим себе немного порассуждать. Если придерживаться принципа, неукоснительно соблюдаемого в отношении Ричарда III, а именно «нет дыма без огня», то настойчивое упоминание имени герцога Бакингамского несколькими источниками моментально ставит его под подозрение. Тем более если учитывать непомерную амбициозность Генри Стаффорда, лелеявшего мечту о троне и страстно добивавшегося наследства Боэнов, графов Херефордских, Эссекских и Нортхемптонских, на которое он имел определенные права. Но именно в этом вопросе король не склонен был удовлетворить непомерные аппетиты своего соратника, и герцог решил принудить Ричарда III пойти навстречу своим желаниям если не по доброй воле, то по необходимости. Он оказал монарху непрошеную услугу в расчете на то, что теперь король не сможет ему отказать.

Эта версия объясняет очень многое, а именно: отсутствие одного из

первых сановников в свите во время королевского путешествия^[187], неожиданную ссору короля и герцога в Глостере и последовавшую за этим опалу, неожиданный переход Генри Стаффорда на сторону мятежников, уверенность Генри Тюдора в смерти сыновей Эдуарда IV, а главное — молчание о судьбе принцев как со стороны Ричарда III, так и его злейшего врага Генри VII. Достоверной информацией о том, что произошло в Тауэре, мог располагать только сам убийца. Герцог Бакингамский, ставший к тому времени активным соратником мятежного претендента, вполне мог заверить его, что беспокоиться не о чем и дети никому уже не смогут помешать. Но связавшись с Бакингамом, Тюдор попал в ту же ловушку, что и Ричард, ибо доказать, что он непричастен к устранению принцев, ему бы никак не удалось: кто поверит, что доверенное лицо короля или претендента на корону пойдет на такое преступление по собственному почину?

Некоторые исследователи сомневаются в том, что герцог Бакингамский имел возможность осуществить убийство, поскольку Тауэр находился в ведении констебля^[188], который подчинялся исключительно королевским приказам. Следуя этой логике, не только лорд — верховный констебль Англии, но также мастер артиллерии, хранитель архивов и лорд-казначей, чьи офисы находились в Тауэре, должны были согласовывать маршруты своего передвижения внутри замка с сэром Робертом Брекенбери... Можно согласиться, что констебль нес персональную ответственность за королевских заключенных, но принцы-то ни в коем случае официально ими не считались и не томились в тюремных казематах. Они жили в роскошных королевских апартаментах, располагавшихся тогда между Фонарной башней и Белым Тауэром. Именно за окнами этого комплекса зданий их не раз видели. Перед апартаментами находился внутренний сад — именно в нем принцы играли. Лорд — верховный констебль Англии и ближайший сподвижник короля точно пользовался правом свободного доступа в королевские апартаменты без необходимости каждый раз отпраиваться предварительно на поклон к коменданту Тауэра.

Допущение, что герцог Бакингамский мог организовать убийство принцев, ни в коем разе не снимает подозрений с Ричарда III. Король наверняка обмолвился при своем соратнике, что принцы ему мешают, и это развязало руки лорд-констеблю. Однако последовавшая опала могущественного вельможи свидетельствует скорее о том, что прямого указания убить детей Ричард не давал и не собирался давать.

Впрочем, кто бы ни убил Эдуарда V и Ричарда Йоркского, вина короля

в этом остается — он вольно или невольно обрек принцев на гибель. И вовсе не потому, что заточил их в камеру смертников Тауэра — этого как раз не было. Хорошо зная прецеденты английской истории, Ричард III не мог не понимать, что потеря трона автоматически означает для свергнутого властителя смерть. Жестокий век диктовал свои жестокие правила, жертвой которых в свой срок стал и сам король.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ РИЧАРДА III

1452, 2 октября — рождение в замке Фотерингей, графство Нортхемптоншир.

1459, лето — переезд в замок Ладлоу, графство Шропшир.

12–13 октября — несостоявшаяся битва при Ладфорд-Бридже, бегство отца и братьев, заточение Ричарда в Уигморском замке.

Осень — перевод Ричарда под надзор Хамфри Стаффорда, герцога Бакингемского.

1460, весна — перевод под надзор Томаса Буршье, архиепископа Кентерберийского.

Сентябрь — переезд в Лондон на попечение семьи Пастон.

Октябрь — переезд в лондонский замок Бейнардс.

30 декабря — гибель отца Ричарда в битве при Уэйкфилде.

1461, зима — бегство в Бургундию.

Начало июня — возвращение в Англию.

27 июня — посвящение в рыцари Бани.

28 июня — участие в коронации старшего брата под именем Эдуарда IV.

1 ноября — возведение в титул герцога Глостерского.

1462 — пожалование должности лорда — верховного адмирала Англии.

1463, зима — переезд в замок Миддлхэм, графство Йоркшир, для воспитания при дворе Ричарда Невилла, графа Уорикского.

1465, 26 мая — участие в коронации Элизабет Вудвилл в Лондоне.

Конец мая — посвящение в рыцари ордена Подвязки.

1467, февраль — назначение в комиссию *о́йе и термине* по Йорку.

Июнь — присутствие на рыцарском турнире в Лондоне.

Осень — кратковременный арест за участие в переговорах о запрещенном королем браке между Джорджем, герцогом Кларенским, и Изабел Невилл, дочерью Ричарда, графа Уорикского.

1469, февраль — заседание в суде в Солсбери над Генри Кортнеем и Томасом Хангерфордом.

Июль — участие в кампании по подавлению мятежа Робина из Ридсдейла.

Сентябрь — участие в походе на Лондон для восстановления власти короля Эдуарда IV.

17 октября — назначение лордом — верховным констеблем Англии.

Конец октября — отбытие в Уэльс для подавления мятежа.

1470, 7 февраля — назначение наместником Уэльса.

Февраль-март — участие в экспедиции по подавлению мятежа Роберта, лорда Уэллза.

Весна — организация набора войска в южных графствах.

Июль — участие в походе по подавлению восстания в Йоркшире.

26 августа — назначение хранителем Западной шотландской марки.

Сентябрь — бегство в Бургундию от войск Ричарда Невилла, графа Уорикского.

1471, 11 марта — отплытие с войсками в Англию.

11 апреля — вступление в Лондон.

14 апреля — командование авангардом в битве при Барнете.

4 мая — командование авангардом в битве при Тьюксбери.

18 мая — назначение лордом — великим камергером Англии.

21 мая — участие в королевском совете, утвердившем решение короля о казни Генри VI.

27 мая — подавление мятежа Томаса Невилла, бастарда Фоконбергского.

4 июля — назначение верховным стюардом герцогства Ланкастерского.

1472, 20 мая — потеря должности лорда — великого камергера Англии, перешедшей к Джорджу, герцогу Кларенсскому.

Весна — женитьба на Энн Невилл. *Сентябрь* — участие в сессии парламента.

1473, декабрь — рождение сына Эдуарда.

1474, февраль — окончательный раздел наследства графов Уориков с Джорджем, герцогом Кларенским.

1475, 4 июля — высадка в Кале с войсками для участия во французской кампании.

Сентябрь — возвращение в Йоркшир.

1476, март — умиротворение беспорядков в Йорке.

1478, февраль — восстановление в должности лорда — великого камергера Англии после казни Джорджа, герцога Кларенсского.

1480, февраль — продление полномочий хранителя Западной шотландской марки.

Весна — назначение наместником Севера.

Лето — осень — проведение операции по прекращению шотландских

набегов.

1482, июнь — назначение главнокомандующим шотландской экспедицией, начало осады Бервика.

31 июля — взятие Эдинбурга.

24 августа — взятие Бервика.

1483, 9 апреля — смерть короля Эдуарда IV, вступление в должность лорд-протектора Англии.

30 апреля — перехват конвоя короля Эдуарда V, арест Энтони Вудвилла, графа Риверса.

4 мая — прибытие в Лондон.

13 июня — казнь Уильяма Хейстингса, лорда Хейстингса.

16 июня — перевод Ричарда, герцога Йоркского, из святилища Вестминстерского аббатства в Лондонский Тауэр к Эдуарду V.

25 июня — казнь Энтони Вудвилла, графа Риверса.

26 июня — согласие принять корону по просьбам лордов и лондонцев.

6 июля — коронация.

22 июля — начало королевского путешествия.

Начало августа — разрыв с Генри Стаффордом, герцогом Бакингерским.

8 сентября — инвеститура Эдуарда, принца Уэльского, в Йорке.

24 октября — выступление из Лестера на подавление мятежа в южных графствах.

2 ноября — казнь Генри Стаффорда, герцога Бакингерского.

1484, 23 января — открытие парламента, узаконившего королевский титул Ричарда III.

1 марта — примирение с вдовствующей королевой Элизабет Вудвилл.

9 апреля — смерть сына и наследника Эдуарда Миддлхэмского, принца Уэльского.

Июль — учреждение совета Севера.

Сентябрь — подписание мирного договора с Шотландией.

1485, 16 марта — смерть жены Энн Невилл.

Июнь — превращение Ноттингема в оперативную базу по отражению вторжения Генри Тюдора с континента.

20 августа — смотр войск в Лестере.

22 августа — гибель в битве на Босуортском поле.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Andrea B.* Historia Regis Henrici Septimi / Ed. J. Gairdner. L., 1858.
- Appleby J. etc.* The scoliosis of Richard III, last Plantagenet King of England: diagnosis and clinical significance // The Lancet. V. 383. 2014.
- Ashdown-Hill J.* The Last Days of Richard III and the Fate of his DNA. L., 2013.
- Bishop Percy's Folio Manuscript: Ballads and Romances / Ed. J. W. Hales, F. J. Furnivall. V. III. L., 1868.
- Calendar of State Papers Relating To English Affairs in the Archives of Venice 1202–1509. L., 1864.
- Calendar of the Close Rolls, 1461–68; 1468–76; 1476–85.
- Calendar of the Patent Rolls, 1452–85. V. 1–4. Nenden, 1971.
- Christ Church Letters/ Ed. J. B. Sheppard. L., 1877.
- Chronicle of the Rebellion in Lincolnshire / Ed. J. G. Nichols. L., 1847.
- Chronicles of London/ Ed. Ch. L. Kingsford. Oxford, 1905.
- Chronicles of the White Rose of York. L., 1845.
- Clarke P. D.* English royal marriages and the Papal Penitentiary in the fifteenth century // English Historical Review. V. 120 (2006).
- Collection of Ordinances and Regulations for the Government of the Royal Household. L., 1790.
- Commines P. de.* Memoires. P., 1901–1903.
- Excerpta Historica, or Illustrations of English History. L., 1831.
- Extracts from the Municipal Records of the City of York / Ed. R. Davies. L., 1843.
- Fabyan R.* The New Chronicles of England and France / Ed. H. Ellis. L., 1811.
- Foard G., Curry A.* Bosworth 1485: a battlefield rediscovered. Oxford, 2013.
- Foedera, conventiones, literae, et cujuscunque generis acta publica (etc). Comp. T. Rymer. V. XL L., 1727.
- Gairdner J.* History of the Life and Reign of Richard III. Cambridge, 1898.
- Halle.* The Union of the Two Most Noble and Illustre Famelies of Lancastre and Yorke. L., 1809.
- Halsted C. A.* Richard III as Duke of Gloucester and King of England. L., 1844.
- Hanham A.* Richard III and His Early Historians. L., 1975.

Hanham A. Richard III, Lord Hastings and the Historians // *English Historical Review*. V. 88 (1972).

Historie of the Arrivall of Edward IV in England and the Finall Recouerye of his Kingdomes from Henry VI / Ed. J. Bruce. L., 1838.

Household Books of John Duke of Norfolk and Thomas Earl of Surrey 1481–1490 / Ed. J. Payne Collier. L., 1844.

Ingulph's Chronicle of the Abbey of Croyland. L., 1854.

James U. E. Society, Politics and Culture: Studies in Early Modern England. Cambridge, 1986.

Kendall P. M. Richard the Third. N.Y., 1956.

King T. etc. Identification of the remains of King Richard III // *Nature Communications*. V 5 (2014).

Lander J. Crown and Nobility 1450–1509. L., 1976.

Letters and Papers Illustrative of the Reigns of Richard III and Henry VII / Ed. J. Gairdner. L., 1861.

Letters of the Kings of England / Ed. J. O. Halliwell. L., 1848.

Macray W. D. Register of the Members of St. Mary Magdalen College. Oxford, 1894.

Mancini D. The usurpation of Richard the Third: Dominicus Mancinus ad Angelum Catonem De occupatione regni Anglie per Ricardum Tercium libellus / Ed. C A. J. Armstrong. Oxford, 1936.

Markham C.R. Richard III: His Life and Character. L., 1906.

Milanese Papers: Calendar of State Papers and Manuscripts in the Archives and Collections of Milan 1385–1618 / Ed. A. B. Hinds. L., 1912.

Molinet J. Chroniques, 1476–1506 / Ed. J. A. Buchon. P., 1827–1828.

More T. The History of King Richard III / Ed. J. R. Lumby. Cambridge, 1883.

Nokes E. M., Wheeler G. A Spanish Account of the Battle of Bosworth // *The Ricardian*. V. II. № 36 (1972).

Original Letters Illustrative of English History / Ed. H. Ellis, 2nd series. L., 1827.

Original Letters Illustrative of English History / Ed. H. Ellis, 3d series. L., 1846.

Pollard A. J. The Tyranny of Richard III // *Journal of Medieval History*. №4(1977).

Ross C.D. Richard III. Los-Angeles, 1983.

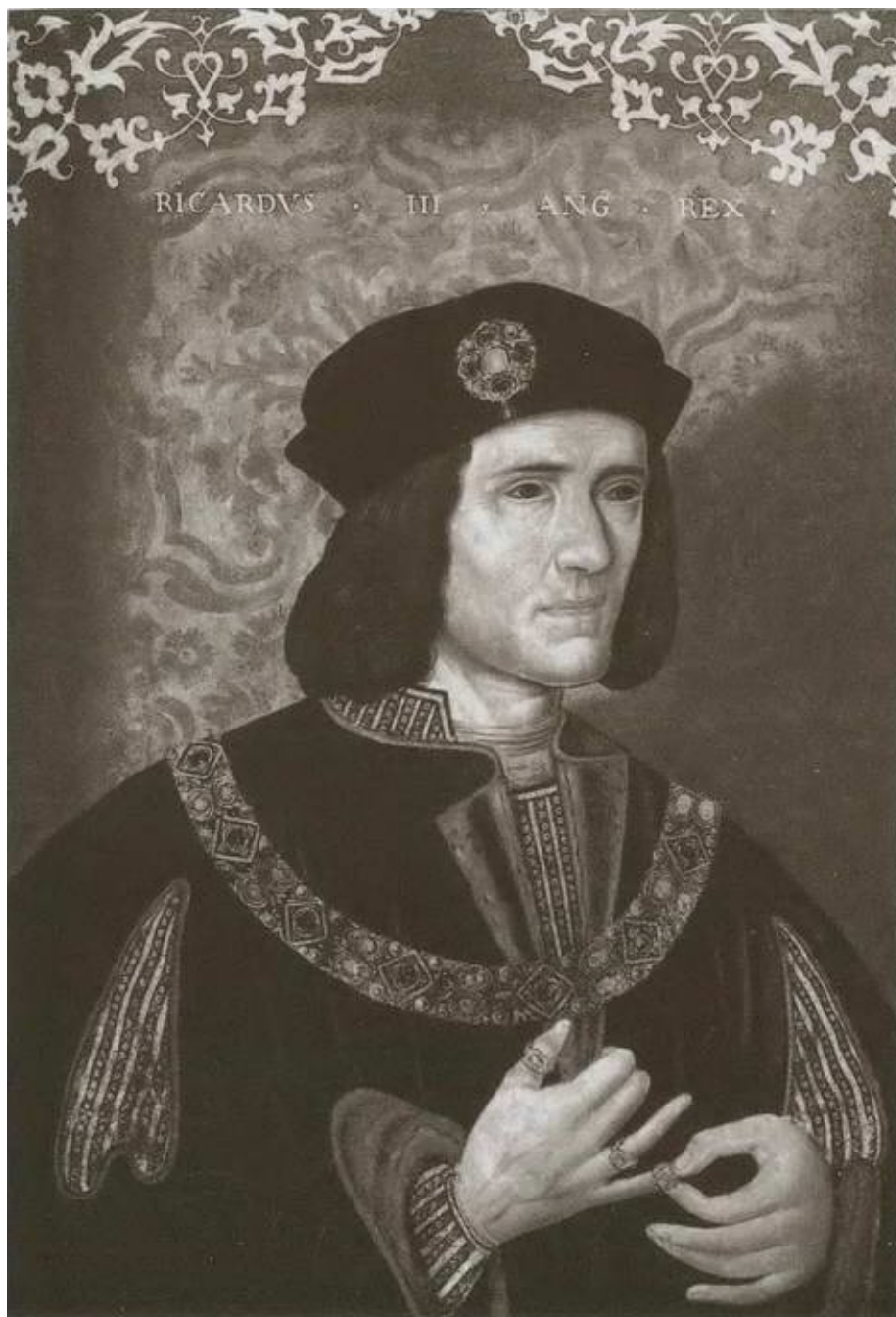
Rous J. Joannis Rossi Antiquarii Warwicensis Historia Regum Angliae. Oxford, 1745.

Scofield C. L. The Life and Reign of Edward the Fourth. L., 1923.

- Shaw W. A.* The Knights of England. L., 1906.
- Speed J.* Historie of Great Britain. L., 1623.
- Sutton A.* Richard III's «Tytylle and Right»: a New Discovery // The Ricardian. V. 4 (1977).
- The Coventry Leet Book: or Mayor's Register/ Ed. M. D. Harris. L., 1907.
- The Great Chronicle of London / Ed. A. H. Thomas and I. D. Thornley. L., 1938.
- The Most Pleasant Song of Lady Bessy / Ed. T. Heywood. L., 1829.
- The Parliament Rolls of Medieval England, 1275–1504 / Ed. C. Given-Wilson *etc.* (digital edition).
- The Paston Letters, 1422–1509 / Ed. J. Gairdner. L., 1904.
- The Stonor Letters and Papers, 1290–1483 / Ed. C L. Kingsford. L., 1919.
- Turners.* The History of England During the Middle Ages. V. IV. L., 1825.
- Vergil Polydore.* Three books of English History. L., 1844.
- Visser-Fuchs L.* What Niclas von Popplau really wrote about Richard III // The Ricardian. V. II. № 145 (1999).
- Warkworth J.* A Chronicle of the First Thirteen Years of the Reign of King Edward the Fourth / Ed. J. O. Halliwell. L., 1839.
- Ландер Дж. Р.* Войны Роз. СПб., 2013.
- Мор Т.* Утопия. Эпиграммы. История Ричарда III. М., 1998.
- Устинов В. Г.* Войны Роз. Йорки против Ланкастеров. М., 2012.
- Устинов В. Г.* Столетняя война и войны Роз. М., 2007.
- Хэммонд П.* Ричард III и битва при Босворте. СПб., 2014.
- Шекспир У.* Ричард III / Пер. А. Радловой // *Шекспир У.* Полное собрание сочинений: В 8 т. М., 1957. Т. 1.

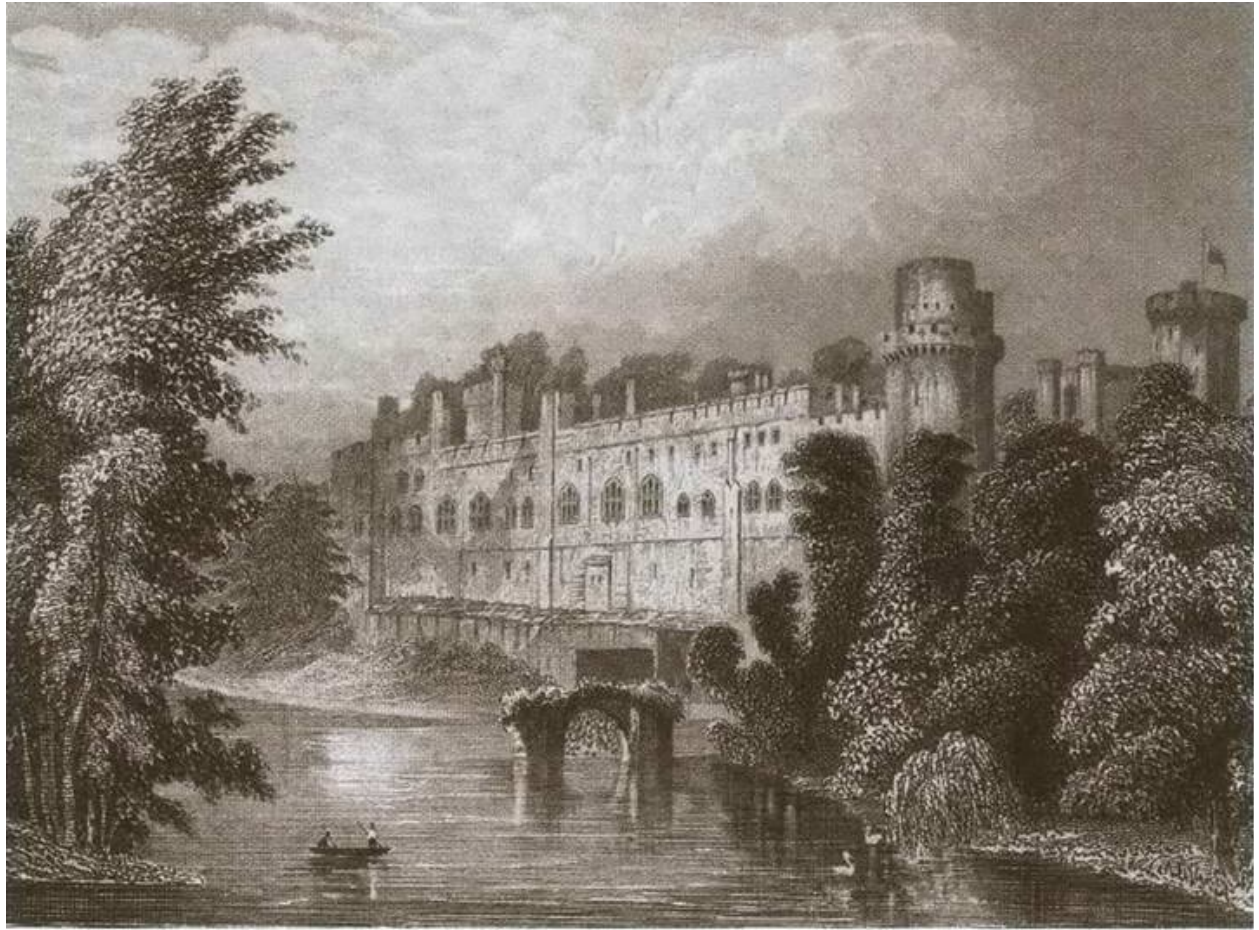
ИЛЛЮСТРАЦИИ

Генрих Четвертый

Замок Фотерингей, где родился будущий король

Замок Уорик

Король Генри VI Ланкастер

Королева Маргарита Анжуйская

Большая печать Генри VI

Король Эдуард IV Йор

Королева Элизабет Вудвилл

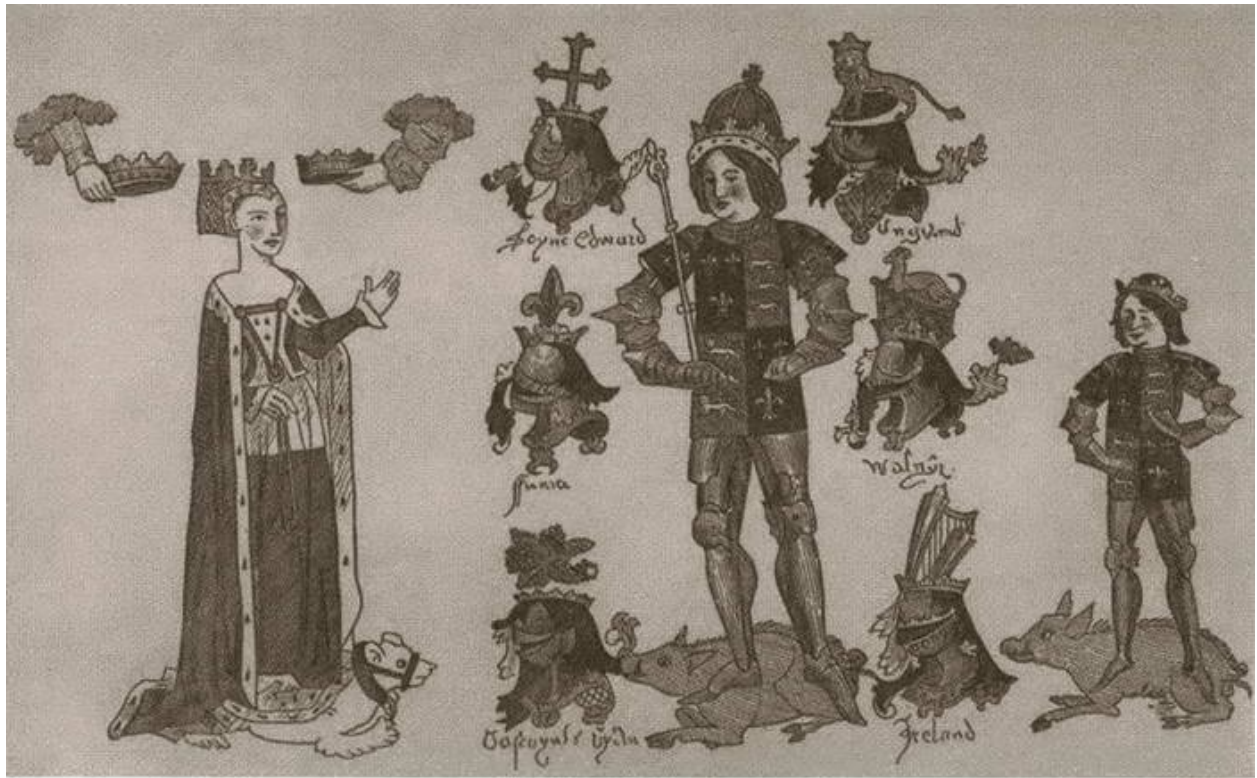

Витраж Кардиффского собора с изображением Ричарда III и его супруги Энн Невилл

Замок Берик

Изображение Ричарда III, его жены и сына в хронике Рауса

Ворота Миклгейт-Бар в Йорке

Король Эдуард V

Лондонский Тауэр

Генри Стаффорд, герцог Бакингам

Маргарет Бофорт

Портрет Ричарда III из книги Т. Смоллетта «История Англии»

Richard 3° To oure trusty and right welbeloued Knight for oure body
Thomas Burgh Receiuer of oure hono^r and Lordship of Bolingbroke in pe
Countie of Lincoln pcell of oure Duchie of Lancaster Etc^m Where we
by oure Let^r of prime seall bearing date at oure Castell of Nottingham
the xxij day of Septemb^r last passed: haue deputed Maist^r Robt^t Bothe
Dean of oure Cathed^rall Church of York Maist^r Thomas Portington
Treasor^r of ye same Maist^r William Pottman Officia^rll of the Court of York
and Maist^r John hert Chanon of the same Iouthly and fe^ruallly proctour
Sonnantes and attourneys: yebing unto thaim and euy of thaim oure
spiall powe^r and auctorite to aske gade^r & leuie all & euy some of money
for the tyme growng of clam lybelode couterueid in a pedule annexed
vnto oure said Let^r of prime seall to theentent they shuld not susteine and
bere the charge of the fundis of an hundreth prest^r nor becom^r of oure
fundacion vnto ye said Church as by oure said Let^r of prime seall more at large
appere^th And for asmuch as the lordships of Saltfleetby Thoresby and
Scartholke / & certain lands & ten^t called the f^ryth besid^r Boston And the
f^rishing of the Water of Waynflete pcell of o^r said hono^r & lordship resting
vnto your charge been by us among^r of ordeigned assigned & appointed to
susteine and bere the charges aboue rehearsed Wherefore we nat willing
oure said prest^r to bee vnpaid of thair wages Seeing p^r by thair prayers
we trust to bee made the more acceptable to god and his saint^r Moll and
straitly charge you' pat ye doo content & paie vnto o^r said Attourneys or to oon

Письмо Ричарда III

Томас Стэнли, граф Дерби

Король Генри VII Тюдор

Кентерберийский собор

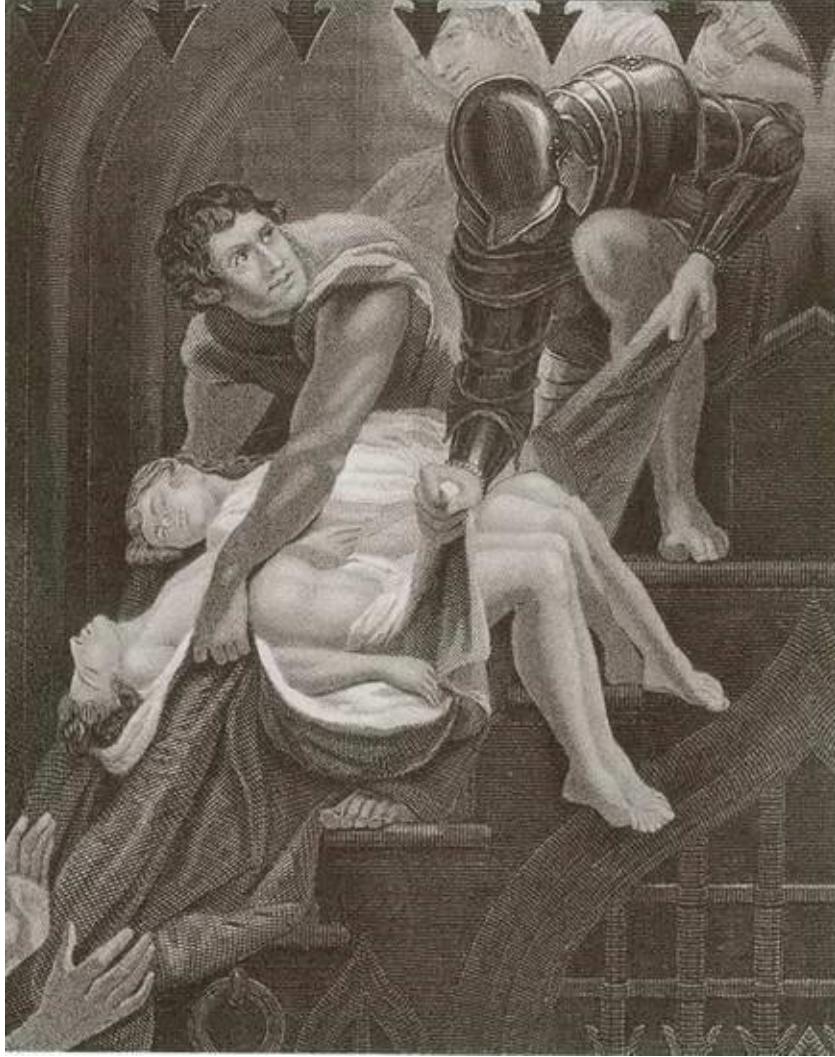

*Richard the third King of England
By bloody murther I did tumble downe
Whose right, or might, debar'd me from the crowne:
By blood I won, by blood I lost the throne:
Detested liv'd, dy'd, lov'd, bewail'd of none.*

Король Ричард III. Гравюра Р. Уолтона

Смерть принцев в Тауре. Гравюра XIX в.

Гибель Ричарда III в битве при Босуорте. Гравюра XVIII в.

Актер Гаррик в роли Ричарда III. Гравюра XIX в. по картине У. Хогарта

Лоуренс Оливье в фильме «Ричард III». 1955 г.

Останки Ричарда III, найденные на автостоянке в Лестере в 2012 году

Реконструкция лица короля по черепу

Торжественное перезахоронение Ричарда III в Лестерском кафедральном соборе. 2015 г.

*

notes

Примечания

В русской исторической литературе это королевское имя обычно передается как «Генрих», но автор придерживается английского написания.
— *Прим. ред.*

Поэт-лауреат — придворный поэт, в обязанности которого входило сочинение од на все значимые события в жизни королевской семьи и королевства. *(Здесь и далее — примечания автора.)*

Традиционный нормандский тип средневекового замка представлял собой насыпной земляной холм (фр. *motte*), на вершине которого возводилась башня, окруженная частоколом. Вокруг холма шел ров, через который был перекинут мост. К наружной стороне рва примыкал двор (англ. *bailey*), также защищенный частоколом, где размещались хозяйственные постройки.

Симон де Сен-Лис (в английском варианте Саймон де Сент-Лиз) (ум. между 1111 и 1113) — первый граф Нортхемптонский и граф Хантингдонский, сын Лодри де Сен-Лиса, сираде Шантийи и де' Эрменонвиль.

Условный наследник (англ. *heir presumptive*) — наследник, имеющий на данный момент самые обоснованные права наследования; однако могущий в любое время лишиться этих прав, если на свет появится наследник с более вескими правами. Примером условного наследника может служить младший брат бездетного пока короля. Безусловный наследник (англ. *heir apparent*), например старший сын короля, не может лишиться права наследования, как бы ни менялась ситуация с рождением его ближайших родственников.

Эдмунд Бофорт (ок. 1406–1455) — первый герцог Сомерсетский, первый маркиз Дорсетский, четвертый граф Сомерсетский, первый граф Дорсетский, граф де Мортен в Нормандии, рыцарь ордена Подвязки. Фаворит короля Генри VI и королевы Маргариты д'Анжу.

Маргарита д'Анжу (1430–1482) — жена короля Генри VI Ланкастерского, вторая дочь Рене I, герцога Анжуйского, Барского и Лотарингского, прозванного Добрым королем Рене.

Джон Толбот (1384/87–1453) — первый граф Шрусберийский и Уотерфордский, седьмой лорд Толбот Холламширский, граф де Клермон во Франции, рыцарь ордена Подвязки, лорд — верховный стюард Ирландии. Знаменитый английский военачальник в Столетней войне, прозванный Сторожевым псом Англии и Английским Ахиллесом.

Табард (от фр. *tabard* — короткий плащ) — верхнее одеяние средневекового герольда, представлявшее собой накидку с короткими рукавами, с наплечниками, или совсем без рукавов. Спереди и сзади табард украшался гербами сеньора, которому служил герольд.

Манор (англ. *manor*) — феодальное поместье в средневековой Англии, состоявшее из домениального владения лорда, а также наделов зависимых и свободных крестьян, которые вне зависимости от своего имущественно-правового состояния находились в экономической и судебной юрисдикции лорда манора.

Дед короля по отцу Генри IV Болингброк страдал множеством заболеваний, включая какую-то кожную болезнь и эпилепсию. Дед по материнской линии Шарль VI Безумный, король Франции, испытывал периодические приступы буйного помешательства. Жанна де Бурбон, мать Шарля VI, также страдала подобным недугом. Многие члены дома Валуа, к которому принадлежала мать короля Генри VI, демонстрировали разного рода психические отклонения, симптомами которых чаще всего становились галлюцинации и эротомания — в частности, это проявлялось у герцога Луи Орлеанского и королевы Изабеллы Баварской.

Jure uxoris (с лат. — по праву жены) — термин обычно используется по отношению к мужу, именующемуся титулом, который принадлежит его жене в ее собственном праве (*suojure*).

Титул лорд-протектора (дословно — «лорд-защитник») использовался принцами королевской крови, управлявшими государством при несовершеннолетнем или недееспособном короле. В отличие от членов регентского совета, правивших коллегиально, лорд-протектор обладал единоличной властью.

Генри Холланд (1430–1475) — третий герцог Эксетерский, третий граф Хантингдонский, бывший лорд — верховный адмирал Англии.

Йоркисты (англ. *Yorkists*) — сторонники династии Йорков, ланкастриане (англ. *Lancastrians*) — сторонники династии Ланкастеров.

Джон Клинтон (1410–1464) — пятый лорд Клинтон; Ричард Грей (1436–1466), первый лорд Грей Поуисский; сэр Уолтер Девре Уэблйский и Боденхэмский (ок. 1431–1485), впоследствии лорд Феррерс Чартлейский *jure uxoris*, затем первый лорд Феррерс, рыцарь ордена Подвязки, старший сын Уолтера Девре, лорда-канцлера Ирландии.

Пустошь на стыке границ графств Стаффордшир, Шропшир и Чешир.

Джеймс Туше (1398–1459) — пятый лорд Одли, герой Столетней войны.

Ричард Бошан (ум. 1481) — епископ Солсберийский, родственник жены Ричарда Невилла, графа Уорикского.

Джеймс Батлер (1420–1461) — первый граф Уилтширский, пятый граф Ормондский в Ирландии, рыцарь ордена Подвязки, наследственный великий дворецкий Ирландии, преданный и деятельный сторонник Ланкастеров.

Хамфри Стаффорд (1402–1460) — первый герцог Бакингамский, шестой граф Стаффордский, первый граф Бакингамский, седьмой лорд Стаффорд, рыцарь ордена Подвязки, лорд хранитель Пяти Портов, констебль Дуврского замка.

Генри Буршье (1404/06–1483) — первый граф Эссексский, первый виконт Буршье, пятый лорд Буршье и граф д'Э в Нормандии, рыцарь ордена Подвязки, лорд — верховный казначей Англии, участник Столетней войны, был женат на сестре Ричарда герцога Йоркского.

Томас Буршье (ок. 1404–1486) — архиепископ Кентерберийский, лорд — верховный канцлер Англии, кардинал, младший брат Генри Буршье, графа Эссекского.

Уильям Невилл (ок. 1410–1463) — первый лорд Фоконбер, рыцарь ордена Подвязки, впоследствии первый граф Кентский и адмирал Англии, брат Ричарда, графа Солсберийского, и Сесили, герцогини Йоркской, дядя Ричарда III.

Уильям Данбар (1459/60 — после 1513) — шотландский придворный поэт и бард.

Аттинктура (англ. *attainder, attainctura* — позор, бесчестье) — в английском законодательстве термин, определяющий состояние, которое наступает после принятия парламентом акта о виновности человека в тяжком преступлении — например, в государственной измене или в нарушении вассальной присяги. Подвергнутый аттинктуре лишался наследственных титулов и собственности, его имущество подлежало конфискации, наследники лишались прав наследства. Термин существовал с 1321 по 1798 год.

Джордж Невилл (ок. 1432–1476) — епископ Эксетерский, лорд-канцлер Англии, впоследствии архиепископ Йоркский, сын Ричарда графа Солсберийского, двоюродный брат Ричарда III.

Джон де Клиффорд (1435–1461) — девятый лорд Клиффорд, наследственный шериф Уэстморленда, прозван Мясником, сын Томаса, лорда Клиффорда, убитого 22 мая 1455 года в Первой битве при Сент-Олбенсе.

Джаспер Тюдор Хетфилдский (ок. 1430–1495) — первый граф Пемброкский, рыцарь ордена Подвязки, впоследствии первый герцог Бедфордский, сын Оуэна ап Маредидда ап Теудура и вдовствующей королевы Англии Катрин де Валуа; *Оуэн ап Маредидд ап Теудур* — валлийский феодал, основатель рода Тюдоров; *Джон де Моубрей* (1415–1461) — третий герцог Норфолкский, шестой граф Норфолкский, четвертый граф Ноттингемский, десятый лорд Сигрейв, девятый лорд Моубрей, рыцарь ордена Подвязки, граф-маршал Англии.

Филипп III Добрый (1396–1467) — герцог Бургундский, Брабантский, Лотарингский, Люксембургский и Лимбургский, граф Артуа, Фландрии, Геннегау, Голландии и Зеландии, пфальцграф Бургундский, Намюрский и Шароле, сеньор Фризский, Саленский и де Мален.

Ричард Вудвилл (1405–1469) — первый лорд и барон Риверс, рыцарь ордена Подвязки, лорд-хранитель Пяти Портов, впоследствии первый граф Риверс, лорд — верховный казначей Англии, лорд-констебль Англии, сын сэра Ричарда Вудвилла и брат Элизабет Вудвилл, будущей жены Эдуарда ГУ.

Посол ошибся с возрастом детей: Джорджу в то время было одиннадцать, а Ричарду — восемь лет.

Акколада (фр. *accolade* — объятие, поцелуй) — средневековая церемония посвящения в рыцари.

Олдермен (англ. *alderman*, «старейшина») — член городского совета или совета графства.

Апанаж (фр. *apanage* — «удел») — земельные владения или денежное содержание, выделяемые некоронованным членам королевской семьи.

Уильям Херберт (ок. 1423–1469) — первый граф Пемброкский, первый лорд Херберт Рагланский, рыцарь ордена Подвязки, верховный судья Уэльса, прозван Черным Уильямом.

Достоверно неизвестно, когда Ричард прибыл в Миддлхэм. Однако логично сделать допущение, что это произошло в конце 1463 года. Во-первых, до лета 1463 года в 140–150 километрах от Миддлхэма велись активные боевые действия. Во-вторых, муниципальные отчеты Йорка не упоминают визита Ричарда в этот город на праздник Тела Христова (май — июнь 1463 года) в свите герцогини Уорикской. В-третьих, зимой военные действия на севере возобновились и шли до конца весны 1464 года — в этот период мальчика туда бы не послали. В-четвертых, Ричард не мог отправиться в Миддлхэм в конце 1464 года, поскольку графу Уорикскому на его содержание была выплачена сумма в тысячу фунтов, а это слишком много в расчете на два с небольшим года — ибо в 1467 году Ричард уже вернулся в Лондон.

У нас принято называть главную башню английских замков на французский манер донжоном (*donjon*), однако это не совсем точно. Донжон располагался в центре замка внутри периметра крепостных стен и с ними не соприкасался. В английских замках главная башня называлась *keep* (от англ. *to keep* — защищать, охранять) и, как правило, представляла собой одну из башен в стенах, более мощную и высокую, чем остальные.

Битва при Азенкуре 25 октября 1415 года — знаменитое сражение Столетней войны, в котором английская армия короля Генри V разгромила значительно превосходящие по численности силы французов под командованием коннетабля Шарля д'Альбре.

Джон Ле Скруп (1437/38–1498) — пятый лорд Скруп Болтонский, рыцарь ордена Подвязки, принимал участие во многих битвах войн Роз на стороне йоркистов.

Фрэнсис Ловелл (ок. 1456 — после 1488) — впоследствии девятый лорд Ловелл Тичмаршский, первый виконт Ловелл, лорд Деинкур, лорд Грей Ротерфилдский, рыцарь ордена Подвязки (лишен звания в 1485 году).

Сэр Джон Грей Гробийский (ок. 1432–1461) — сын сэра Эдуарда Грея, лорда Феррерса Гробийского *jure uxoris*, и Элизабет Феррерс, седьмой леди Феррерс Гробийской *suo jure*.

Джон Ланкастерский (1389–1435) — первый герцог Бедфордский, первый граф Кендалский, первый граф Ричмондский, рыцарь ордена Подвязки, регент Франции, адмирал Англии, третий сын Генри IV Болингброка; *Жакетта де Люксембург* (1415/16–1472) — старшая дочь Пьера I де Люксембурга, графа де Сен-Поля, де Конверсано и де Бриенна.

Сэр Томас Грей (ок. 1455–1501) — впоследствии первый маркиз Дорсетский, восьмой лорд Феррерс Гробийский, первый граф Хантингдонский (1471–1475), рыцарь ордена Подвязки, констебль Лондонского Тауэра, старший сын сэра Джона Грея Гробийского и Элизабет Вудвилл.

Галеаццо Мария Сфорца (1444–1476) — герцог Миланский.

Oyer and terminer (англо-фр. «заслушать и решить»). В английском праве — комиссия, наделенная полномочиями заслушивать и выносить официальное обвинение по делам об измене, о преступлениях большой и средней тяжести в графствах, на которые распространялись ее полномочия. Часто расследовала мятежи и другие массовые беспорядки.

Джон Невилл (ок. 1431–1471) — первый лорд Монтегю, первый граф Нортумберлендский (1464–1470), рыцарь ордена Подвязки, младший брат Ричарда Невилла, графа Уорикского, впоследствии первый маркиз Монтегю.

Энтони Вудвилл (ок. 1440–1483) — лорд Скейлз *jure uxoris*, рыцарь ордена Подвязки, впоследствии второй граф Риверс, второй лорд и барон Риверс, главный виночерпий Англии, сын Ричарда Вудвилла, первого фафа Риверса; *Уильям Фиц-Алан* (1417–1487) — шестнадцатый граф Эранделский, рыцарь ордена Подвязки, юстициарий Англии к югу от Трента.

Антуан, бастард Бургундский (1421–1504) — сеньор де Бере, де Кревкёр и де Васи, граф де Сен-Менегу, де Гран-Пре, де Гин, де Шато-Тьерри, де ла Рош-Арденн и де Стеенберге, незаконнорожденный сын герцога Филиппа III Бургундского, прозван Великим Бастардом.

Людовик (Луи) XI (1423–1483) — король Франции из династии Ва-луа, правил с 1461 по 1483 год, носил прозвища Осторожный и Всемирный паук.

То есть Жанну Французскую (1464–1505) за Ричарда, герцога Глостерского.

Имеется в виду Джордж, герцог Кларенский.

Шарль Смелый (1433–1477) — граф де Шароле, впоследствии герцог Бургундский, Брабантский, Лотарингский, Люксембургский, Лимбургский и Гельдернский, граф Фландрский, д'Артуа, Геннегауский, Голландский, Зеландский, Намюрский, Зютфенский, Маконский, Осерский и де Шароле, пфальцграф Бургундский, сеньор Фризский, Саленский и Маленский, рыцарь ордена Подвязки, сын герцога Филиппа III Доброго.

Джон де Вер (1442–1513) — тринадцатый граф Оксфордский, лорд великий камергер Англии, впоследствии рыцарь ордена Подвязки, адмирал Англии, констебль Лондонского Тауэра и Райзинга Был женат на Маргарет Невилл, сестре Ричарда графа Уорикского

Генри Кортней (ум. 1469) — эсквайр из Уэст-Кокера в Сомерсете, младший брат верного ланкастрианина Томаса, шестого графа Девонского, имения и титулы которого были конфискованы в 1461 году; сэр *Томас Хангерфорд Роуденский* (ум. 1469) — старший сын Роберта Хангерфорда, третьего лорда Хангерфорда, подвергнутого в 1461 году аттинктуре сторонника Ланкастеров.

Ричард де Уэллз (ок. 1428/30–1470) — седьмой лорд Уэллз, лорд Уиллуби де Эрсби *jure uxoris*.

Райдинг (англ. *Riding*) — территориальная единица некоторых графств. Название произошло от древнескандинавского слова *riding*, означавшего «третья часть». Йоркшир делился на Северный, Западный и Восточный райдинги.

Джон де Моубрей (1444–1476) — четвертый герцог Норфолкский, седьмой граф Норфолкский, пятый граф Ноттингемский, первый граф Саррийский и Уорренский, одиннадцатый лорд Сигрейв, десятый лорд Моубрей, рыцарь ордена Подвязки, граф-маршал Англии, единственный сын Джона де Моубрея, третьего герцога Норфолкского.

Джон Пастон (ок. 1440 — ноябрь 1479) — представитель семьи джентри из Норфолка, от которой сохранилась обширная переписка.

Хамфри Стаффорд (1439–1469) — первый граф Девонский, первый лорд и барон Стаффорд Саутуикский.

Предположение некоторых ученых, что Ричард собирал войска на севере, выглядит неубедительно. Его собственные владения в то время еще находились по большей части на юге и юго-западе Англии, а для военного набора в королевских землях он не получал официальной комиссии.

Уильям Хейстингс (ок. 1431–1483) — первый лорд Хейстингс, рыцарь ордена Подвязки.

Марч, или Уэльская марка (от др.-герм. *mark* — граница) — приграничные территории между Англией и Уэльсом, где со времен нормандского завоевания находились владения английских баронов.

Роберт де Уэллз (ум. 1470) — восьмой лорд Уэллз, восьмой лорд Уиллуби де Эрсби, сын Ричарда Уэллза, седьмого лорда Уэллза, и Джоанны Уиллуби, седьмой баронессы Уиллуби *suo jure*.

Томас Стэнли (1435–1504) — второй лорд Стэнли, правитель острова Мэн, впоследствии первый граф Дербийский, рыцарь ордена Подвязки, лорд-констебль Англии.

Генри Фиц-Хью (ок. 1429–1472) — пятый лорд Фиц-Хью, женат на Элис Невилл, дочери Ричарда Невилла, графа Солсберийского.

Шотландская марка — английские территории по границе с Шотландией. Традиционно марка делилась на три области — Западную, Центральную и Восточную.

Генри Перси (ок. 1449–1489) — четвертый граф Нортумберлендский, седьмой лорд Перси, первый лорд Пойнингс, впоследствии рыцарь ордена Подвязки.

Луи де Брюгге (ок. 1427–1492) — сеньор дела Грютхузе, впоследствии первый граф Уинчестерский.

Лорд Хейстингс занимал пост лорда — камергера двора (англ. *Lord Chamberlain of Household*). Не путать с титулом одного из высших сановников королевства — лорда — великого камергера (англ. *Lord Great Chamberlain*), который в то время носили поочередно Джон де Вер, тринадцатый граф Оксфордский, Джордж, герцог Кларенсский, и Ричард, герцог Глостерский.

Томас Невилл (ум. 1471) — бастард Фоконбергский, незаконнорожденный сын Уильяма Невилла, первого лорда Фоконбера; *Уильям Бомонт* (1438–1507) — второй виконт Бомонт, седьмой лорд Бомонт.

Серебряная и лазурная пятиконечные звезды (которые в геральдике именуются колесиками шпор), наложенные одна на другую — эмблема Джона де Вера, графа Оксфордского; «солнце в сиянии» или «солнце в славе» (англ. *The Sunne in Splendour*, *The Sunne in Glory*) — эмблема Эдуарда IV, представлявшая собой круг, из которого исходят попеременно волнистые и прямые лучи.

Эдмунд Бофорт (ок. 1439–1471) — третий герцог Сомерсетский, сын Эдмунда Бофорта, первого герцога Сомерсетского, погибшего в Первой битве при Сент-Олбенсе.

Джон де Кортней (ок. 1435–1471) — седьмой граф Девонский, восьмой лорд Кортней, младший брат Томаса, шестого графа Девонского; *Джон Уэнлок* (ум. 1471) — первый лорд Уэнлок, рыцарь ордена Подвязки.

Джон Бофорт (ок. 1455–1471) — маркиз Дорсетский, третий сын Эдмунда Бофорта, первого герцога Сомерсетского.

Заповедные маноры — имения, имевшие ранг палатината, то есть владелец осуществлял в их пределах автономную власть, равную королевской

День святого Михаила и всех ангелов отмечается 29 сентября.

Диспенсация (лат. *dispensatio*; англ. *dispensation*) — в каноническом праве акт, выводящий конкретный случай из-под прямого действия закона. В данном случае имеется в виду разрешение на брак, нарушающий канонические законы.

Ричард Фиц-Хью (ок. 1458–1487) — шестой лорд Фиц-Хью.

Сэр Томас Боро (ок. 1431–1496) — впоследствии рыцарь ордена Подвязки, первый лорд Боро Гейнсбороский.

Джон Ла Зуш (1459–1526) — седьмой лорд Зуш Харингуортский.

Сэр Уильям Кэтсби Эшби-Сент-Леджерский (1408–1485) —
впоследствии канцлер казначейства, спикер палаты общин.

Ральф де Грейсток (ок. 1414–1501) — пятый лорд Грейсток Грейстокский, седьмой лорд Фиц-Уильям.

Сэр Ричард Рэтклифф (ум. 1485) — второй сын Томаса Рэтклиффа Дервентуотерского, рыцарь ордена Подвязки, шериф Камберленда.

Энн Бошан (1426–1492) — шестнадцатая графиня Уорикская *suo jure*, жена Ричарда Невилла, графа Уорикского *jure uxoris*.

Сэр Джеймс Тирелл (ок. 1450–1502) — рыцарь-баннерет.

Посол ошибается, называя герцога Глостерского герцогом Ланкастерским.

Беневоленции (от англ. *benevolence* — щедрость, доброжелательность) — в английской истории деньги, вымогаемые королем под видом добровольного дара напрямую у подданных без согласия парламента. В отличие от имевших распространение до Эдуарда IV различных форм займа беневоленций изначально не предполагали возврата средств. Отменены Ричардом III, восстановлены Генри VII.

Звания членов коллегии герольдов: высшее — герольдмейстер (англ. *King of Arms*), среднее — герольд (англ. *herald*) и низшее — сопровождающий или персевант (англ. *pursuivant*).

Луи де Люксембург (1418–1475) — граф де Сен-Поль, де Линьи, де Конверсано, де Бриенн, де Гиз, де Марль, де Суассон, шателен де Лилль, сеньор д'Энгиен, д'Уази, де Боэн, де Бовуар, де Конде-ан-Бри и де Бурбур, коннетабль Франции.

Джон Мортон (ок. 1420–1500) — хранитель архивов, впоследствии епископ Илийский (1479–1486), архиепископ Кентерберийский (1486–1500), лорд-канцлер Англии.

Князь-епископ Даремский (англ. *Prince-Bishop of Durham*) помимо того, что являлся епископом Даремской епархии, обладал светской властью над палатинатом Даремским, в пределах которого его полномочия были равны королевским.

Оммаж (фр. *l'hommage*, англ. *homage*) — церемония, во время которой вассал выражал свое уважение и покорность своему сеньору, приносил ему вассальную присягу, взамен получая феодальный лен.

Энн Моубрей (1472–1481) — восьмая графиня Норфолкская *suo jure*, единственная дочь и наследница Джона де Моубрея (1444–1476), четвертого герцога Норфолкского.

Генри Стаффорд (1455–1483) — второй герцог Бакингамский, седьмой граф Стаффордский, второй граф Бакингамский, восьмой лорд Стаффорд, рыцарь ордена Подвязки, впоследствии лорд — хранитель Пяти портов, лорд — верховный констебль Англии, сын Хамфри Стаффорда, графа Стаффордского, и внук Хамфри Стаффорда, первого герцога Бакингамского.

Лорд — верховный стюард (англ. *Lord High Steward*) — церемониальный титул высшего сановника государства, назначавшегося руководить церемонией коронации или председательствовать в суде лордов. Не путать с придворной должностью лорда — стюарда двора (англ. *Lord Steward of the Household*).

Джеймс (Яков) III (1451–1488) — король Шотландии в 1460–1488 годах из династии Стюартов. Непопулярный и неумелый правитель, он все же смог присоединить к Шотландии Оркнейские и Шетландские острова благодаря своему браку с Маргаритой Датской.

Арчибальд Дуглас (1449–1513) — пятый граф Ангусский, хранитель Восточных марок, впоследствии лорд-канцлер Шотландии, лорд — верховный адмирал Шотландии, прозван «Кот с колокольчиком» или «Великий граф».

Джон Хауэрд (1421–1485) — первый лорд Хауэрд, рыцарь ордена Подвязки, впоследствии первый герцог Норфолкский, двенадцатый лорд Сигрейв, одиннадцатый лорд Моубрей, адмирал Англии, Ирландии и Аквитании, граф-маршал Англии.

Александр Стюарт (ок. 1454–1485) — первый герцог Олбанийский (в Шотландии), первый граф Марчский (в Шотландии), лорд — верховный адмирал Шотландии, второй сын Джеймса II Огненноликого короля Шотландии.

Совет Двадцати четырех — орган самоуправления Йорка, члены которого избирались олдерменами и служили их советниками.

Сэр Эдуард Вудвилл (ок. 1455–1488) — рыцарь ордена Подвязки, капитан острова Уайт, младший сын Ричарда Вудвилла, первого графа Риверса.

Рыцарь-баннерет (англ. *knight banneret*) — рыцарь, имевший право командовать отрядом под собственным баннером (флагом).

Анжуйская династия (Плантагенеты) — королевская династия, правившая Англией с 1154 по 1399 год, а вместе с дочерними домами Ланкастеров и Йорков — по 1485 год. Ее родоначальником был Жоффруа V Красивый, старший сын Фулька V Младшего, графа Анжуйского, прозванный Плантагенетом, поскольку имел обыкновение украшать шлем веткой дрока (лат. *planta genista*). Первым королем династии стал в 1154 году его сын Генри II Короткая Мантия.

Максимилиан I Габсбург (1459–1519) — герцог Бургундский *jure uxoris*, впоследствии император Священной Римской империи, король Германский, эрцгерцог Австрийский, герцог Люксембургский, граф Тирольский, рыцарь ордена Подвязки, прозван Последним рыцарем.

Джон Элкок (ок. 1430–1500) — епископ Вустерский, впоследствии епископ Илийский, лорд-канцлер Англии.

Сэр Джон Чейни (ум 1499) — младший сын Джона Чейни Шурлендского в Кенте, впоследствии рыцарь ордена Подвязки, констебль замка Барнард, первый лорд Чейни.

Лайонел Вудвилл (ок. 1446–1484) — епископ Солсберийский, третий сын Ричарда Вудвилла, первого графа Риверса.

Несовершеннолетним (*лат.*).

Не было подобного ему (Сирах. 44:19).

Джон Брук (до 1464–1512) — седьмой лорд Кобэм.

Сэр Томас Фулфорд Фулфордский (ум. 1489) — шериф Сомерсета, Дорсета и Корнуолла.

Джон Динэм (также Динан, Динон) (ум. 1501) — седьмой лорд Динэм, главный лесничий Дартмурских охотничьих угодий, стюард манора Брандиник, хранитель девонских оловянных рудников, главный стюард и смотритель замков и лордств Корнуолла, впоследствии казначей, рыцарь ордена Подвязки.

Джон де Ла Поль (1442–1492) — второй герцог Саффолкский, второй маркиз Саффолкский, пятый граф Саффолкский, рыцарь ордена Подвязки, лорд — верховный стюард.

Роберт Стиллингтон (1420–1491) — епископ Батский и Уэллзский, бывший лорд-канцлер Англии; *Томас Лэнгтон* (ум. 1501) — бывший капеллан Эдуарда IV, затем епископ Сент-Дэвидский, впоследствии последовательно стал епископом Солсберийским, Уинчестерским и, наконец, архиепископом Кентерберийским.

Сэр Роберт Брекенбери (ум. 1485) — впоследствии констебль Тауэра, выходец из семьи даремских джентри.

Шалмей — деревянный духовой музыкальный инструмент, предшественник гобоя, был популярен в Европе с конца XIII по XVII век.

Ральф Невилл (1407–1484) — второй граф Уэстморлендский, пятый лорд Невилл Рэбийский.

Белый Тауэр (*The White Tower*) — центральная башня Лондонского Тауэра, самая старая его часть. Заложена по приказу Уильяма Завоевателя Гэндалфом, епископом Рочестерским, в конце XI века. Позже неоднократно достраивалась и расширялась.

Ладгейт (*Ludgate*) — западные ворота Лондона, располагавшиеся у переправы через реку Флит. Начиная с XIII века помещения над аркой ворот использовались в качестве тюрьмы для мелких преступников, а с 1378 года в Ладгейте содержались главным образом несостоятельные должники.

Приказы о приостановлении (англ. *writs of supersedeas*) отменяли приглашения и приказы о выборах, направленные для созыва очередного парламента.

Эдуард Грей (ум. 1492) — первый лорд и барон Лайл, впоследствии первый виконт Лайл, констебль Кенилуортского замка, дядя по отцу Томаса Грея, маркиза Дорсетского, деверь королевы Элизабет Вудвилл.

Прелюбодейные отрасли не дадут корней в глубину (Прем. 4:3).

Некоторые источники, например Фабиан, сообщают, что также был казнен контролер двора принца Эдуарда сэр Ричард От. Другие источники, в частности «Кройлендская хроника», его имени в числе казненных не называют. Сохранились сообщения о том, что Ричард От был избран Энтони Вудвиллом, графом Риверсом, в качестве душеприказчика (Excerpta Hist. P. 247–248) и что после восстания Бакингема он был подвергнут аттинктуре (Pari. Rolls, VI, 245 b). Следовательно, либо в то время жили два человека с одинаковыми именами, либо Ричард От не был казнен.

«Воловий язык» (фр. *langue de bœuf*) — оружие с широким колющим клинком на древке или рукояти.

Пять портов (англ. *Cinque Ports*) — портовые города Сандвич, Дувр, Хаит, Ромни и Хейстингс (Гастингс), расположенные на английском побережье Па-де-Кале.

Маргарет Бофорт (1443–1509) — дочь Джона Бофорта, первого герцога Сомерсетского. Замужем за Джоном де Ла Полем, вторым герцогом Саффолкским, затем за Эдмундом Тюдором, первым графом Ричмондским, затем за сэром Генри Стаффордом, затем за Томасом Стэнли, вторым лордом Стэнли. Во втором браке родила сына — будущего короля Генри VII.

Королевский чемпион (англ. *King's Champion*) — церемониальная должность на коронации английских монархов. Чемпион должен был принять вызов того, кто осмеливался оспорить права короля на трон, и победить его в поединке.

Хамфри де Бозн (1342–1373) — седьмой граф Херефордский, двенадцатый граф Эссексский, второй граф Нортхемптонский, лорд — верховный констебль Англии. Оставил после себя двух наследниц. Элеонора вышла замуж за Томаса Вудстокского, первого герцога Глостерского, и ее часть наследства перешла в род Стаффордов, герцогов Бакингамских. Мэри вышла замуж за Генри, третьего графа Дербийского, впоследствии ставшего королем Генри IV Болингброком, и ее часть наследства отошла короне.

Вёрджинел (англ. *virginal*) — клавишный струнный музыкальный инструмент, разновидность клавесина.

Джеймс Фиц-Томас (или *Фицджеральд*) (ум. 1487) — восьмой граф Десмондский, констебль замка Лимерик, представитель древнего англо-ирландского аристократического рода.

Джордж Толбот (1468–1538) — четвертый граф Шрусберийский и Уотерфордский, десятый лорд Толбот Холламширский, впоследствии рыцарь ордена Подвязки, лорд-стюард двора.

Джон Блаунт (ум. 1485) — третий лорд Маунтджой, в прошлом — лейтенант Ама и доверенное лицо лорда Хейстингса.

Магистр Уильям Гросин впоследствии отправился в Италию, а по возвращении в Англию оказал своей ученостью и знанием греческого языка большое влияние на видных представителей классического гуманизма — Джона Колета, Эразма Роттердамского и Томаса Мора.

Джеральд фиц Морис Фицджеральд (1456–1513) — восьмой граф Килдерский в Ирландии, наместник Ирландии, впоследствии рыцарь ордена Подвязки, казначей Ирландии. Прозван Великим Джеральдом.

Томас фиц Джеймс Фицджеральд (ум. 1468) — седьмой граф Десмондский в Ирландии, констебль замка Лимерик, прозван Томасом Дрохедским. Казнен по обвинению в незаконных поборах со своих вассалов.

По наиболее распространенной версии Ричард III лично отдал приказ убить племянников, находясь во время королевского путешествия в Йорке. Однако она страдает множеством явных несуразностей и внутренних противоречий. На мой взгляд, логичнее выглядит версия, изложенная в данной книге и предложенная Полом М. Кендаллом.

Джеймс Дуглас (ум. 1491) — девятый граф Дугласский, третий граф Эйвонделский, третий лорд Балвенийский в Шотландии. В 1455 году все титулы были конфискованы по обвинению в государственной измене. Рыцарь ордена Подвязки.

Инвеститура — юридический акт передачи лена, должности, сана, сопровождавшийся символическим обрядом.

Нейл (англ. *nail*) — старинная мера длины, равная $\frac{1}{16}$ ярда или 5,715 сантиметра, использовалась в основном для измерения длины ткани.

Плакард (англ. *placard*) — суживающийся книзу перед корсажа, часто украшавшийся драгоценными камнями.

Тартар (англ. *tartar, tarter*) — дорогая ткань, возможно, разновидность шелка, привезенная из Восточной Азии.

У Ричарда III было двое незаконнорожденных детей — Джон Помфретский (или Джон Глостерский) и Кэтрин. Оба они родились до его брака с Энн Невилл, но и даты рождения, и имена их матерей неизвестны. Можно допустить, что Джон родился в замке Понтефракт и что его матерью была либо Элис Боро, либо Кэтрин От, однако доказательств тому не существует, как и подтверждений тому, что последняя могла быть также матерью Кэтрин. Ричарду III приписывали еще одного внебрачного ребенка по имени Ричард Истуэллский, но нет свидетельств ни в пользу этого предположения, ни против него. Особо рьяные исследователи приписывали Ричарду целых семь незаконнорожденных детей, но не сочли нужным привести ни единого доказательства.

Празднуется 29 сентября. Этот день в средневековой Англии отмечал конец и начало сельскохозяйственного года, когда урожай уже был собран, а бейлифы и чиновники короны на местах подсчитывали расходы и доходы.

Франсуа II (1433–1488) — герцог Бретонский с 1458 года.

Ричард Бошан (ум. 1511) не носил титула лорда Сент-Аманда *suo jure*, поскольку в это время титул находился в состоянии «ожидания владельца», то на него одновременно претендовали две равноправные наследницы, одна из которых являлась матерью Ричарда.

Аннуитет (англ. *annuity*, от лат. *annuus* — годовой) — здесь имеется в виду ежегодная рента, получаемая от владения недвижимым имуществом.

Стаффордский узел (англ. *Stafford knot*) — родовая эмблема герцога Бакингерского; суковатый посох (англ. *Ragged staff*) — эмблема Ричарда Невилла, графа Уорикского.

Глостер — имя герольда Ричарда III.

Уэст-Кантри (англ. *West Country*) — буквально «Западная страна», неофициальное название юго-западных областей Англии. Обычно в нее включаются исторические графства Корнуолл, Девон, Дорсет и Сомерсет, иногда еще Глостершир и Уилтшир.

Однофамилец Генри Стаффорда, герцога Бакингерского.

Фенленд (Болотный край) — низинная, сильно заболоченная местность к югу от залива Уош на восточном побережье Англии. Над болотами возвышалось несколько невысоких меловых и известняковых холмов, которые по традиции назывались островами. На одном из таких островов — Или — стоял собор, служивший кафедрой епископам Илийским.

Джон Уэллз Максийский (ок. 1450–1499) — впоследствии десятый лорд Уэллз и первый виконт Уэллз, рыцарь ордена Подвязки. Сын Лайонела де Уэллза, шестого лорда Уэллза, и Маргарет Бошан, которая в предшествующем браке с Джоном Бофортом, первым герцогом Сомерсетом, родила Маргарет, ставшую матерью Генри Тюдора и затем женой Томаса Стэнли, первого графа Дербийского. В 1487 году женился на Сесили, дочери Эдуарда IV.

Суд по ходатайствам (англ. *The Court of Requests*) — судебный орган в Англии и Уэльсе, рассматривающий дела бедных на основе права справедливости. Формально учрежден при Генри VII.

Система ливреи и покровительства (англ. *Livery and maintenance*) — отношения между лордом и его вассалами, характерные для так называемого «ублюдочного феодализма» (англ. *Bastard feudalism*). Вассалы служили в вооруженной свите лорда за деньги, ренту и покровительство, а не в порядке выполнения своих феодальных обязанностей, в результате чего начинали считать себя людьми своего господина, а не королевскими подданными.

Гийом де Рошфор (ок. 1433–1492) — канцлер Франции при королях Людовике XI и Карле VIII.

Сотня (англ. *Hundred*) — административная единица графства в Англии и Уэльсе, изначально соответствовала 100 гайдам. Гайда (англ. *Hide*) — земельный участок, достаточный для прокорма одной крестьянской семьи.

«Или какая женщина, имеющая десять драхм, если потеряет одну драхму, не зажжет свечи и не станет мести комнату и искать тщательно, пока не найдет? А нашедши созовет подруг и соседок и скажет: порадуйтесь со мною, я нашла потерянную драхму» (Лк. 15:9–10).

Titulus Regius (лат. «королевский титул») — акт, принятый первым парламентом Ричарда III. Первый же парламент его преемника Генри VII Тюдора по приказу короля отменил *Titulus Regius*. Генри VII приказал уничтожить не только сам документ, но и все бумаги, так или иначе с ним связанные. Подлежал уничтожению даже тот парламентский акт, которым был аннулирован *Titulus Regius*. Но одна копия все-таки сохранилась, ее обнаружил в начале XVII века антиквар и историк сэр Джордж Бак.

Ричард Вудвилл Ушингтонский (1453–1490) — сын Ричарда Вудвилла, первого графа Риверса, брат Энтони Вудвилла, второго графа Риверса, и королевы Элизабет Вудвилл, впоследствии третий граф Риверс.

Фригольд (англ. *freehold* или свободное держание) — владение недвижимым имуществом с правом продажи, дарения и передачи по наследству. Копигольд (англ. *copyhold* или держание по копии) — форма манориального землевладения, по которой держатель брал землю в аренду за оговоренную службу владельцу манора; оформлялась свидетельством — копией выписки из архивов манориального суда.

Серпантина — артиллерийское орудие XV века с калибром ствола 50–150 миллиметров.

Королевским словом (*лат.*).

Конвокация (от лат. *convocatio*, созыв) — собор духовенства в Англии.

По имени этой деревни потомки назвали последнее сражение Ричарда III битвой на Босуортском поле

Джон Грей (до 1460–1494) — второй лорд Грей Поуисский, однофамилец маркиза Дорсетского.

Имеется в виду Джон де Ла Поль, граф Линкольнский.

По решению короля (*лат.*).

Роберт Лайл (ум. 1497/99) — второй лорд Лайл в Шотландии, советник короля Джеймса III.

О том, что первоначально Ричард III назначил условным наследником Эдуарда, графа Уорикского, сообщает только Раус (*Rous J. Historia Regum Angliae*. P. 218), но этот факт представляется крайне сомнительным. Точно так же нет достоверных свидетельств того, что граф Уорикский до его заточения по приказу Генри VII Тюдора был умственно отсталым ребенком.

Колин Кэмпбелл (ум. 1493) — первый граф Аргайлский, лорд Кэмпбелл, лорд Лорн в Шотландии, лорд-канцлер Шотландии, главный распорядитель двора, наместник и уполномоченный Аргайла.

Лоуренс Олифант (ум. до 1500) — первый лорд Олифант в Шотландии, член королевского совета, лорд-аудитор; *Джон Драммонд Стобхоллский* (ум. 1519) — первый лорд Драммонд в Шотландии, констебль замка Стерлинг.

Свадьба так и не состоялась, а помолвка была расторгнута после смерти короля Ричарда III.

Под котом (*cat*) имелся в виду Кэтсби (*Catesby*), под крысой (*rat*) — Рэтклифф (*Ratcliffe*), геральдическим символом Ловелла была собака, короля Ричарда III — вепрь.

Жуана (1452–1490) — инфанта Португальская, дочь короля Афонсу V, причислена к лику блаженных, *Мануэл* (1469–1521) — герцог де Бежа, сын инфанта Фернанду де Визеу, впоследствии Мануэл I Счастливый, король Португалии и Алгарви.

Исабель (1470–1498) — принцесса Астурийская, дочь Фердинанда II, короля Арагона, и Изабеллы I, королевы Кастильской, впоследствии вышла замуж поочередно за Афонсо, принца Португальского, и Мануэла I Счастливого, короля Португалии.

День святого Мартина отмечается 11 ноября, День святого Иоанна Крестителя — 24 июня.

Родство сэра Роджера Клиффорда с аристократическим семейством лордов Клиффордов, также ярых противников династии Йорков, достоверно не установлено, хотя отдельные исследователи считают его младшим братом Джона «Мясника», девятого лорда Клиффорда

Мод или *Матильда* (ок. 1102–1167) — дочь короля Генри I Боклерка, жена Генриха V, императора Священной Римской империи, мать короля Генри II Плантагенета, прозвана Императрицей, *Этьен де Блуа* (ок. 1096–1154) — третий сын Этьена II, графа Блуа, и Адели Нормандской, племянник короля Генри I Боклерка, король Англии под именем Стивен Блуаский.

Имеется в виду Джаспер Тюдор Хетфидцский — дядя и ярый сторонник Генри Тюдора.

Английские короли, начиная с Эдуарда III, считали себя законными королями Франции.

Уильям Кэстон (ок. 1415–1492) — английский дипломат, писатель, первопечатник.

Сэр Томас Мэлори (ок. 1405–1471) — рыцарь, землевладелец, разбойник и писатель. Его роман «Смерть Артура» — один из шедевров английской средневековой литературы.

Сэр Уолтер Херберт (ок. 1452–1507) — младший брат Уильяма Херберта, первого графа Хантингдонского.

Первым был Гарольд Годвинсон, последний саксонский король Англии, павший в битве с нормандскими завоевателями при Гастингсе в 1066 году.

Имеется в виду Ричард III.

Регистр колледжа Святой Магдалины, где королевский кортеж останавливался на ночь с 23 на 24 июля, не упоминает герцога Бакингерского в списке гостей.

В данном случае термин «констебль» означает всего лишь «комендант крепости».

---

comments

ССЫЛКИ

1

Rous J. Joannis Rossi Antiquarii Warwicensis Historia Regum Angliae.
Oxford, 1745. P. 215.

Andrea B. Historia Regis Henrici Septimi / Ed. J. Gairdner. L., 1858. P. 31.

Мор Т. Утопия. Эпиграммы. История Ричарда III. М., 1998. С. 238;
More T. The History of King Richard III / Ed. J. Rawson Lumby. Cambridge, 1883. P. 5–6.

Подробнее о династических правах на трон см.: *Устинов В. Г.* Войны Роз. Йорки против Ланкастеров. М., 2012. С. 29–44.

Gairdner J. History of the Life and Reign of Richard III. Cambridge, 1898.
P. 5.

Chronicles of London / Ed. C L. Kingsford. Oxford, 1905. P. 253.

The Parliament Rolls of Medieval England, 1275–1504 / Ed. C. Given
Wilson *etc.* Digital Edition. Vol. V. P. 379. Col. A.

Hall E. The Union of the Two Most Noble and Illustre Famelies of Lancastre and Yorke. L., 1809. P. 251.

Milanese Papers: Calendar of State Papers and Manuscripts in the Archives and Collections of Milan 1385–1618/Ed. A. B. Hinds. L., 1912. Vol. I. P. 73–74.

«Calendar of the Patent Rolls, 1461–1467. Nenden, 1971. P. 193.

Milanese Papers. Vol. I. P. 131.

Calendar of the Patent Rolls. P. 530.

Excerpta Historica, or Illustrations of English History. L., 1831. P. 197–212;
Kendall P. M. Richard the Third. N.Y., 1956. P. 74–75.

Ibidem.

Calendar of State Papers Relating To English Affairs in the Archives of Venice 1202–1509. L., 1864. Vol. I. P. 118–120.

Ibid. P. 131.

Original Letters Illustrative of English History / Ed. H. Ellis, 2nd series.
Vol. I. L., 1827. P. 143–144; British Library Cotton Vespasian Ms. F III f 19.

Calendar of the Patent Rolls, 1467–1477. P. 180–181.

Historie of the Arrivall of Edward IV in England and the Finall Recouerye of his Kingdomes from Henry VI / Ed. J. Bruce. L., 1838. P. 2–3.

Ibid. P. 27–28.

Ibid. P. 38.

Milanese Papers. Vol. I. P. 157.

Chronicles of London / Ed. Ch. L. Kingsford. Oxford, 1905. P. 185.

Milanese Papers. Vol. I. P. 117.

Ingulph's Chronicle of the Abbey of Croyland. L., 1854. P. 469–470.

Clarke P. D. English royal marriages and the Papal Penitentiary in the fifteenth century // *English Historical Review*. Vol. 120 (2006). P. 1028.

Venerable B. The History of the Primitive Church of England from its Origin to the Year 731 / Tr. W. Hurst. L., 1814. P. 535.

The Paston Letters, 1422–1509 / Ed. J. Gairdner. Vol. V. L., 1904. № 842.

Ibid. P. 841.

Milanese Papers. Vol. I. P. 178.

Foedera, conventiones, literae, et cujuscunque generis acta publica (etc) /
Comp. T. Rymer. Vol. XI. L., 1727. P. 10–12.

Commines P. Memoires de Philippe de Commines. P., 1901. Vol. I. P. 286–287.

Ibid. P. 319.

Ibid. Vol. II. P. 5–6.

Ibid. Vol. I. P. 321.

Letters of the Kings of England / Ed. J. O. Halliwell. L., 1848. Vol. I. P. 148.

Extracts from the Municipal Records of the City of York / Ed. R. Davies.
L., 1843. P. 90–91.

Mancini D. The usurpation of Richard the Third: Dominicus Mancinus ad Angelum Catonem De occupatione regni Anglie per Ricardum Tercium libellus / Ed. C A. J. Armstrong. Oxford, 1936. P. 73.

Ibidem.

Extracts from the Municipal Records of the City of York, ed. by R. Davies, L., 1843. P. 127–128.

Ibid. P. 128–130.

Shaw W. A. The Knights of England. Vol. II. L., 1906. P. 18–19.

Ibid. P. 19–20.

Calendar of State Papers Relating To English Affairs in the Archives of Venice 1202–1509. L., 1864. Vol. I. P. 145.

The Parliament Rolls of Medieval England, 1275–1504, ed. by Chris Given-Wilson and others, Digital Edition. Vol. VI. P. 204.

Extracts from the Municipal Records of the City of York. P. 140–141.

Andrea B. Historia Regis Henrici Septimi. P. 23.

Vergil Polydore. Three books of English History. L., 1844. P. 173.

Mancini D. Op. cit. P. 89.

Ibidem.

Ibid. P. 91.

Ibid. P. 113.

Ibid. P. 97.

Ibid. P. 101.

Kendall P. M. Op. cit. P. 215.

Ingulph's Chronicle. P. 487–488.

Grants *etc.* Form the Crown During the Reign of Edward the Fifth. L., 1854. P. XVII-XLIX.

Excerpta Historica, or Illustrations of English History. L., 1831. P. 16.

Household Books of John Duke of Norfolk and Thomas Earl of Surrey
1481–1490/ Ed. J. Payne Collier. L., 1844. P. 297.

Ibid. P. 300.

Extracts from the Municipal Records of the City of York. P. 146–147.

Ibid. P. 149–150.

Ibid. P. 151.

The Paston Letters. Vol. VI. № 992.

Excerpta Historica. P. 16–17.

Ross C.D. Richard III. Los-Angeles, 1983. P. 173.

Letters and Papers Illustrative of the Reigns of Richard III and Henry VII /
Ed. J. Gairdner. L., 1861. Vol. I. P. 16–17.

Ross C.D. Op. cit. P. 173.

Hall's chronicle. L., 1809. P. 515.

Original Letters, Illustrative of English History / Ed. H. Ellis, 2nd series.
Vol. I. L, 1827. P. 123–124.

Letters and Papers Illustrative of the Reigns of Richard III and Henry VII.
Vol. I. P. 46–47.

Macray W. D. Register of the Members of St. Mary Magdalen College. Oxford, 1894 (new series). Vol. I. P. 12 (пер. Е. Лазарева).

Original Letters, Illustrative of English History. Vol. I. L., 1846. P. 104–105.

Ibid. P. 122–123.

Letters and Papers Illustrative of the Reigns of Richard III and Henry VII.
Vol. I. P. 23–25.

Extracts from the Municipal Records of the City of York. P. 163.

Letters and Papers Illustrative of the Reigns of Richard III and Henry VII.
Vol. I. P. 25.

Ibid. P. 34–35.

Ibidem.

Extracts from the Municipal Records of the City of York. P. 163–164.

Letters of the Kings of England. Vol. I. P. 152–153.

Christ Church Letters/ Ed. J. B. Sheppard. L., 1877. P. 46.

Letters and Papers Illustrative of the Reigns of Richard III and Henry VII.
Vol. I. P. 53.

Подробнее о происхождении и правах на трон Генри Тюдора см.:
Устинов В. Г. Войны Роз. Йорки против Ланкастеров. М., 2012. С. 41–44.

The Paston Letters. Vol. VI. № 994.

Letters of the Kings of England. Vol. I. P. 155–156.

Public Record Office C81/1392/6.

Foedera, conventiones, literae, et cujuscunque generis acta publica (etc) /
Comp. T. Rymer. Vol. XII. L., 1727. P. 204.

Рим. 12:4.

Speed J. Historie of Great Britain. L., 1623. P. 928–930.

Letters of the Kings of England. Vol. I. P. 156–158.

Original Letters Illustrative of English History. Vol. I. L., 1827. P. 149–150.

Letters of the Kings of England. Vol. I. P. 154–155.

Ibid. P. 151–152.

Ibid. P. 158–160.

Ingulph's Chronicle. P. 496–497.

James M. E. Society, Politics and Culture: Studies in Early Modern England. Cambridge, 1986. P. 368.

Visser-Fuchs L. What Niclas Von Popplau really wrote about Richard III // The Ricardian. Vol. II. N 145 (1999). P. 529.

Turner S. The History of England During the Middle Ages. Vol. IV. L., 1825. P. 81.

Letters and Papers Illustrative of the Reigns of Richard III and Henry VII.
Vol. I. P. 56–59.

Ibid. P. 61–62.

Letters of the Kings of England. Vol. I. P. 160–161.

Fabyan R. The New Chronicles of England and France / Ed. H. Ellis. L., 1811. P. 672.

Letters and Papers Illustrative of the Reigns of Richard III and Henry VII.
Vol. I. P. 85–87.

Ibid. P. 87–88.

The Rows Roll. L., 1845. № 63.

Foedera, conventiones, literae, et cujuscunque generis acta publica. Vol. XII. P. 265.

Ashdown-Hill J. The Last Days of Richard III and the Fate of his DNA. Stroud, 2013. P. 21–22.

Gairdner J. History of the Life and Reign of Richard III. Cambridge, 1898.
P. 196–197.

Ibid. P. 197.

The Coventry Leet Book: or Mayor's Register/ Ed. Harris M. D. P. I. L.,
1907. P. 523.

Original Letters Illustrative of English History. Vol. I. L., 1827. P. 162–166.

Commines P. Op. cit. Vol. II. P. 66.

Nokes E., Wheeler G. A Spanish Account of the Battle of Bosworth // The Ricardian. Vol. II. № 36 (1972). P. 2.

Bishop Percy's Folio Manuscript: Ballads and Romances / Ed. J. W. Hales and F. J. Furnivall. Vol. III. L., 1868. P. 256–257.

Andrea B. Historia Regis Henrici Septimi/ Ed. J. Gairdner. L., 1858. P. 34.

The Most Pleasant Song of Lady Bessy, with notes by T. Heywood. L.,
1829. P. 47.

The Parliament Rolls of Medieval England. Vol. VI. P. 276.

Mancini D. Op. cit. P. 113.

Ingulph's Chronicle of the Abbey of Croyland. L., 1854. P. 491.

Ibid. P. 506.

Rous J. Op. cit. P. 214–215.

Masselin J. Journal des Etats Generaux de France tenus a Tours en 1484 /
Ed. A. Bernier. P., 1835. P. 39.

Nokes K., Wheeler G. Op. cit. P. 2.

Fabyan R. Op. cit. P. 670.

Chronicles of London. Vitellius A XVI / Ed.Ch.L. Kingsford, Oxford, 1905.
P. 191.

The Great Chronicle of London / Ed. A.H.Thomas and I.D.Thomley. L., 1938. P. 234, 236.

Vergil Polydore. Op. cit. P. 188.

Andrea B. Op. cit. P. 24.

More T. Op. cit. P. 83–84.

Molinet J. Chroniques / Ed. J. A. Buchon. P., 1827. P. 403.

Commines P. Op. cit. P. 59, 64.

Weir A. The Princes in the Tower. N.Y., 1995. P. 149; Ashmole MS. 1448.60; Historical notes of a London citizen, 1483–1488 / MS 2M6 College of Arms.